ТАНКОВАЯ ВОЙНА

ВОЕНИЗДАТ

LUDWIG RITTER
VON EIMANNSBERGER,
österr. General der Artillerie i. R.

DER KAMPFWAGENKRIEG

I. F. Lehmanns Verlag,
München 1934

ЭЙМАНСБЕРГЕР

ИЖ10
Э 382

ТАНКОВАЯ ВОЙНА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Издание третье

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937

П
К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ИЭС10
Э382

538
37 13875
У

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Почти одновременно с захватом германским фашизмом государственной власти вышла в Мюнхене в свет и эта книга. Автор ее — австрийский генерал артиллерийской службы Людвиг Риттер фон-Эймансбергер. Симптоматичность выпуска этого труда подтвердилась через самое короткое время программой восстановления армии германского империализма, опрокинувшей все рамки, установленные Версалем. Тема книги вполне гармонирует с принятым в армии Гитлера развитием танковых и моторизованных войск. Германский фашизм вооружается ускоренными темпами: параллельно развивается в том же темпе и его военная теория. Вся военно-техническая сторона книги является обоснованием одного из вариантов будущей империалистической войны на западноевропейском театре, для маскировки взято обратное направление маневра удара, т. е. с запада на восток: удар наносится от Амьена в сторону Аргонн.

Книга Эймансбергера вызвала большое количество откликов в военной литературе за рубежом. Мы не будем воспроизводить их полностью и остановимся лишь на отдельных выдержках.

Официальный орган генерального штаба французской армии «Revue militaire Française» в декабрьском номере 1934 г. заканчивает свою рецензию следующим образом:

«Генерал фон-Эймансбергер уделяет постоянное внимание тому, чтобы подтвердить самые смелые гипотезы проверенными фактами. Он рассматривает также все возражения, которые могут быть сделаны по каждой из его гипотез. Эта работа, полностью подтвержденная документами, дает широкое поле для размышления и обсуждения. Она привлекает к себе внимание французских читателей».

Аналогичная рецензия в майском номере 1935 г. «Revue d'artillerie» имеет следующую концовку: «Эта работа, изданная в Германии, была также и написана для Германии... Она представляет собой исключительный интерес, являясь трудом первого плана...»

В американском журнале «Army Ordnance» от ноября — декабря 1934 г. читаем следующий отзыв о труде Эймансбергера:

«...Его книга должна иметься у всех, кто серьезно изучает танковое дело или историю мировой войны. Хотя он разбирает влияние танка лишь на континентальную войну, его точка зрения вполне правильна... Книга представляет собой серьезнейший труд. Тем, кто сомневается в влиянии танка на будущую войну, он лишь напоминает о влиянии пулеметов на прошедшую (мировую) войну».

Но, естественно, наибольшие отклики помещены в германской военной печати. Подряд в нескольких номерах «Militär Wochenblatt» помещает разбор книги Эймансбергера. Приводим лишь выдержки из статьи № 38 журнала за 1935 г., принадлежащей редактору этого журнала ген. Ветцелю, сравнительно недавно поставленному германским фашизмом на положение руководителя официального органа армейской печати.

«...В прошлом году в Германии появилась превосходная книга австрийского генерала Эймансбергера, имеющего большой военный опыт. Эта книга вызвала чрезвычайно большой и вполне заслуженный интерес, так как она намечает будущие пути развития вооруженных сил. На основе многолетнего изучения опыта, приобретенного во время больших танковых боев мировой войны, автор ставит определенные проблемы и выводит свои теории. Они столь интересны, что книгу можно рекомендовать каждому офицеру, ответственному за организацию, обучение и применение войск. Внимательное изучение ее даст ясное представление о современной войне...

...Во время мировой войны мы были свидетелями начала массового применения танков. Танк благодаря своей броне совершенно защищен от действия автоматического и магазинного оружия пехоты, что сразу разрешает эту фатальную проблему тактики, эту квадратуру круга, неразрешимую задачу — провести бойцов через поле боя, «нашпигованное» пулеметами, так, чтобы большинство бойцов осталось в живых. Танк же парализует это столь опасное автоматическое оружие: часть пулеметов он уничтожает, а часть их заставляет прекратить огонь. Пехота сопровождения должна использовать это действие и взять в плен стрелков... Итак, отпала самая большая работа атакующей артиллерии. Поэтому она могла получать значительно меньшее количество орудий и огнеприпасов, что опять-таки позволяло ограничить стратегическое развертывание несколькими днями и перенести его

в район расположения артиллерийских позиций. Задачей артиллерии оставалось только нейтрализовать неприятельские батареи и создавать перед атакующей волной, состоявшей из танков и пехоты сопровождения, огневой вал... Благодаря парализованию пулеметов применение танков придало бою совершенно другой характер — быстро протекающего сражения, ведущего к полному решению... Во взглядах на использование бронированных машин мы в последнее время находим все меньше и меньше расхождений. Танк должен служить не только ударной силой пехотной атаки, — он вместе с вспомогательными орудиями объединяется в самостоятельные оперативные соединения, на которые возлагаются задачи прежней боевой конницы... Во всяком случае, воздушные и броневые силы дали совершенно новое направление развитию стратегии».

Хвалебные отзывы немецкой военной печати о книге Эймансбергера свидетельствуют о том, что развиваемая автором теория танковой войны соответствует планам германских фашистов о массовом применении танков в той войне, которую они готовят.

Автор избегает затрагивать политическую и экономическую стороны вопроса, полагая, видимо, что с этой стороны все его расчеты обеспечены.

Эймансбергер сразу берет «быка за рога» и занимается своим профессиональным делом — анализом итогов мировой войны и теоретической разработкой проблемы будущей войны.

Эта военно-техническая часть книги и заслуживает внимания.

Половина материала, на котором базируется автор, вышла в разные сроки в русском переводе, а именно: Черчиль «Мировой кризис», Брухмюллер «Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне», фон-Бозе «Катастрофа 8 августа», Дютиль «Танки», Фуллер «Танки в великой войне 1914—1918 гг.» и Хейгль «Танки». Непереведенная половина также известна по большому числу других источников; к этой непереведенной части относятся издания Германского государственного архива «Сражения мировой войны» том 31-й — «Танковый бой под Камбрэ», том 32-й — «Германские победы 1918 г.», том 33-й — «Возрастающие трудности», том 34-й — «Последняя германская атака», том 35-й — «Поворот судьбы»; кроме того, английский труд Эллис «Танковый корпус».

Книгу свою Эймансбергер полностью посвятил проблеме будущей войны. Те главы, которые касаются разбора сражений минувшей мировой войны, преподносятся читателю не как описание военно-исторических событий, а как материал, служащий пред-

посылкой для определенных выводов о формах и методах ближайших войн.

Эта историческая часть книги значительно отличается от ряда подобных трудов, вышедших за рубежом в послевоенный период и переведенных на русский язык. В трудах Фуллера, Секта, Лиддель-Гарта, Моретта, Мартеля, Хейгля, Митчеля и Голл мы не найдем такого анализа сражений прошлого, как у Эймансбергера.

Проблемы будущего автор пытается разрешить на конкретном примере современного сражения.

Огромное массирование танков, которое Эймансбергер пропагандирует, отнюдь не идет за счет абсолютной механизации всех реальных боевых сухопутных сил, с изгнанием пехоты с полей сражений и с возложением на нее оккупационных функций (более поздний фуллеризм и сам видоизменил свою точку зрения). Он не предлагает перехода к малой «профессиональной» армии. Все роды войск, кроме конницы, имеют у него свое законченное развитие (правда, часто довольно спорное), имеют на поле боя свои определенные места и задачи. Чисто «танкового» боя автор не предлагает: его бой — это общевойсковой бой и в наступлении и в обороне. За пределом же глубины обороны противника начинается сфера самостоятельной танковой борьбы.

К чему же сводится оперативно-организационная концепция Эймансбергера?

Пехота реорганизуется до степени возможности самостоятельного сопротивления танкам только одним своим оружием. Автор предлагает столь мощное оснащение пехоты противотанковым оружием, какого до сего времени никто не предлагал на страницах открытой военной печати. И эта сила пехоты влечет за собой, в свою очередь, огромный рост численности атакующих танков.

Артиллерия также эволюционирует и организационно и тактически. Основные мысли автора направлены в сторону повышения мобильности ее работы и сопротивляемости танкам, а центр тяжести ее огневого воздействия во взаимодействии с танками направлен на подавление противотанковых средств обороны. Доказывая много раз несомненный вред длительных артиллерийских подготовок характера 1915—1917 гг., Эймансбергер все же полностью их не исключает, вполне допуская в некоторых случаях решение боя «артиллерийским» способом в отличие от «танкового» способа.

Идеал таких артиллерийских подготовок он видит в примерах германских атак первой половины кампании 1918 г., предшествуемых короткими артподготовками высокой интенсивности.

Взаимодействие трех родов войск сухопутных сил строится по общеизвестной формуле: танки подавляют препятствия пехоты, артиллерия подавляет огневые противотанковые препятствия, пехота с наименьшими потерями овладевает пространством.

Но сила сопротивления огня настолько возросла, что, по мысли автора, ведущим родом войск являются бронированные машины, и автор без обиняков признает гегемоном современного сражения танк. Только при помощи танка, по его мнению, можно решить участь общевойскового боя, сражения, операции, кампании и войны в целом. Все прочие виды вооруженных сил, в целом, и все прочие роды сухопутных войск, в частности, лишь содействуют танкам и используют их достижения. Только танк способен противостоять силе современного огня, преодолеть его и привести к решающей победе.

Этот основной тезис влечет за собой размах танкового насыщения вооруженных сил. Автор смело ставит вопрос о массировании танков и о способах применения танковых масс. Танковые силы он делит на две части: танки, производящие прорыв, и танки, развивающие этот прорыв. Первые в общевойсковом бою решают тактическую сторону сражения, вторые — оперативную, которая тут же перерастает до стратегического размаха, причем в этом случае развиваются самостоятельные действия танковых сил.

Танки войскового усиления выступают в составе отдельных бригад; танки оперативного назначения объединяются в дивизии следующей организации: 2 танковые бригады, каждая мощностью в 250 танков (из коих 100 — легких и 150 — средних), 1 моторизованная егерская бригада, артиллерийский полк противотанковых и зенитных пушек, батальон бронированных автомобилей, своя авиация, саперные и прочие вспомогательные части. Танковая дивизия — это постоянно оформленный организм.

Но это лишь часть вопроса, и автор не останавливается на дивизионном массировании танков. Он идет дальше и объединяет каждые 2 танковые дивизии в танковый корпус, а затем сводит корпуса в броневую армию, которая является наиболее интересным организационным предложением Эймансбергера. Такое объединение представляется ему совершенно необходимым, поскольку руководство действиями нескольких танковых корпусов, прорвавшихся в оперативный тыл противника и принужденных искать боя с его такими же силами, требует своего логического завершения — законченной системы управления.

Ширина фронта действий такой броневой армии не смущает автора: руководство может оставаться в руках командующего армией, ибо это вполне допускается как современными средствами

связи, так и развитием современной авиации. Иными словами, существующие на сегодняшний день средства управления, разведки и оповещения не ставят предела массированию танков.

Общая танковая сила броневой армии у Эймансбергера равна 5 танковым корпусам (10 танковых дивизий) в составе 5 000 танков.

Является ли такое массирование утопичным? Могут ли производственные возможности воюющих сторон обеспечить создание такой массы танков?

Предел массирования танков до сих пор никем и ничем практически не указан и не установлен. Диапазон же теоретических шатаний в этом отношении крайне велик: от 1 батальона войсковых танков на пехотную дивизию до полной механизации сухопутных вооруженных сил.

В отношении возможности танкового оснащения современных армий следует признать, что автор остается в рамках реальной действительности, поскольку еще 18 лет тому назад, в начале развития танкостроения, французы создали 4 330 танков и англичане — 2 562 танка, а на кампанию 1919 г. промышленность получила следующие заказы: английская — 3 000 танков, французская — 3 000 танков и американская — 23 400 танков, что в итоге составляет 29 000 машин.

К такому массированию танков надо быть готовым, так же как и к массированию авиации, ибо параллельно следует помнить, что 10 000 самолетов всех видов работали в воздухе над полями сражения западного театра в течение только одного последнего года мировой войны, и это при сравнительно слабо развитой авиапромышленности два десятка лет тому назад.

Экономические расчеты, соотношение стоимости «танкового» и «артиллерийского» сражения в прошлом достаточно показательно даны Дж. Фуллером на примере Камбрэ и Ипра. Эймансбергер приводит этот расчет в своей книге, подчеркивая, что «экономика» говорит в пользу танковой атаки.

Стремясь убедить читателя в преимуществах развития глубокой операции самостоятельными механизированными соединениями, Эймансбергер приводит расчеты быстроты разрешения исхода сражения и операции в условиях танковой войны. Он доказывает, что в силу самых элементарных свойств двигателя внутреннего сгорания сражение начинается и заканчивается в течение одного дня. В течение того же дня, по существу, заканчивается и вся операция; на второй и третий день остаются лишь «доделки». Темп движения танковой массы автор принимает в среднем около 7 *км* в час, что никак не может считаться чрезмерным, и в те-

чение 8—9 часов передовые эшелоны должны углубиться в расположения противника на 60—70 *км;* таким образом, и пространственные соображения автора не являются преувеличенными.

Эти последние расчеты служат подтверждением неизбежности современных форм глубокого боя и глубокой операции, которые явились естественным результатом появления на поле сражения двигателя внутреннего сгорания как на земле, так и в воздухе. В течение мировой войны попытки реализовать этот метод в области тактики и оперативного искусства предпринимались неоднократно, но лишь в редких случаях были практически осуществлены. Совершенно отчетливую теоретическую формулировку глубокая тактика получила у французов в 1915 г., в тот период, когда танк был еще только задуман*. Позднее, в 1917 г., англичане провели глубокую операцию под Камбрэ**, которая удалась только в своей тактической части, т. е. в том масштабе, в рамках коего были в состоянии технически действовать танки конструкции 1917 г. То же произошло и 8 августа 1918 г. под Амьеном.

Наконец, англичане в предвидении кампании 1919 г. разработали серию глубоких операций, которые должны были быть проведены с помощью ожидавшихся к поступлению от промышленности на вооружение армии быстроходных танков. Но война закончилась в ноябре 1918 г.

Таким образом, глубокий бой и глубокая операция являются естественной формой современной войны, как производное от новых средств военной техники. Поэтому практические расчеты в этом отношении у Эймансбергера приобретают особый современный интерес.

Но организация броневой армии не заканчивается у Эймансбергера только одними танковыми соединениями. Он вводит в состав этой армии еще 10 моторизованных егерских дивизий, которые впоследствии увеличиваются до 20.

Назначение этих дивизий — выполнение второстепенных задач: обеспечение флангов, тактическое содействие в некоторых случаях на поле боя, обеспечение на отдыхе танковых сил и т. п. Важнейшей же их задачей автор считает временное удержание захваченного пространства до подхода позиционной армии. В целом эти моторизованные дивизии выполняют свои задачи не методом атаки, а методом скачков, развертываний и оборо-

---

* См. Дютиль, Танки, изд. Военгиза, 1934 г., стр. 19.

** См. Фуллер, Танки в великой войне 1914—1918 гг., изд. ВВРС, 1923 г., стр. 120.

нительных действий. От активного удара они почти повсеместно освобождены; это дело автор предоставляет танковым силам. Такое сужение роли моторизованных сил надо признать недостаточно серьезным: они, конечно, способны для выполнения более мощных задач, особенно после разгрома броневых сил противника собственными танками; совершенно не к чему применять гусеничные машины там, где задачи могут быть разрешены с помощью колесных и полугусеничных машин, темп движения которых вне тактического поля сражения превышает темп движения танковых масс; кроме того, на стороне моторизованных частей их большая эксплоатационная экономичность.

Каждая егерская дивизия, по проекту Эймансбергера, состоит из 3 пехотных егерских полков, полка противотанковых и зенитных пушек четырехдивизионного состава, батальона бронеавтомобилей и других вспомогательных и обслуживающих частей. Считая, что эти егерские дивизии сплошь и рядом будут принуждены вести бой против танков противника, автор считает главнейшим свойством их вооружения мощность противотанковых средств.

Элементам внезапности и времени Эймансбергер придает решающее значение. Разбираемые Эймансбергером случаи достижения и отсутствия внезапности тактического и оперативного порядка в сражениях мировой войны представляют определенный современный интерес. Требование внезапности автор целиком переносит и на свой проект танкового сражения под Амьеном. Расчеты времени, приведенные в этом проекте, могут оспариваться в отношении их реальности по отдельным этапам сражения, но в целом методология расчета времени крупной танковой операции особых замечаний не вызывает. Однако, организующее значение времени, требуя определенной педантичности расчетов, должно одновременно допускать достаточную гибкость на случай отклонения развития боя в сторону его замедления и ускорения; это требование гибкости оперативных расчетов по времени у автора развито недостаточно.

Время суток для танкового боя автор выбирает преимущественно дневное и склонен даже оттянуть начало атаки, лишь бы избежать обстановки естественного тумана. Это положение может оспариваться. При танковой атаке такой огромной плотности, которую проводит автор, нет нужды разыскивать и подавлять каждый отдельный огневой объект, ибо вся организация обороны и ее становой хребет — огневая система, естественно, будут раздавлены прохождением броневого катка через всю ее глубину, тем более что этот уничтожающий каток протлаживает обороняющегося не один раз, а последовательно несколькими эшелонами. Единственное же

средство, могущее сорвать продвижение танковой лавины, — противотанковая пушка — именно в условиях тумана принуждено будет или вовсе молчать или вести огонь с ничтожными практическими результатами. Это значение естественного тумана для танковой атаки не является голословным и подтверждено успехами всех танковых атак, которые в условиях тумана были проведены в течение мировой войны. В примечаниях к данной книге приводятся выдержки из сообщений участников сражения под Амьеном, которые свидетельствуют о бессилии противотанковой обороны в условиях естественного тумана. Искусственный же туман и по сие время является средством малоустойчивым, хотя и более гибким. Опасения же Эймансбергера, касающиеся невозможности определить в тумане направление контрудара броневых сил противника, мало основательны: во-первых, ко времени проникания в оперативную глубину туман значительно рассеется и видимость прояснится настолько, что авиация уже сможет дать многие сведения; во-вторых, влияние тумана на положение обеих сторон одинаково, а в-третьих, угрожающее значение скрытного продвижения в облаках тумана танковых масс атакующего создает дополнительное средство морального потрясения воли обороняющегося, который и без того находится в критическом положении.

Прорыв производится танками усиления, организованными также в бригады, за ними следует пехота для захвата уцелевших гарнизонов и, наконец, в прорыв проходит броневая армия. Поэтому основные потери несут именно танки прорыва, чем обеспечивается сравнительно безболезненное проникание через организованную оборону противника танковых масс оперативного назначения и пехоты.

Атака протекает непрерывно: автор, осуждая задержки английских танков в атаках под Амьеном и французских — под Суассоном, не допускает в своем проекте сражения перерыва общего движения танковых масс.

Фронт наступления броневой армии у автора равняется в среднем около 20 *км*. Армия эта наступает двумя эшелонами: в первом — 3 корпуса, во втором — 2 корпуса. При таком протяжении статистическая плотность танков первого эшелона равна 150 танкам и общая плотность для всей армии — 250 танкам на 1 *км* фронта, — все это не считая проводящих прорыв танков, не входящих в боевой состав броневой армии. Подобное массирование, естественно, может соответствовать только глубокому эшелонному построению танкового наступления, ибо в переводе на метро-танки получается 7 и 4 *м* на 1 танк, т. е. для первого эшелона 4 *м* интервала между танками, а при общем

развертывании фронта танков в линию — сплошная танковая стена с интервалами между танками от 0,5 до 1,0 *м*. Такая плотность в 5 раз превышает плотность танковой атаки в первом сражении под Камбрэ (для первого эшелона армии). Но под Камбрэ не существовало даже второго танкового эшелона, поскольку ничтожный резерв в несколько десятков машин влияния на развитие сражения ни в теории, ни на практике атаки иметь не мог, и наступление захлебнулось, примерно, в 12 *км* от исходных позиций танков, в условиях жалкой системы германской противотанковой обороны 18 лет тому назад; общий же исход всего сражения оказался для англичан почти на грани катастрофы как моральной, так и материальной.

Эймансбергер не дает деталей боевого развертывания соединений армии. Не стоит за него и гадать. Следует только прикинуть возможное количество эшелонов при равномерном развертывании броневой армии с нормальными 30-*м* интервалами между танками, что дает для первого эшелона 5 и для всей армии 8 последовательных танковых волн. Но это остается только статистическим расчетом, так как равномерное развертывание, естественно, невозможно. Совершенно ясно, что в такой концентрации эта танковая масса продвигается по коридору прорыва, который ей устроен предшествующими танками тактического назначения, и сохраняет ее до момента исхода боя с танковой массой противника, которая предположена автором в составе 7 танковых дивизий. В дальнейшем возможности более свободного маневра расширят фронт броневой армии.

В построении наступления автор заслуживает упрека только в отношении правофлангового броневого корпуса, а именно в попытке двинуть по одной дороге в затылок друг другу 4 танковых и 2 егерских бригады; здесь Эймансбергер явно просчитался.

Эймансбергер исключает конницу из обихода современной войны как архаизм. Наши замечания по существу этого вопроса приведены в примечаниях к тексту перевода. Но автор вполне прав, когда переносит многие методы тактической и оперативной службы конных масс на те же виды полевой службы танковых масс. Такое мнение является не единичным. Целый ряд современных писателей видит в танках наследников конницы. Танки, по Эймансбергеру, — это конница современной войны, и как в мировой войне конные массы должны были по замыслу оперативно венчать исход большей части крупнейших сражений, так и в условиях будущей войны эту роль должны выполнить танки.

Автор мало останавливается на практических методах управления танковыми массами как во время их развертывания, так и в ходе самого сражения. Методическое расписание действий по

часам сковывало в 1918 г. частных начальников в развитии наступления армий Антанты, приводило к растерянности командования и к неумению организовать победный разгром противника даже после решительных потрясений, нанесенных ему в пределах глубины тактического прорыва при помощи непрерывного применения танков. Отсутствие каких-либо указаний о методах управления является существенным недостатком книги. В целом же вопросы техники наступательной танковой операции поставлены Эймансбергером активно и интересно.

Проблема танковой войны приводит автора к пересмотру всей системы обороны и к новым организационным формам общевойсковых соединений.

На долю общевойсковых соединений при массированном применении танков падают в основном действия пассивного характера: оборона в прямом смысле и наступление вслед за продвигающимися вперед танками. Но автор в некоторых условиях обстановки не исключает возможности выхода танков за линию пехоты и после начала сражения; в этом случае пехота атакует первой.

Основным оружием пехоты становится противотанковая «пехотная пушка». В каждый батальон автор вводит 6-орудийную противотанковую батарею, именуя ее «ротой». В поисках способа организационного включения такой батареи в состав пехотного батальона Эймансбергер склонен вовсе упразднить батальонные роты станковых пулеметов с заменой их противотанковыми пушками. В пехоте на вооружении оставляются лишь ручные пулеметы в достаточном количестве; на крайний случай автор допускает сохранение станковых пулеметов в четвертых взводах стрелковых рот. Орудийный расчет противотанковых пушек получает на вооружение также легкие пулеметы, что позволяет пушечным полувзводам вести бой и против пехоты. Помимо батальонных противотанковых орудий, в каждую дивизию входит отдельный батальон таких же орудий, и, наконец, в качестве самостоятельных средств противотанкового огневого усиления пехоты создаются полки орудий противотанковых систем. По мысли автора эти полки необходимы с целью доведения противотанковой обороны на танкоопасных участках фронта до степени максимальной плотности, которая определена автором из расчета: 1 рота орудий ПТО на 1 пехотную роту.

Органическое включение танковых частей в общевойсковые соединения упраздняется. Автор считает, что дивизионные 50-танковые батальоны неспособны влиять на исход боя, ибо при мощной танковой атаке противника эти батальоны во время контратак могут только бесславно погибнуть. Оборона также должна

иметь массированные танки, если она при их помощи собирается воспрепятствовать успеху атаки противника.

Основываясь на опыте мировой войны, Эймансбергер совершенно исключает возможность пехотных контратак, если в состав боевого порядка наступающего противника включены танки.

Боевой порядок пехоты в обороне группируется вокруг своих противотанковых орудий, сливаясь с ними в одно целое. Противотанковые орудия ни при каких обстоятельствах не могут быть отделены от пехоты.

Дивизионная артиллерия своим самым опасным врагом имеет также танки противника. Отсюда она должна быть ежеминутно готова к их отражению, а в условиях оборонительного боя возможность стрельбы полевых орудий прямой наводкой является обязательным требованием. Эту артиллерию автор в первую очередь желал бы иметь на тракторной тяге.

Упругая оборона периода мировой войны с ее расчленениями по мелким группам считается автором уже отжившей. Он требует большей компактности, так как отдельные разбросанные ячейки, представляя наибольшие трудности для артиллерийской подготовки и пехотной атаки противника, в то же время являются наиболее благодарной боевой целью для танков. Расчленение стрелковых рот на участках 1×0,5 *км* допускается только в пределах первой линии обороны, но с тем условием, что в 200—300 *м* за передовыми гнездами пехоты расположена серия противотанковых пушек и тяжелых зенитных пулеметов. Вторая линия обороны располагается в среднем в 3 000 *м* от первой и представляет собой «пояс» противотанковых орудий. Далее идет зона дивизионной артиллерии, полностью подготовленной для противотанковой обороны, и, наконец, вместо прежних батальонов резерва, предназначенных ранее для проведения контрударов, которые в современных условиях стали уже невозможными, располагается третья линия обороны, также оснащенная противотанковыми пушками.

Вся эта система представляет для изучения достаточный интерес, причем следует иметь в виду, что Эймансбергер всюду предусматривает одновременную возможность проведения со стороны атакующего артиллерийской подготовки; наибольшие трудности возникают именно в стремлении увязать устойчивость обороны и против танков и против артиллерии.

Авиация. Отмежевываясь от взглядов Дуэ, Эймансбергер касается только вопросов применения авиации в общевойсковом сражении и в совместной операции наземных и воздушных сил. Замечания по поводу взглядов автора на применение авиации по-

мещены в примечаниях к тексту книги. В целом же следует считать, что авиация в проекте современного сражения применена все же в слишком умеренной степени и от нее можно ожидать более полноценной, действительной и более гибкой боевой работы.

В отношении разбора автором отдельных сражений мировой войны мы считаем необходимым в соответствующих примечаниях, с одной стороны, дополнить его изложение фактическим материалом и, с другой стороны, внести необходимые поправки. Одновременно мы приводим ряд расчетов, имеющих значение в смысле постепенности и последовательности развития в прошлом искусства танковой войны. Здесь же коснемся еще некоторых отдельных моментов содержания книги.

В начале своего труда автор кратко останавливается на третьем сражении при Ипре, рассматривая его с точки зрения несоответствия приложенных сил и средств с достигнутыми результатами. На одном этом сражении автор более или менее подробно пытается показать всю бесплодность «старых» методов атаки, лишенных элемента внезапности и стремительности, что приводило к затуханию боя после захвата первых 2—3 *км* оборонительной системы противника. Однако, в этом сражении участвовало свыше двух сотен танков, и в ряде случаев они играли решающую роль, мимо чего автор счел возможным пройти. Для восстановления истинной картины мы сочли необходимым подробнее осветить влияние танков на ход различных этапов третьего сражения во Фландрии, а также в сражении на Сомме, о котором автор упоминает лишь вскользь. Одновременно в качестве иллюстрации к указаниям автора на бесплодность истребительных позиционных сражений без применения танков мы коротко остановились на верденской битве.

Далее Эймансбергер переходит к сражению при Камбрэ как к первому танковому сражению, положившему краеугольный камень эпохи новых форм ведения боя и войны в целом. Именно под этим углом зрения автор и рассматривает события у Камбрэ. Несмотря на то, что это сражение по разным источникам известно нашему читателю, нельзя не отметить, что в изложении Эймансбергера оно приобретает сейчас особый интерес не только в отношении танковых вопросов, но и в отношении боевого применения прочих родов войск.

После Камбрэ автор останавливается на разборе действий танков в период отступательных операций англо-французской и в начале лета 1918 г. Эймансбергер не находит ничего заслуживающего внимания в действиях английских танков в оборонительных боях и в арьергардных действиях. Такой подход не совсем верен

ибо подлинное изучение каждого отдельного боя танков при отходе английской армии дает ценный материал для выработки тактики действий танков в подобных условиях обстановки. Основные случаи применения танков в этот период указаны нами в примечаниях.

Переходя к борьбе за лес Виллер-Котре (лес Рец), автор относит участие танков с этом сражении к формам действий танков во встречном бою. Такое толкование является несколько натянутым, поскольку многочисленные бои на восточной опушке этого лесного массива носили со стороны французов характер активной обороны, а со стороны немцев характер решительного наступления. По существу же встречного сражения здесь не было, и действия французов сводились к серии как коротких, но мощных контрударов, так и мелких контратак. Французы в этот период стремились лишь к тому, чтобы удержать за собой во что бы то ни стало лесной массив, который заслонял немцам кратчайший путь к Парижу. При описании же этого сражения автор ярко показывает мощность действия небольших танковых групп в процессе контрударов и делает ряд правильных принципиальных выводов в отношении бессилия общевойсковых соединений прежней организации в борьбе с танками.

После этого автор тщательно рассматривает оба решающих поворотных сражения в кампании 1918 г. — французское наступление 18 июля у Виллер-Котре и английский прорыв 8 августа под Амьеном. На основе выводов из этих двух сражений Эймансбергер и строит свою концепцию современной танковой войны.

* * *

Необходимо иметь в виду, что автор очень часто возвращается к одним и тем же мыслям как на протяжении всего своего труда, так и в одних и тех же главах; этот методический прием он оговаривает в своем вступлении, но, кроме того, ряд первоначальных своих предположений он приводит в виде вариантов, оспаривая их в дальнейшем, но уже в условиях иной обстановки; по характеру содержания книги это является вполне уместным, хотя несколько и затрудняет чтение.

Вся разрядка в тексте наша.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая война, как и все предыдущие, выдвинула целый ряд новых проблем, которые имеют решающее значение для предстоящих войн.

В настоящее время следующие три проблемы являются наиболее актуальными.

Первая — проблема механизации или, другими словами, проблема танковой войны и, в частности, вопрос о том, будет ли вообще бронированный самоход на колесах или гусеницах влиять на характер будущих войн, а если будет, то в какой степени.

Вторая — проблема авиации. Все чаще и чаще военные деятели утверждают, что воздушные силы решат участь войны еще раньше, чем сухопутные и морские вооруженные силы будут приведены в боевую готовность.

Третья — проблема военно-экономической мобилизации. Эта проблема, по мере углубления в нее, представляется все более и более сложной, так как ее требования грозят опрокинуть в военное время всю структуру хозяйственной организации страны мирного времени.

В настоящей книге будет рассматриваться лишь первая проблема — проблема танковой войны. Но так как все эти проблемы тесно связаны между собой, то мы условимся считать, что обе другие проблемы разрешены следующим образом:

1. Общая экономика страны еще в мирное время предварительно подготовлена для ведения войны в той степени, как это имеет место сейчас во всех независимых странах; полное удовлетворение потребностей военного времени сможет быть осуществлено лишь в процессе самой войны.

2. Эпоха «человека-птицы» еще не наступила. Ген. Дуэ пока еще неправ, и сила воздействия воздушного флота обеих воюющих сторон в начале войны еще слишком недостаточна для того, чтобы принудить одну из сторон к миру.

Принято различать два вида использования машин для военных целей:

—моторизацию, что означает применение всех видов автомашин для транспортирования войск или военного имущества, и

—механизацию (здесь понимается танковая война), которая подразумевает применение, помимо транспортных машин, еще вооруженных машин специальных конструкций как на колесах, так и на гусеницах для непосредственного ведения боя.

Ни один человек нашего времени не может не заметить того переворота, который произошел как в жизни каждого, так и в жизни всей страны в целом в связи с массовым появлением транспортных машин после окончания войны. Огромная часть всех людских перевозок и транспортировки грузов на короткие расстояния перешла опять, за немногим исключением массовых грузов, на шоссейные и грунтовые дороги, что коренным образом изменило всю систему транспорта; кроме того, моторизована промышленность и даже часть сельского хозяйства.

Средства для ведения войны, особенно в ее начале, черпаются почти исключительно из резервов промышленности данной страны, и к этому наличию стратегия принуждена приспосабливаться.

Совершенно ясно, что каждая армия будет в возрастающем масштабе использовать для своих нужд автомашины; следовательно, моторизация стоит вне всякого сомнения.

Поэтому наше исследование ограничивается второй ступенью, т. е. вопросом использования машин для боя—механизацией.

Для того чтобы понять и оценить роль танков в будущей войне, необходимо тщательно изучить события прошлого.

Танковые атаки крупного масштаба проводились исключительно англичанами и французами против германской армии. Поэтому мы будем говорить только о

боях на западном фронте[1]. (Примечания редакции — см. в конце книги.)

Мнения относительно успехов танков во время мировой войны до сих пор сильно расходятся; больше того, в данное время их успех оспаривается даже сильнее, чем в конце самой войны. Самые разноречивые мнения можно свести к одному вопросу: были ли во время мировой войны танковые силы англичан и французов только «пугалом», которое могло действовать лишь на изнуренную и измученную немецкую армию[2], или это были мощные боевые машины, предвестники нового метода ведения войны, с перспективой дальнейшего развития.

Исследование этого вопроса частным лицом становится возможным лишь благодаря трудам Германского государственного архива и австрийского инженера Ф. Хейгля.

Государственный архив в законченных несколько лет тому назад отдельных выпусках «Сражения мировой войны» дал подробное описание крупных сражений, в которых противник вводил в дело танки; особую ценность они получают при подкреплении их выдержками из дневников непосредственных участников войны, передающих читателю настроения того времени.

Инж. Хейгль является автором «Справочной книги по танкам» (изд. 1926, 1927 и 1930 гг.)*. В своих работах он дает точную и полную картину развития танков и бронеавтомобилей во всех странах вплоть до настоящего времени и, кроме того, говорит об их боевом применении и борьбе с ними.

Для того чтобы не выйти из рамок поставленной себе задачи, автор предполагает, что читатель знаком с общей обстановкой описываемых сражений и имеет представление о различных типах танков в том объеме, как это дает Хейгль.

Источниками для исследования служили работы германского государственного архива «Сражения мировой войны», тома 31-й — 36-й, дополненные относительно боевого применения танков работами английских и французских авторов.

---

* Эта книга выдержала три издания и на русском языке—Гиз, 1928 г., Воениздат, 1931 и 1932 гг.; в русском переводе она называется „Танки".— Р е д.

Боевая обстановка освещается лишь постольку, поскольку она может служить для определенных выводов. Только за эти выводы, независимо от описания сражений, автор несет ответственность.

Из рассмотрения сражений мировой войны, в которых принимали участие танки, делаются выводы, после чего ставится вопрос, не обещали ли наступления большего успеха при применении танков в более крупном масштабе, как, например, у Шмен-де-Дам[3]. Этим заканчивается обзор прошлого.

После этого характеризуются современные взгляды на применение танков, насколько они известны, и показывается техническое развитие боевых машин вплоть до настоящего времени.

В следующем разделе говорится о противотанковых орудиях, о характере их включения в систему обороны и о тех изменениях, которым подверглись основные положения обороны.

В заключение автор пытается показать современное наступление крупного масштаба, разрабатывая новый план сражения у Амьена в условиях современного танкового боя.

Работа заканчивается кратким заключением.

Автор старался во всех частях своей работы наиболее ясно изложить свои взгляды. Автор не придерживается того мнения, что он всегда прав, когда делает определенный вывод, однако он полагает, что этим будет избегнуто ложное понимание его взглядов и будет облегчена критика.

Слабость работы заключается, главным образом, в том, что у автора нет личного опыта в танковом деле. Но этот недостаток присущ очень многим немцам.

ГЛАВА I

ТАНКОВЫЕ БОИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ДО КАМБРЭ

Только второе поколение со времени появления магазинного оружия наконец уяснило всю его силу во время первых сражений мировой войны. Вскоре после этого поняли и пулеметные части то, чего они не знали раньше: что они являются не разновидностью артиллерии, а составной и чрезвычайно важной неотъемлемой частью пехоты; они сражались в тесном взаимодействии с ней и в огромной степени усилили ее мощь. Огонь магазинного и автоматического оружия почти немедленно уничтожал каждого незащищенного бойца. Но осознание этого было оплачено слишком дорогой ценой: уже в августе 1914 г. обученная пехота всех воюющих армий исчезла почти целиком в братских могилах и госпиталях.

Фронт запрятался в окопах, перед которыми как предохранение от внезапности разостлались проволочные заграждения. Прежде чем перейти в наступление, атакующая сторона должна была смести эти заграждения своим артиллерийским огнем, что, в свою очередь, в корне уничтожало элемент внезапности и давало противнику время и возможность принять необходимые контрмеры.

Оборона от противника, атакующего из своих окопов, расположенных на самом коротком расстоянии, требовала оружия, которое могло бы развить максимальную скорострельность по самым ограниченным площадям. И пулемет в разных его видах стал главным оружием пехоты, наложившим свой отпечаток на весь ход войны.

Скоро окоп превращается в укрепленную площадь. Артиллерия атаки уже не видит ясно свои цели, и, для того чтобы уничтожить скрытое оружие противника, она теперь принуждена изрыть своими снарядами всю укрепленную местность. Но для этого, с одной стороны, нужно время, много времени на ведение огня; с другой стороны, необходимо сосредоточение огромного количества батарей с преобладанием орудий средних калибров для навесной стрельбы.

Артиллерия приобретает все большее и большее значение, и в конце концов, почти половину солдат воюющих армий составляют артиллеристы. Поэтому многие склонны считать мировую войну «расцветом» крупного оружия — артиллерии. Автор не склонен разделять это мнение, ибо количество батарей должно было все время увеличиваться вследствие того, что их реальное воздействие быстро падало, подразумевая воздействие тактическое, а не материальное.

Методы ведения войны стали затяжными, война превратилась в позиционную. Цель войны, проводимая методом фронтальных атак, свелась исключительно к стремлению физически уничтожить как можно больше сил противника[4].

СРАЖЕНИЕ ВО ФЛАНДРИИ
(август — ноябрь 1917 г.)

Это сражение интересно тем, что оно является как бы поворотным пунктом в стратегии Антанты на западном фронте. Оно являлось последним большим наступлением на германский фронт, проведенным старым методом, и представляет собой наиболее яркий пример многомесячной ожесточенной бойни, не приведшей ни к каким результатам. Почти непосредственно вслед за ним идет Камбрэ.

Во фландрском сражении германские позиции перед Ипром находились почти целиком в затопленной местности, которая ранее не наводнялась подпочвенными водами лишь благодаря системе каналов[5]. Поскольку это позволял характер местности, позиции были достаточно хорошо оборудованы. Пулеметы были установлены на хорошо замаскированных бетонных тум-

бах и образовывали основу обороны. Окопов не было, так как они немедленно наполнились бы водой.

Наступлению англичан предшествовала 24-дневная артиллерийская подготовка. В первые 8 дней должна была быть разбита германская артиллерия, которая была расположена на дамбах; остальные 16 дней огонь на разрушение был направлен на все фортификационные сооружения и пути сообщения. Этот ливень снарядов превратил местность окончательно в болото, чем она и была раньше; редкие дамбы также основательно пострадали.

В 4 ч. 50 м. 31 июля 5-я британская армия с 7 дивизиями в первой линии перешла в атаку и к вечеру продвинулась около 3 *км* в глубину германских позиций. После этого последовали ожесточенные контратаки немцев, отбросивших англичан вновь на 1,5 *км* назад. Начиная с этого дня, между пехотой обеих сторон бои не прекращались; они проводились в меньших масштабах, но с исключительным ожесточением и упорством.

Следующая большая атака могла быть проведена лишь 16 августа, т. е. через 2 недели. Эта пауза была вызвана труднопроходимостью огромного болота и необходимостью подтянуть артиллерию.

К ноябрю месяцу, когда в потоках крови и в грязи заглохло это сражение, англичане продвинулись на фронте шириной в 14 *км* на 9 *км* в глубину; этот выигрыш местности стоил им около 400 000 человек; германские потери достигли 200 000 человек. Как явствует из потрясающих рассказов самих участников сражения, напряжение бойцов обеих сторон было сверхчеловеческим.

Фландрский бой имел в основе безусловно здоровую стратегическую мысль: англичане сменили в наступлении сильно потрясенную французскую армию, в которой после большого наступления Нивелля происходили серьезные мятежи. Но тактический метод проведения этого сражения ясно показывает беспомощность тогдашней техники наступления Антанты: после многонедельного бомбардирования фронтальная атака продвигается немного вперед, потом следует остановка для нового развертывания артиллерии, потом опять продолжается наступление и т. д. При этом не может быть достигнута даже такая скром-

ная цель, как поражение противника и истощение его резервов на месте, а стоит это наступающей стороне вдвое больше потерь, чем обороне.

Начиная с 16 сентября 1916 г., во время сражения на Сомме, во всех боях на западном фронте англичанами и французами применялись танки, сначала в небольших количествах, потом в несколько больших, но крупными силами — никогда. Например, во время фландрского сражения было введено в дело 216 танков. Большинство из них застряло в болотах, но некоторые при занятии немецких пехотных бетонных блокгаузов принесли большую пользу.

Однако, особого значения эти новые боевые машины не имели; мнение друзей и врагов об их боевых достоинствах было невысокое [6].

Тем большей неожиданностью явилось принятие на себя командующим 3-й английской армией ген. Бингом полной ответственности за проведение наступления совершенно новым методом — методом танкового боя.

КАМБРЭ

(20 ноября — 6 декабря 1917 г).

Схема 1 в приложении и схема 2 на стр. 35.

Ужасы фландрского сражения настолько сильно истощили участвовавшие германские войска, что они были переброшены на спокойные участки фронта, где должны были отдохнуть и подготовить свои пополнения. Такой спокойной частью фронта, своего рода «санаторием», были также позиции перед Камбрэ. Местность здесь была ровная (разность высот не превышала 100 *м*), весьма культурная, с многими селениями. Растительного покрова было мало; только впереди позиции находились обширные леса. На эти позиции немцы добровольно отошли в марте 1917 г. и укрепили их достаточно сильно.

Впереди главной полосы обороны находилась позиция охранения, прикрытая прочной сетью проволочного заграждения. Между этой позицией и главной полосой на пространстве, глубиной около 1 000 *м*, называемой предполъем, были расположены многочисленные гнезда сопротивления, опутанные проволокой. Первая траншея

главной позиции, шириной свыше 3 *м*, также имела перед собой прочные проволочные заграждения и отлично устроенные оборонительные сооружения с хорошим полем обстрела; имелись также и многочисленные надежные блиндажи. На расстоянии 200—300 *м* за первой траншеей была расположена вторая, оборудованная так же, как и первая, и перед ней во всю длину также были установлены проволочные заграждения шириной до 30 *м*. Многочисленные крытые ходы сообщения гарантировали безопасность движения из одной траншеи в другую. Эта оборудованная оборонительная полоса представляла собой лишь первую позицию.

Примерно, в 2 *км* позади нее находилась промежуточная позиция, которая также имела 2 линии траншей с проволочными заграждениями перед каждой из них, но она не везде была закончена. От промежуточной позиции к первой вели многочисленные укрытые пути.

Между Авринкур и Ля-Вакери (но не захватывая обоих этих пунктов) на фронте около 9 *км* была расположена позиция 54-й пех. дивизии.

Все ее 3 полка были расположены рядом, имея в каждом по 2 батальона на позиции и по 1 батальону— в резерве. В периоды затишья занималась только первая позиция; промежуточная позиция оставалась свободной. На каждый «позиционный» батальон приходился участок фронта в 1,5 *км* шириной и столько же глубиной.

Артиллерия дивизии, 14 батарей, около 50 орудий, в том числе и захваченные у противника, располагалась у Гренкур, Флескьер и северо-западнее Маркуен, т. е. на сильно оттянутых в тыл позициях, целесообразность которых показал опыт западного фронта.

18 ноября дивизионная разведка захватила ирландских пленных, которые сообщили, что 20 ноября предполагается большое наступление на Авринкур и что для этой цели подтягиваются свежие силы и танки. Этому наступлению должна была предшествовать многочасовая артиллерийская подготовка. Одновременно другие пленные сообщили о предполагаемых атаках и в других пунктах.

Эти сообщения вызвали следующие контрмеры немцев.

Так как местность в районе Авринкур по своему ха-

рактеру была совершенно однотипна с той, которую занимала 54-я пех. дивизия, то расположенный в этом районе полк был подчинен командованию этой дивизии.

Батальоны дивизии, находившиеся в резерве, были подтянуты вперед и расположены на ранее не занятой промежуточной позиции и в промежутке между ней и первой позицией.

Из своих скудных резервов армия выделила 27-й рез. пех. полк, передав его 54-й дивизии; этот полк в качестве контрударной группы также расположился на промежуточной позиции и позади нее.

Из состава только что прибывшей в район Камбрэ артиллерии 107-й пех. дивизии 2 дивизиона были переданы в 54-ю дивизию; в ночь на 20-е они сосредоточились на позиции у Гренкур и Флескьер.

Поздно вечером 19-го был издан приказ об усилении боевой готовности не только 54-й дивизии, но и обеих соседних дивизий.

Оценивая все эти меры, можно удивляться, что германское командование приняло такие энергичные и обширные меры для отражения атаки, так как английские пленные говорили только о частном наступлении в районе Авринкур.

Были стянуты все имевшиеся в их распоряжении резервы, а глубина обороны за счет резервных батальонов была увеличена почти до 3 *км*.

Если бы англичане атаковали (прежними методами), то они потерпели бы полную неудачу. Только для того, чтобы в некоторых местах сделать проходы в этих проволочных заграждениях, потребовался бы многочасовой артиллерийский обстрел. И если бы противнику все же удалось прорваться, он был бы с огромными потерями отброшен контратакой.

Действительно, было сделано все, чему учило в то время военное искусство. Было сделано все, что могло гарантировать успех, если... да, если бы англичане придерживались старых правил наступления!

Но на этот раз англичане решили провести наступление новым видом оружия и по новым правилам: они решили впереди пехоты бросить большое количество танков и этим методом прорвать позиции; короче говоря, они решили, наконец, использовать танки для выполнения

тех задач, для которых они были созданы еще 2 года тому назад.

Для наступления англичане стянули:

— 2 корпуса в составе 3 дивизий каждый;

— 1 трехдивизионный кавалерийский корпус;

— 3 танковых бригады по 3 танковых батальона в каждой;

— около 1 000 орудий и

— мощные воздушные силы.

Основной план заключался в том, чтобы массовой атакой танков прорвать фронт 2 корпусов между Ля-Вакери и Авринкур (т. е. как раз позицию германской 54-й дивизии) и затем развить прорыв при помощи кавалерии.

Но так как замысел операции заключался не только в том, чтобы окружить кавалерией Камбрэ, но и произвести кавалерийский рейд на Валансьен, то, учитывая вопиющее несоответствие наличных британских сил для выполнения подобной задачи, это намерение кажется нам одной из тех «военных грез», которые часто посещали в военное время командование армий.

Атака была построена на внезапности и стремительности. Поэтому артиллерия до начала наступления не должна была произвести ни одного выстрела.

Огонь должен был быть открыт внезапно лишь в самый момент начала атаки. Часть батарей должна была обстреливать осколочными и дымовыми снарядами все батареи, командные и наблюдательные пункты; большая же часть батарей была предназначена для устройства огневого вала, за которым должны были прорываться танки; пехота должна была следовать за танками.

Перейдем теперь к описанию английских танков, поскольку танк «М-IV», примененный в этом бою англичанами, у Хейтля не описан.

Танковый корпус, находившийся под командованием ген. Эллис, состоял из 3 бригад, каждая в составе 3 батальонов.

Батальоны подразделялись на 3 роты, которые вступали в бой, имея 4 взвода по 3 боевых машины в каждом. Во взводах было по 1 пушечному и по 2 пулеметных танка [7].

Кроме того, каждый батальон имел 6 транспортных танков, каждая бригада — 3 радиотанка и некоторое количество танков для перевозки орудий, которые были применены так же, как и транспортные танки, но их полезная нагрузка была выше транспортных. Технический резерв был составлен из учебных танков.

Всего в бою приняло участие 476 машин, из них 378 — боевых танков и 98 — транспортных.

Английские танки типа «М-IV», хотя марка и называется четвертой, являлись вторым по счету принятым на вооружение типом танков, считая с апреля 1917 г.[8] Они имели характерную форму английского танка, весили 28 *т*, имели 105-сильный мотор Даймлера (о двигателе см. данные примечания 8. — Ред.) и четырехскоростную коробку (четыре скорости вперед. — Ред.).

У пушечного танка вооружение состояло из 2 коротких шестифунтовых (58-*мм*) пушек, расположенных в спонсонах, и 4 пулеметов. Пулеметный танк был вооружен 6 пулеметами. Экипаж состоял из офицера и 7 солдат. Мощность брони защищала от пуль со стальным сердечником (бронебойных. — Ред.) даже на самых коротких дистанциях, за исключением только вертикальных попаданий (в крышу танка. — Ред.); но вертикальное попадание могло произойти лишь в том случае, если стрелок находился на возвышении, например, стрелял из домов.

Средняя скорость передвижения машин на поле боя равнялась 3,25 *км* в час. Если мотор был в полной исправности, то иногда на твердом грунте скорость доходила до 6 *км* в час. При повороте машины требовалась работа 4 человек: водителя, лица, обслуживающего тормоза, и двух лиц, обслуживающих механизмы перемены передач. Вследствие этого перемена направления движения была сильно затруднена.

Радиус действия этих машин при полностью залитом бензиновом баке равнялся только 24 *км*, чего никогда не следует забывать.

Но эти технические данные не говорят еще о самом главном.

Пребывание в этих скверно подрессоренных, скверно вентилируемых танках с мотором, установленным в боевом помещении, с механизмом, требовавшим бдительного и постоянного ухода, было для обслуживающего

состава адом, которого во время боевого движения с закрытыми люками нельзя было долго выносить. В лучшем случае личный состав экипажа заболевал морской болезнью, а то и совсем терял сознание.

При более или менее благоприятных боевых условиях машина могла пройти не больше 100 *км*, после этого она должна была итти в капитальный ремонт. Продолжительность службы гусениц также не превышала 200 *км*.

Итак, танк «М-IV» имел сильное вооружение, но был тихоходен и имел очень ненадежный двигатель.

Весь танковый корпус знал, что этот бой решает его будущее и даже не только будущее, но и настоящее существование. Необходимо было завоевать доверие пехоты, что могло быть достигнуто лишь при предварительных совместных занятиях в тылу. И только этим способом удалось обучить пехоту назначенных к атаке дивизий совместным действиям, хотя и не с теми именно танковыми частями, с которыми дивизии должны были взаимодействовать на поле боя.

Далее было необходимо изобрести способ, который помог бы танкам преодолевать немецкие окопы шириной до 4 *м*, поскольку сами танки обладали способностью преодолевать окопы шириной не свыше 3 *м*. Средство было найдено. Каждый танк перевозил на крыше огромную связку хвороста, привязанную цепями, которую экипаж мог освободить изнутри машины, после чего хворост скатывался через нос и заполнял часть окопа[9], что давало танку возможность преодолевать окоп. Но подобным образом танк мог помочь себе только один раз.

Технически преодоление танковым взводом окопов могло быть произведено следующим образом. Впереди двигался пушечный танк, за ним на дистанции около 100 *м* следовали по обеим сторонам оба пулеметных танка и пехота сопровождения. Пушечный танк направлялся к указанному окопу и уничтожал проволочное заграждение, но окопа не переходил, а останавливался перед ним и открывал огонь. Левый пулеметный танк проходил вперед через разрушенное заграждение, сбрасывал свою связку хвороста в окоп, переходил через него и подавлял своим огнем гарнизон окопа. Третий

танк проходил по этому же месту к следующему окопу, сбрасывал в него свою фашину, переходил через окоп и также открывал огонь, не прекращая его до подхода пехоты. После этого пушечный танк, имея на себе еще свою связку хвороста, мог обеспечить дальнейший переход окопов, лежащих впереди. Для обучения этому способу перехода проводились усиленные упражнения совместно с пехотой.

Второй, не менее важной заботой являлось оборудование головных складов горючего и огнеприпасов на выжидательных позициях танковых частей, расположенных в 4—8 *км* от немецких позиций. Туда по узкоколейке и на транспортных танках было направлено около 800 *т* горючего и 300 *т* огнеприпасов.

Сами танки выгружались как можно позднее — за 2—5 ночей до начала атаки; со станции выгрузки они двигались ночью собственным ходом на выжидательные позиции. Там машины осматривались, получали огнеприпасы и пополняли горючее.

В последнюю ночь перед наступлением они должны были перейти ротными подразделениями на исходные позиции, которые находились на расстоянии около 1 000 *м* от неприятельских линий. Также были приняты меры для маскировки шума при помощи огня минометов и пулеметов.

Наряду с техническими мероприятиями шли также и тактические.

Всем дивизиям были приданы танки. Дивизии, находившиеся на передовой линии, получили каждая по 2 батальона, т. е. по 72 танка на дивизию. Внутри дивизий распределение танков было произведено таким образом, что танки были включены даже в те части, которые находились в самых тыловых эшелонах.

Каждая танковая часть точно знала свои задачи. В зависимости от их важности, им было придано различное количество пехоты. Как уже было сказано, самой меньшей танковой единицей являлся танковый взвод.

Танковый корпус прекрасно знал, что самым опасным для него врагом являются пушки. Поэтому для борьбы с ранее установленными немецкими артиллерийскими гнездами были выделены танковые части передней волны, которые должны были немедленно насту-

пать для их подавления. Кроме того, наряду с огнем английских батарей подготовлялась еще и воздушная бомбардировка артиллерии противника.

С целью сохранения тайны разведка офицерам танковых частей была разрешена очень поздно. Несмотря на это, операция смогла быть подготовлена настолько обстоятельно, что путь каждого танкового взвода до проволочных заграждений был отмечен трассировочным шнуром[10].

Все приготовления и обучение пехоты заняли в общей сложности месяц: 20 октября было принято решение дать бой, 20 ноября началось наступление.

Помещенная ниже таблица дает точное распределение танков.

Корпус	Дивизия	Бригада	Количество танков	Технические резервы	Распределение по эшелонам
3-й	12-я	35	24	4	1
		37	12	2	2
		36	24	4	1
		36	12	2	2
	20-я	61	18	3	2
		61	12	2	1
		62	6	1	2
		60	18	3	1
		60	6	1	2
	29-я	—	12	2	3
4-й	6-я	16	24	4	1
		16	12	2	2
		71	24	4	1
		71	12	2	2
	51-я	152	42	—	1
		153	28	—	2
	62-я	186	14	—	2
		185	42	—	1

Бой

Ночь на 20 ноября была холодной, дождливой и туманной, как и весь ноябрь.

В 7 ч. 10 м. с расстояния около 1 000 *м* от противника танки двинулись со своих исходных позиций.

Машины шли на малой скорости, почти бесшумно. Через 10 минут британская артиллерия одновременно всеми своими батареями открыла огонь. Дымовые снаряды еще больше увеличили естественную пасмурность ноябрьского утра.

Стальные массы танков смяли препятствия, прорвались через них и в следующий момент преодолели траншею охранения.

По тревоге, поднятой секретами, гарнизон этой позиции занял быстро свои места, открыл огонь по чудовищам, но... без всякого результата. Скоро открыла заградительный огонь артиллерия, но он ложился слишком далеко... Танки прорвались!

Весь фронт был наполнен шумом танковой атаки и густым туманом английских гранат. Все средства связи прерваны. Наступает хаос, как бывало и раньше, когда конница врубалась в каре пехоты.

О линии фронта вообще больше говорить нельзя; это просто огненная стена, за которой начинается ад.

Общая атака танков немедленно распадается на действия отдельных танковых взводов, выполняющих свои частные задачи, требующие большего или меньшего времени, в зависимости от разной обстановки.

Ни германское, ни английское командование не знает, что же происходит там, в дыму, ибо воздушное наблюдение в этот период боя было совершенно невозможно.

Однако, германское командование скоро начинает понимать, что происходит наступление крупного масштаба и что впереди, на фронте, положение неблагополучно.

В 9 ч. 40 м. отдается приказ единственному резерву — 107-й дивизии, сосредоточенной в Камбрэ, о направлении одного полка к южному крылу 54-й дивизии, 2 батальона коего передаются в подчинение 54-й дивизии, а 1 батальон — южной соседней дивизии; другой полк направляется на вторую позицию к западу от Камбрэ у Фонтен-Нотр Дам, Кантен и Провиль и служит групповым резервом; наконец, третий полк остается у Камбрэ в резерве армии. Остаток артиллерии 107-й дивизии, дивизион с тремя трехорудийными батареями, придается 54-й пех. дивизии.

Командованию известно, что до вечера 20-го на угрожаемый участок фронта не может прибыть никаких подкреплений, что лишь поздно вечером могут подойти

Схема 2. Камбрэ 20 ноября — 6 декабря 1917 г.

только батальоны, перебрасываемые с соседних участков, и что только не ранее утра 21-го прибудет первый поезд в Камбрэ с подкреплениями, которые до полудня того же числа все равно не успеют дойти до линии фронта. Но после этого кризис будет преодолен, так как ежедневно можно было ожидать до 3 пехотных дивизий.

Между тем, танковый бой продолжается. Чудовища продвигаются от окопа к окопу. Из отсечных и тыловых траншей продвигаются ротные и затем батальонные резервы обычным порядком для контратак. Однако, огонь танков сначала принуждает их скрываться в ближайшие укрытия, а затем сами танки окружают их со всех сторон и уничтожают или берут в плен.

Танковая атака одерживает решительный успех, и англичане проникают все глубже в систему германских позиций. Но около 9 ч. 30 м. продвижение на левом фланге, на холмах у Флескьер, внезапно приостанавливается и больше не возобновляется.

Правее и левее Флескьер танки англичан проникают глубоко в тыл, но Флескьер упорно держится.

В чем же дело? Разве обороняющаяся сторона защищает только Флескьер? И если атака могла быть остановлена у Флескьера, то почему это не могло произойти и в других местах?

Все эти вопросы имеют чрезвычайно важное значение при оценке роли танков в будущих боях, и на них в настоящем исследовании будут даны ответы по существу.

Флескьер расположен не на вершине, а на северном склоне широкого хребта; на южной окраине селения, в парке, находился саперный склад с большим запасом ручных гранат. Вокруг него располагались артиллерийские позиции: одна батарея — севернее, другая — восточнее и три — юго-восточнее (все батареи легкие). От Гренкур, где были сосредоточены 6 легких и 3 тяжелых батареи, район Флескьер держался под огнем с дистанции менее 2 000 *м*, и с такой же дистанции мог быть сосредоточен огонь артиллерии, расположенной северо-западнее Маркуен, в составе 5 легких батарей. Огнем англичан, повидимому, было подбито не больше половины всех этих орудий.

Флескьер обороняли части 27-го рез. пех. полка, саперы и отдельные подразделения, оторвавшиеся от 84-го пех. полка.

Атакующей являлась 51-я горная дивизия, причем по плану на Флескьер наступала 153-я бригада с приданными ей 28 танками. Было еще очень туманно, и колоссы медленно (!) двигались по хребту. Не успе-

ли они дойти до вершины хребта (!), как были встречены сосредоточенным огнем артиллерии с коротких дистанций. А наступающая пехота поражалась пулеметным огнем из домов.

Кажется (это является предположением автора), что англичане хотели повторить атаку, перебросив танки с флангов. Но так как около 9 ч. 30 м. туман рассеялся, то не исключалась возможность отражения танков со стороны Гренкур и Маркуен, которые еще не были атакованы. Достоверно только одно: англичане отказались от дальнейших атак и оставили больше половины своих танков на поле боя.

Хэйг в своем донесении изобразил защиту Флескьер как акт самопожертвования немцев. Но автору эта оборона кажется важной не только по этой причине: у Флескьер случайно был применен тот вид обороны, который единственно может противостоять танковой атаке, а именно — бой пехоты и артиллерии в самом тесном взаимодействии.

Возможно, что ошеломляющий успех у Флескьер, единственный на фоне разгрома всего фронта, озадачил немецкое командование и заставил доискиваться причин этого успеха с тем, чтобы в будущем сознательно руководствоваться его опытом.

Тем временем на других участках фронта массы танков медленно, но неудержимо шли вперед. Около 11 часов вся главная система немецких позиций была уже в тылу англичан, а защитники или перебиты или взяты в плен; только остатки ушли в тыл.

Немецкая артиллерия, которой до сих пор не оставалось ничего другого, как стрелять в туман и дым заградительным огнем, начала осторожно, а следовательно, и с запозданием, оттягивать его назад.

Но эта артиллерия теперь была сама атакована на своих позициях. Там, где удалось своевременно вытянуть на возвышенности отдельные орудия, было расстреляно несколько танков, но вскоре танки окружили батареи со всех сторон и захватили их, частично с орудийным расчетом.

Решительный успех был на стороне англичан; это делалось все очевиднее из донесений летчиков. Размер успеха был столь значителен, что на него вряд ли могло рассчитывать даже высшее командование.

К 13 часам положение было, примерно, следующим. На правом крыле немецкие части против Мевр отходят; натиск англичан в этом районе был направлен непосредственно на левый фланг соседней дивизии, которая слабыми силами пыталась создать тонкую оборонительную линию.

Гронкур и расположенные вокруг него артиллерийские позиции еще обороняются, но юго-восточнее уже нет ни одного немца.

Кантен защищается ничтожным числом задержавшихся сборных подразделений разных частей. Среди потока англичан только Флескьер является как бы немецким островом. В 12 ч. 15 м. англичане занимают мост через канал у Маркуен и Нуайель. У Маньер подоспевшим подкреплениям немцев удалось все же отбросить англичан за канал и удержать линию ферма Флот, Маньер. Но от этого пункта и до Кревекёр у канала никого нет. От Кревекёр германский фронт, обороняемый одной дивизией, опять идет на юго-запад до Банте. Канал и селения на северном берегу на этом протяжении находятся в руках немцев. Штаб группы хочет взорвать все мосты и оттянуть войска за канал, но вследствие возражений командиров частей от этого отказывается. Чрезвычайно интересно отметить, что даже во время катастрофы низшее командование все время старается сохранить выгодное положение для будущей контратаки.

К полудню имел место уже полный прорыв; на фронте в 12 *км* нет больше ни одной занятой немцами позиции.

Но это был не такой прорыв, как это понималось до сих пор, когда обороняющийся после длительного напора противника, наконец, оттесняется несколько назад, причем обе стороны терпели тяжелые потери. Это был прорыв в полном смысле слова: массы танков прорвали фронт почти повсеместно, атаковали с флангов и тыла и уничтожили живую силу обороны, в результате чего весь район прорыва был совершенно очищен от немецких войск.

После этого должна была быть проведена вторая часть плана английского наступления: через брешь,

образованную в германском фронте, должна была броситься конница, развить успех и завершить окончательную победу.

Для атаки кавалерийского корпуса также были сделаны приготовления: 32 транспортных танка со специальными буксирами очистили от проволочных заграждений все 3 линии, и мостовые парки для кавалерии были подвезены к каналу на 2 танках.

Но кавалерия упустила драгоценное время. Из немецких линий увидели, что только в 14 ч. 30 м. она двинулась по обеим сторонам дороги, ведущей из Ле-Паве в Маньер. В 16 ч. 30 м. северо-восточнее Маньер появляется эскадрон канадской конницы, который перешел канал по временному мосту и взял 2 батареи, но перед самыми воротами Камбрэ он рассеивается своевременно подоспевшим рекрутским депо.

В этом направлении конницы больше не видно; в это же время несколько эскадронов перешло в атаку из Нового леса севернее Маркуен (на север). Но было уже слишком поздно.

Два батальона 107-й дивизии подоспели как раз в Кантен и своим фланкирующим огнем остановили наступление; кавалерия понесла большие потери.

Дальнейших кавалерийских атак не было; продвижение конного корпуса было прекращено сильным огнем магазинного оружия и пулеметов немногочисленных германских войск.

Иссякала также и пехота англичан, свежих резервов не было. Да и экипажи танков были в полумертвом состоянии после предшествовавших тяжелых ночных маршей и напряжения многочасового боя.

Танковый бой при Камбрэ был окончен.

Победа, которая днем 20 ноября так много обещала англичанам, оказалась фата-морганой.

Атака не имела глубины, потому что англичане не имели сил удержать счастье, которое было почти уже в руках.

И вот, когда колокольный звон в Лондоне возвещал о победе английских войск, победы больше не было, было только обычное вдавливание германского фронта!

Но потери немцев были крайне тяжелы; по английским сведениям, до 21 ноября было взято в плен 139 офицеров, 7 316 солдат, около 100 орудий и большое

количество пулеметов. Потери англичан были вдвое меньшими, но немецкой артиллерией было уничтожено 49 танков.

План наступления англичан был настолько расстроен, что бой смог возобновиться лишь с полудня 21 ноября. Первоначальный план, во всяком случае, должен был быть оставлен; центр тяжести удара был направлен на север, на Бурлон, ибо бросить дальнейшее наступление англичане не могли: ожидания в Англии были слишком напряженными.

Но это был, собственно, новый бой, наступление без всяких надежд, ибо немецкие резервы должны были прибыть на поле боя уже в ближайшие часы и не позже, чем через 48 часов, что понимали англичане еще до начала танковой атаки.

Для немцев же то положение, что их редкая, разбросанная цепь, лишенная артиллерии, не была до полудня 21-го атакована, являлось громадной выгодой; после этого начали прибывать резервы.

Но в задачи этой книги не входит описание дальнейших событий; внимание читателя должно быть сосредоточено на самом важном. А важным является то, что, начиная с 21 ноября, бой, и с тактической точки зрения принимает совершенно другие формы. У немцев вступают в дело все новые и новые войска. Но и англичане подтягивают новые дивизии, которые, однако, не были подготовлены для совместных действий с танками. Наступление ведется не широким фронтом, а по отдельным направлениям. Танки также больше не применяются в массах, а придаются атакующим группам все в меньших и меньших количествах. Этот способ применения танков и по сей день дает мало удовлетворительные результаты.

Танковый корпус был истощен, его машины сильно изношены. Во время атаки 21 ноября из имевшихся ранее 387 танков в бою принимают участие только 49; 23 ноября количество их возрастает до 67. 27 ноября танки оттягиваются в район погрузки для отправки в тыл, и во время немецкой контратаки 1 декабря в бою принимают участие 73 машины. При таком небольшом количестве совместно с пехотой вели бой только отдельные взводы, в лучшем случае отдельные роты танков,

причем эта пехота была совершенно не подготовлена к взаимодействию с танками.

Немецкая пехота боролась против танков так, как этому ее учили до сих пор. Подкрепления направлялись «ударными эшелонами», которые состояли большей частью из пехотного полка и дивизиона полевой артиллерии (3 батареи, из них одна легкая гаубичная).

Когда пехота подверглась атаке, каждый пулемет стрелял по танкам с максимальной скоростью; одновременно пробовали вести огонь из гранатометов и минометов.

При введении в дело, артиллерия обычно занимала позиции в 3—4 *км* позади пехоты. Если танки просто прорывались через фронт, то против них выступали резервы. Само собой разумеется, что в следующее мгновение эти резервы *также оказывались в тылу танков*, и для того, чтобы избежать верного плена, им не оставалось ничего другого, как *спасаться бегством*.

Очевидно, пехота вела себя так, как будто она была в состоянии что-нибудь сделать с танками. На самом же деле в открытом поле это было почти невозможно, ибо если даже водитель танка выбывал из строя вследствие повреждения глаз, то английские танки с экипажем в 8 человек были почти *неуязвимы*. И если часто читаем, что пехота бросалась на танки с ручными гранатами и приводила в негодность гусеницы или концентрированным огнем нескольких пулеметов обращала танк в бегство, то это является доказательством лишь того, что пехота делала *сверхвозможное*[11].

Если пехота отступала, то она близко подходила к своей артиллерии, действие которой возрастало. Если встречались *деревни*, то они являлись желанным укрытием против машин; в таких селениях немедленно устраивались пулеметные гнезда против пехоты, следовавшей за танками.

Войска, которые уже имели дело с танками во Фландрии, следовали правилу: уступать танкам путь, пропуская их вперед, а самим обращаться против пехоты сопровождения; борьба с танками является делом тыловых резервов.

Это правило рекомендует как бы «разделение труда», но оно может быть применимо только в некоторых слу-

чаях, именно тогда, когда на поле боя находятся только отдельные танки; во время массовой атаки танков уступить дорогу им можно было бы, пожалуй, только в четвертом измерении.

Артиллерия, главным образом, действовала из района своих позиций массированным огнем. Но по мере возможности, при появлении танков отдельные орудия или взводы все чаще устанавливались на позициях непосредственно за пехотой (если имелись деревни, то в них) или выделялись запряженные взводы, которые выезжали потом на позицию на 2 *км* вперед. Зенитная артиллерия[12] вследствие своей подвижности также играла большую роль в противотанковой обороне.

Примером особенно удачного отражения атаки англичан, проведенной при сильной поддержке танков, является оборона Фонтен вечером 23 ноября.

В 11 ч. 30 м. англичане своей 51-й дивизией повели наступление на участок Бурлон, Фонтен. На Фонтен должна была наступать 152-я бригада при поддержке 24 танков. Сильная артиллерия подготовила и сопровождала атаку. Немецкая пехота скрылась в домах от наступающих танков и задержала оттуда пулеметами подошедшую несколько позже пехоту. Танки, появившиеся на улицах, были обстреляны бронебойными пулями на ближайших дистанциях, на которых броня танков не защищала. Многим танкам под гусеницы были брошены связки ручных гранат, что делало их неподвижными. Тяжелый урон танкам был нанесен также противотанковыми орудиями, расположенными в местечке и вокруг него. Все же стальные чудовища окончательно ушли из Фонтен только поздно вечером.

Англичане утверждают, что машины были оттянуты обратно вследствие того, что они не могли добиться, чтобы за ними следовала их собственная пехота. Это нисколько не умаляет заслуг немецкой обороны, но скорее — английского наступления.

В отчете майора Борхерта[13], командира автомобильных войск 2-й германской армии, об английском танковом корпусе говорится следующее: «На второй и третий день наступления они глубоко прорвались в район

германского расположения, проникнув даже в леса и селения, но без сопровождающей пехоты. И в этом, видимо, лежит причина безуспешности атаки». Совершенно ясно, что этот немецкий офицер говорит то же самое, что и англичане.

29 ноября началось наступление немцев. Им удалось добиться на южном крыле бо́льших, на северном крыле меньших успехов.

Баланс боя при Камбрэ к 5 декабря 1917 г. сводился к следующему: частичный обмен участками местности; пленные и трофеи почти в одинаковом количестве, что показывает следующая сводка:

	У немцев	У англичан
Пленных	свыше 9 000	10 500
Пулеметов	716	350
Орудий	148	142
Танков	100	0

Разве из этого не видно, что у обеих сторон счета как будто одинаковы? [14]

Выводы

Атакующий

Английский танковый корпус полностью выполнил свою задачу. Массы его танков прорвались вперед без всякой предварительной артиллерийской подготовки с полной внезапностью для противника и за несколько часов провели английскую пехоту через глубокие, сильно укрепленные немецкие позиции.

Какой контраст по сравнению с боями во Фландрии!

Бой стал опять таким же, каким он был до введения магазинного оружия: развязка наступает после нескольких часов короткого, но ожесточенного боя, который протекает на самых близких дистанциях.

То обстоятельство, что сражение принимает прежний характер, в свою очередь является результатом применения старых боевых методов. Благодаря танку стало опять возможным подвозить защищенное броней штурмовое оружие непосредственно к противнику, а это, в свою очередь, допускало прицельный огонь, во много раз увеличивающий действительность огня.

Но орудийного огня стальные колоссы выдерживать не могли. Отсюда и все контрмеры, принимаемые атакующим, в виде подавления немецкой артиллерии своим артогнем, воздушной бомбардировкой и окутыванием ее дымовыми завесами. При Камбрэ все эти мероприятия еще себя оправдали. Правда, дымовые завесы оказались обоюдоострой мерой, так как при этом ухудшалась видимость и для водителей танков. Не помогали и компасы: много водителей все же совершенно теряло направление. Для командования естественный туман и искусственная дымовая завеса также сильно усложняли управление. Обстановка боя во время танкового сражения беспрерывно меняется и при этом иногда совершенно непредвиденно, как во время боя конницы. Если же имеет место еще и задымление, то не могут работать и самолеты, донесения которых являются единственным средством своевременного получения необходимых сведений.

Во время прорыва танков утром 20 ноября 1917 г. применено было смелое нововведение, а поэтому была достигнута и внезапность, которая привела к полному успеху. Но каждое нововведение, главным образом, имеет успех в начале своего применения. И одним из самых важных вопросов, возникающих при обсуждении этого боя со стороны англичан, является вопрос о том, в какой степени успех должен быть отнесен за счет «новшества», и не были ли условия при Камбрэ единственно возможными для успешного введения в дело танков — условия, которые затем отпали.

Далее следует вторая «глава» — удар конницы после пробития брешей во фронте.

В этой операции также должны были участвовать танки. К 14 ч. 30 м. юго-западнее Маркуен было стянуто свыше 30 танков, которые должны были работать во взаимодействии с кавалерией при продвижении ее к Кантен и Фонтен. Но предполагаемое наступление не было проведено вследствие того, что конница запоздала. Отказались ли в данном случае сознательно от взаимодействия с танками,— неизвестно. Но в этом не было бы ничего удивительного: эти оба рода войск никогда раньше не проводили совместных учений, и, кроме того, скорость тогдашних танков вообще

должна была крайне затруднить возможность какого-либо взаимодействия.

Итак, при Камбрэ проблема взаимодействия конницы с танками, самого старого рода войск с самым новым, осталась еще неразрешенной.

И конница, пропустив созданный для нее благоприятный момент, должна была искупить большими потоками крови свое заблуждение, состоявшее в том, что она продолжала считать, что всадник мог еще существовать на том поле боя, на котором каждый пеший боец давным-давно уже закопался бы в землю[15], ибо в противном случае он был бы также уже давно уничтожен лавиной огня.

«Глава» вторая оказалась мыльным пузырем.

Но что же надо было сделать, чтобы все вышло по-иному?

Необходимо было иметь резервы пехоты и танков. Однако, сейчас же напрашивается вопрос: как же можно было обеспечить своевременное занятие исходного положения в зоне, которая требовала подхода на расстояние в 10—15 *км*? Для этого опять-таки был необходим автотранспорт, что с технической стороны даже в то время уже не представляло особенных затруднений.

Остается еще один вопрос: действительно ли думало английское командование поставить перед атакой такие отдаленные цели? Пожалуй, нет, ибо за это не говорит выбор места для удара, ограниченного слева Северным каналом, справа — Шельдой.

Далее идет третья «глава» — отдельные танковые схватки, продолжавшиеся вплоть до начала контратаки немцев. Танки, действовавшие небольшими группами в очень ограниченном районе наступления, как будто сразу утратили все свое действие.

Отчего же? Да потому, что после 20 ноября элемента внезапности уже не было и все оборонительные средства противника были брошены на противотанковую оборону.

Кроме того, английская пехота не была обучена взаимодействию с танками и не имела поэтому необходимых знаний и доверия к ним и отставала от танков (речь идет о той пехоте, которая сменила части, дейст-

вовавшие с танками в первый и частично во второй день сражения. — Ред.).

При этом каждая атака против узких участков фронта должна вызвать противодействие неатакованных участков, если считать, что радиус действия дивизионной артиллерии в то время уже достигал 8 *км*.

20 ноября 1917 г. показало англичанам, как можно в исключительно короткий срок массовой атакой танков прорвать непреодолимые, как будто, позиции немцев во Франции. Но оно не показало, каким образом можно блестящий успех превратить в победу!

Обороняющийся

Внезапная танковая атака без какой бы то ни было артиллерийской подготовки вызвала среди пехоты в окопах на многих пунктах германского фронта полную панику. Об этом говорят сообщения английских пехотных офицеров; это чувствуется, хотя и сдержанно, в рассказах самих немцев.

Теперь, спустя много лет, мы уже хорошо знаем, какими способами могли обороняться в данном случае войска, находившиеся в окопах. Ружейно-пулеметный огонь был абсолютно недействителен; бронебойные пули также не могли дать поражения, так как попадание в верхнюю броню по нормали было невозможно: отдельными ручными гранатами ничего нельзя было сделать; бросать же связки гранат под гусеницы танка было почти немыслимо. Немногочисленные гранатометы и минометы, стрелявшие навесным огнем, могли давать только случайные попадания. Кроме того, войска не были обучены бою против танков.

Что же остается? Остается только одно, что немецкая пехота в 1917 г. вообще не обладала оружием, которое могло бы с успехом применяться против танков на открытой местности. Войска, находившиеся в окопах, могли только умереть на своих постах. Но в этом случае у англичан было бы меньше пленных и увеличилось бы только количество братских могил. На ходе же самого прорыва это не отразилось бы ни в какой степени.

К этому следует добавить, что все пехотные части, введенные в дело против танков между 21 и 29 ноября, вообще ясно не сознавали всей опасности своего положения и, как уже было сказано, вели себя геройски. Основная причина в том, что наряду со всеми солдатскими доблестями солдат еще верил в свое командование, потому что он видел, что от него не требуют ничего неразумного и что приказы в предшествующих сражениях приводили в большинстве случаев к успеху или к ограничению неудачи. Насколько времени можно было поддерживать это ценное свойство немецкого войска и веру в свое командование, когда пехоте непрестанно давали такие задания, для выполнения которых она не была соответственным образом вооружена? Вопрос этот достаточно важный, и недооценивать его нельзя.

Действие немецких батарей было построено на том, что командир батареи сам производил наблюдения или, по крайней мере, знал положение на фронте в каждую данную минуту.

Когда в дыму танкового боя прерывалась всякая связь и едва можно было различить руку перед глазами, артиллерия почти ничем не могла помочь сильно атакуемой пехоте. А позже и сами батареи были атакованы со всех сторон и захвачены противником.

Если артиллерия применяется с ничтожным влиянием на ход боя и к тому же теряет все свои орудия, то такое положение должно быть названо только недопустимо низким коэфициентом ее полезного огневого воздействия.

Германское главное военное командование имело обыкновение после каждой крупной операции обсуждать ее, делать соответствующие выводы и на основании их определять свои дальнейшие действия; выводы эти всегда доводились до сведения командования и войск. Для уяснения событий, происшедших у Камбрэ, в распоряжении высшего командования имелось достаточно данных. Наряду с донесениями участников всех рангов имелось еще около 100 танков (часть которых была в порядке), а также большое количество пленных английского танкового корпуса.

Обсудим целый ряд вопросов, которые возникают при этом исследовании и могут быть чрезвычайно важными для будущих танковых боев.

Проволочные заграждения больше не являются для танков препятствием. А так как танковой атаке не предшествует многочасовая артиллерийская подготовка, то она может быть произведена с полной внезапностью для противника. Чрезвычайно важно обсудить технические предпосылки подобной танковой атаки, так как необходимые приготовления для проведения самой атаки подскажут средства, при помощи которых подобную атаку можно будет своевременно распознать.

Необходимо выяснить, какими средствами нужно будет бороться против такой атаки в будущем, причем бороться с перспективами на успех.

Пехота совершенно не имеет годных противотанковых орудий, поэтому она должна их непременно получить на вооружение. Эти орудия должны быть постоянно при пехоте, независимо от того, расположена она на позициях или на отдыхе. Действие этих орудий должно быть испробовано на танках, захваченных у противника.

Далее следует вопрос о том, сколько же времени может пройти до того момента, когда армия сможет получить такие противотанковые орудия. Мировая война показала, что подобное новое вооружение внедряется в армию не раньше, чем через год, при условии наличия соответствующей промышленности. При этом сейчас же возникает и попутный вопрос: нужно ли наряду с противотанковыми орудиями строить и боевые машины? Необходимо учитывать, что решение всех этих вопросов в положительном смысле еще больше загрузит промышленность, производительность которой уже и так почти целиком использована.

Но вопрос следует за вопросом: если пехота сможет получить необходимое противотанковое вооружение лишь через год, что же следует делать до этого времени?

В этом случае может помочь только артиллерия. И привлечение артиллерии для противотанковой обороны в расположение пехоты решает одновременно

вопрос о том, каким образом следует как-то по-новому применять дивизионную артиллерию, чтобы она с большим эффектом была использована для борьбы с танками.

Для этой цели артиллерия, как и другие роды войск, должна отказаться от своей «сомкнутой» формы и перейти к расчлененному способу боя. Не меньше половины всей легкой дивизионной артиллерии, разделенной по-орудийно, устанавливается на пехотных позициях для борьбы с танками. Часть, остающаяся в районе расположения основных позиций артиллерии, также должна принять все меры для противотанковой обороны. При этом необходимо расположить батарейные позиции в виде ежа, который может защищаться со всех сторон. Так как при этом всегда будут необходимы передвижения орудий и батарей, а конные запряжки не могут в предвидении возможной газовой атаки располагаться в районе артиллерии, то хотя бы для одной части батарей следует предпочесть механическую тягу.

Противотанковая оборона должна использовать и пассивные меры обороны в виде заграждений и мин, но это является уже второстепенным вопросом.

Только более поздние события проливают свет на то, как и что думало в действительности высшее немецкое командование о Камбрэ. Следует вспомнить, что в это время высшее немецкое командование уже лихорадочно подготавливалось к большому сражению во Франции, которое должно было принести победу и мир.

Создается впечатление, что удачная оборона Флескьер и последующие успехи, главным образом у Фонтен, рассматривались как доказательство того, что бравая пехота может справиться и с танками.

Основные тактические положения после Камбрэ, во всяком случае, не изменились; пехота должна была обороняться и против танков. Артиллерия помогала массированным огнем со своих позиций; ей придавались только отдельные противотанковые орудия и взводы в запряжках. Определенных норм уставы не предусматривали, и обычно дивизионный участок

получал 2—4 выдвинутых вперед орудия и в лучшем случае 1 батарею конной тяги.

Было создано противотанковое оружие для пехоты, 13-*мм* винтовка и пулемет, о которых подробнее будет говориться дальше.

Для артиллерии была создана граната с бронебойной головкой. Появились также проекты немецких танков, но массовое производство их до конца войны налажено не было. Все же в ноябре 1918 г. Германия имела 45 танков, большинство из которых было захвачено у противника.

Разве не тратично, что исключительный героизм немецкой пехоты привел к такой роковой недооценке танков? Ни одному народу не обходилась так дорого ни одна победа, как обошлось Германии упорство ее войск у Камбрэ!

Во время приготовлений к решительному сражению прорыв у Камбрэ оставался для высшего командования только незначительным эпизодом. Правда, в течение одного дня германская пехота на высоте положения там не оказалась, но потом она блестяще поправила дела. О поражении больше не говорят; говорят только о победе, памятуя прусское правило: никогда нельзя нарушать престижа армии!

Для английского танкового корпуса Камбрэ является одним из самых достопамятных сражений истории, Вальми * новой стратегии, войны машин. Так, во всяком случае, выразился Фуллер осенью 1918 г. после Амьен. Но в конце 1917 г. большая часть английской армии была далека от такого мнения. Армия оставалась при своем убеждении с августа 1917 г., что предпочтение следует отдавать постройке самолетов, всевозможных орудий и снарядов, даже автомобилей и паровозов, но только не танков. И в критический момент, в середине апреля, был даже издан приказ о роспуске 2 танковых бригад, что составляло ровно треть всей наличности танков, для укомплек-

* В сражении у Вальми в восточной Франции 19 сентября 1792 года новые войска революционной Франции одержали первый успех над вербовочными войсками коалиции Австрии и Пруссии. — Ред.

тования пехоты экипажами танков[16]. Но этот приказ не был выполнен, и уже в феврале 1918 г. новый начальник английского генерального штаба увеличил личный состав танкового корпуса с 18 000 до 46 000. Для Англии это был переходный период, период колебаний, так как импульс, данный Камбрэ, оказался еще недостаточным.

ТАНКИ В ОБОРОНИТЕЛЬНОМ СРАЖЕНИИ

Приготовления немцев к большому сражению во Франции оставили все остальное в тени. Немецкое командование собирает весь цвет нации и комплектует им ударные дивизии, которые прекрасно оснащаются и основательно обучаются в тылу[17]. На рассвете 21 марта 1918 г. идет первая волна, состоящая из 37 дивизий с 6 000 орудий; она направляется по обеим сторонам Соммы против южного фланга английской армии.

От англичан не осталось скрытым сосредоточение немецких сил перед их фронтом, и они всеми силами и средствами подготовлялись к обороне.

В январе 1918 г. высшее английское командование отзывает из учебных лагерей свой танковый корпус, состоящий уже из 5 бригад (всего 13 батальонов), и рассредоточивает его в тылу фронта на протяжении в 100 *км* от Перон на юге до Бетюн на севере[18].

Танковые батальоны должны были быть приданы резервам корпусов и армий с целью использования для контрударов. В действительности разделение пошло гораздо дальше и иногда доходило до взвода.

Во всяком случае, волны потока германских атак перехлестнули через танки; иногда танки применялись с переменным успехом, но в большинстве случаев без всякого успеха. Часть танков была взорвана из-за отсутствия горючего или вследствие того, что некоторые из этих колоссов не могли выдержать продолжительных маршей. Экипажи их были переформированы в пулеметные команды.

Как признают сами англичане, подобный способ применения танков в оборонительном сражении является предостерегающим уроком на будущее.

Именно поэтому и был упомянут этот эпизод[18].

ТАНКИ ВО ВСТРЕЧНОМ БОЮ

Схема 1 в приложении и схема 3 на стр. 55

В начале апреля наступление доходит до ворот Амьена, потом оно останавливается. Через несколько дней происходит вторжение в английский фландрский фронт, которое доходит до Кеммель, и утром 27 мая немецкие ударные части начинают, наконец, штурм французских позиций у Шмен-де-Дам, между реками Элет и Эн. Это наступление, о котором будет еще говориться впоследствии, быстро принимает маневренный характер и приводит немцев в несколько дней на юге к Марне и на западе к большому лесу вокруг Виллер-Котре[19].

Тогда французы, вынужденные тяжелой необходимостью, для усиления обороны вводят в дело первые соединения своих только что созданных легких танков «Рено».

Опишем теперь сражение, данное немецкой ударной дивизией, 28-й резервной, 3 июня 1918 г. на юго-восточной опушке леса Рец.

Хотя танк «Рено», лучший танк войны, достаточно хорошо всем известен, приведем некоторые главные свойства его. Это — легкий танк, весом около 7 *т*, с экипажем в 2 человека, состоящим из командира, обслуживающего орудие в башне с круговым вращением, и водителя, находящегося впереди в полулежачем положении. Скорость его — до 8 *км* в час, очень поворотлив, радиус действия — 60 *км*. Броня достаточно мощная, не пробиваемая 8-*мм* пулями на всех дистанциях. Вооружение состоит из 1 короткой 37-*мм* пушки или пулемета во вращающейся башне; в зависимости от этого и обозначение — танк-самец или танк-самка. Наименьшая тактическая единица — взвод, состоящий из 5 машин: 3 пушечных и 2 пулеметных танков. Так как в экипаже состоит только 1 водитель, то при выбытии его из строя, например при попадании свинцовых брызг в глаза, танк продолжать движение не может[20].

Германская 28-я рез. дивизия являлась «ударной», поэтому имела усиленные штаты, была соответствую-

щим образом снаряжена и в течение нескольких месяцев обучалась в тылу. Была ли эта дивизия в 1918 т. ранее введена в дело на Сомме или во Фландрии, автору неизвестно.

Во время майской атаки у Шмен-де-Дам эта дивизия шла за передовыми дивизиями как резерв главного командования; она была введена в бой только во второй половине дня 31 мая. В это время сопротивление французов сильно окрепло. Уже вечером 31 мая часть дивизии вступила в бой, но целиком, на широком фронте, вся 28-я дивизия выступила только 1 июня; она должна была наступать в западном направлении между Корси и Троен, через долину ручья Савьер. Несмотря на своевременно введенную в дело свежую французскую 28-ю дивизию, несмотря на значительное превосходство артиллерии и воздушных сил, северному флангу дивизии удалось переправиться через ручей.

2 июня попеременно происходят ожесточенные атаки немцев и французов. К вечеру все атаки 5 французских полков, правда, были отбиты, но и немцы никаких успехов не добились. Танки «Рено», выведенные на исходную позицию, под воздействием огня германской артиллерии должны были искать укрытия в лесу [21].

К вечеру район боевых действий 28-й рез. дивизии сократился до 3,5 *км*, между Корси и Фавроль, и для продолжения наступления потребовалась новая перегруппировка сил.

Перед началом атаки 3 июня на правом (северном) участке располагался 111-й рез. пех. полк с 2-м и 3-м батальонами в боевой линии и с 1-м — в резерве; на левом участке находился 110-й рез. пех. полк с 1-м и 2-м батальонами в боевой линии и 3-м — в резерве. 109-й рез. пех. полк находился в дивизионном резерве: 1-й и 3-й батальоны стояли за правым полком первой линии и 2-й батальон — за левым. Каждый пехотный полк имел батарею сопровождения, но вся основная часть артиллерии, видимо, оставалась на холмах восточнее р. Савьер.

В 5 ч. 30 м. 3 июня в наступление должны были одновременно двинуться 3 немецких дивизии; 28-я рез. дивизия образовывала правый, т. е. северный, фланг

этой группы. Был отдан приказ о проведении сильной артиллерийской подготовки, но так как подвоз боеприпасов был очень затруднен, а запасы незначительны, то огонь мог продолжаться всего 15 минут, а огневой вал должен был совсем отпасть.

Несмотря на упорное сопротивление, немецкая пехота вначале достигла некоторых успехов. Прорвавшись с востока в Корси и перейдя дорогу на Вути, немцы распространились к западу от нее; таким образом, опушка леса была достигнута почти на всем фронте дивизии. Но тут поднялся туман, и французы открыли сильный орудийный огонь, а германская артиллерия в этот момент замолчала. Занятая местность была оставлена после того, как с фланга, с опушки леса севернее Корси, начали действовать многочисленные пулеметы. Но у опушки леса бой велся с невероятным упорством и ожесточением; потери там были чрезвычайно велики. Оборону французов поддерживали исключительно удачные действия артиллерии и штурмовых самолетов, которые продолжительное время были в воздухе.

В 6 ч. 30 м. утра с выдающегося на восток угла леса севернее Вути внезапно вышло 5 танков «Рено»[22]. Вначале они взяли направление на левый 3-й батальон 111-го рез. пех. полка и прорвали его передовые линии, которые принуждены были отступить, и на дороге были встречены своим резервным батальоном. Там и был начат бой с легкими танками и следующей за ними густой массой пехоты. 2 танка были остановлены легкими минометами батальона (вероятно, настильным огнем), но танки продолжали стрелять из пулеметов и ружейными гранатами[23]. Постепенно батальон был оттеснен еще дальше, и французы опять овладели дорогой, а местами даже прорвались через нее.

Тем временем остальные 3 танка повернули к северу. Один из них должен был вернуться, но последние два прорвались дальше, проскочили южнее ф. Сен-Поль и направились на север, все время сопровождаемые своей пехотой. Теперь 2-й батальон 111-го рез. пех. полка, находившийся на правом фланге, был почти со всех сторон окружен противником и должен был отступить. Корси было вновь занято французами.

Против 2 прорвавшихся танков было брошено, кроме батальонов 111-го рез.

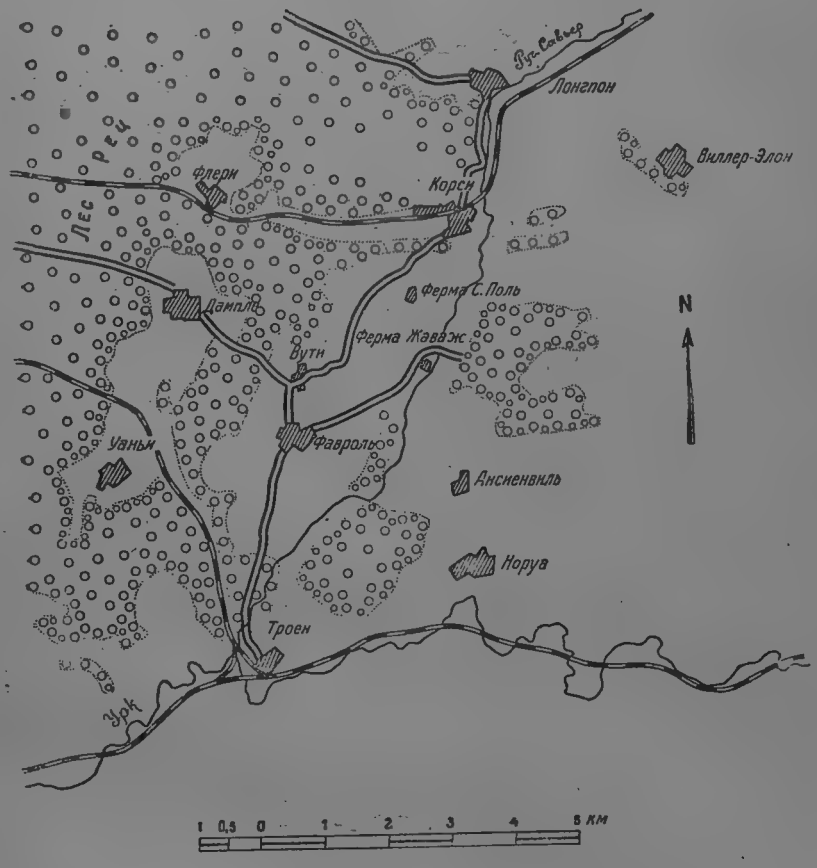


Схема 3. Поле сражения 28-й рез. дивизии 3 июня 1918 г.

полка, еще 2 батальона дивизионного резерва (!). Объединенными усилиями им удалось вывести оба танка из строя и взять в плен их экипажи.

Лишь после того, как вступил в дело южный фланг правой соседней дивизии, оказалось возможным взять

Корси обратно и оттеснить французов вновь за дорогу. На этом к 8 часам утра закончился бой пехоты. Обе стороны были совершенно истощены и понесли огромные потери; например, 111-й рез. полк потерял за 2½ часа 19 офицеров и 514 солдат, 28-я рез. дивизия опять заняла в общем свое исходное положение, атака больше не возобновлялась.

Выводы

Разве этот отчет о сражении, взятый из 33-го тома «Сражения мировой войны», не является потрясающим?

Разве можно еще продолжать говорить о том, что танки являются блефом и что они могут быть действительны лишь против войск с неустойчивым моральным состоянием?

Разве можно в бою желать большего, как с 6 солдатами, обслуживающими 3 боевые машины, сломать фронт такого отважного и опытного противника на протяжении свыше 1 *км*?

Разве одновременно не трогательно и ужасно, что 5 батальонов должны были соединиться для того, чтобы побороть эти три стальные коробки?

И это через 6 месяцев после Камбрэ! Почти через 2 года после первого появления танков![24]

ТАНКОВЫЙ БОЙ У СУАССОН (18—31 июля 1918 г.)

Схемы 1 и 4 в приложении

Немецкая атака против восточного края леса Рец приостановилась 3 июня. Для того чтобы привести фронт опять в движение, с 9 по 12 июня 18-я армия с севера атаковала район Компьень, наступая по сторонам Нуайон. 12 июня немцы пытались и с востока атаковать этот район вдоль р. Эн. Но продвижение 18-й армии не дало необходимого успешного прорыва; удар 5-й дивизии 9-й армии с востока потерпел даже серьезную неудачу. Наступление в районе Шмен-де-Дам было закончено.

Примерно, через месяц должно было начаться чудовищное сражение по обеим сторонам Реймса на фронте протяжением около 150 *км*, которое должно было окончательно привести к маневренной войне, а может быть, и к ее победоносному исходу [25].

До сих пор, так по крайней мере казалось, крупные наступления во Франции приводили к неслыханным успехам. Но все самопожертвование солдат, все усилия командования не могли повести к превращению успеха в полную победу. Каждое сражение заканчивалось только вдавливанием фронта противника. Так и теперь триумфальный прорыв у Шмен-де-Дам закончился только колоссальным вздутием фронта, который с двумя угрожаемыми флангами тянулся до Марны, и для подвоза снабжения имелся при этом единственный железнодорожный путь, проходящий восточнее Суассон.

У немецкого солдата, который в течение четырех лет терпел тягчайшие лишения и все же сражался героически, должны были к этому времени появиться сомнения в окончательной победе. Правда, немецкое командование подготовляло новые операции, но почему же будущие сражения должны были иметь больше успеха, чем предшествующие, которые проводились с отдохнувшими войсками и пополненным личным составом?

13 июня корпуса 7-й армии получили приказ готовиться к обороне.

Оборонная способность нового фронта должна была быть повышена, главным образом, за счет его развития в глубину.

Предполье было глубиной от 2 до 3 *км;* на нем и на главной линии сопротивления были в шахматном порядке расположены пулеметные гнезда. Решительный бой должен был вестись на главной линии сопротивления; оборона предполья зависела от обстановки.

Три пехотных полка каждой дивизии были расположены рядом друг с другом, в одну линию; на фронте стоял батальон первой линии, на артиллерийской прикрывающей позиции — батальон поддержки, вне пределов досягаемости нормального действия неприятельской артиллерии — отдыхающий батальон.

Артиллерия была сильно оттянута назад и глубоко эшелонирована; она могла устанавливать дальний заградительный огонь впереди предполья и ближний заградительный огонь — перед главной линией сопротивления. Об активной и пассивной противотанковой обороне писалось и говорилось очень много, но фактически была сделана только наметка ее; на фронте каждой дивизии было установлено, примерно, по два отдельных орудия, и для подвижной обороны в лучшем случае предназначался еще один пушечный взвод с конной запряжкой.

Протяжение фронта дивизии равнялось чаще 3 *км*, реже 5 *км*. Состояние войск было очень скверное вследствие больших потерь и свирепствовавшего гриппа; кроме того, весь боевой порядок был крайне разрежен в результате чрезмерного эшелонирования в глубину.

Переход к обороне не принес немцам никакого облегчения; особенно между Урк и Эн французы продолжали свои мощные атаки, поддержанные артиллерией, воздушными силами и часто танками; за сильным артиллерийским огнем обычно следовала атака танков.

С середины июня по 10 июля было проведено около 20 таких операций, обыкновенно силами около двух дивизий, поддержанных в среднем 50 легкими танками нового быстроходного типа. Результатом всего этого явилось то, что французы оттеснили немцев с позиции между Эн и лесом Рец на восток за ручьи Кёвр и Савьер. Цель этого наступления осталась для немцев неясной[26]. Но отбросить противника контратакой было невозможно, так как все имеющиеся силы были использованы в сражении у Реймса.

Слухи о том, что французы планируют наступление с целью удара по обоим крайним флангам марнского мешка, становились в июле месяце все определеннее. Говорили о том, что у леса Рец уже собраны войска и что они должны атаковать 14 июля, в день своего национального праздника.

По 7-й германской армии был отдан приказ об усиленной подготовке к обороне. В тылу фронта должна была быть организована тыловая позиция; 7-й армии

была придана еще одна ударная дивизия, которая позже сыграла большую роль.

Когда 14 июля французской атаки не последовало, положение стало особенно напряженным, так как 15-го должно было начаться большое наступление немцев по обеим сторонам Реймса.

Как известно, это наступление привело опять за Марну, на возвышенности к юго-западу от Реймса. К востоку от Реймса вообще не могли добиться каких-либо успехов. 16 июля на высотах юго-западнее Реймса были ничтожные успехи; наоборот, против южного германского фронта на Марне начались ожесточенные, усиленные танками атаки французов. 17 июля также не принесло успехов, и все это большое наступление захлебнулось. Оно не дало ничего, кроме тяжелого разочарования, и еще более подавляюще подействовало на войска и население Германии.

Надо было как можно скорее проводить давно задуманное большое наступление во Фландрии [27].

Но крупный перелом в обстановке готовился на стороне французов. Фош [28] 14-го и затем вновь 16 июня настойчиво указывал главнокомандующему французской армией ген. Петену о необходимости атаковать у Суассон. Для этого должны были быть стянуты крупные силы танков и мощная артиллерия; силы пехоты могли быть относительно слабыми.

Главной атакой, которая проводилась 10-й французской армией, должен был руководить ген. Манжен. План его был одобрен 28 июня. Он состоял из частных атак для захвата глубокой долины Кёвр и восточных выходов из большого леса Рец как исходного положения большого наступления. Французы рассчитывали, что в этих боях они встретятся с пониженным духом германской армии, а это позволило бы расширить цели наступления для уничтожения всего Марнского мешка.

8 июля план большого французского наступления был окончательно одобрен. Стратегическое сосредоточение и развертывание должны были быть проведены в течение 4 дней, начиная с 14 июля. В это время произошло германское наступление у Реймса, но оно

приостановило приготовления французов лишь на 6 часов.

Армия Манжена должна была наступать 18 дивизиями на фронте 30 *км*, из них 10 — в первом эшелоне; к югу примыкало 8 дивизий 6-й армии, а позже в наступлении приняли участие также 9-я и 5-я армии, вследствие чего фронт французского наступления растянулся до самого Реймса [29].

Наступление с танками должно было быть проведено, по возможности, внезапно, для чего 10-я армия должна была двинуться в атаку за огневым валом в 5 ч. 35 м. 18 июля без всякой артиллерийской подготовки. На каждую дивизию приходился участок в 2 *км* по фронту.

В состав 10-й армии было включено свыше 343 танков, в состав 6-й — 157 танков; затем в сражение были втянуты все имевшиеся в то время танковые войска в составе 16 батальонов (из них 7 — тяжелых и 9 — легких). 10-я армия, которая одна действовала полностью, имела по 3 батальона танков «Шнейдер», «Сен-Шамон» и «Рено».

Напомним главные характеристики тяжелых танков. «Шнейдер»: вес — 13,5 *т*, экипаж — 6 человек, вооружение — одна 75-*мм* пушка и 2 пулемета, скорость на поле боя — 4 *км* в час, радиус действия — 60 *км*. Танк «Сен-Шамон»: вес — 23 *т*, экипаж — 9 человек, вооружение — одна 75-*мм* пушка и 4 пулемета, скорость на поле боя — 4 *км* в час, радиус действия — 60 *км*.

Оба типа танков были хорошо бронированы, но обладали очень незначительной проходимостью и в механическом отношении были крайне ненадежны, особенно танк «Сен-Шамон».

3-й, 10-й, 11-й и 12-й батальоны были особенно утомлены, так как они принимали участие 10 июня в большом контрнаступлении против 18-й германской армии [30]. Все французские танки могли быть буксированы грузовиками на специальных прицепках, что значительно увеличивало их подвижность (маршевую. — Ред.)

На стр. 61 показано распределение танковых батальонов в 10-й армии.

Как мы видим, 4 дивизии на южном фланге совсем не были усилены танками; наиболее мощно был уси-

лен ими центр. Танковые части после последних сражений имели частью неполный состав, но все имели уже достаточный боевой опыт; пехота же 10-й армии далеко не вся участвовала ранее в сражениях вместе с танками.

Следует отметить, что из 343 танков в резерве армии было оставлено 130 машин, т. е. больше трети, и как раз все танки «Рено», наиболее быстроходные и надежные в техническом отношении. На фронте протяжением в 15 *км* остается всего 213 машин, что несколько маловато [31].

Замечательна быстрота введения танков в боевую линию.

Танковые батальоны	Количество машин	Корпуса	Дивизии
3-й «Шнейдер»	27	1-й	153-я
11-й и 12-й „Сен-Шамон .	60	20-й	1-я американская
4-й «Шнейдер»	48	20-й	Марокканская
1-й «Шнейдер»	48	20-й	2-я американская
10-й «Сен-Шамон»	30	30-й	38-я
1-й «Рено»	45	В резерве армии:	
2-й »	40	за 20-м (1-й и 2-й батальоны) и	
3-й »	45	30-м (3-й батальон) корпусами	

14 июля всем танковым частям отдается приказ о подтягивании в расположение 10-й армии, и в этот же день начинаются их перевозка и предварительное распределение. 15 июля производится разведка и после этого — окончательное распределение, установление выжидательных и исходных позиций. 16 и 17 июля вся работа по подготовке заканчивается; одновременно производятся уточненная разведка, налаживание связи с пехотой, сооружение передовых складов и ремонтных мастерских. В ночь на 18-е танковые части подходят к исходным позициям, расположенным за пехотой.

Об устройстве немецких позиций между Эн и Марной в 35-м томе «Сражения мировой войны» говорится следующее:

«Ни одна часть позиций не была устроена согласно основным положениям позиционной войны; сплошных окопов и сплошных глубоких проволочных заграждений вообще не было. Тут и там одиночные блиндажи и наблюдательные пункты, кое-где хорошо запрятанное проволочное заграждение, несколько углубленные дорожные канавы, скаты промоин, стенки домов, приспособленные для обороны, — вот в общем и все. Лучше всего была оборудована главная линия сопротивления, но так как с середины июня атаки противника, которые велись почти по всему фронту, непрестанно заставляли отбивать ее обратно и вновь возобновлять работы, то и она в отношении обороны была неполноценной».

Вечером 17 августа над лесом Рец пронеслась гроза с сильным ливнем. На рассвете 18 августа земля дымилась; образовался сильный наземный туман.

В 5 ч. 35 м. французская артиллерия открывает внезапный огонь; на ошеломленные немецкие войска двигаются массы танков, сопровождаемые пехотой. Вскоре они достигают главных позиций; пехота обороняется оружием, которое ничего не может сделать с танками. Вскоре в контратаку бросаются резервы, затем батальоны поддержки, но все это безуспешно. Танки продвигаются в тумане все дальше и дальше; тут и там возникают ожесточенные, но короткие схватки. В результате около 7 ч. 30 м. позиции пехоты южнее р. Эн протяжением около 15 *км* разгромлены.

В густом тумане немецкая артиллерия пытается помочь делу заградительным огнем, но переход от дальнего заградительного огня к ближнему производится слишком поздно. Понемногу туман рассеивается, и батареи обороняются от атакующих их со всех сторон танков до тех пор, пока танки не берут их в плен.

Кое-где на подходящих участках местности еще сражаются тыловые части пехоты, но когда к 10 часам утра видимость настолько проясняется, что может быть произведена воздушная разведка, французские летчики доносят командующему 10-й армией, что наступление дошло почти до Мисси-о-Буа, Шоден, подходит к Вьерзи и Виллер-Элон.

Начиная с 2 *км* южнее р. Эн до Лонгпон, немецкий фронт вообще исчез; с позиций отходят не войсковые части, а их разбитые остатки. Держалась только 115-я дивизия, и то только до полудня, потому что против нее танки не наступали.

Катастрофа германской армии казалась неотвратимой. На поле сражения бросаются ударные дивизии, сначала для того, чтобы контрударами несколько выравнять положение, позднее, около 8 ч. 45 м., для того, чтобы своевременно занять тыловую позицию и уже оттуда отражать натиск французов, — задача, которая с самого начала должна была казаться безнадежной.

Но, примерно, к 12 часам наступление французов приостанавливается. Возможно, что кончилась досягаемость подвижного заградительного огня, и продолжение атаки без предварительного подтягивания артиллерии казалось слишком рискованным. Во всяком случае, дело было не в недостатке резервов. В распоряжении французов имелись еще и танки и пехота. Кроме того, около 10 часов утра армейское командование отдало корпусам расположенные за ними 3 батальона танков «Рено», а именно 2 батальона — 20-му корпусу и 1 батальон — 30-му корпусу, но из них только 1 батальон принял участие в бою у Вокастиль с 19 часов вечера.

Где причины, что наступление остановилось, как заколдованное?

В середине дня наступил многочасовой перерыв боя, правда не одновременно на всем фронте. Немцы имели возможность кое-как привести в порядок свои соединения, установить связь между отдельными группами и восстановить хотя бы кое-где свои резервы.

Первый, но и самый тяжелый из всех кризисов, которыми изобиловало оборонительное для немцев сражение при Суассон, был преодолен.

Во второй половине дня бой кое-где опять возобновляется, но это уже не сражение, это — ряд небольших, независимых друг от друга отдельных стычек, примерно в пределах дивизии, которые все время возобновляются и приводят к ожесточенной борьбе, которая, например, на южном фланге 10-й французской армии, продолжалась до ночи. Небольшими частями

применяются и танки. В немецких сообщениях о ходе боя мы часто читаем: «Плотные цепи французов, поддержанные 5 танками, теснили наши части до тех пор, пока артиллерия не расправилась с танками».

Однако, германская тыловая позиция, поспешно занятая, держалась до самой ночи.

Как и во всех боях западного фронта, наготове имелась конница, предназначавшаяся для преследования противника[32].

10-й армии был придан французский кавалерийский корпус, 3 кавалерийские дивизии которого находились в двух группах за лесом Рец и севернее в 20 *км* за линией фронта. Кавалерии была придана моторизованная пехота, усиленная саперами, всего 6 батальонов. Командование намеревалось после прорыва германских позиций продвинуть конную массу широким фронтом между Вьерзи и Шоден, в глубокий тыл противника.

Во время сражения 18 июля ген. Манжен отдал приказ о выступлении кавалерии уже в 8 ч. 30 м. утра, но вследствие отсутствия в густом лесу достаточной сети дорог и сильного загромождения всех дорог в прифронтовой полосе кавалерия дошла до старого французского фронта лишь к 3 часам дня. Еще в течение 1 часа расстояние до боевых линий допускало переход фронта.

Но немцы вели пулеметный огонь, что следовало предвидеть заранее, конница была принуждена спешиться, и все предприятие закончилось схватками нескольких спешившихся эскадронов севернее и южнее Вьерзи.

Поздним вечером кавалерия была оттянута в армейский резерв. Вместо нее 10-й армии была придана пехотная дивизия.

Заметим, что во время этого же сражения, 21 июля, французское командование еще раз пыталось провести налет кавалерии в тыл противника, но вследствие значительной отдаленности фронта кавалерии на этот раз не удалось даже дойти до него.

День 18 июля 1918 г. окончился. Хотя он и сложился неудачно для германской армии на участке между реками Эн и Марной, где фронт протяжением до 50 *км* был местами прорван, местами вдавлен, все же

самое страшное было предотвращено тем, что ударным дивизиям и другим резервам удалось остановить французскую атаку на тыловых позициях.

Резервы продолжали сосредоточиваться со всех сторон. Опасным днем еще было 19 июля, но затем уже должны были скопиться силы в достаточном количестве.

Германский фронт обороны удержался; он укреплялся и, несмотря на чрезвычайно опасное положение, держался еще несколько дней, пока армиям не удалось отойти с тех позиций, которые представляли для них теперь ловушку, и закончить отступление за р. Вель [33].

Теперь интересно проследить, какие меры принимало командование для укрепления оборонительного фронта и устройства тыловой позиции, а также самые тактические действия и взаимодействие в бою между пехотой и артиллерией.

Все введенные в дело германские дивизии — ударные; все пехотные полки обучены работать во время атаки в самом тесном взаимодействии со своей батареей сопровождения. Благодаря совместному обучению, проведенному зимой, а также благодаря накопленному во время предыдущих сражений опыту, это взаимодействие становилось все более гладким и тесным.

Это мы можем наблюдать почти во всех сражениях 19 июля. Элемент внезапности в этот день остался в прошлом: всем было ясно, что наиболее опасными являются танковые атаки; это заметно на выборе артиллерией своих позиций, это отмечается количеством выставляемых вперед отдельных орудий, на это указывает зоркость артиллерии, с которой она следит за передвижением танков. Пехота, двигающаяся в атаку, а иногда даже и при обороне, всегда имеет при себе свои батареи сопровождения, которые все еще в полном составе устанавливаются на самых передовых позициях, откуда с полным успехом ведут борьбу с наступающими танками.

Правда, взаимодействие пехоты и артиллерии не во всех случаях проводится удачно; иногда танкам удается атаковать германскую пехоту в то время, когда поблизости нет ни батарей, ни достаточного количества орудий сопровождения. Тогда танки прорывают пози-

ции, и только при приближении к батареям они под воздействием их огня вынуждены поворачивать обратно; но и от наступающей пехоты в этих случаях остается очень мало.

Во время боев за тыловые позиции отдельные германские дивизии были уже вооружены 13-*мм* противотанковыми винтовками, но, по отзывам французов, на ход боя эти винтовки имели мало влияния.

13-*мм* противотанковая винтовка являлась паллиативом, так как армия своевременно не могла получить принятых на вооружение противотанковых пулеметов[34]. Это была однозарядная винтовка весом в 16 *кг*, с пулей со стальным сердечником весом в 52 *г* и с начальной скоростью 770 *м/сек*, которая достигалась за счет в 5 раз более сильной отдачи по сравнению с армейской винтовкой. Если пуля попадала в броню по нормали, то сердечник пробивал на дистанции около 500 *м* 20-*мм* броню.

Как мы видим, мощность действия винтовки была больше чем достаточна. Но так как сердечник представлял собой литой стальной болт, то для выведения танка из строя он должен был попасть в какую-нибудь очень ответственную часть двигателя или поразить за броней как раз тех людей из экипажа, которые были обучены водить машину, но и то и другое было маловероятно. В этом отношении более уязвим был танк «Рено», но у него водитель был очень хорошо защищен[35].

Немецкому проекту противотанкового орудия, возникшему на основании требований опыта Камбрэ, не хватает того, что можно было бы назвать «технической фантазией».

В танковом сражении у Суассон потери в танках были также довольно высоки: каждый боевой день в среднем выходило из строя около половины всех имевшихся машин и четверть всех экипажей.

Как видно из приведенной ниже таблички, французскими подвижными ремонтными мастерскими, находившимися вблизи поля сражения, ежедневно ремонтировалось и вновь отправлялось на фронт значительное количество вышедших из строя танков.

Следующие данные относятся только к тем танковым частям, которые применялись в составе 10-й французской армии (см. табл. на стр. 67).

Начиная с вечера 23 июля по 1 августа, все танковые части были вновь оттянуты за линию фронта, так как их экипажи были сильно переутомлены и истощены, а машины технически изношены.

Попробуем вычислить потери танковых экипажей.

Так как численность экипажа танков различных типов неодинакова, то счет должен вестись для тяжелых и легких машин отдельно, принимая во внимание, что потери для обоих типов пропорционально одинаковы.

День сражения	Количество танков, принимавших участие в бою	Потери		
		Танки		Экипажи (в процентах)
		От орудийных попаданий	Всего	
1918 г.				
18 июля	223	62	102	25
19 »	105	50	50	22
20 »	32	?	17	26
21 »	100	?	36	27
22 »	Все танки оттянуты обратно для ремонта			
23 »	82	?	48	?

18 июля в сражении принимало участие 223 танка. Известно, что весь 1-й батальон (45 машин) и 1 рота 2-го батальона (10 машин) состояли из танков «Рено», всего было 55 легких танков. Тяжелых танков было 168, причем экипаж их состоял в среднем из 8 человек. Теперь подсчитаем:

Типы танков	Количество	Численность экипажа	Всего человек	Потери в процентах	Потери в людях
«Рено»	55	2	110	25	28
Тяжелы	168	8	1 344	25	336

Общая сумма потерь танковых экипажей 10-й французской армии 18 июля — 364 человека.

В связи с этим интересно привести данные относительно количества людских потерь в этом же сражении у немецких дивизий (цифры взяты из 35-го тома «Сражения мировой войны»).

20 июля в тылу германского фронта собираются остатки 115-й дивизии (позиционной) и 47-я рез. дивизия (ударная), последняя без своей артиллерии. 47-я рез. дивизия имеет в своем составе 11 офицеров (за исключением полковых штабов) и 220, скажем для ровного счета 200, пехотинцев; 115-я дивизия имеет еще 56 офицеров и 1 216 пехотинцев; в состав ее артиллерийского полка входят 2 батареи по 5 орудий в каждой.

В ночь на 22 июля 46-я рез. дивизия (ударная) отводится с фронта. Из остатков 2 пехотных полков, 3 легких и 2 тяжелых батарей формируются 2 батальона общей численностью (включая полковые штабы) в 40 офицеров и 339 рядовых; они имеют 21 легкий пулемет, 27 станковых, 8 минометов и 1 полевое орудие в боевом порядке.

3 августа немецкий фронт стоял по р. Вель, позиционный выступ был планомерно очищен.

Большое наступление во Франции закончилось, а от наступления во Фландрии отказались.

Итак, на западном фронте германской армии не удалось добиться победы; больше того, противник опять получил свободу действий.

Сражение при Суассон вместе с неудавшимся наступлением восточнее Реймса является как бы поворотным пунктом истории, одним из первых тяжелых испытаний, которые выпали на долю германских войск во Франции с середины июля до ноября.

Выводы

Атакующий

План французской танковой атаки при Суассон вначале ничем не отличался от плана атаки при Камбрэ: наступление должно было начаться одновременно с открытием артиллерийского огня, атака должна была вестись под прикрытием огневого вала, предполагалось

задымление наблюдательных пунктов и зоны наступления, — словом, все происходило, как и при Камбрэ[36].

Отметим, что подобным методом французы проводили наступление впервые. Во всех танковых операциях, проведенных с июня месяца, началу атаки всегда предшествовала основательная артиллерийская подготовка. То же самое было и 11 июня, когда была произведена контратака с 160 танками против 18-й немецкой армии[37].

Возможно, что полная внезапность и захват противника врасплох, что достигалось отсутствием артиллерийской подготовки ранее, сознательно приберегались французским командованием для применения в последующей операции крупного масштаба. Но разве этот прием мог являться внезапностью? Ведь при Камбрэ сражались не только англичане, но и немцы. Не надеялись ли французы на то, что воспоминания дольше сохранятся у молота, чем у наковальни?

Но способ распределения танков в 10-й французской армии совершенно иной, чем раньше. Подобно тому как командующий армией сосредоточивает в ударной группе (20-м корпусе) свои лучшие (марокканские) и самые свежие (американские) ударные части, точно так же он придает этому корпусу почти все имеющиеся танковые части, подтягивая их в линию фронта или располагая в резерве. Кроме 20-го корпуса, машины были приданы только соседним дивизиям, находившимся справа и слева от него[38].

Мы видим, что решение командующего проявляется также и в распределении танковых сил. И это совершенно правильно, так как применение нового вида оружия может до неузнаваемости изменить способ ведения войны.

По этому распределению на фронт, примерно, в 14 *км* приходится только около 180 танков; англичане первоначально ввели на 9 *км* 380 танков. Но так как южнее 10-й французской армии также наступала 6-я французская армия и успехи той и другой находились в обоюдной зависимости, то численное сравнение здесь неуместно.

Танковая атака при Суассон впервые выдвигает новую проблему: каким образом следует продолжать наступление, когда оно доходит

до границ сферы поражения огневого вала[39].

При Камбрэ первоначальный успех должна была использовать конница, но размах сражения при Камбрэ был значительно меньше, чем при Суассон. Французы хотели продолжать наступление своими дивизиями. Но так как им были точно известны количество и районы расположения германских дивизий, то они должны были также знать, что при продолжении своего наступления они немедленно пришли бы в боевое соприкосновение с немецкими войсками второй линии.

Пойти на продолжение наступления без артиллерии было слишком рисковано. Но перемена позиций артиллерии означала бы подтягивание полевых батарей в среднем на 5 *км*. Если отдельные батареи при благоприятных условиях могли быть продвинуты и приведены в боевую готовность за час времени, то для всей артиллерийской массы это означало бы перерыв всего боя не меньше чем на 2 часа, при очень благоприятных условиях и не считая снабжения огнеприпасами сверх тех запасов, которые перевозились при батареях. Но подобное многочасовое ожидание своей артиллерии ставило бы под угрозу достигнутые ранее успехи, так как французы, учитывая качества противника, прекрасно знали, как необходима эта пауза германским войскам и как они используют ее в наивысшей степени.

Можно ли было избежать подобного перерыва операций, который разбивает бои на ряд отдельных небольших стычек вместо крупного наступательного сражения?

Да, но только одним путем — заменой обыкновенной артиллерии «артиллерией атаки», как именовали французы свои танковые войска, и немедленным продолжением наступления.

Трудно сказать, каковы были бы результаты подобного решения для исхода сражения. Теоретически рассуждая, французы должны были бы добиться дальнейших успехов уже к середине дня. Но были бы эти успехи решающими, смогли бы они полностью смести вторую и последнюю линии сопротивления немцев и смогла бы французская конница отрезать все пути снабжения для 3 находящихся на позициях армий; —

неизвестно. Столь же вероятным мог быть и весьма чувствительный контрудар немцев с фланга силами, вновь прибывшими с севера через Суассон[40]. Одно можно сказать, что цель, за которую велась бы здесь борьба, была достойна больших затрат.

Вывод для будущего таков: до тех пор нельзя будет в один прием сделать глубокое вклинение в неприятельскую позицию, пока атакующая сторона будет вынуждена дожидаться подтягивания своей артиллерии.

Введение в дело конницы не дает возможности в данном случае осветить вопрос взаимодействия ее с танками, так как до этого дело не дошло. Бесспорно только одно: если кавалерия может быть использована на поле боя лишь в качестве спешенных стрелков, т. е. если лошадь может служить только транспортным средством, то полезное действие ее в сражении ничтожно[41]. Моторизованная пехота может дать тот же эффект при меньшей затрате сил, времени и пространства; кроме того, конные массы забивают все дороги[42].

С тактической стороны танковое сражение при Суассон подтвердило опыт Камбрэ: быстроту течения боя, успешность действия танков в прорыве и уязвимость их артиллерийским огнем.

Развитие же сражения дает в этом случае те же изменения в ходе действий танков: успехов больше нет, а потери быстро увеличиваются. Французские танковые войска жалуются, что командир дивизии часто не обеспечивал необходимой артиллерийской поддержки и что немногочисленные танки никак не могли обнаружить на фронте атаки всех немецких пулеметов, не говоря уже о нейтрализации их, вследствие чего следующая за танками пехота не могла продолжать своего продвижения.

Словом, танковое сражение при Суассон (так же, как и при Камбрэ) показало французам, как можно быстро прорваться с массами танков через позиции противника, но не показало, как использовать и закрепить успех.

Обороняющийся

Германская система обороны была создана по принципам, подсказанным опытом еще тех сражений, которые начинались мощной артиллерийской подготовкой, принятой на западном фронте обеими враждующими армиями.

Все было рассредоточено с той целью, чтобы после многодневного ураганного огня осталась в живых хотя бы часть сил обороняющегося; для всемерного ослабления и расстройства противника перед главной линией сопротивления имелось предполье довольно значительной глубины.

При танковой же атаке подобное рассредоточение теряло все преимущества, но сохраняло все недостатки. В этом случае гораздо больше подходила бы старая система позиций с линиями окопов, наподобие позиций при Камбрэ.

Окопы прекрасно защищали от настильного огня танковых орудий, и, кроме того, войска в значительно большей мере находились в руках и в поле зрения своих командиров, чем на рассредоточенных позициях, когда в пылу сражения каждое гнездо было почти целиком предоставлено само себе.

Во всем остальном мнение о танках осталось таким же, как и раньше, а именно, что эти колоссы выглядят гораздо более опасными, чем они есть на самом деле («аксиома», приведенная даже в 1930 г. в 35-м томе «Сражения мировой войны»), и что хорошая пехота при соответствующей поддержке артиллерии вполне может справиться и с этой новой «чертовщиной». Начиная с июня, много немецких дивизий имело возможность на практике проверить правильность подобной теории; можно утверждать с достоверностью, что опыт, выведенный из этих сражений, стоит в остром противоречии с принципами противотанковой обороны.

Атака, произведенная утром 18 июля, была для германской армии полной неожиданностью не только с тактической, но и оперативной и стратегической точек зрения. Немецкое командование полагало, что французы все еще заняты отражением реймского на-

ступления. Поскольку с тактической точки зрения атака удалась, приходится еще раз признать, что главной причиной этого являлось применение танков.

О действии противотанковой обороны немцев при Суассон лучше всего судить по отзывам французских танковых войск, принимавших непосредственное участие в сражении. Дютиль[43] говорит, примерно, следующее: «Во время прорыва 18 июля танкам не было оказано почти никакого сопротивления, за исключением нормального артиллерийского огня. Позже противотанковая оборона стала быстро и заметно улучшаться. Для этой цели была методически организована сильная немецкая артиллерия, кроме того, было выдвинуто значительное количество одиночных орудий, которые открывали огонь лишь на ближних дистанциях. Применялись также 13-*мм* винтовки, но без сколько-нибудь ощутимого успеха; главным врагом оставалось орудие».

Совершенно ясно, что находившаяся на позициях германская пехота была утром 18 июля поставлена перед неразрешимой для нее задачей.

Упорное и героическое сопротивление во второй половине дня 18 июля ясно доказывает, что значительное большинство немецких бойцов все еще продолжало выполнять свой долг и добивалось успехов вопреки самым ужасающим трудностям во всех тех случаях, когда их ставили перед задачами, которые вообще можно выполнить. Слова «ужас перед танками», «отказ нервов» и пр., которые раздаются еще иногда, несправедливы и незаслуженны.

Когда фронт, как в данном случае германский, просто тает под атакой танков, и полезное действие войск при этом столь незначительно, что собственному уничтожению противопоставляются лишь незначительные потери противника, то такое бессилие, как показал опыт, является результатом или недостаточного вооружения, или нецелесообразного применения имеющегося оружия. К несчастью, при Суассон в германской армии имело место и то и другое.

Никто не может сказать, какой характер приняло бы течение боя, если бы немецкие войска извлекли пользу из опыта Камбрэ и хотя бы половина дивизи-

онной артиллерии, установленная в пределах позиций пехоты по-орудийно, приняла бы на себя противотанковую оборону.

Во всяком случае, вряд ли было бы возможно, чтобы французские танки, овладев фронтом 4 дивизий и ведя после этого еще полдня ожесточенный бой, потеряли под действием артиллерийского огня всего лишь 62 машины. Вряд ли и немцы потеряли бы почти всю свою артиллерию. А если бы они ее не потеряли, то прорыв был бы остановлен.

Суассон должен был показать немцам, что урок, от изучения которого они уклонились, второй раз может быть усвоен только двойной ценой.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АМЬЕН

(8 августа 1918 г.)

Схемы 1 и 5 в приложении

4 апреля англичане и французы приостановили, наконец, перед самым Амьен наступление германских войск.

В течение последующих недель и месяцев обескровленные английские войска были вновь полностью укомплектованы и снабжены всеми боевыми средствами.

Британский танковый корпус, который уменьшился с 6 до 4 бригад, получал, начиная с мая месяца, еженедельно по 60 новых танков марки «V» и марки «V звезда», которые вместе с танками «Уиппет» должны были состоять на основном вооружении танкового корпуса.

Танки марок «V» и «V звезда» имели тот же корпус, вооружение и экипаж (по численности), что и танки марки «IV».

Танк марки «V» с двигателем в 150 *л. с.* развивал среднюю скорость 5 *км* в час, которая на хорошей местности могла возрастать до 7,5 *км*. Радиус действия равнялся 40 *км*. Видимость из танка была очень хороша. Двигатель был отделен от боевого помещения. Но недостатком танка оставалась все еще скверная вентиляция. К достоинствам машины следует от-

нести ее механическую надежность, а также то усовершенствование, которое на поворотах позволяло водителю обходиться без посторонней помощи.

Танк марки «V звезда» был на 2 *м* длиннее и 4 *т* тяжелее танка марки «V». Он имел соответственно большее внутреннее помещение, что давало возможность перевозить, кроме экипажа, еще от 20 до 24 пехотинцев. Вследствие того, что при одинаковой мощности двигателя вес танка был увеличен, скорость его снизилась до 4—6,5 *км* в час и ухудшилась поворотливость.

«Уиппет», быстроходный английский танк официально называемый средним танком, имел совершенно другой корпус; в задней части шасси помещалось боевое отделение в виде небольшого закрытого со всех сторон ящика. Вес — 14 *т*, экипаж — 3 человека, вооружение — 3 пулемета, из которых один резервный, средняя скорость — 8 *км* в час, максимальная — 13 *км*, радиус действия очень большой — 60 *км*. Так как у этого танка каждая гусеница приводилась в движение отдельным двигателем и повороты осуществлялись торможением одной из гусениц, танк «Уиппет» требовал особенно подготовленных водителей.

Несмотря на все достоинства этих танков, пребывание в них во время атаки не представляло все же особого удовольствия. У экипажа танков марки «V» и «V звезда» при быстром и продолжительном движении на поле боя с закрытыми люками и при одновременной стрельбе из всех видов вооружения часто наблюдались заболевания, начинавшиеся головными болями, тошнотой и сердцебиением и кончавшиеся бредом и обмороками. Главной причиной этих угрожающих явлений была невероятная жара внутри танка и быстрое отравление воздуха отработанными газами, проникавшими через неплотные соединения выхлопных труб.

Что касается жары, то один водитель немецкого танка «А-7-V» отмечает в своем дневнике, что температура внутри танка во время сражения достигала 86° С.

Это делает понятным, почему пребывание в танке становилось столь невыносимым, что экипаж предпочитал иногда временно покидать его даже под непри-

ятельским обстрелом и искать укрытия под машиной, что неоднократно наблюдалось у всех английских танков [44], в том числе и у танков «Уиппет».

Организация танковых батальонов была различной, в зависимости от марок машин. Батальоны танков марки «V» состояли из 3 рот по 4 взвода с 3 машинами в каждом взводе; батальоны танков марки «V звезда» состояли также из 3 рот по 3 взвода с 4 машинами в каждом взводе; таким образом, каждый батальон тяжелых танков имел в своем составе по 36 машин, а каждая рота — по 12.

Батальоны средних танков имели на вооружении танки «Уиппет» в составе 48 машин, делились на 3 роты по 16 танков, каждая рота состояла из 4 взводов по 4 машины.

Фронт перед Амьен был для англичан и французов местом «спайки» их армий, последней возможностью удержать общий фронт. Уже в мае начались повторные наступления; затем, во время продвижения германских сил к Марне, наступило некоторое затишье, но уже во второй половине июня вновь возобновляется «активная оборона». 4 июля англичане продвинулись на участке шириной в 6 *км*, между Соммой и большой дорогой, проходящей через Виллер-Бретонне, чтобы занять местечко Амель и расположенные к югу от него леса и улучшить этим свой фронт.

Это наступление проводилось 3 австралийскими бригадами с 5 танковыми ротами (всего 60 танков марки «V») при мощной поддержке артиллерии. Наступление было рассчитано на внезапность. В 4 ч. 10 м. за огневым валом должна была наступать пехота; около 1 000 *м* сзади первой волны расположились танки в готовности вырваться вперед, если сопротивление противника затормозило бы продвижение пехоты. Часть артиллерии дымовыми снарядами устраивала завесу к востоку от атакуемого участка.

Это странное расположение танков — позади пехоты — имеет свою историю. В сражении при Аррас в апреле 1917 г. австралийцам очень не повезло с танками, за которыми они двигались в атаку. Контратака германцев стоила им несколько сот пленных, после чего они совершенно потеряли веру в этот новый вид

оружия. Поэтому еще и в 1918 г. австралийцы были больше уверены в своей собственной ударной силе, чем в силе танков, и оставляли их сзади в виде резерва [45].

Атака 4 июля закончилась полным успехом. Вскоре после ее начала танки обогнали австралийцев и ворвались в германские позиции. Англичане говорят, что пулеметчики немцев боролись с обычным упорством, но они были раздавлены стальными гигантами, которые, используя свою поворотливость, просто переезжали через стреляющие пулеметы.

Вскоре позиции были атакованы танками не только с фронта, но и с флангов и были немцами сданы. Англичане взяли 1 500 пленных; австралийцы потеряли убитыми и ранеными 672 человека; танковые части потеряли 16 человек ранеными и оставили на поле боя 5 машин, которые им удалось на следующую же ночь вывести. Через полчаса после того, как австралийская пехота достигла конечной цели своей атаки, 4 транспортных танка подвезли ей 25 *т* саперного имущества и сгрузили его в 500 *м* от передовой линии.

Взаимодействие между пехотой и танками было проведено в этом сражении блестяще... Австралийцы вначале совсем не предполагали, что танки освободят их от необходимости сражаться, и немедленно использовали все преимущества, которые они давали. С тех пор между австралийцами и 5-й танковой бригадой установилось полное согласие; больше того, доверие к танкам поднялось и во всей английской армии. По мнению Фуллера, это незначительное сражение имело для будущих действий больше значения, чем Камбрэ.

23 июля три французских дивизии, поддерживаемые 9-м английским танковым батальоном, атаковали предмостное укрепление немцев перед Морейль. Методы боя были здесь уже совершенно иными: наступление пехоты, которой предшествовали танки, должно было начаться с артиллерийской подготовки, продолжительностью в один час. Эта операция также увенчалась успехом.

После сражения при Суассон Фош решил, что настало время наступать и ему. Он намеревался целым рядом последовательных сражений оттеснить немцев с

важнейших участков фронта и создать этим благоприятные предпосылки для большого решающего наступления весной 1919 г.

После того как высшее английское командование 13 июля отдало приказ 4-й армии разработать план атаки на амьенском фронте, Фош на объединенном заседании 24 июля окончательно решил, что намеченный ряд наступлений должен был начаться атакой германского фронта под Амьен с целью выхода на линию Морланкур, Мерикур, Арбоньер, Анже-ан-Сантер, т. е. почти до того рубежа, который и был достигнут 8 августа.

5 августа план был расширен — наступление южнее Люс должно было быть доведено до железнодорожной линии Шон, Руа, а 6 августа днем наступления назначается 8 августа.

Главный удар должна была нанести 4-я английская армия своими 11 пехотными дивизиями, из них 8 — в первой линии, и кавалерийским корпусом в составе 3 кавалерийских дивизий. В сражении принимало участие 2 000 орудий, 400 самолетов и 580 танков; в состав последних входило 420 боевых машин. На фронте атаки англичане сосредоточили свои лучшие ударные части; кроме четырех австралийских дивизий, в сражении принимают участие еще четыре канадских дивизии, которые лишь в день сражения прибывают на фронт.

Южнее англичан наступает северный 31-й корпус 1-й французской армии с пятью дивизиями, из них 3 — в первой линии; всего в сражении со стороны французов принимало участие 600 орудий, 100 самолетов и 90 танков «Рено».

Ширина фронта наступления — 30 *км*, из которых 20 *км* падают на англичан и 10 *км* на французов.

Сражение на английском фронте предполагалось начать внезапной танковой атакой. Был стянут весь танковой корпус (за исключением 1-й бригады, которая была еще не вооружена); всего приняло участие 11 батальонов. Из них два батальона были вооружены танками «Уиппет», два — танками «M-V звезда», остальные — танками «M-V». Кроме 420 боевых танков, имелось еще 160 танков другого назначения, 42 боевых танка были выделены в технический резерв,

96 танков снабжения и 22 транспортера для орудий применялись как особенно подходящие танки снабжения.

5-я танковая бригада разделена по-ротно между отдельными австралийскими дивизиями, и номера батальонов указаны быть не могут. В тылу 4-й армии находился еще 9-й танковый батальон; он был введен в дело при Морейль, состоял из танков марки «V», но не был еще боеспособен и поэтому не учитывался.

Распределение танков

Корпус	Дивизия	Участок фронта	Танки		Линии	
			части	Количество	первая	вторая
3-й	12-я	3	—	—	1	—
3-й	18-я	2	10-й батальон	24	1	—
3-й	58-я	2	10-й батальон	12	1	—
Австралийский	3-я	3	5-я танк. бригада: батальоны 2-й, 8-й 13-й и 15-й	24	1	—
»	2-я	3	То же	24	1	—
»	4-я	—	»	54	—	1
»	5-я	—	»	42	—	1
Канадский . .	2-я	2	14-й батальон 4-й танк. бригады	36	1	—
»	1-я	3	4-й батальон 4-й танк. бригады	36	1	—
»	3-я	2	5-й батальон 4-й танк. бригады	36	1	—
»	4-я	—	1-й батальон 4-й танк. бригады	36	—	1
Кавалерийский	3-я кав.	—	3-й батальон 3-й танк. бригады	48	—	1
»	1-я кав.	—	6-й батальон 3-й танк. бригады	48	—	1
»	2-я кав.	—	—	—	—	—

3-й и 6-й батальоны имели танки «Уиппет», 1-й и 15-й — танки марки «M-V звезда», 15-й батальон поровну был распределен между 4-й и 5-й австралийскими дивизиями.

**
*

Сражение должно было начаться 8 августа в 5 ч. 20 м. утра. Две трети всех орудий, в их числе все средние

и тяжелые, сосредоточили свой огонь на германской артиллерии или вели беспокоящий огонь (по тылам) осколочными и дымовыми снарядами; оставшаяся треть образовала огневой вал, под прикрытием которого наступали танки со своей пехотой.

Через 2 часа, в 7 ч. 20 м., должна была быть достигнута первая цель атаки — линия на расстоянии около 3 *км* от передовых английских окопов, которая включала все позиции германской пехоты, но не затрагивала основной массы позиций германских батарей; лишь несколько севернее р. Люс, в районе 41-й и 117-й германских дивизий, около половины батарей было в пределах первой цели английского наступления.

После достижения первой цели атаки, что должно было произойти, как уже было сказано, в 7 ч. 20 м., предполагался перерыв атаки до 9 ч. 20 м., т. е. на 2 часа. Только в одном месте, севернее Соммы, наступление должно было возобновиться в 8 ч. 20 м. Все это было рассчитано на тот случай, если бы атака проходила согласно намеченному плану. Но если бы в нем по ходу боя что-либо изменилось (как, например, первая цель была достигнута отдельными дивизиями лишь в 8 ч. 45 м.), то перерыв должен был быть соответственно сокращен. В 9 ч. 20 м. при всех условиях атака должна была возобновиться.

За время этой двухчасовой паузы должны были быть подтянуты вперед задние эшелоны, которые, в свою очередь, должны были развивать наступление (у канадцев — резервные бригады, у австралийцев — дивизии второй линии). В течение этого же времени должна была быть произведена перемена позиций легкой артиллерии, что и было главной причиной паузы, так как после перерыва прежний огневой вал прекращался, и для атаки была необходима организация новой артиллерийской поддержки.

С 9 ч. 20 м. продвижение на участке главной атаки, южнее Соммы, продолжалась до второй цели, затем без перерыва до третьей, и только южная дивизия канадцев после достижения второй цели была сменена дивизией второй линии. Вторая цель находилась на расстоянии от 4,5 до 8 *км* от исходного положения, т. е. захватывала все немецкие войска первой линии; третья цель находилась на глубине 9 *км*.

Кавалерийский корпус с одной дивизией южнее и другой севернее Люс должен был выступить в 9 ч. 20 м. и обогнать пехоту, захватить третью цель, удержать ее до прихода пехоты и потом наступать до железнодорожной линии Руа, Шон.

На южном фланге у французов план атаки в том же самом сражении был совершенно иным. Артиллерия открывает огонь тоже в 5 ч. 20 м.; он продолжается как подготовка 1 час, до 6 ч. 20 м., и лишь вслед за этим 3 дивизии первой линии идут в атаку на возвышенность. Только после того, как они овладеют господствующими высотами [46], в первую линию вливается 53-я дивизия с двумя танковыми батальонами и атакует в направлении Анже.

Приготовления к сражению были проведены у англичан в очень короткий срок. Переброска танковых частей по железной дороге начинается 31 июля, и 5 августа она уже заканчивается. В ночь на 1 августа транспортные танки начинают подготовлять передовые склады огнеприпасов и горючего для танков.

Развертывание артиллерии, видимо, производилось в последние 3 ночи. Войска, находившиеся на позиции, до вечера 6 августа ничего не знали о предстоящем сражении. И это сохранение тайны оправдало себя полностью, так как 6-го утром 27-я германская дивизия произвела атаку, захватила около 200 пленных 18-й и 58-й английских дивизий, но о предстоящем наступлении не узнала ничего!

В последние ночи на передовую линию были отправлены роты нагруженных транспортных танков, приданные ударным дивизиям. Так, в ночь на 7 августа в фруктовых садах севернее Виллер-Бретонне находилась уже 1-я транспортная рота, тяжело нагруженная ручными гранатами, огнеприпасами для минометов, подрывными средствами для австралийцев и запасом бензина для собственного потребления.

Во второй половине дня 7 августа случайный выстрел германской артиллерии зажигает маскировочную сеть на одной машине, которая взрывается. Несколько батарей сосредоточивают на этом месте свой огонь, и в результате из 25 танков

22 также загораются и взлетают на воздух.

Недоверие, которое питали к танкам, рассеялось еще перед сражением при Амьен. Воспоминания о Камбрэ и в особенности о Амель, рассказы о Суассон — все это не оставило в английской армии никакого сомнения в том, что танки могут при атаке оказать огромную помощь. Учения, проведенные позади фронта с пехотой и танками, давали гарантию в надлежащем проведении между ними взаимодействия.

4-я английская армия начинала сражение с уверенностью в успехе.

Немецкий фронт перед Амьен был результатом первого акта большого сражения во Франции; 4 апреля движение здесь опять замерло. На этом фронте стояла 2-я армия, 3 корпуса ее имели всего 10 дивизий на фронте и 3 ударных дивизии были расположены в тылу. Англо-французское наступление было направлено против всех сил именно этой армии, кроме двух дивизионных участков.

Чисто позиционных форм войны на этом важном участке фронта никогда не было; боевые действия были все время более или менее оживленными, вследствие чего войска по-настоящему не отдыхали. Сначала происходило сооружение позиций под непрекращающимся ливнем гранат; потом многочисленные атаки, стоившие немало крови и разрушавшие созданные позиции. Вследствие этого вся работа должна была начинаться сначала!

Невозможно было получить ни достаточных подкреплений, ни необходимого количества огнеприпасов. Промышленность Германии, отрезанная от важнейших источников сырья, не могла производить такой массы военного имущества, как Америка, Англия и Франция, вместе взятые. Поэтому необходима была экономия: силы немцев подтягивались по мере необходимости к участкам фронта, на которых производилось наступление; там же, где было затишье, фронт почти оголялся.

Немецкий солдат слышал в июле 1918 г. мало утешительного: сначала остановка на Марне, затем разочарование на участке восточнее Реймса, наконец, на-

ступление французов у Суассон, увенчавшееся для противника такими успехами. К тому же известия с родины становились все печальнее...

Надежда на окончательную победу исчезла; у многих она сменилась полной безнадежностью. Лучше всего положение освещают дневники, которые приведены в 36-м томе «Сражения мировой войны», в одном из которых закаленный в сражениях командир батальона, расположенного у Амьен, пишет: «Состояние у всех было подавленное; мы знали, что стоим на потерянных постах».

Устройство немецких позиций перед Амьен было в основном таким же, как и у Суассон. На каждую дивизию с 3 рядом стоящими полками приходилось в среднем 4 *км* фронта, позиции были сильно растянуты в глубину. В отношении противотанковой обороны немцы руководствовались старыми уставами, но у оставшихся в живых после Амель и Морейль сложилось уже другое мнение. На позициях имелись уже 13-*мм* противотанковые винтовки, но неизвестно, были ли они у всех дивизий. Англичане уже познакомились с ними, они захватили часть их при Амель и только удивлялись их бесполезности.

Позиции при Амьен были очень скверными, вследствие того что оборудованные части их все снова и снова захватывались противником. На всем протяжении фронта 2-й армии из оборудованных апрельских позиций осталась только часть шириной в 2 *км* (севернее Люс); на всех остальных участках последовательными атаками немцы были оттеснены назад. Рытье окопов делалось все затруднительнее, так как войска несли большие потери и свирепствовал сильный грипп.

Позиционные дивизии должны были вести бой на полосах глубиной от 3 до 4 *км*, где должна была удерживаться главная линия сопротивления. Но и последняя во многих местах не была закончена; почти везде перед ней нехватало достаточно сильных заграждений и глубоких убежищ (штольней) на ней или непосредственно за ней. Предусмотренная позади нее прикрывающая артиллерийская позиция существовала только на бумаге.

Англичане на этом фронте имели не только численное, но и моральное превосходство. Противник ничего

не узнал об их приготовлениях к атаке, так как господство в воздухе в течение последних недель принадлежало бесспорно англичанам.

Только немецкие части, находившиеся в передовых окопах, догадывались о грядущих событиях; начиная с первых дней августа, они все чаще и чаще доносили о странных шумах, которые они приписывали танкам. Эти сообщения принимались очень неприязненно: в штабах их считали «фантазией», «нервностью».

6 августа на дороге от Айи к Моризель немецкий самолет обнаруживает около 100 танков, принадлежавших 31-му французскому корпусу. Немцы получают еще одно последнее предупреждение: к вечеру 7 августа у Бретонне взлетают на воздух 22 транспортных танка! Но это был какой-то рок: германское командование не поняло ничего.

Ночь на 8 августа прошла на немецких позициях без каких-либо особенных происшествий; южнее Соммы огневая деятельность противника была даже слабее обычной.

Начиная с середины ночи, из лощин поднимается туман, который делается все гуще. Не рассеивается он и с наступлением рассвета.

В 5 ч. 20 м. начинается внезапный сильный артиллерийский огонь, идущий по всему фронту и даже в глубину, поскольку это удается судить по разрывам. Туман делается все гуще. Немецкие войска, расположенные на позициях, не знают, ведется ли эта стрельба в отместку [47] или это уже начало сражения.

Вслед за тем внезапно сквозь туман немцы начинают различать очертания танков, которые подошли уже совсем близко, и в следующее мгновение защитники передовых линий оказываются уже в самой гуще сражения, которое для них сразу становится совершенно безнадежным. Связь давно прервана, упорное сопротивление в густом тумане кончается так, как должно кончиться, — побеждают машины.

Рассказы бойцов, приведенные в 36-м томе, рисуют потрясающую картину. Они ясно показывают, что англичане добились успехов исключительно благодаря танкам, что немецкие пулеметы были совершенно бессильны против этих стальных коробок. О действии 13-*мм* винтовок, равно как и немногих про-

тивотанковых орудий, мы в этих рассказах не находим и следа[48].

Английские танковые части подчеркивают в этом сражении хорошее взаимодействие между пехотой и танками и считают, что германское сопротивление не было столь сильным, как раньше. Это явление объясняли утомлением войск и опытом боя у Амель.

Итак, вся тяжесть защиты у немцев легла на пехоту, а вся сила атаки у союзников — на машины. Донесения с места боя говорят о том, что ударная сила английской пехоты (особенно на участке севернее Соммы) сильно снизилась к концу лета 1918 г. Если встречалось сопротивление, на помощь каждый раз должны были приходить танки. Если танков не было, наступление приостанавливалось.

Первая цель наступления англичан, лежавшая севернее Соммы, была достигнута не в 7 ч. 20 м., а только в 8 часов; южнее же реки австралийцы дошли до цели в точно назначенное время, т. е. в 7 ч. 20 м., канадские дивизии—в 7 ч. 50 м., 8 ч. 15 м. и 9 ч. 30 м. Соответственно этому перерыв между этапами боя делался все короче, а в последнем случае он вообще исчезал.

К 9 ч. 20 м. туман рассеялся, и к полудню день стал очень жарким.

Как уже было сказано, при достижении первой цели англичане заняли все германские пехотные позиции, на которых были расположены батальоны первой линии и батальоны поддержки; отдыхающие батальоны были глубоко в тылу и теперь устремились на поле сражения. На участке между Варфюзе и Люс были захвачены также батареи, чему благоприятствовал густой туман.

Германские батареи, расположенные на позициях, под разрушительным огнем англичан понесли тяжелые потери. Германская артиллерия вела до сих пор в тумане заградительный огонь и огонь на разрушение. Вследствие тумана и отсутствия всякой связи установить с точностью, что происходит впереди, было невозможно, и поэтому еще в 9 ч. 20 м. некоторые батареи стреляли огнем на разрушение по первоначальной главной линии сопротивления.

Немецкая артиллерия совершенно не использовала перерыва в бою, который на участке между Соммой и железной дорогой длился целых 2 часа. Только отдельные батареи приготовили свои орудия для стрельбы прямой наводкой, оставаясь в составе батареи. В более благоприятных условиях были батареи противотанковых орудий, которые стояли наготове в тылу (в запряжке) и могли быть подтянуты вперед, а также и зенитные орудия на автомобилях, где им удавалось вступить в дело.

Ход боя севернее Соммы согласно плану должен был быть возобновлен уже в 8 ч. 20 м. Но наступление имеет ничтожный успех; у самой же Соммы продвижение вообще замирает. Поэтому Каналберг, возвышенность северо-восточнее Шипильи, на которой было установлено около 10 легких и средних батарей, обращенных на юг, остается в руках немцев. И когда позднее туман рассеивается и австралийцы продолжают атаку, их северный фланг несет серьезные потери под фланговым огнем, направленным на танки, продвигающиеся вперед батареи и колонны.

Вторая часть сражения южнее Соммы начинается в 9 ч. 20 м. по всему фронту; за танками наступает пехота. В это же время рассеивается туман, германские батареи получают возможность ориентироваться, и танки терпят тяжелые потери. Но немного погодя все же англичанами захватывается район расположения артиллерийских позиций.

После преодоления слабого сопротивления подтянутых резервных батальонов австралийцы в 11 ч. 30 м. достигают второй цели, а в 13 ч. 30 м. — конечной. Там эти почти свежие войска согласно приказу останавливаются. Перед ними от Соммы до северной окраины Пруайар — тонкая завеса; дальше на юг до Фрамервиль нет никого, за исключением английского батальона бронеавтомобилей, речь о котором будет ниже; еще южнее — слабая 109-я германская дивизия.

На южном фланге канадцы продолжают наступление без всякого перерыва. Около 12 ч. 30 м. они, обгоняемые кавалерией, достигают второй цели; к 14 ч. 30 м. они приходят к третьей цели, преодолев слабое сопротивление 109-й немецкой дивизии. Здесь они останавливаются. Только на южном фланге канадского

корпуса после достижения второй цели была введена свежая 4-я дивизия, которой пришлось вести бой до самой ночи, для того, чтобы преодолеть сопротивление подтянутых тыловых батальонов и 1-й рез. дивизии и достигнуть третьей цели. С юга к ней примыкал французский фронт. Перед своими 2 северными дивизиями канадцы также почти не имели противника, если не считать наспех собранных слабых отрядов почти без артиллерии.

Остаются еще действия английского кавалерийского корпуса, состоявшего из 3 дивизий. Каждая кавалерийская дивизия имела по 3 бригады, составленные из 3 полков и 1 батареи конной артиллерии. Кавалерийские полки были сильно вооружены пулеметами, каждый из 3 эскадронов возил по 4 легких пулемета; кроме того, имелся 1 пулеметный эскадрон с 16 станковыми пулеметами.

Кавалерийский корпус продвигался, имея 2 дивизии в первой линии. 1-я кав. дивизия должна была наступать севернее Люс, 3-я дивизия — южнее; они должны были перегнать пехоту, идущую в атаку ко второй цели. Во главе обеих кавалерийских дивизий шел батальон танков «Уиппет», который должен был обеспечить широкий фронт и смести все проволочные заграждения.

Северная группа (1-я кав. дивизия) перегнала передовую линию пехоты между Байонвиллер, Гильокур около 10 ч. 40 м. После этого она развернула свои 3 бригады в виде веера на одной высоте, придав каждой по 1 роте танков «Уиппет» с 16 машинами.

1-я кав. бригада охватила Арбоньер и пошла в атаку на север в направлении Фрамервиль, но была задержана несколькими ротами 109-й пехотной дивизии.

Средняя 9-я и южная 2-я кав. бригады направились к верховьям Люс между Арбоньер и Кё, натолкнулись на 2 батальона 109-й пех. дивизии, которые передвигались в это время на юго-запад, и задержались с ними в боевом соприкосновении до тех пор, пока на фронт не вышла 2-я канадская дивизия и не оттеснила слабые силы немцев.

3-я кав. дивизия после перехода через Люс также развернула 3 своих бригады рядом друг с другом и придала каждой по 1 танковой роте.

Западная группа, канадская кавалерийская бригада, столкнулась у Бокур с несколькими свежими резервными батальонами; при попытке обойти их она встретилась с головой свежей немецкой дивизии (1-й резервной). Средняя группа, которая хотела вступить в этот бой, была обстреляна в конном строю сильным огнем окопавшегося немецкого батальона и понесла тяжелые потери.

Восточная группа, 7-я кав. бригада, после боя овладела возвышенностями южнее Кайё, отбросив оттуда слабую пехоту, и ударила в тыл южнее Кё, где в это время в германском фронте был большой прорыв. Но 2½ саперных баварских роты заняли на высотах старый окоп и ввели конницу в заблуждение, принудив ее к пешему бою. Вследствие этого кав. бригада вместе с 6-й кав. дивизией, которая позже также приняла участие в бою, достигла высот третьей цели лишь в 14 часов, где она остановилась в ожидании пехоты.

Ни одна из кав. дивизий первой линии не пыталась позже прорваться за третью цель: 2-я кав. дивизия вообще не участвовала в сражении.

Итак, английскому кавалерийскому корпусу нигде не удалось прорвать слабый и прерывчатый германский фронт; кавалерия оставалась перед ним до тех пор, пока английская пехота при продвижении своем к третьей цели не перегнала конницу. Задание, данное коннице, — пробиться до железнодорожной линии Руа, Шон, — осталось невыполненным.

Немецкие описания действий кавалерийских атак почти всюду подчеркивают продвижение быстроходных танков; если бы они были уничтожены, то атаки были бы отбиты еще до того, когда позднее подошли тяжелые танки и с ними пехота.

Мнение личного состава танковых батальонов («Уиппет») было таково, что взаимодействия с кавалерией вообще не было и что оба вида оружия не помогали друг другу, а скорее мешали. При наступлении, когда танки должны были

развернуться перед конницей, скорость их оказалась вообще недостаточной: их перегнали эскадроны, шедшие галопом; во время же боя конница не поспевала, она осталась позади пехоты, и поэтому танки «Уиппет» должны были вести бой самостоятельно; где представлялся удобный случай, они помогали пехоте [49].

Следует отметить, что во время сражения в последующие 2 дня наладить взаимодействие между конницей и танками «Уиппет» также не удалось. Кажется, перед боем этому не обучались; кроме того, кавалерия средних танков не признавала.

Необходимо упомянуть еще об одном эпизоде этого боя, а именно о применении 17-го бронеавтомобильного батальона австралийского корпуса. Батальону было придано несколько транспортных танков, которые в день сражения, после занятия германских пехотных позиций, должны были принять все меры к тому, чтобы сделать удобными для бронеавтомобилей проходы через двусторонние окопы на большой дороге, ведущей от Виллер-Бретонне на восток. 12 машин этого батальона обогнали австралийцев у второй цели еще в первой половине дня, после чего они в течение нескольких часов объезжали свой фронт от Соммы на севере до Фрамервиль на юге и Фукокур на востоке, обстреливали германские штабы, наполовину покинутые войсковые лагери, отходящие в тыл войсковые части и машины, — словом, увеличивали замешательство и панику.

Но так как эта охота машин за людьми была самоцелью, т. е. создаваемая паника не была использована следующими за ними английскими войсками, батальон мог расценивать свои действия как частный успех; на самом же деле это не имело никакого влияния на дальнейшие события [50].

Для будущего этот эпизод может представлять интерес только с той точки зрения, что он показал, что в культурных районах и при благоприятной погоде бронеавтомобили уже во время мировой войны обладали удовлетворительной подвижностью и, следовательно, могли в этих случаях применяться так же, как танки [51].

Вскоре после полудня танковый бой закончился. Севернее Соммы англичане застряли у первой цели (!).

Южнее реки на фронте около 10 *км* по линии третьей цели стоял австралийский корпус. Если не говорить о слабых и наспех сколоченных группах противника, перед ним не было никого, за исключением района восточнее Арбоньер, где был расположен правый фланг измученной боями 109-й немецкой дивизии, и он держался только потому, что австралийцы приостановили свое продвижение.

К югу от железнодорожной линии примыкали обе северные канадские дивизии; они были расположены на участке между железной дорогой и лощиной у Кё; перед собой противника они почти не имели, если не считать остатков резервных батальонов и 1 полка 109-й пех. дивизии. Бой еще продолжается на южном фланге, где только что введенная в дело 4-я канадская дивизия начала в 14. ч. 30 м. наступление восточнее Бокур против резервных батальонов и свежей немецкой 1-й рез. дивизии. К югу бой поддерживался французами.

Итак, перед жалкими остатками немецких сил стояли еще вполне свежие 4 австралийских и 3 канадских дивизии. Немцы, подкрепив свои силы слабой пехотной дивизией, пытаются замаскировать (закрыть — это было бы сказано слишком сильно) прорыв фронта протяжением около 14 *км*.

Итак, австралийские и канадские дивизии стоят до ночи 8 августа, не имея перед собой противника. Только около 22 часов 108-я немецкая дивизия занимает фронт между Соммой и Пруайар, а 107-я пех. дивизия — по обе стороны Римской дороги. Войска 119-й пех. дивизии появляются на участке между Кё и Кенель только к вечеру; полностью эта дивизия собирается тоже только к 20 часам.

Остановку английских войск, начиная с полудня, можно было бы назвать «чудом Амьен». Но это совсем не было чудом.

В основном англичане свою задачу разрешили. Пехота их стояла на третьей линии, железнодорожная линия Амьен, Париж не была больше под угрозой. К чему же было продвигаться дальше? Решающих

успехов добиться было трудно, так как нехватало необходимых резервов, а итти на риск сражения с подоспевшими немецкими подкреплениями, которое могло быть чревато тяжелыми потерями, они не хотели.

Да и не везде положение было таким гладким. Севернее Соммы атака была приостановлена, вследствие чего австралийцам приходилось выдерживать со стороны Шипильи такое противодействие, что северный их фланг, западнее Меркур, должен был быть оттянут на запад, а для защиты фланга потребовалось введение в дело фронтом на север резервной бригады северной дивизии, стоявшей на Сомме. Что могло бы случиться, если бы германцы использовали свои резервы не для обороны, а для флангового контрудара через Сомму на юг? Чем дальше продвинулись бы англичане на восток, тем менее благоприятным было бы их положение.

На южном фланге положение также еще было не вполне выяснено. Именно, теперь 4-я канадская дивизия вместе с французами повела наступление на Бокур, где, по сведениям, находились свежие силы немцев.

И если дивизии английской 4-й армии и не были истощены, то вполне свежими они также не могли считаться; в резерве была только кавалерия, которая на поле боя показала весьма посредственные результаты.

Танковый прорыв у Амьен закончился. К вечеру 8 августа германский фронт был занят на протяжении 30 *км* и в глубину до 11 *км*. Из 10 дивизий, находившихся на фронте 2-й германской армии, было разбито 8.

Потери немцев были очень велики; по официальным данным (том 36-й «Сражения мировой войны»), они составляли 650—700 офицеров, от 26 000 до 27 000 солдат, свыше 400 орудий и огромное количество прочего военного имущества.

Но так как по английским сведениям до утра 9 августа через счетные пункты пленных прошло 16 000 немцев, то потери убитыми и ранеными выразились всего в количестве 11 000, что сравнительно немного.

С 9 по 11 августа сражение еще продолжается, но оно выливается в ряд небольших отдельных стычек.

Танки больше успеха не имеют, немцы почти уже не отступают. По английским сообщениям, танки встретили особенно сильное противодействие германской артиллерии; сопротивление пехоты и пулеметов было слабым. Элемента внезапности больше не было; артиллерия была организована для ПТО и имела большое количество подтянутых вперед отдельно действующих орудий. Когда 10 августа 4-я канадская и свежая 32-я английская дивизии двинулись днем в наступление южнее Соммы без задымления, из 43 танков, принимавших участие в операции, было расстреляно 23.

Тем временем 10 августа во Франции был произведен второй удар по германскому фронту: в наступление между Уазой и Мондидье перешла 3-я французская армия.

11 августа у Амьен танковые бои прекращаются; танковые части истощены и отправляются в тыл.

В приведенной таблице дается размер танковых потерь. Они не совсем точны, так как каждый автор дает разные количества, но в общем они дают правильное представление.

День сражения	Количество введенных в дело танков	Потери танков
8 августа	415	100
9 »	145	39
10 »	67	30
11 »	38	?

Вместо 420 танков, двинувшихся в наступление 8 августа, в табличке указано 415, так как 5 танков выбыли из строя вследствие механических повреждений. С 9 августа действовали вновь составленные части.

Выводы

Атакующий

Ген. Раулинсон, командующий 4-й английской армией, организовал это сражение необычным образом. 5 пехотных дивизий в первой линии, расположенные рядом друг с другом, 3 пехотных и 3 кавалерийских

дивизии во второй линии двинулись во фронтальную атаку между Соммой и Национальной дорогой. Всем этим дивизиям как первой, так и второй линии были приданы танки; каждой отдельной дивизии заранее дано задание; она знала, какое расстояние она должна пройти или где должна влиться в первую линию.

Севернее Соммы продвижение происходит только с целью прикрытия фланга.

Командующий армией распределил по плану все силы, не оставив ничего в резерве, поэтому не мог иметь влияния на ход боя.

Наступление англичан 8 августа было проведено мощным фронтальным ударом. Оно с самого начала велось со всей силой при участии лучших войск. Поэтому на участке атаки южнее Соммы не было какого-либо особого пункта главного удара — на всем фронте были равномерно распределены бойцы и машины.

План атаки был таким же, как и при Камбрэ. Атака должна была начаться внезапно, без предварительной артиллерийской подготовки; танки со своей пехотой атакуют лишь под прикрытием огневого вала. Дымовая завеса используется очень широко. Характерной в этом сражении явилась особенно мощно проведенная борьба с артиллерией противника, которая велась двумя третями всех английских батарей.

Сражение при Амьен дало новое решение проблемы: как следует продолжать наступление, когда оно доходит до предела огневого вала.

У Суассон французам удалось продолжить танковую атаку до полного занятия первой германской позиции, т. е. захватить район расположения артиллерийских позиций противника. После этого должна была быть сделана некоторая пауза для подтягивания артиллерии, но эта пауза явилась концом общего наступления на всем фронте армии.

При Амьен англичане разрешают этот вопрос совершенно иначе: они также делают перерыв в сражении, но после перерыва хотят продолжать общее наступление по всему фронту, правда, уже не под защитой огневого вала.

Перерыв в наступлении англичане производят после продвижения на 3 *км*, ибо первая цель атаки лежит как раз на этой глубине. Она включает, следовательно, немецкие пехотные позиции, но не включает массу немецких батарей.

На войне правым оказывается тот, кто имеет успех, а успех имели англичане. Но позволим себе заметить, что атакующую сторону неизменно сопровождала удача и что целесообразность приостановки наступления среди немецкого расположения должна быть поставлена под сомнение.

Артиллерийское орудие было в то время не только самым опасным, но и почти единственным врагом танков. Англичане принимали все меры к тому, чтобы провести свое наступление с полной внезапностью для противника и занять позиции его пехоты и в то же время они в течение 2 часов стоят перед немецкими батареями, давая этим возможность противнику притти в себя и организовать свою оборону.

Передвижка первой цели наступления англичан на 2 *км* глубже в сторону противника не могла представить никаких трудностей для английской артиллерии и в то же время она отдала бы в руки англичан все легкие немецкие батареи еще до перерыва в наступлении, что фактически имело место у 2 северных канадских дивизий.

Был ли сильный туман утром 8 августа обычным явлением для такого времени года и в той местности или он был случайностью, нам неизвестно. Если на туман рассчитывали сознательно, то перерыв в наступлении имеет еще тот большой недочет, что после перерыва следовало ожидать рассеивания тумана, что облегчало борьбу немецких орудий с танками.

После возобновления наступления англичан (после достижения первой цели) в распоряжении их имелись, правда, подтянутые вперед, легкие батареи, но для выполнения задания более крупного масштаба они были недостаточны как по своему количеству, так и по обеспечению огнеприпасами; здесь была бы необходима позиционная артиллерия, но она осталась позади.

Вывод таков, что метод, по которому было проведено наступление английских войск, таит в себе, по меньшей

мере, большие опасности и что предпочтение должно быть отдано методу французов.

Английское танковое сражение построено на противоречии: вначале внезапный прорыв, проведенный с огромной силой; затем непосредственно за ним длинная пауза, использованная для методического приведения фронта в порядок и на одну высоту. Это трудно согласовать!

Как в сражении при Камбрэ, так и здесь, при Амьен, рядом с новейшим «бензиновым слоном» — танком — был введен в дело старейший род войск — конница; в последнем случае, правда, только для ограниченных целей. Утверждение, будто английские эскадроны вообще ничего не делали, было бы несправедливым; они, безусловно, увеличивали панику, что свидетельствует из отдельных рассказов бойцов, приведенных в томе 36-м «Сражения мировой войны».

Но этот успех ни в какой мере не соответствует введенным в дело силам конницы — 27 полкам с 56 пушками и 100 танками «Уиппет»!

Здесь, на поле боя у Амьен, против немцев, фронт которых в середине дня 8 августа был уже нешироким и неглубоким, был введен в дело целый кавалерийский корпус. Здесь больше, чем где бы то ни было, были все предпосылки для выполнения конницей ее исторических задач — исчерпывающего использования успеха. Но если коннице не повезло, то дело тут было не в английской коннице, которая после 4 лет войны была прекрасно оснащена и обучена. Неудача эта имеет более глубокие причины; она была неизбежна с периода введения магазинного и автоматического оружия.

Задача, поставленная перед конницей 8 августа, могла быть успешно разрешена лишь в том случае, если бы ей удалось прорваться на лошадях через слабый германский фронт, конечно, сильными частями, хотя бы в нескольких местах. Прорвать фронт спешенными людьми было недостаточно, так как исчезло бы превосходство в скорости конного всадника по сравнению с пехотинцами.

Как же можно было осуществить этот прорыв на лошадях?

Атака, сближение в конном строю для врубания с холодным оружием или пикой, давно уже стала почти невозможным делом, а с момента введения оружия, заряжающегося с казны, каждая такая атака превращается в поголовное истребление конницы.

Тем временем пехота получила магазинное оружие и даже пулеметы, количество которых все увеличивалось; всадник же не мог ни уменьшить своей прицельной площади, ни увеличить скорости лошади; он не мог прижиматься к земле, как пехотинец; будучи на лошади, он даже не мог отвечать на огонь. Пулеметный огонь был для него просто катастрофой. Только учтя все это, можно понять ужасающую беспомощность конницы на поле сражения.

Так как пехотинец при отступлении также не может развить скорости больше своей нормальной, т. е. в среднем 4 *км* в час, то в ближайшем тылу германских позиций, по которым ударила английская конница, все время были в движении небольшие отступающие или задерживающиеся в закрытиях сомкнутые части, всюду были легкие и тяжелые пулеметы, т. е. конница подвергалась ежеминутной опасности попасть под пулеметный обстрел.

При подобных обстоятельствах прорыв на лошадях невыполним; передние эскадроны должны были бы или отступать от противника, или спешиваться для боя, главные силы кавалерии нуждались в охранении от пулеметного огня, а все это, взятое вместе, должно было замедлить движение и сделать конницу малоповоротливой.

Можно было бы подумать, что для конницы на поле сражения лучшим дополнением был бы именно быстроходный танк, который мог прорывать фронты и был почти неуязвим для тогдашнего пехотного вооружения. Невольно напрашивается и практический пример «разделения труда»: кавалерийский танк осуществляет прорыв, прокладывает дорогу коннице, появляющейся в тылу противника. Но все это только теория!

Танк, как и всякое другое оружие, действует больше угрозой разрушения, чем самим разрушением; там, где проходит танк, прекращается неприятельское противодействие, потому что он подавляет оружие, но

большей частью оно лишь временно замолкает. В это время пехота сопровождения должна использовать защиту танков и брать в плен стрелков.

Но как же это сделать коннице? Если она пойдет по тому участку, которым завладели для нее ее танки, противник вновь откроет огонь и отбросит ее назад с большими потерями. Если же конница спешится, то она становится просто пехотой, которой к тому же надо еще охранять своих лошадей. Из этого положения не видно выхода, и бесполезно ждать какого-либо решения и от будущего. Измениться может боевая машина, но не лошадь!

Вывод таков, что кавалерия не может быть больше использована на поле сражения даже при самых благоприятных условиях, за исключением тех случаев, когда она применяется в виде «конной пехоты». Придание танков также ничего не изменяет.

Конница и танки являются двумя родами войск, которые не дополняют друг друга; поэтому они не должны применяться вместе.

Но остается еще один вопрос. Танковые бои создают такой прорыв в глубину, который может соответствовать самое большее «дееспособности» пехотинцев, т. е пешеходов. Как же должен быть использован успех? Ясно только одно, что конница для этого непригодна.

Далее, в связи с сражением при Амьен надо установить, что это было первым танковым сражением, когда пехота и танки как следует сработались и питали полное доверие друг к другу.

Техническая надежность танков марки «V» сказалась уже в том, что из 420 машин только 5 не дошли до исходного положения. Тактика прорыва осталась почти такой же: отдельные разведчики пехоты шли между машинами, которые продвигались скачками от одной части позиции противника к другой, для того, чтобы как можно скорее нейтрализовать огонь обороны.

При Амьен туман также показал себя не только как преимущество: несмотря на различные вспомогательные средства, включая компас, некоторые танковые группы совершенно теряли направление, их наступление принимало характер рукопашной схватки, они ата-

ковали врага только там, где они на него случайно натыкались.

Связь атакующих танковых частей с тылом была явно недостаточной; наиболее надежным средством связи оставался все еще всадник. В большинстве случаев командир танковой роты сопровождал атаку верхом, являясь как бы офицером связи для лучшего согласования действий между пехотой и танками.

За ходом наступления вели наблюдение летчики, донесения которых через подтянутые вперед радиотанки поступали к командованию.

Применение в этом сражении танков «Уиппет» и бронеавтомобилей показало, что броневые машины могут нейтрализовать позицию, но не могут занять ее, что поэтому никогда не следует вводить в дело только одни танки. Это — основное, чрезвычайно важное положение!

Вопрос о возможности и способе защиты танков от неприятельской артиллерии стал особенно остро 8 августа, когда масса немецких батарей была атакована танками при ярком солнечном свете без всякой поддержки английской артиллерии, а также и во время сражений в последующие дни. Пассивная защита при помощи собственной дымовой завесы, приспособления для устройства которой имелись уже в то время на танках, оказалась совершенно недостаточной. Кроме того, наибольшую опасность представляли не батареи в районе расположения артиллерии, местонахождение которых легко можно было определить и разыскать по оперативной карте, а те подтянутые вперед хорошо замаскированные отдельные орудия, которые открывали огонь лишь на дистанции меньше 1 000 *м* и в течение одной минуты уничтожали целые взводы танков!

Английская артиллерия с этими одиночными орудиями ничего не могла сделать, по крайней мере своевременно: еще до того, как она могла ознакомиться с целью по карте и открыть огонь, боевой эпизод уже кончался. Делу могло помочь только немедленное вмешательство для того, чтобы обнаружить и нейтрализовать неприятельское орудие, по возможности, еще до того, как оно откроет огонь.

Эта тяжелая задача была возложена на воздушные силы. Уже в июле 1918 г. танковому корпусу был придан постоянный авиационный отряд. Во время развертывания танков перед атакой самолеты служили для маскировки шума. Во время сражения они летали над танковыми волнами, служа воздушной обороной и разведчиками. Во время боя при Амель 4 июля 1918 г. воздушные цепи атаковали с воздуха немецкие батареи и нейтрализовали их. Теперь работу воздушных сил было решено вести по плану.

Танковому корпусу был придан второй постоянный авиационный отряд. Перед атакой пилоту каждого самолета, предназначенного для борьбы с артиллерией, давался для наблюдения участок атаки шириной не свыше 2 *км*. По карте и аэрофотосъемкам летчик на плане своего участка отмечал все места, где могли находиться противотанковые орудия. Все эти подозрительные места могли быть во время сражения взяты под особое наблюдение и время от времени обстреляны пулеметным огнем; если орудие показывалось, оно атаковалось бомбами и пулеметами в большинстве случаев еще до того, как само открывало огонь.

Результаты сражения при Амьен в отношении танков не были для англичан неожиданными. Они хорошо знали свои танки; они знали, что нашли в них не только прекрасное орудие прорыва, но и средство заставить итти в атаку измученную сражениями пехоту уже на пятом году войны!

Оперативные результаты были такими же, как и при Камбрэ: массовая атака танков пробила большую брешь в неприятельском фронте, но англичане или совсем не продолжали атаку, или продолжали ее с негодными средствами; в результате было только вдавливание фронта, которое все же освободило главную железнодорожную линию Амьен — Париж от действия орудий немецкой артиллерии.

Обороняющийся

Немцы приписывали успех танковой атаки исключительно полной ее внезапности, которую англичанам удалось осуществить 8 августа. Эту же самую мотивировку мы находим и относительно атаки при Кам-

брэ и Суассон; странным кажется, что англичанам удавалось осуществлять ее каждый раз!

Самыми полными и наиболее достоверными источниками относительно событий и взглядов на немецкой стороне является опять же 36-й том «Сражения мировой войны». Начиная с первых дней августа, войска, расположенные севернее и южнее Соммы, а также перед Виллер-Бретонне, неоднократно сообщали, что ночами они слышат шум моторов, который, по их мнению, говорит о предстоящей атаке и занятии исходного положения танками. Но атака не последовала, штабы перестали верить в нее и «насмехались над нервностью окопных частей». Это убеждение не переменилось даже после больших взрывов 7 августа в садах перед Виллер-Бретонне!

Все это говорит о том, что штабы совершенно не знали о приготовлениях англичан к танковой атаке; в противном случае было бы невозможно, чтобы они не поняли таких ясных предзнаменований. Неужели опыт сражений при Камбрэ и Суассон даже не был доведен до сведения штабов?

36-й том говорит даже больше: французам удалось 18 июля атаковать германский фронт с полной внезапностью потому, что впервые танки и пехота пошли в наступление как раз в момент открытия артиллерийского огня, но об этом в боевых документах 2-й германской армии вплоть до дивизий нет никаких сообщений, не говоря уже хотя бы о намеке на то, как держали себя войска при таком «нововведении».

Необходимо добавить, что это «нововведение» никак не могло быть действительно новостью для 2-й германской армии, даже если предположить, что высшее командование ничего не разгласило относительно Камбрэ и Суассон. Ведь та же 13-я пех. дивизия, та же 43-я рез. дивизия, которые были атакованы 8 августа, стояли на позициях уже с 4 июля и были атакованы на фронте в 6 *км* австралийцами с 60 танками по этой же новой системе, потеряв при этом Амель и свыше 1 500 пленных! Совершенно исключается, чтобы соседние дивизии, равно как и все командиры 2-й германской армии, ничего не знали о ходе сражения и об его результатах!

Немецкие позиции и вся немецкая оборона при Амьен были организованы так же, как при Суассон,

т. е. удовлетворяли требованиям артиллерийского боя; в соответствующем уставе 1917 г. был переработан опыт, накопленный во всех сражениях, начиная с лета 1916 г. Но раз противник атакует теперь с массами танков, то все это являлось уже неподходящим.

Положения относительно противотанковой обороны те же, что и в июле при сражениях с французами и американцами. О 13-*мм* винтовке в 36-м томе не говорится вообще ничего, но англичане рассказывали о большом количестве их, которые были совершенно негодны, так же, как и при Амель и во время июльских боев. Количество противотанковых орудий в районе расположения артиллерийских позиций не только не увеличилось, но даже несколько уменьшилось за счет этих винтовок крупного калибра. В среднем можно считать по 2 орудия на дивизию и, в лучшем случае, еще сзади 1 батарею в запряжке.

Итак, танкам противостояла в тумане опять только одна пехота! Она не дралась уже так упорно, как раньше; это говорят англичане и подтверждают немцы, но невольно для будущего возникает вопрос: что же должна была сделать эта пехота и что она могла сделать?

Исчерпывающий ответ на это дает 36-й том, в котором приводится ряд описаний отдельных боев, которые все показывают одно и то же: что даже самое героическое сопротивление танкам не могло помочь делу. И это самый основной и существенный пункт: пехота была противопоставлена боевой машине, для борьбы с которой она не обладала никакими средствами.

С артиллерией повторяется старая песня — она была уничтожена еще до того, как могла оказать необходимое противодействие. Это красноречиво подтверждается сравнением захваченных 400 немецких орудий и уничтоженных 100 танков. А ведь как раз 8 августа, начиная с 9 ч. 20 м. утра, условия сражения для артиллерии были сравнительно благоприятными, так как к этому времени туман уже рассеялся.

Изучая немецкую оборону при Амьен, нельзя усмотреть, чтобы германская армия сделала какие-либо практические выводы из опыта, полученного во время

сражения при Суассон, относительно необходимости более действительной противотанковой обороны.

И если все предыдущие сражения привели к убеждению, что 13-*мм* противотанковая винтовка не дала ничего, кроме разочарования, почему же не была больше использована артиллерия?

И если бы во время танкового сражения 18 июля против танков на пехотных позициях была выставлена по-орудийно хотя бы половина всей легкой артиллерии, разве это не дало бы опыта для дальнейшего применения в угрожаемых участках всех легких орудий целого полка?

Вряд ли удалось бы тогда англичанам прорваться с такими незначительными потерями; несомненно, что и у отчаявшейся немецкой пехоты были бы опорные пункты, за которые она могла бы зацепиться.

Хотя в 36-м томе и высказывается предположение, что положение 8 августа могло измениться, если бы было подтянуто несколько резервных дивизий, но к такому утверждению приходится отнестись с некоторым сомнением. Если бы эти дивизии были брошены вперед во время контратаки, они были бы просто уничтожены; если бы их использовали в тылу для организации линии сопротивления, положение в середине дня, может быть, было бы и менее угрожающим, но на исходе сражения это все равно бы не отразилось.

Вывод таков: поскольку немцы полагали, что смогут отразить танковую атаку теми же средствами, какие были годны для артиллерийского боя, постольку не помогли бы никакие подкрепления. Здесь дело не в количествах, а исключительно в методах обороны; следовало более равномерно распределять нагрузку, а не предоставлять нести всю тяжесть одной пехоте.

Взгляды немецкого командования на сражение 8 августа лучше всего иллюстрируются изданными позднее уставами, приказами и мнениями авторитетных начальников.

Пехота, застигнутая врасплох танками, потеряла будто бы голову, когда позади нее в тумане внезапно появились эти чудовища. Мнение, что пехота не оказалась на высоте положения, в немецкой военной литературе и до сих пор является господствующим.

Суждения о танке, господствовавшие до тех пор, нисколько не изменились; поэтому не изменились и принципы обороны, было только несколько усилено действие противотанковых орудий. Считали, что танки не являются длительной опасностью и угрозой для пехоты; последняя должна спокойно уступить им дорогу и принять бой с неприятельской пехотой.

Артиллерия, как и до сих пор, подтягивала вперед только одиночные орудия, которые должны были быть эшелонированы в глубину. Резервным батальонам должны были быть приданы орудийные взводы, отдыхающим батальонам — батареи в конной запряжке.

Пассивная оборона должна была быть проведена при помощи мин и всевозможных заграждений. Для артиллерии борьба с танками была самой важной задачей, важнее заградительного, разрушающего огня, борьбы с артиллерией и пр. В районе расположения артиллерии легкие батареи должны были выбрать позиции таким образом, чтобы иметь возможность открывать огонь по танкам на самых малых дистанциях.

В основном, как мы видим, оставалась опять одна пехота, поддерживаемая массовым огнем своей артиллерии из района расположения ее позиций. Артиллерийские резервы в конной упряжке, предназначенные для противотанковой обороны, были слишком слабы для того, чтобы оказать более или менее решительное влияние на исход сражения; кроме того, они оставались в составе батарей.

Трудно уяснить себе, что думали о танках в то время сами войска, в первую очередь пехота.

Один ответ был получен: 15 августа одна немецкая дивизия утверждает, будто последние сражения показали, что немецкая пехота может отразить атаку противника даже без артиллерийской поддержки, если только атака проводится не с помощью танков.

Поэтому главной задачей артиллерии является борьба с танками и уничтожение их, а для этого пехота должна стараться не подпускать наступающего неприятеля близко к орудиям.

Наперекор все чаще появлявшимся уверениям немецкого командования, будто эти стальные изрыгающие огонь великаны не так опасны, как они выглядят,

боевая действительность грозно показывала совсем иное.

Возникает еще один важный вопрос: кто же прав — немцы или англичане? Немцы, которые называют сражение при Амьен 8 августа «черным днем» германской армии и которые вписали это сражение в свою историю как «огненное знамение» катастрофы, считая его «вратами ада» к Версалю? Или англичане, которые хладнокровно объясняют, что они просто повторили свою танковую атаку при Камбрэ?

Судя с чисто оперативной точки зрения, танковое сражение 8 августа дало опять только вдавливание фронта: 9 месяцев тому назад при Камбрэ в течение нескольких часов также был сделан прорыв фронта, но тогда положение немецкой армии было гораздо более опасным, так как раньше, чем через 24 часа, нельзя было рассчитывать ни на какие подкрепления. Только что при Суассон французская танковая атака разбила немецкие линии западнее Суассон, и дело кончилось бы катастрофой, если бы ударным дивизиям не удалось удержать второй позиции. Нет, с чисто оперативной точки зрения успехи танков при Амьен были не больше, чем во время обоих предыдущих сражений; к тому же они представляли значительно меньшую опасность, чем при Камбрэ или Суассон.

Истинной катастрофой германской армии, катастрофой в смысле потери доверия к командованию, явилось то, что в третий раз блестяще удалась танковая атака на германский фронт, что все еще не было соответствующих оборонительных средств против этих чудовищ, что опять германская пехота была вынуждена одна вести немыслимый бой против машин и, в конце концов, была при этом разбита.

Германская армия не захотела внимательно изучить опыта сражения 20 ноября 1917 г., поэтому ей пришлось пережить 18 июля 1918 г. и поэтому лишь было возможно 8 августа.

Но, к счастью, опыт Камбрэ дал очень мало и англичанам: их боевые машины опять в несколько часов прорвали фронт противника, но опять они допустили анахронизм — выслали вперед кавалерию — и опять

уже к середине дня наступление было почти приостановлено.

К событиям 8 августа как для наступающей, так и для обороняющейся сторон вполне можно применить пословицу, которая была в свое время сказана относительно Бурбонов: «Ничему не научились и ничего не забыли»![52]

ОТСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ

Наступление на германский фронт продолжалось: до середины сентября — бои на старых полях сражения, напоминавших лунные ландшафты, перед позицией «Зигфрида», в конце сентября — оставление ее и, наконец, медленное отступление немцев на позиции Антверпен, Маас.

Все эти атаки велись танками; в тех случаях, когда танки участия не принимали, почти никогда не было и успеха.

Картина та же, что мы наблюдали и раньше: в начале каждого боевого эпизода массовое введение в дело танков, затем несколько дней сражений с все уменьшающимся их количеством, в заключение оттягивание их назад, в тыл, для ремонта. В начале ноября 1918 г. у союзников танки опять «иссякли»: машины были совершенно изношены технически, экипажи истощены.

Германская армия, которая сражалась уже без всяких надежд, оказывала, по словам своих противников, неодинаковое сопротивление. Случалось, что пехота сдавалась, как только приближались танки, потому что «сопротивление было все равно бесполезно». Но бывало и так, как рассказывают англичане, что им приходилось уничтожать войска, находившиеся в окопах, несколькими картечами из танковой пушки, потому что немцы, несмотря на полную свою беззащитность против танков, упорно не хотели сдаваться.

Но в тех случаях, когда танки участия в сражении не принимали, превосходство было всегда на стороне немцев.

Немцы дрались так, как им было приказано: главная тяжесть боя, даже против танков, лежала на пехоте. Введение 13-*мм* противотанковой винтовки много делу не помогло. Англичане рассказывают об одной машине, которая вернулась с поля сражения, причем

попаданиями этой винтовки было ранено 5 человек из экипажа.

Но разве можно считать действие оружия достаточным, если приходится каждой пулей выискивать за броней поодиночке людей из экипажа? Как единственное противотанковое оружие пехоты такое оружие вообще не годится.

Подтянутые вперед одиночные орудия полевой артиллерии приобретают чрезвычайно большое значение; в отдельных случаях они оказывают очень ценное действие, но их было слишком мало для того, чтобы они могли иметь сколько-нибудь решающее значение.

Вся масса артиллерии продолжала быть сосредоточенной на своих позициях, но так как танк был признан опаснейшим противником, то она обстреливала его массированным огнем там, где его видела или предполагала его присутствие.

Положение оставалось таким до конца войны. Остается осветить еще те приготовления, которые были сделаны обеими сторонами на 1919 г.

Английский министр военного снабжения Уинстон Черчиль, который, будучи еще морским министром, был одним из первых и самых влиятельных покровителей танкового дела, сообщил в июне 1918 г. английскому генеральному штабу, что на основании текущей рабочей программы Великобритания будет обладать к июню 1919 г., т. е. через год, 7 000 тяжелых и средних танков, Франция — от 8 000 до 10 000 легких танков. При этом текущие потери в боях не учитываются. Гусеничных тягачей к ним можно придать столько, сколько потребуется. Он рекомендовал генеральному штабу как можно скорее вырешить наиболее выгодные и благоприятные способы атаки.

Как только генеральный штаб занялся этим вопросом, уже в июле 1918 г. в Соединенных штатах было заказано 10 000 гусеничных тягачей, которые должны были быть готовы к весне 1919 г.

Фош в конце июля также начал заниматься идеей «механизированного боя».

Предложение Черчиля как будто должно было быть осуществлено: 10 000 танков, все в одновременном движении на фронте протяжением в 300—400 *км*, под охраной артиллерии; за ними — английская, американ-

ская и французская пехоты и позади нее — 10 000 невооруженных и небронированных тягачей для подвоза по местности всего необходимого. Дороги предоставлялись для продвижения артиллерии и резервов.

Картина поистине грандиозная и стройная, в этом ей отказать нельзя!

Само собой разумеется, что генеральные штабы изменили бы этот план; они не допустили бы того, чтобы 10 000 танков были использованы подобным образом, т. е. образовали бы один фронт, равный по протяжению 30 фронтам перед Камбрэ.

Они подумали бы об эшелонировании в глубину, что является необходимой предпосылкой для питания наступления.

Германское командование, поскольку мы можем судить об этом, и теперь не намеревалось коренным образом изменить способы ведения боя. Начиная с декабря 1918 г. до весны 1919 г., армия должна была получить 6 000 пулеметов, предназначенных для противотанковой и зенитной обороны.

Этот пулемет имел те же огнеприпасы, а следовательно, и то же действие, что и 13-*мм* винтовка, но скорострельность его была вполовину меньшей, чем у нормального пулемета. Предполагалось, что это оружие будет главной силой сопротивления пехоты при танковых атаках.

Немцы приступили также к изготовлению танков. Уже поздней осенью 1918 г. армия получает танки «А-7-V», описание которых дано у Хейгля. После этого был создан $8^1/_2$-*т* танк, наиболее удачный тип, несколько схожий с танком «Уиппет».

Этот танк должен был быть изготовлен в довольно больших количествах лишь в 1919 г., равно как и 150-*т* разборный танк.

Но Германия отстала в конструировании танков на 3 года, а в массовом производстве их — не меньше как на 2 года; поэтому и в конструктивном и в численном отношении она могла вступить в кампанию 1919 г. с значительно более слабыми силами, чем у противника. Смогла ли бы она сравняться с ним в тактическом отношении, — вопрос весьма спорный, так как до самого конца войны немногие танки, имевшиеся в германской армии, применялись без всякого знания этого

вида оружия: они были организованы в отделения по 5 машин в каждом, а иногда даже применялись поодиночке, что имело место, например, во время большого германского наступления по обеим сторонам Реймса 15 июля 1918 г.[53]

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мрачная, полная трагизма участь постигла германскую пехоту, которой немецкая армия обязана своей славой. Всю войну она, как мифический Атлас, несла на своих плечах непомерную ношу, и теперь ей приходилось почти одной и только своими телами противостоять машинам. В чем причина этого рокового явления?

Немцам действительно было трудно учесть все значение танкового сражения при Камбрэ. Еще раньше, начиная с сражения на Сомме, можно было наблюдать, как эти беспомощные стальные великаны всюду застревали и приносили в общем мало пользы; поэтому они не заслужили большого уважения ни у одной из сторон.

Потом следует танковый прорыв утром 20 ноября 1917 г., но действительно испытать на себе пришлось его только войскам, находившимся в окопах, которые почти целиком были взяты в плен.

Сражения же последующих дней как будто подтвердили тот взгляд, что пехота вполне может справиться с этими чудовищами, если она только будет выполнять свой долг.

Возможно, что тогда, в начале зимы 1917 г., когда германское командование обращало все силы и средства на подготовку большого наступления весной 1918 г., было просто выше человеческих сил и возможностей, кроме организации наступления, заниматься еще реорганизацией обороны против чудовищных машин.

Необходимо учесть, что только главное командование могло систематизировать и обработать весь опыт сражений, донесения о которых стекались со всех частей фронта; именно только главное командование, а не сами войска, которые или сидели в окопах, или ударными дивизиями шли в сражение то на одном, то на другом участке фронта.

Для большого сражения во Франции тактика атаки старой «троицы» — бойца, пулемета и орудия — была разработана в совершенстве. Полевая артиллерия должна была работать в самом тесном взаимодействии с пехотой; были созданы специальные батареи, батареи сопровождения, которые должны были итти вместе с пехотой и были обучены взаимодействию с пехотным полком. Последующие события показали, что немецкая артиллерия оказывала пехоте огромную поддержку.

Но тут произошел перелом при Суассон, нависла внезапная угроза танков и пришло сознание негодности 13-*мм* винтовки.

В то время было уже совершенно ясно, что орудие является злейшим врагом танков. Трудно понять, почему на пехоту все еще возлагалась задача отражения танков или, по крайней мере, удержания их вдали от артиллерии. Ведь сама по себе напрашивалась мысль — увеличить количество подтянутых вперед отдельных орудий, которые вполне доказали свою пригодность в борьбе с танками, короче говоря, придать артиллерии подвижность, передвинув половину, а если необходимо, то и всю полевую артиллерию в зону расположения пехоты для противотанковой обороны (само собой разумеется, — в рассредоточенном боевом порядке, т. е. по-орудийно).

То, что это не было сделано, остается тяжелой, трагической ошибкой германской артиллерии, которая не усмотрела необходимости этого, и еще более тяжелой ошибкой германского высшего командования, которое не приказало этого сделать.

ГЛАВА II

БАЛАНС 1918 г.

Выводы, которые автор делает на основании определенных событий, поневоле могут страдать некоторым субъективизмом, и, следовательно, их правильность может оспариваться. Для бóльшей убедительности этих выводов были рассмотрены все важнейшие танковые операции и указаны характерные данные каждого отдельного сражения, т. е. те факты, на основании которых и могут быть сделаны соответствующие выводы.

МАССОВАЯ ТАНКОВАЯ АТАКА

Самым замечательным достижением танков как нового боевого средства является, без сомнения, то, что под их натиском западный германский фронт совершенно потерял свою «непроницаемость»: танки прорывают значительные по ширине участки фронта очень быстро, причем войска противника или уничтожаются, или берутся в плен.

Для будущего чрезвычайно важно установить, благодаря каким именно характерным свойствам танка или каким-либо другим причинам оказались возможными подобные действия танков.

Внезапность

Танковая атака большого масштаба была единственным методом, при котором были вообще возможны полная внезапность и ошеломление противника во время сражения; это установлено с полной очевидностью. Артиллерийская подготовка совершенно отпала. В следующее мгновение после открытия штурмовой артиллерией вне-

запного огня танки первой волны врывались на позиции противника[54].

В сражениях без участия танков артиллерийский огонь должен был сперва хотя бы в нескольких местах уничтожить проволочные заграждения, подготовить пехотные позиции противника для штурма пехоты и подавить батареи; только после этого было возможно наступление пехоты. Это делало необходимой многочасовую, многодневную, иногда даже многонедельную артиллерийскую подготовку, и этот ад разрывающихся гранат всех калибров у самого непредусмотрительного обороняющегося не мог оставить сомнения в том, что предстоит атака, и даже ясно было, с какой стороны ее ожидать.

Танк преодолевает проволочные заграждения без всякого труда; при этом он делает в них проходы для следующей за ним пехоты гораздо быстрее и основательнее, чем это может сделать артиллерия.

Вывод из строя огневых средств противника

Танк мог преодолевать окопы определенной ширины и был почти неуязвим для оружия германской пехоты Поэтому при достаточной защите от артиллерийского огня он мог немедленно врываться на позиции.

Использование этих свойств давало возможность с самого начала полностью нейтрализовать действия противника. Главной целью всех тщательно разработанных мероприятий по наблюдению и связи на позициях было своевременное распознавание предполагаемых атак, с тем чтобы разбить их массированным огнем подготовленной для этого артиллерии. Если противник заранее узнавал о предполагаемой атаке, она имела уже мало шансов на успех, так как обороняющаяся сторона знала о местонахождении противника и при наличии соответствующих условий могла сосредоточить по его группировкам свой огонь.

Поэтому танковая атака, как правило, проводилась в сумерках и в тумане, который в большинстве случаев был естественным; стрельба дымовыми снарядами и дымовые завесы танков только несколько увеличивали его.

Пехотное оружие было само по себе почти совершенно недействительно против танков. Артиллерия со своих наблюдательных пунктов ничего не видела, а так как в скором времени переставала действовать всякая связь, то артиллерия не знала, где находится противник, и не могла его обстреливать. Она была фактически парализована.

Оружие бездействовало, связь была прервана, в густом тумане было видно только на ближайшем расстоянии; никто не знал, что же, собственно, происходит; становой хребет обороны был сломлен, взаимодействие прекращалось, система позиций распадалась на свои атомы, и оборона ликвидировалась.

Повышение действительности оружия наступающего

Машина под защитой брони дает возможность подвозить пулеметы и орудия на ближайшие от противника расстояния.

Это вносит коренные изменения: настильная стрельба стала гораздо более точной, действие огня неимоверно возросло; кроме того, бой, который велся на самом ближнем расстоянии, быстро приводил к решению.

Позиции противника занимались несравненно прочнее, чем раньше.

Атаки, проводимые по старому методу, методу артиллерийского подавления, давали, правда, довольно много пленных, главным образом тех частей, которые захватывались штурмующими войсками или отрезались неравномерным вклинением атакующих войск, но основная масса пехоты отходила все же фронтально назад.

Действия танков от артиллерийской атаки отличаются коренным образом: когда танковые отряды первой волны врываются на позиции, то в следующее мгновение они появляются уже на фланге и в тылу первого окопа или первого гнезда, окружают гарнизоны, уничтожают их или берут в плен. Особенно тяжелым становится положение обороняющейся пехоты, начиная с лета

1918 г., когда начали применяться танки, скорость которых на местности превышала скорость пеших бойцов. Тогда для пехоты было только два исхода: или оборона, или гибель.

Уже в течение столетий имелся род войск, обладавший на поле сражения более высокой скоростью, — это была конница. И конница ставила перед пехотой ту же дилемму: громады четырехугольников пеших бойцов или выдерживали натиск, или бывали сметены, и пехота погибала.

Повышение мощи оружия атакующей стороны возвращает нас опять к характеру сражения прежних эпох, т. е. к бою, ведущемуся с максимальной интенсивностью, по виду беспорядочному, но который приносит быстрое, ясное решение, причем победитель несет малые потери, а побежденный теряет почти все.

Взаимодействие во время танковой атаки

Хотя танк был «передовым бойцом» атаки, сметая все заграждения и врываясь в нерасстроенный фронт противника, несмотря на значительную огневую его мощь, он все же не мог сражаться один, т. е. без других родов войск.

Танку была необходима артиллерия, которая разрушает или, по крайней мере, нейтрализует батареи противника и образует перед танками огневой вал; танку нужна пехота сопровождения, которая охраняет его и берет в плен тех, кого танк на ходу лишает способности обороняться; танку, наконец, нужны самолеты для своевременного поражения противотанковых орудий и для связи и донесений [55].

Так, по крайней мере, было во время мировой войны.

Мы можем себе представить положение, когда танки смогут обойтись без помощи артиллерии. Но никогда машины не смогут захватить позиции одни, без помощи пехоты.

Это доказала война. Но она не разрешила вопроса о том, каким образом пехота будет своевременно проникать на тот самый участок, где она нужна.

Организация обороны

Позиции на западном фронте были в 1918 г. одинаковыми у обеих сторон. За глубоким предполье нахо-дилась главная позиция, рассредоточенная на гнезда; позади нее, в районе расположения артиллерии, стояли батареи, также значительно эшелонированные в глу-бину. Такая оборонительная система соответствовала опыту, накопленному во время сражений с артилле-рийской подготовкой; только при значительном рас-средоточении можно было надеяться на то, что после этой подготовки наступления останется в живых достаточное количество пулеметчиков для отражения пехотной атаки.

Такая система требованиям танкового сражения не отвечала, и тем в меньшей степени, чем больше проводилось рассредоточение. Говоря с некоторым преувеличением, для борьбы с танками следовало бы перевернуть все по-строение: артиллерия — впереди, пехота — позади, ибо с танками могло бороться только бро-небойное оружие.

В действительности же танковая опасность не по-влекла за собой сколько-нибудь существенного пере-ворота в методах ведения боя ни у наступающей, ни у обороняющейся сторон[56].

На германских пехотных позициях имелось мало орудий, действие которых было бы действительно против бронированных машин: минометы с лафетом для настильной стрельбы при стрельбе по подвижным целям давали очень незначительный процент попаданий; кроме того, их действие на малых дистанциях было огра-ничено. Поздним летом и осенью армия в довольно зна-чительном количестве получила 13-*мм* винтовки, сплошная пуля которых давала также мало эффекта (при этом винтовка имела убийственную отдачу); на-конец, были противотанковые орудия, дей-ствие которых было превосходно, но таких ору-дий имелось слишком мало.

Для того чтобы получить более ясное представление, предположим, что на германских позициях, распо-женных южнее Соммы, перед Амьен, в зоне наступ-ления англичан каждая немецкая дивизия подтянула

бы к месту расположения пехоты по 4 полевых пушки (в действительности пушек было меньше). Всего это составило бы лишь, считая 3 целых и 2 половинных дивизионных фронта за 4 целых, 16 орудий, которые на фронте протяжением в 30 *км* должны были противостоять атаке около 400 танков!

Пехота имела еще ручные гранаты, против которых танки более позднего выпуска имели все лучшую и лучшую защиту, бронебойные пули для винтовок и пулеметов, от которых броня танка отлично защищала, и обычные патроны, которые, как это ни странно, производили большое действие, так как при попадании пули в броню вблизи смотровых щелей через последние проникали внутрь танка свинцовые «брызги», которые были очень опасны для глаз и часто выводили из строя водителя танка. Особенно уязвимы в этом отношении были небольшие танки с экипажем из 2 человек, как, например, танк «Рено», ибо при ранении водителя танк не мог уже двигаться, что фактически часто и случалось. Французы, например, считают, что 50% всех ранений в танковых войсках должно быть отнесено за счет повреждений глаз.

Итак, до самого конца войны пехота не получила хорошего противотанкового вооружения. И еще раз необходимо подчеркнуть, что все блестящие успехи танковых сражений были получены при наступлениях на неприятеля, не обладавшего годными средствами обороны и не умевшего даже надлежащим образом использовать те противотанковые орудия, которые были в его распоряжении.

Развитие прорыва танков за сферу действия полевой артиллерии

Насколько типичными для всех танковых сражений являются полный первоначальный успех и быстрое занятие первой позиции, настолько же типичным является и последующее замирание наступления. Правда, во всех сражениях почти не было резервов танков[57], но главной причиной было не это, так как прорыв не развивался даже и тогда, когда еще имелись боеспособные танковые части. Создается впе-

чатление, что несовершенна сама система организации сражения или чего-то нехватает во взаимодействии пеших войск и машин, т. е. танков с пехотой.

В сражении при Камбрэ эта проблема еще не возникала, так как в первый день боя от танков не требовали ничего другого, как занятия позиций, что они полностью выполнили.

Но во время танковых сражений 1918 г. это выявляется с полной отчетливостью. Это связано с тем основным положением, что танковая атака требует сильной артиллерийской поддержки, что вполне понятно вследствие уязвимости танка для прицельного артиллерийского огня [58].

При Суассон первая немецкая позиция была прорвана 10-й французской армией при помощи атаки танков; но после этого наступление было приостановлено и возобновлено лишь после двухчасового перерыва, во время которого была подтянута часть артиллерии; следует отметить, что вначале велось общее наступление, после перерыва атака велась отдельными дивизиями.

Французы выбрали такой метод, который допускал наиболее быстрое возобновление наступления, т. е. отнимал как можно меньше времени. Если бы ген. Манжен захотел произвести второй удар всем фронтом лишь после того, как переменили позиции вся дивизионная и часть корпусной артиллерии, он мог бы перейти в атаку только на следующий день, 19 июля. Но если бы он захотел выждать, пока его артиллерия будет стоять позади пехоты и пополнит свои огнеприпасы, то возобновить наступление он смог бы не раньше, как через неделю, как это и было во многих боях 1918 г. Само собой разумеется, что от внезапности не осталось бы и следа [59].

Мы видим всегда одно и то же: если метод атаки таков, что требует действия массовой артиллерии, то атака будет всегда проводиться скачкообразно. Стягивание большого количества огнеприпасов и орудий отнимает много времени. Наибольшей дальнобойностью обладает полевая пушка: она бьет на 8 000 *м* за линию фронта. Как только атака продвинулась на это расстояние (при методе развития боя массированной ар-

тиллерией), должна быть произведена новая перемена позиций и т. д.

Если хотят использовать элемент внезапности и дальше, развивая бой с той же стремительностью, с какой он был танками начат, то не остается ничего другого, как обойтись минимальным количеством орудий уже с самого начала и еще в большей степени при дальнейшем продвижении в глубину.

Английский план сражения при Амьен можно считать попыткой разрешить эту проблему.

Англичане при дальнейшем продвижении от первой цели, начатом в 9 ч. 20 м., отказываются от огневого вала и вообще от поддержки сильной артиллерии. Двухчасовой перерыв в наступлении был использован ими для подтягивания батарей вместе с бригадами и дивизиями второй волны. Само собой разумеется, что речь тогда могла итти только о сравнительно слабой артиллерии и располагавшей только таким количеством огнеприпасов, которое могло быть перевезено на ее собственных повозках. Для разных случаев имелась еще позиционная артиллерия, особенно в первое время.

Но, как сказано, в 9 ч. 20 м. танковая атака англичан была продолжена без огневого вала (как в маневренной войне), при поддержке только слабой артиллерии. Теоретически рассуждая, это продвижение могло продолжаться до тех пор, пока могли выдержать танки или пехота.

О том, что остановка на 2 часа перед немецкими батареями и затем продолжение атаки при полном дневном свете были опасными и нецелесообразными[60], мы уже говорили. Остановка перед третьей целью была также по доброй воле 4-й английской армии.

Вывод. Недостаточно только прорваться через позиции; необходимо также разбить контрударные дивизии, и только тогда можно говорить о прорыве. Необходимо стараться сохранить стремительность операции, так как время — это все. Во время последней войны резервы на поле сражения могли прибывать не позднее, как через 36 часов.

Техника танковой атаки остановилась в середине своего развития.

ТАНКОВЫЕ БОИ

Под танковыми боями, в противоположность массовым атакам, следует понимать применение небольших танковых частей в составе пехотных соединений для атак на узком фронте.

Все действия танков после массовой атаки распадаются, как мы уже говорили выше, на отдельные бои. Наступление Антанты на германский фронт поздней осенью 1918 г. дает особенно много примеров таких сражений.

Во время этих боев способность прорыва исчезает у танков, как по мановению жезла.

Внезапности больше нет, обыкновенная оборона успевает реорганизоваться в противотанковую оборону. Это давало возможность организовать артиллерийский огонь с неатакованных соседних участков, что для танковой атаки означает во много раз увеличенное противодействие. Если же танковая атака все же и дальше прорывала пехоту, то вскоре она встречала на своем пути батареи, которые ее, по меньшей мере, задерживали. Но даже в том случае, когда удавалось справиться и с батареями, прорыв был слишком узким и, кроме того, он был отгорожен с двух сторон, что обычно сопровождалось тяжелыми потерями для прорвавшихся танков.

Если атака проводилась в виде самостоятельной операции, то она начиналась, особенно англичанами, обычно в ранние утренние часы, что давало возможность использовать естественный туман, который бывал почти ежедневно. Если по каким-либо причинам атака запаздывала, то вероятность неудачи сильно увеличивалась, а неудача приводила обычно к особенно большим потерям машин, ибо огонь всех орудий как прямой, так и непрямой наводкой был направлен исключительно по танкам.

У англичан техника задымления была разработана раньше и значительно лучше, чем у французов.

Вывод. Даже при обороне, недостаточно хорошо организованной для борьбы с танками, танковая атака может рассчитывать на успех лишь в том случае, если она ведется на широком фронте и если артиллерия обороны будет нейтрализована дымовой завесой и соответствующим противодействием своей собственной артиллерии.

Такого мнения придерживались, по крайней мере, англичане и французы во время мировой войны; они вводили в дело небольшие танковые соединения лишь в тех случаях, когда бывали вынуждены к тому, ибо, как они говорили, никто не может дать больше того, что он имеет.

Этот вывод достался тяжелой ценой: начиная с сентября 1916 г. по ноябрь 1917 г., от сражения при Сомме до фландрского сражения включительно, почти все танковые операции заканчивались неудачами, и желанный успех принесло только сражение при Камбрэ.

Поэтому для будущего можно считать установленным, что танки для атаки следует использовать только массированно.

Этого урока, преподанного мировой войной, никогда нельзя забывать.

Если начальник полагает, что когда-нибудь в будущем он сможет отправить свой танковый батальон в легкий рейд против неприятельского фронта без всякой поддержки и подготовки, то он должен заранее попрощаться с своим соединением, так как он его больше никогда не увидит.

На это могут возразить, что в октябрьских сражениях 1918 г. с успехом вводились в дело небольшие танковые соединения вплоть до взвода включительно; но в то время условия боя не были уже нормальными. Впрочем, то, что большое осеннее наступление, несмотря на превосходство в танках и материальной части, не повело к окружению фронта, а ограничилось лишь оттеснением германских войск, можно считать большим успехом немцев.

ПОТЕРИ ТАНКОВ

При описаниях танковых боев мы слышим всегда одну и ту же песню: в первый же день сражения на поле боя остается около четверти всех машин, по-

врежденных неприятельским огнем, экипаж же остальных танков так измучен, а сами машины настолько изношены, что в сражении на второй день может принимать участие не больше четверти первоначального их количества.

Сражение	1-й день сражения			2-й день сражения	
	количество танков	потери	%	количество танков	% к первоначальному количеству
При Камбрэ	378	49	13	49	13
» Суассон	342	102	30	105	31
» Амьен	420	100	24	145	35

Не заставляет ли это сопоставление задуматься? Не создается ли впечатление, что, во-первых, танк на поле сражения вел себя, как «одержимый», и поэтому через несколько дней — обыкновенно через три — погибал, и, во-вторых, что применение его на поле боя означает только огромную растрату работы и человеческой крови, от чего в будущем следует отказаться?

Все эти вопросы должны быть тщательно обсуждены.

Истощение экипажа танков происходило вследствие технического несовершенства танков (о чем мы уже говорили выше), недостаточной надежности их в целом (особенно при движении на местности) и ужасных условий внутри танков (особенно во время сражения). У современных танков все это значительно усовершенствовано.

Для будущего остаются в силе только, во-первых, неизбежный механический износ танка, свойственный и всякой другой машине, для танка несколько больший, так как он является вездеходной машиной и эксплоатируется на всякой местности, и, во-вторых, то обстоятельство, что при непрерывной работе человек оказывается слабее машины и быстрее сдает.

Но все эти вопросы имеют второстепенное значение; ими не следует, конечно, пренебрегать, но они не являются чем-либо необычным, так как эти соображения

должны учитываться во всех случаях использования машины и человека.

Поэтому ограничимся рассмотрением вопроса, были ли потери танков чрезмерными. Эти потери следует подразделить на потери убитыми и ранеными и на потери в материальной части.

Потери убитыми и ранеными

При разборе танкового сражения под Суассон было подсчитано, что общие потери убитыми и ранеными у танковых войск 10-й французской армии в день прорыва равнялись 364 человекам. По сравнению с той ролью, которую танки имели во время сражения, такое число жертв ничтожно мало.

Но статистические данные о потерях за весь последующий период являются еще более ценными. Вот они.

Из 96 дней, прошедших с 8 августа 1918 г. до конца войны, английский танковый корпус был занят в сражениях 39 дней, что составляет 1 993 танковых и бронеавтомобильных дня. При личном составе корпуса в 9 500 человек общие потери убитыми, ранеными, взятыми в плен и пропавшими без вести составляли за это время 598 офицеров и 2 557 нижних чинов.

За период с 18 июля 1918 г. до конца войны французский танковый корпус был занят в сражениях 45 дней. Всего за весь 1918 г. он имел 3 988 танко-боевых дней, из которых 3 140 падает на танки «Рено», 473 — на танки «Шнейдер» и 375 — на танки «Сен-Шамон». Эти цифры являются одновременно ярким показателем сравнительной ценности каждого отдельного типа танка. Личный состав танковых войск составлял в августе 1918 г. всего 14 649 человек; с 15 июля до конца войны убитыми и ранеными было потеряно около 300 офицеров и 2 300 нижних чинов, не считая взятых в плен и пропавших без вести.

Общие потери у танковых войск можно считать почти одинаковыми как у англичан, так и у французов; они составляют около 3 000 человек за период, начиная от сражения при Суассон и Амьен и до конца войны.

Если же учесть, на какое количество боевых дней делятся эти потери, если вспомнить, что каждый раз атаку вели именно танки, и если учесть огром-

ную роль танков во всех сражениях, имевших место за последние полгода войны, то эти потери надо признать исключительно низкими: 77 человек на 1 боевой день у англичан и 67 человек у французов.

Однако, эта статистика потерь основана на довольно широком базисе, для того чтобы считаться безупречной. Известно, что эти потери представляют средние числа для введенных в дело отдельных дивизий; отдельные примеры быстрого истребления пехотных дивизий при обороне были уже приведены при описании сражения при Суассон. Но потери были также велики и при атаках: средние потери германских ударных дивизий, после того как они оттягивались в тыл, обычно после 5—6 боевых дней, составляли до 2 500 человек. В особенно критических положениях как при наступлении, так и при обороне дивизии «сгорали» полностью в течение нескольких часов.

Возникает вопрос: каких бы потерь англичанам и французам стоили эти 40 боевых дней, для которых приведена статистика танковых потерь, если бы эти сражения проводились без танков, не говоря уже о том, что неизвестно, могли ли вообще осуществиться такие же успехи?

Таким образом, сравнение статистики потерь пехоты со статистикой потерь танковых войск заставляет сделать вывод, что танки во время мировой войны сэкономили огромное количество крови тем, кто их применял.

Потери машинами

По данным англичан, во время сражений при Камбрэ они потеряли около 100 танков; эти потери являлись безвозвратными, так как местность, на которой остались танки, была отдана немцам.

Во время всех атак англичан и французов во второй половине 1918 г. условия были совершенно другими: когда какой-либо участок местности захватывался, он продолжительное время оставался в руках наступавших. Танки, потерявшие под действием неприятельского огня способность передвигаться собственным ходом, застрявшие на местности или выбывшие

из строя вследствие каких-либо технических неисправностей, оставались, в конце концов, все же в руках наступавших и затем, в зависимости от серьезности повреждений, могли быть отремонтированы в походных мастерских, или в более мощно оборудованных мастерских, расположенных на этапах и в глубоком тылу. В крайнем случае, когда танк не мог быть отремонтирован, его разбирали и использовали отдельные части для ремонта других менее поврежденных машин.

По этому вопросу у англичан имеются исчерпывающие данные.

Как уже было упомянуто, англичане считают с 8 августа до окончания войны 1 993 боевых танковых и бронеавтомобильных дней; другими словами, танки и бронеавтомобили были введены в бой 1 993 раза.

Английскими спасательными отрядами [61] было эвакуировано с поля боя всего 887 машин. Из них 15 были настолько повреждены, что не могли быть отремонтированы; 559 танков с незначительными повреждениями были приведены в боевую готовность в походных мастерских и на месте немедленно сданы опять войскам, и только 313 машин должны были быть отправлены в центральные мастерские, откуда 204 танка после восстановления были вновь отправлены на фронт.

По этой статистике выходит, что за период времени с амьенского сражения до конца войны было безвозвратно потеряно всего 124 машины, из них 15 совершенно разбиты и 109 не вернулись на фронт из центральных мастерских.

Эти данные полностью опровергают мнение о чрезвычайно высоких потерях машин. Можно было бы сказать, что соотношение между «убитыми и ранеными» у боевых машин значительно благоприятнее, чем у бойцов.

Эти данные могут быть дополнены еще другими, также идущими из английских источников, которые сравнивают стоимость потерянных во время танковых сражений машин со стоимостью огнеприпасов, израсходованных во время артиллерийских боев.

На трехнедельную артиллерийскую подготовку фландрского сражения англичанами было потрачено около 4 500 тыс. снарядов при средней цене снаряда в 5 фунт. стерлингов, или 100 марок.

При Камбрэ 20 ноября 1917 г. было израсходовано 293 000 снарядов и введено в дело 378 танков. Стоимость английского тяжелого танка марки «IV» равна стоимости 1 000 артиллерийских снарядов, т. е. 100 000 маркам. Далее говорится: сражение при Камбрэ стоило бы меньше денег по сравнению с фландрским сражением даже в том случае, если бы были целиком уничтожены все 378 танков, ибо на сэкономленные 4 млн. артиллерийских снарядов можно было построить 4 000 таких танков. Пример достаточно убедителен.

Отсюда следует, что танк во время мировой войны дал не только сокращение потерь убитыми и ранеными, но также сэкономил много денег и рабочей силы.

Выводы

Танк мировой войны был не «пугалом», выпущенным против германских сил, а новым боевым средством сильного действия.

Наконец-то были использованы технические достижения, которые оказались на пользу наступающей стороне! Бурное развитие огнестрельного оружия после наполеоновских войн, появление удлиненной пули, заряжающегося с казны орудия, магазинного оружия, новых метательных и подрывных средств и пр. — все это в первую очередь увеличивало силу сопротивления обороны, т. е. делало атаку более трудной. И, наконец, мировая война доказала, что самозаряжающееся оружие и пулеметы всех типов развивают такую сокрушительную огневую мощь, что без предварительного уничтожения их ни одна атака не может рассчитывать на успех.

Действие пулеметного огня по атакующей пехоте было подавляющее и являлось главной причиной того, что война стала столь затяжной и превратилась, в конце концов, в позиционную.

История возникновения танка станет яснее всего из рассказов, которые распространились во Франции.

Полк. Этьен старался разрешить вопрос, каким образом провести французскую атаку против немецких пулеметов. Он пришел к убеждению, что под силу это может быть только пулеметчику, который будет забронирован. Но так как стрелок никак не может нести на себе и пулемет и броню, то за него это должна сделать машина, для обслуживания которой необходим еще один боец. Этим были даны основные положения для танка «Рено».

Итак, танк был средством против вселявших страх и ужас немецких пулеметов; поэтому англичане, которые пришли к изобретению танка самостоятельно от французов, называли его вначале «пулеметным истребителем».

Так как пулемет, действие которого до сих пор накладывало основной отпечаток на всю войну, с появлением танка сразу потерял свое значение, то изменяется также общий характер боя: он получает быстрый исход, как и раньше или, вернее, как всегда, когда имелось пригодное оружие.

Единственным быстродействующим и надежным средством против пулемета является бронированная вездеходная машина.

Это с достаточной убедительностью говорит о том, что во время будущей войны танк обязательно примет в ней участие, но это будет уже современный танк, значительно более усовершенствованный и в тактическом и в техническом отношении.

Гораздо менее ясен тот путь, по которому в будущем пойдет применение танков, так как в этом направлении мировая война показала только начало[62]. Впервые танки удачно были применены в ноябре 1917 г., а первые значительные и удачные наступления с массовым применением танков проводились только в последние 4 месяца войны, да и то количество танков для глубокого прорыва было совершенно недостаточно.

Обучение армии взаимодействию с танками было до самого последнего времени войны совершенно недостаточным и остановилось в самом начале; отчасти

было слишком мало времени для его развития и углубления. Поэтому танк пришел в армию просто как новое боевое средство, причем остальные виды войск оставались совершенно неизменными. Вопрос о том, не целесообразно ли для танковой атаки организовать как-то иначе другие роды войск для лучшего взаимодействия с вездеходными машинами, должно окончательно разрешить будущее, которое должно ответить и на все другие вопросы, связанные с понятием танковой войны.

Во время войны все блестящие успехи были достигнуты против фронта, не оснащенного соответствующим образом для борьбы с танковой атакой; поэтому неизвестно, каков будет в будущем успех при атаке позиции, на которой будут сделаны все приготовления для встречи танков.

Танк — это не только прошлое, но и будущее. Этот вывод должен повлечь за собой большие последствия, так как при таком разительном изменении характера сражения должны измениться также вооружение, организация и состав войск и способ применения всех родов войск в армии.

А все это означает переворот в военном деле.

Ген.-майор Фуллер, бывший начальник штаба английского танкового корпуса, утверждает, что ни одна человеческая организация, за исключением церкви, не придерживается старых взглядов в такой степени, как армия. Автор полагает, что Фуллер прав.

Организация государственной обороны, которая в мирное время в значительной степени проводится армией, является самой мощной организацией современного государства. Неправильные положения относительно способов ведения войны и боя могут повести не только к гибельным последствиям для армии они могут угрожать самому существованию государства; поэтому необходима сугубая осторожность как в отношении принятия новых взглядов, так и в отношении косности ко всему старому.

Что касается вопроса танковой войны, разрешить который должно будущее, то следовало бы сначала установить, имеют ли вообще государства «право реше-

ния» или они стоят перед положением, которому они принудительно должны подчиниться; другими словами, возможно ли для будущего предусмотреть способ ведения войны, подобный тому, какой немцы применяли при наступлениях в последний год войны [63].

Условность подобного метода проведения большого наступления лучше всего видна на самом успешном и самом несчастном из всех немецких наступательных сражений — на атаке на Шмен-де-Дам 27 мая и наступлении в Шампани 15 июля 1918 г.

ГЛАВА III

ПЕРЕСМОТР БАЛАНСА

СРАЖЕНИЕ ПРИ СУАССОН И РЕЙМС

(27 мая — 8 июня 1918 г.)

Схемы 1 и 6

Во время мировой войны танк был единственным боевым средством, которое давало возможность начинать атаку без предварительной артиллерийской подготовки. Но он не был единственным средством, с помощью которого можно было в течение нескольких часов занять целую систему позиций. Ведь ни одна танковая атака не имела такого успеха (по времени и пространству) как большое немецкое наступление на Шмен-де-Дам, которое фактически было проведено совершенно без участия танков.

Возникает вопрос: как можно вообще думать о том, чтобы найти какие-то новые пути в тактике, если старые, испытанные, хорошо проработанные пути могут давать такие блестящие результаты?

Убедительный ответ на это может дать только основательное изучение событий.

К середине апреля 1918 г. немецкому высшему командованию стало ясно, что второе большое немецкое наступление против англичан у Армантьер скоро приостановится и что необходима новая отвлекающая атака на другом участке фронта раньше, чем может быть дан опять бой во Фландрии.

Эта атака должна была вестись, главным образом, 7-й армией на фронте протяжением в 50 *км* между Суассон и Реймс. 17 апреля был издан об этом первый приказ, через неделю все силы были брошены для подготовки к наступлению 27 мая, так что и в этом случае

можно считать, что на приготовления ушел почти целый месяц[64].

7-я немецкая армия должна была перейти в наступление первоначально 14 пехотными дивизиями (с фронта 6 позиционных дивизий) через болотистую долину Элет, захватить Шмен-де-Дам, перейти через Эн и его канал, далее через Вель и прорваться до возвышенностей южнее этой реки; все это в первый же день атаки.

В районе Шмен-де-Дам боевые действия развивались, начиная с сентября 1914 г. Весной 1917 г. там разыгралось наступление ген. Нивелля; 22 октября 1917 г. немцы потеряли «краеугольный камень» позиции у Ляффо, и после этого в ноябре он был очищен от немецких войск[65]. Теперь первая система французских позиций простиралась от Элет на юг через высоты[66] до р. Эн; глубина этой позиции равнялась около 6 *км*. За ней по южному берегу р. Эн была расположена вторая система позиций глубиной 4 *км* с развитой системой окопов и заграждений. В общем около 10 *км* простиралась сеть окопов и препятствий, через которые должна была пройти атака немцев.

Немцы в своем плане наступления предусмотрели артиллерийскую подготовку, но она должна была быть проведена ночью и продолжаться не больше 2¾ часа. Пристрелка совсем не производилась.

Артиллерия и минометы должны были открыть огонь в 2 часа ночи, в 4 ч. 40 м. утра должна была атаковать пехота. Программа артиллерийской подготовки была типичной для последних лет войны.

1. С 2 часов до 2 ч. 10 м., т. е. в течение 10 минут, — общее огневое нападение, причем одновременно было предусмотрено также действие отравляющими веществами по всем позициям, батареям, командным пунктам и складам.

2. С 2 ч. 10 м. до 3 ч. 15 м., т. е. в течение 1 ч. 5 м., — усиленная борьба с артиллерией противника и нейтрализация огнем передовых частей позиции, что давало возможность саперам работать без помехи.

3. С 3 ч. 15 м. до 4 ч. 40 м., т. е. 1 ч. 25 м., — стрельба на поражение по позициям и батареям.

4. С 4 ч. 35 м. до 4 ч. 40 м. — огонь батарей предназначенных для огневого вала, концентрировался у на-

чальной полосы вала, который был двойным: в глубь расположения противника обстрел проводился химическими снарядами, а ближняя линия вала состояла из осколочных снарядов.

Всего было стянуто около 1 160 батарей, из них около 1 000 батарей усиления, и 1 000 минометов, из них 400 тяжелых и 600 средних.

Насыщенность огнеприпасами была определена следующим расчетом: 2½ суточные нормы — на позиции, 1 суточная норма — в батарейных обозных повозках, 1½ нормы — в дивизионных и 1 суточная норма — в корпусных складах. Снабжение огнеприпасами производилось ночами, начиная с 13 по 25 мая; на позиции они подвозились обозными повозками, к складам — на автомашинах.

Батареи усиления начали подтягиваться с середины мая; их позиции были сильно выдвинуты вперед. Те батареи, которые могли стать укрыто, прибывали немедленно; те, у которых орудия в огневом положении могли быть замаскированы в развалинах или кустах, подвозили орудия вперед и оставляли караул; и только те, которые должны были стать совершенно без всякого укрытия, были подтянуты лишь в последнюю ночь. Таких батарей было около 20.

Для того чтобы иметь критерий для дальнейших суждений, сделаем грубый подсчет веса подвозимых огнеприпасов.

Если считать транспортный вес 1 снаряда в среднем в 20 *кг*, а суточную норму в 150 снарядов, то для батареи с 4 орудиями транспортный вес суточной нормы выразится в 12 *т*.

Принимая это за основу, мы для 1 000 батарей получим следующий транспортный вес огнеприпасов: 30 000 *т* на огневых позициях, 12 000 *т* — в батарейных повозках, 18 000 *т* — в дивизионных складах и 12 000 *т* — в корпусных складах, всего — около 72 000 *т* огнеприпасов. Если к этому прибавить по 30 мин для каждого тяжелого миномета и 50 мин для среднего, то мы получим еще добавочных 3 000 *т*.

Считая, что конные повозки применяются для подвоза огнеприпасов только на позиции, а остальные огнеприпасы подвозятся по железной дороге и автомашинами, то и тогда получится, что за 11 ночей должно было

быть перевезено 33 000 *т*, что в одну ночь составляет 3 000 *т* и требует не менее 4 000 обозных повозок. Но так как необходимо было учесть непредвиденные случаи, то это количество должно было быть увеличено до 5 000 повозок.

К этому надо прибавить снабжение другим военным имуществом, например, саперным для наведения многочисленных легких и тяжелых мостов через Элет (на каждую ударную дивизию от 18 до 24 легких мостов и 1 тяжелый мост).

Вполне ясно можно представить, что в последние две или три недели перед началом германской атаки по ночам происходило очень оживленное движение. Сильно пересеченная холмистая местность и лягушачьи концерты в низине Элет значительно облегчали эти приготовления.

Ударные дивизии должны были проследовать в свой очень тесный район сосредоточения, который находился около 6 *км* за фронтом, лишь в ночь на 24 мая. В ночь на 26 мая командиры батальонов и рот первой волны могли под охраной позиционных дивизий произвести разведку; в ночь на 27 мая ударные войска были подтянуты на свои исходные позиции.

Были приняты все меры к тому, чтобы эти приготовления 7-й армии на фронте в 50 *км* остались в тайне как для противника, так и для своих частей; свои войска систематически обманывались, однако, безуспешно.

Правда, первоначальные планы атаки разрабатывались штабами позиционных войск и все виды разведок выполнялись опытными командирами; поэтому секретность вначале могла быть сохранена, несмотря на обширную переписку. Но как только проекты претворялись в действительность,—сохранение тайны от собственных солдат уже было невозможно.

Все приготовления сапер для наводки мостов через Элет, равно как снабжение огнеприпасами и окапывание всех минометов и значительной части артиллерии, производились в пределах передовой позиции; о всех этих приготовлениях солдаты знали слишком хорошо, для того чтобы поверить, что все это является лишь мерами обороны против наступления французов.

Все это говорит о том, что не меньше как за 2 недели до начала наступления бойцы всех чинов всех позиционных дивизий должны были знать о предполагаемой атаке. Один знал больше, другой меньше — это зависело от случайности, любопытства и ловкости каждого. Напомним только, что сеть полевых телефонных станций на позиции, оборудованной для длительной обороны, была чрезвычайно разветвленной.

Далее мы можем установить, что для подготовки удара был необходим почти целый месяц, причем 2 недели были посвящены разработке плана наступления, остальные 2 недели — самой напряженной деятельности по проведению подготовки к нему, т. е. работе транспорта. Эти последние 2 недели, во время которых на фронт было перевезено огромное количество военного имущества без предварительного подтягивания подкреплений, представляли собой весьма критический период в смысле повышенной уязвимости со стороны противника.

Соображения, касающиеся степени ориентировки собственных солдат относительно предполагаемого наступления, и характеристика последних 2 недель как особенно критического периода выходят за пределы отдельного случая и применимы ко всем атакам, проводимым по методу артиллерийского боя.

Между Нуайон и Реймс против германских войск стояла 6-я французская армия ген. Дюшена, западнее стояли 2 французских корпуса и восточнее — 1 английский корпус. Последний состоял из измученных боями дивизий, которые пришли на отдых на спокойный фронт[67]. Всего на позиции было 7 французских и 3 английских дивизии; первый удар должен был произойти по 4 французским и 3 английским дивизиям.

От внимания французов все приготовления немцев к наступлению совершенно ускользнули, хотя Дюшен не исключал возможности атаки своего фронта и 21 мая провел усиленную воздушную разведку. Утром 26 мая дозором были захвачены в плен немецкий егерь и взводный унтерофицер позиционной дивизии из середины фронта. Первый рассказал, что на своем участке он в продолжение 8 дней видит людей из 1-й гвардейской дивизии и что предположено большое наступление против Шмен-де-Дам, в котором должны участвовать его дивизия и соседние. Унтерофицер все это

опровергал, но, когда ему пригрозили, что данные им ложные сведения будут сочтены шпионажем, он подробнейшим образом рассказал о наступлении, которое должно было быть проведено на следующий день [68].

Французы решили принять атаку на занятых позициях[69]. Но рассказ унтерофицера имел для германского наступления следующие последствия: застать противника врасплох было уже невозможно — атака была направлена на фронт, уведомленный за день и подготовившийся к обороне. 4 французских и 1 английская дивизии второй линии получили приказ о продвижении к р. Эн, которую они должны были оборонять: подтягивание к фронту остальных 12 дивизий из большого резерва было начато уже 26 мая, причем одна из них принимала участие в сражении 27 мая у Фим.

Проведение атаки, которая и так была чрезвычайно затруднена особенностями местности и необходимостью подтягивать подкрепления, стало вследствие тревоги в 6-й французской армии еще труднее. Подтягивание французских резервов на угрожаемый участок по всему этому фронту началось уже за полсутки до начала атаки.

27 мая 1918 г. в 2 часа ночи немцы открывают огневую подготовку вдоль всего фронта наступления; не затихая, она продолжается до 4 ч. 40 м. Штурмовая пехота при помощи сапер переходит сначала по мосткам через Элет и идет в свое исходное положение к заграждениям французов; беспокоящий огонь французской артиллерии и пулеметный обстрел приносят много потерь, особенно на западном фланге; атакующие войска начинают понимать, что французы о наступлении знают.

В 4 ч. 40 м. огневой вал 200-*м* скачками начинает подниматься по склону: скорость его равна 1 *км* в 50 минут. За ним вплотную следует первая волна, чтобы ворваться в окопы противника раньше, чем оживет опять его огневая деятельность.

Артиллерийская подготовка, длившаяся $2^{3}/_{4}$ часа, при наличии 1 млн. неравномерно распределенных на 200 *кв. км* снарядов, не могла, конечно, уничтожить всего; она должна была, главным образом, потрясти противника настолько, чтобы удался последующий стремительный натиск.

Там, где волнам атакующей пехоты удавалось вверх по скату следовать близко за огневым валом, собствен-

ные потери были умеренными, так как французская артиллерия уже не могла стрелять с достаточной интенсивностью, но часто так много оживало пулеметов, спрятанных в развалинах домов, в опушках леса или воронках от снарядов, что дальнейшее продвижение войск без подавления этих пулеметов делалось немыслимым. Но тогда отдавался приказ: «Штурмовые части, вперед!», и в длительных и кровопролитных атаках с обоих флангов должно было быть взято каждое гнездо в отдельности. После этого продвижение опять продолжалось, чтобы как можно скорее нагнать огневой вал.

Центральные наступающие дивизии скоро достигли высоты Шмен-де-Дам, и атака продолжалась по их южному склону. В этой зоне огневой вал уже редел, но зато подоспевали приданные батареи сопровождения и даже первые эшелоны дивизионной артиллерии. Где только возможно, французы оказывали в старых окопах упорное сопротивление, а немцы старались окружить их, чтобы уклониться от фронтальной атаки. Быстрые смены положений могли наблюдать только низшие командиры и использовать для решительной атаки; среднее и особенно высшее командование должно было ограничиваться правильным подтягиванием резервов и регулировкой снабжения всякого рода.

Около 10 часов утра передовые группы немцев оставили возвышенности уже позади и приближались к р. Эн. В 36-м томе «Сражения мировой войны» стоит прочесть о том, как преодолевались препятствия реки и канала под огнем французских батарей и пулеметов — иногда штурмом, иногда выдержанной хитростью, которая означала игру со смертью; все это является ярким примером самопожертвования и стремления вперед.

Однако, именно у этих препятствий, которые защищались свежими французскими резервными дивизиями, атака во многих местах приостанавливалась почти до вечера. Это и является главной причиной того, что назначенной конечной цели достигли не все дивизии центра атаки, и к 10 часам вечера 27 мая по обе стороны Фим, южнее Вель, стояло только 3 немецких дивизии.

Немецкая пехота, которая перешла в ночь на 27 мая со своих выжидательных позиций на исходные позиции для атаки, целый день пробивалась вперед под огнем пулеметов и орудий через все препятствия местности,

невероятно изрытой воронками от снарядов, в пыли и отравляющих испарениях; в некоторых местах ей пришлось перейти через три реки, в некоторых местах — через четыре. И все же к вечеру она была на глубине 20 *км* позади фронта противника, считая по воздушной линии! На западе такие успехи были неслыханны, и они никогда больше не смогут быть достигнуты. Но в то время, когда природа, наконец требует своего, и «мушкетеры» южнее Вель на позиции около аэродрома Фим пытаются на несколько минут заснуть, пользуясь перерывом между контратаками свежих войск французов, которые все до единой были отбиты, — заснуть для того, чтобы набраться сил для следующего дня, — в это время всю ночь напролет во Франции идет передвижение воинских поездов и автомобильных колонн, подвозящих все новые и новые французские дивизии навстречу пробившимся вперед немецким войскам.

Начиная с 28 мая, война становится маневренной. Немцы ведут ее пехотными полками и близко следующими за ними батареями сопровождения при сильной поддержке дивизионной артиллерии против вновь подвезенных 3 французских пехотных и 1 кавалерийской дивизий. 29 мая сопротивление усиливается и делается все более организованным. Но наступление продолжается и 1 июня доходит до Марны. Возобновляется также наступление 1-й армии, и в конце концов в первые дни июня 7-я армия почти без снарядов под сильным артиллерийским огнем и обстрелом с воздуха подходит к восточному краю леса Рец и застревает там.

Картина заключительного аккорда этого боя была уже дана при описании сражений 28-й германской резервной дивизии.

Замечания

Немецкое наступление большого масштаба, проведенное на Шмен-де-Дам, рассматривается всегда как высшее развитие системы артиллерийской атаки.

Организация всего наступления в целом была проведена блестяще, подвоз военного имущества и позднее подтягивание штурмовых дивизий проходили почти без всяких трений.

Огневая подготовка артиллерии и минометов назначается на ночь для того, чтобы не терять дневных ча-

сов; она продолжается всего 2¾ часа, что является огромным достижением по сравнению с артиллерийскими подготовками в 1917 г., которые длились много дней, а иногда и недель [70].

Само наступление представляет собою пример наивысшего напряжения всех сил войск и командования, особенно низшего, возможного лишь у чрезвычайно опытных в военном деле и полных решимости войск (под войсками мы понимаем оба рода войск — пехоту и артиллерию).

Неизбежность огнем артиллерийской массы оповестить противника о своей атаке остается неизменной, но в значительно меньшей степени.

Само собой разумеется, что усовершенствование какого-либо метода не уничтожает его недостатков, а только несколько смягчает их.

Накопление огромных масс военного имущества, в первую очередь орудий и огнеприпасов, неизбежно при подобных методах атаки именно потому, что эта масса орудий применяется для стрельбы по сильно растянутым позициям. Но перевозка всех этих масс требует много времени и должна быть доведена почти до самых передовых частей позиций. Это, с одной стороны, неизбежно дает понять собственным войскам о готовящейся атаке; с другой стороны, увеличивает опасность того, что и противная сторона узнает о приготовлениях, будь то посредством шпионов или при помощи войсковой разведки, показаний пленных или перебежчиков.

Действие всей этой нагроможденной артиллерии ограничивается дальностью боя главной массы основных орудий, т. е. полевых; за пределами этой дальности массовое действие орудий других специальных калибров быстро падает. Но и этот естественный недостаток был также несколько смягчен тем, что были приняты все меры к тому, чтобы за пехотой как можно скорее следовали ее батареи сопровождения, а несколько позже — и часть дивизионной артиллерии. Правда, это было довольно слабой заменой первоначального массированного действия.

Во время атаки у пехоты остается все время одна и та же основная задача, а именно: подавление неприятельских пулеметов; выполнение этой задачи, где маши-

не противопоставлен человек, связано всегда с большими потерями.

Кроме этих моментов, относящихся к методу проведения атаки, в сражении у Шмен-де-Дам — именно благодаря неслыханному успеху первого дня наступления — выступает одна из основных проблем, которую можно было бы назвать проблемой «относительной скорости». Она должна быть рассмотрена и с оперативной и с тактической точек зрения.

Когда вечером 27 мая смертельно усталые немецкие наступающие дивизии центра южнее Эн или Вель остановились на отдых, они знали, что дивизии второй линии стояли в непосредственной близости за ними, но и эти дивизии были измучены не меньше дивизий первой линии, так как целый день они провели на марше и остановках. В отношении продолжительности и скорости операции немцев зависели от выносливости пехоты.

Французские же войска, находившиеся на собственной территории, имели в своем распоряжении все транспортные средства необходимые подкрепления они перебрасывали на угрожаемый участок фронта по железной дороге и на автомашинах.

Ясно, что успехи атакующей стороны зависели от того, сколько времени должно было пройти до того момента, пока превосходные силы французов не остановят немцев.

Короче говоря, здесь шла «гонка» между солдатскими сапогами и французскими транспортными машинами: железной дорогой и автомобилями. Это является оперативной стороной проблемы «относительной скорости».

Но на поле сражения французы не обладали уже превосходной скоростью, скорость передвижения их пехоты была такой же, как и немецкой. Поэтому атакующая сторона не могла обходить фланг противника, ее атака оставалась всегда фронтальной; а такая фаза боя исключает быстрый и решающий исход, стоит много времени и крови. Это — тактическая сторона проблемы.

Мы видим, что и здесь техника является «врагом» наступающей стороны.

Метод атаки, лежащий в основе германского наступления у Шмен-де-Дам, приведший здесь к столь значительному первоначальному успеху, станет еще яснее

если мы разберем неудавшееся германское наступление крупного масштаба в Шампани.

НАСТУПЛЕНИЕ НА МАРНЕ И В ШАМПАНИ (15—17 июля 1918 г.)

Схема 1 в приложении

В начале июня 1918 г. германское наступление приостановилось; фронт выгнулся огромной дугой до самой Марны. Положение было критическое — нужно было наступать или отступать.

Вторжение на других участках французского фронта, расположенных западнее, а именно у Нуайон, не удалось; было решено провести его в гораздо большем масштабе на восточном фланге. От Глан на Марне, 10 *км* восточнее Шато-Тьери, через гористую местность юго-западнее Реймса и далее в глубь Шампани до Массиж должны были двинуться в наступление 3 армии на фронте в 120 *км*, из которых 20 *км* по обе стороны Реймса не должны были быть затронуты атакой.

14 июня главное командование дало руководящие указания, которые были окончательно разработаны к 18 июня: первое наступление должно было быть проведено 10 июля в общей сложности 45 немецкими дивизиями и 20 июля должна быть произведена решающая атака во Фландрии, где было собрано уже 32 дивизии. Как мы видим, в июле 1918 г. для окончательного успеха в наступление были брошены опять все силы германской армии.

7-я германская армия, имея 11 дивизий в первой линии, должна была продвигаться в гористой местности по обеим сторонам Марны и захватить Эперне; ширина фронта равнялась около 50 *км*. 1-я и 3-я армии восточнее Реймса, имея в своем составе 13 штурмовых дивизий, расположенных в одном эшелоне на фронте 50 *км*, должны были взять французские позиции, после чего 1-я армия должна была дойти до Марны между Эперне и Шалон, а 3-я прикрывать операцию, произведя атаку в юго-восточном направлении. Реймс должен был быть окружен.

План наступления был такой же, как на Шмен-де-Дам и Нуайон, и в основном ничем не отличался от

планов проведенных до тех пор больших наступлений 1918 г. Это был план артиллерийской атаки, так как других методов атаки для немцев не было. После артиллерийской подготовки, длившейся с 1 ч. 10 м. ночи до 4 ч. 50 м. утра, позади огневого вала должна была итти пехотная атака, которая в первый же день должна была пройти через все французские позиции, включая и артиллерийские. Удача атаки зависела от того, сможет ли противник быть застигнутым врасплох, т. е. от сохранения атаки в тайне, как и при всех ранее проведенных наступлениях.

7-я армия только что захватила свой район, поэтому оборудование позиций и дорожной сети там только начиналось. Но восточнее Реймса позиции были превосходны. На фронте 1-й армии весной 1917 г. было проведено последнее большое наступление ген. Нивелля, при котором был потерян Маронвиллер, а на фронте 3-й армии происходило сражение в Шампани осенью 1915 г., во время которого французы удержали высоты Навварин и Таюр. В результате этих боев вся зона, на которой были расположены позиции, превратилась на глубину 1 *км* в обе стороны в пустыню, изрытую воронками от снарядов.

Позиции противника были, примерно, в таком же состоянии: в гористой местности Реймса и у Марны они были в периоде оборудования, восточнее Реймса — очень хорошо разработаны и сильно укреплены. Там имелись 4 расположенных одна за другой позиции, которые занимали в общей сложности от 15 до 20 *км* в глубину. Первые 3 позиции, с 2 или 3 окопными линиями в каждой, были расположены друг за другом на расстоянии 3 *км*, т. е. всего по глубине 10 *км*; на расстоянии от 5 до 10 *км* за последней из этих позиций находилась тыловая позиция.

Немецкая штурмовая артиллерия имела в своем составе всего около 1 700 батарей, причем полевые батареи имели по 6 орудий; так как по первоначальному расчету требовалось 2 800 батарей, то было стянуто около 1 300 средних и тяжелых минометов. Насыщенность огнеприпасами была, примерно, такой же, как при наступлении на Шмен-де-Дам.

В последней трети июня началось снабжение боеприпасами. Но вскоре выяснилось, что 7-я армия к сроку

готова не будет, поэтому наступление было отложено на 15 июля. Развертывание артиллерии было произведено за 9 дней, с 5 по 13 июля. Приказ о проведении артиллерийской подготовки нового ничего не давал, так как в основном она должна была быть такой же, как при Шмен-де-Дам. 13 июля штурмовые дивизии прибыли в свой район развертывания, в ночь на 14-е они заняли позиции батальонов резерва и в ночь на 15-е продвинулись еще вперед. Эти штурмовые дивизии принимали уже участие в большом наступлении; некоторое время они отдыхали, и состав их был вновь пополнен.

Как повествует 34-й том «Сражения мировой войны», у войск была далеко не столь твердая уверенность, как во время предыдущих атак. Беспокоящий огонь противника затруднил снабжение боеприпасами 1-й и 3-й армий; кроме того, стало известно, что французы еще больше увеличили эшелонирование в глубину своей артиллерии. Прямых доказательств того, что предполагаемое наступление известно французам, не было, но в армиях, расположенных восточнее Реймса, распространились слухи, будто немецкие перебежчики сообщили о наступлении, и поэтому французы очистили передние окопы и оттянули назад артиллерию.

Организация артиллерийской подготовки также не всеми считалась целесообразной, так как и на этот раз она должна была ограничиться подготовкой к штурму только первой французской позиции; следующие позиции должна была занимать пехота при единственной поддержке огневого вала. Так говорится в 34-м томе.

Французские войска были расположены следующим образом: правый фланг их 6-й и 5-й армий находился против 7-й германской армии, 4-я армия стояла восточнее Реймса. Фронт в Шампани и оборона старого города Реймса, в котором происходили обычно коронации, были для французов делом чести. Напомним, что уже в марте месяце Петен отказался притти на помощь англичанам именно потому, что ожидалось наступление германских войск в Шампани. И отказался он, несмотря на опасность разрыва связи между английской и французской армиями, что было неизбежно в случае успеха германского наступления.

Теперь же положение было таково, что вероятность наступления в Шампани увеличилась вдвое. Еще в конце июня германские пленные говорили о наступлении на р. Сюипп, а воздушная разведка обнаружила ясные признаки подготовки его у Тюр. Постепенно сведения накопляются, и все они подтверждаются воздушной разведкой. В начале июля французское высшее командование полагало, что следует ждать наступления 3-й и 7-й германских армий; к 10 июля становится ясно, что участие будет принимать и 1-я армия. Наступление ожидалось 14-го, но этот день проходит спокойно. В 10 часов вечера попадают в плен 27 немцев. Один из них потерял свой противогаз и настойчиво требует, чтобы ему дали другой; это заставляет французов насторожиться, и, в конце концов, им делается ясной вся программа артиллерийской подготовки немцев с точными ее сроками.

В результате французы знали о немецком наступлении решительно все. Интересно проследить, как они использовали эти знания, особенно восточнее Реймса.

Французское командование еще в начале июля решило главную линию сопротивления отнести с первой позиции на вторую, которую оно называло промежуточной. Оно надеялось, что огневая подготовка немцев будет направлена только на первую позицию и что перенос их фронта назад на 3 *км* поведет к тому, что эта подготовка пропадет впустую. В тыловых окопах первой позиции остались только отдельные взводы батальонов первой линии, которые должны были симулировать занятость позиций и во время атаки дать знать о приближении немцев. На пространстве между первой и второй позициями по пулеметным гнездам были распределены многочисленные части батальонов первой линии, т. е. этот участок был превращен в предполье. Вторая позиция была занята позиционными дивизиями, позиционная артиллерия оттянута назад и расположена в промежутке между второй и третьей позициями. Подвижные орудия, стрелявшие со старых позиций, маскировали перемену позиции. Третья позиция, расположенная на расстоянии около 6 *км* позади старого фронта, была занята дивизиями резерва, а за ними, т. е. от 6 до 9 *км* в тыл, располагалась их артиллерия. С самого начала боя эти батареи не могли, конечно,

достать своим огнем немецких позиций; поэтому перед началом наступления они и не должны были открывать огонь, чтобы себя не обнаружить.

Французская артиллерия подготовила волны огня на уничтожение; за 10 минут до начала огневой подготовки вдоль всего фронта должно было быть сделано огневое нападение на немецкие группы батарей, позже должен был быть открыт ураганный огонь по тыловым путям, подступам и исходным районам.

Интересно отметить «контрвал», подготовленный 21-м французским корпусом в направлении главного района наступления 3-й армии. За 10 минут до начала пехотной атаки огонь был сосредоточен по исходным районам германских войск и должен был сопровождать немецкую пехоту при продвижении ее до тех пор, пока не переходил в заградительный огонь перед своими позициями.

Итак, основной мыслью является обман противника с таким расчетом, чтобы его огневую подготовку направить на пустые окопы и покинутые позиции батарей и одновременно сильно мешать занятию исходного положения наступающей пехотой и сопровождать ее атаку огнем с тем, чтобы германская пехота подошла к крепкому французскому фронту в возможно более расстроенном состоянии. Протяжение же французского фронта в глубину равнялось от 6 до 9 *км*, так как было занято пространство от первой позиции до второй. а также вторая и третья позиции. Позиционные дивизии и дивизии резерва были расположены друг за другом.

В 5-й французской армии этот переход на вторые позиции не был проведен в той же степени, ибо эта армия уже получила приказ о наступлении 18 июля и командующий ею не хотел заранее сдать важные участки местности.

15 июля в 1 ч. 10 м. ночи началась согласно программе немецкая артиллерийская подготовка. Однако, французские батареи опередили немцев, начав сражение на 10 мин. раньше. Деятельность французской артиллерии не оставила у занявших исходное положение ударных войск скоро никаких сомнений в том, что противник о наступлении знает.

Несмотря на артиллерийский огонь, штурм начался в 4 ч. 50 м. утра. Сопротивление французов на первой позиции восточнее Реймса было, естественно, очень слабым. Зато запрятанные на участке местности между первой и второй позициями пулеметные группы так тормозили наступление, что в большинстве случаев уже здесь прервалась связь с огневым валом. Однако, немцам удалось еще дойти до второй французской позиции. Эту сильную позицию должна была взять одна только пехота, которая могла располагать исключительно своими собственными боевыми средствами.

И это, несмотря на сильнейший артиллерийский и пулеметный огонь! Немецкий огневой вал грохотал в это время уже далеко позади неприятельских позиций, а батареи сопровождения или торчали еще на изрытом снарядами поле, или были уже расстреляны.

Наступление приостановилось почти по всему фронту восточнее Реймса. Оно должно было приостановиться, так как повторные героические попытки дальнейшего прорыва лишь кое-где удавались с переменным успехом.

Наступление 7-й германской армии закончилось более счастливо — она опять перешла через Марну. Но вследствие исключительно сильного противодействия противника наступление продвигалось чрезвычайно медленно, и потери немцев были очень велики. И все же наступление могло быть продолжено еще и 16 июля.

На второй день наступления германские атаки сменяются французскими; южнее Марны приказано перейти к обороне, а 17 июля наступление по всему фронту 7-й армии, наконец, приостанавливается.

Судьба атаки 1-й и 3-й германских армий была предрешена уже в первой половине дня 15 июля. Атака была перехвачена второй французской позицией. Это было явной неудачей. 16 июля атака 1-й армии и правого фланга 3-й армии продолжалась лишь для того, чтобы воспрепятствовать подтягиванию неприятельских резервов против 7-й германской армии.

Замечания

Разве не странно, что наступление восточнее Реймса, подготовленное по точно такому же методу, что и наступление на Шмен-де-Дам, имело совершенно другой

исход? Здесь — блестящий успех, там, в Шампани, — удар впустую.

Причиной неуспеха 1-й и 3-й германских армий было то, что не удалось в тайне сохранить атаку. Это признают обе стороны, и спора об этом быть не может.

Гораздо труднее точно выяснить, почему же не удалась «внезапность»?

Во-первых, общее положение было таково, что можно было с большой вероятностью ожидать наступления только во Фландрии или Шампани. Это значительно облегчало разведку, так как она могла ограничиться сравнительно небольшим участком.

Во-вторых, французы прекрасно знали германские методы атаки; за эту науку они заплатили дорогой ценой во время сражения у Шмен-де-Дам. Поэтому они могли делать выводы на основании мельчайших признаков. Кроме того, они хорошо знали, какими средствами лучше всего производить разведку.

В-третьих, при таких обстоятельствах достаточно было самого мелкого наблюдения, чтобы постепенно настолько уточнить разведку, что стало возможным постоянное наблюдение за состоянием подготовительных работ немцев.

Тот факт, что немецкие пленные в последнюю минуту выдали точные сроки наступления, был, конечно, большой удачей для французов, но это ни в какой мере не являлось причиной неудачи наступления. Дело ведь идет только о пленных; не о перебежчиках и не об изменниках, а только о людях, у которых нехватило внутренней силы поставить благо своей родины выше собственной жизни.

Меры, принятые французским командованием, сводятся к тому, чтобы на этот раз действительно как следует использовать полученные сведения относительно немецкого плана наступления, но при этом действовать так, чтобы немцы не заметили, что планы их раскрыты.

Мысль о перемене позиций не представляет собой чего-нибудь совершенно нового: подобный добровольный отход был проведен немцами еще в большем масштабе в марте 1917 г.[71]

Подобный же маневр был проделан и в марте 1918 г., когда часть 3-й английской армии была у Монши от-

тянута назад почти на 6 *км*. Огневая подготовка 17-й германской армии была проведена впустую и должна была быть повторена через 5 дней после нового развертывания артиллерии.

Но самым интересным случаем проблемы отхода во время мировой войны было решение французов 26 мая 1918 г. принять германскую атаку на своих позициях.

Сперва французское командование решило в ночь на 27 мая оттянуть фронт за Шмен-де-Дам и удержать берег р. Эн, где находилась вторая позиция.

Но вскоре это решение было изменено по следующим соображениям.

У Шмен-де-Дам сражения велись, начиная с сентября 1914 г., и только в ноябре 1917 г. район перешел в руки французов, которые пролили там немало крови. Уступить теперь этот район без всякого сопротивления — это имело какой-то неприятный оттенок!

Для отхода войск оставалось всего несколько часов, так как в 2 часа летней ночи должен был быть открыт огонь германской артиллерии; на позиции пришлось бы оставить все военное имущество, — а это могло оказаться фатальным обстоятельством.

Во время больших наступлений, проведенных до тех пор, немцы обычно в первый же день проникали на несколько километров в глубь неприятельских позиций. Но во всех этих случаях противником их были англичане, и было еще далеко не известно, удастся ли им это сделать и с французами. Французы считали, что ведь не удалось же им во время наступления Нивелля занят весь хребет Шмен-де-Дам; они тогда заняли только часть его и после этого были контратакой отброшены обратно; точно так же они решили, что и германское наступление 27 мая удастся не целиком и позже явится возможным с помощью свежеподтянутых 12 французских дивизий вновь восстановить фронт: в худшем случае у р. Эн стояли 4 французских и 1 английская дивизии, которые должны были удержаться.

Но вслед за тем французы увидели, что́ означало большое германское наступление 1918 г. Они смотрели и учились!

Если рассматривать сражение с немецкой точки зрения, то надо спросить, что могло произойти, если бы

французы оттянули свои войска к р. Эн. В большинстве случаев на такие «условные положения» историку отвечать очень трудно, но в данном случае мы можем с полной уверенностью предположить, что такое отступление прошло бы совершенно незамеченным, так как в ту ночь, когда предполагают пойти в атаку, дозоров обычно не высылают. И если бы такое отступление было проведено, то германский огонь пошел бы впустую, пехота заняла бы хребет Шмен-де-Дам и наскочила потом на укрепленный берег р. Эн, откуда живой уже не ушла бы.

Итак, мы видим, что все дело висело на волоске, и блестящий успех у Шмен-де-Дам мог превратиться в полное поражение.

Что же должен делать атакующий, если противник оттягивает свои позиции? Он должен или отказаться от атаки, потому что противник узнал о ней (что как раз и намеревалось сделать германское командование в том случае, если бы оно убедилось, что предполагаемая атака стала известна французам), или решиться продолжать наступление. В последнем случае ему придется провести новое развертывание артиллерии под сильным неприятельским огнем, что имеет мало шансов на успех и отнимает почти столько же времени, как и первое развертывание, а кроме того, не дает никакой гарантии в том, что не последует нового отступления противника (что было вполне возможно восточнее Реймса).

Никогда не следует проводить атаку там; где она ожидается, и поэтому в случае осведомленности и оттягивания позиций противником в большинстве случаев лучше от атаки отказаться.

Этими соображениями следует руководствоваться и в будущем. В связи с этим интересно выслушать мнение полк. Брухмюллера[72], который чувствует себя ответственным за все действия артиллерии во время сражений при Марне и в Шампани.

Полк. Брухмюллер считает, что в случае, если бы стало известно, что противник подозревает об атаке, от нее было бы необходимо отказаться, но добавляет тут же, что немцами не было получено ни одного подобного донесения; наоборот, все говорило за то, что противник остается в полном неведении.

Он считает, что второе массовое развертывание артиллерии обещает мало успеха, и полагает, что в будущем каждый противник, узнавший о грозящей атаке, непременно будет оттягивать свои позиции. Кроме того, каждая система позиций будет с самого начала иметь такое протяжение в глубину, что не сможет быть полностью охвачена артиллерийской подготовкой.

Но полк. Брухмюллер считает также, что в этом случае особенно важно найти какие-либо пути для атаки, что вместо второго развертывания артиллерии должны быть найдены другие методы атаки, создание которых лежит на обязанности техники.

Резюмируем сказанное: успешность атаки с артиллерийской подготовкой зависит от сохранения ее в тайне, но сказать точно, подозревает ли противник об атаке или нет, чрезвычайно трудно. Если противник оттягивает свои позиции, то наступление им останавливается, принося атакующей стороне большие потери; каких-либо контрмер против этого не имеется.

Обсуждение сражения при Реймсе придало вопросу об артиллерийских боях особую пластичность и изменило мнение относительно наступления на Шмен-де-Дам.

При попытке исследования, в какой степени удавалось сохранение в тайне всех больших наступлений на западном фронте во время мировой войны, мы приходим к ошеломляющим результатам: никогда не удавалось провести атаку с полной неожиданностью для противника, и во всех случаях он узнавал, по крайней мере, о концентрации сил. Весной во время большого сражения во Франции англичане это тоже узнали, но они не могли понять, когда и в каком месте разразится гроза. Только один раз, у Шмен-де-Дам, внезапность почти удалась. Можно привести еще три случая, когда удалось напасть на противника с полной неожиданностью для него — при Камбрэ, Суассон и Амьен. Но это были не артиллерийские атаки.

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ СРАЖЕНИЙ 1918 Г.

Черчиль в своей книге «Мировой кризис 1916—1918 гг.» [73] приводит официальные данные относительно

потерь обеих воюющих сторон на западном фронте, сопоставляя данные Рейхсархива за 4 месяца.

Если сравнить потери германской армии на западном фронте за первые 4 месяца войны, т. е. с августа по ноябрь 1914 г., с потерями, имевшими место с марта по июнь 1918 г., то мы получим следующую картину:

Потери германской армии на западном фронте

За 4 месяца	Убито	Взято в плен и пропало без вести	Раненых	Всего
Август—ноябрь 1914 г.	116 750	107 640	453 050	677 440
Март—июнь 1918 г. . .	114 251	73 473	500 617	688 341

Разве не ужасно, что наступательные сражения, начиная с большого сражения во Франции и кончая Нуайоном, но исключая бои на Марне и в Шампани, стоили германской армии больше крови, чем кровавая осень 1914 г.! Осенью 1914 г. все воюющие страны потеряли свою пехоту, а первая половина 1918 г. стоила германской армии всех ее отборных дивизий, составленных из лучших солдат.

Правда, противник понес еще более тяжелые потери:

За 4 месяца	Немцы	Англичане	Французы	Англичане и французы
Август—ноябрь 1914 г. .	677 440	84 575	854 000	938 575
Март—июнь 1918 г. . . .	688 341	418 374	433 000	851 374

Примечание. В потери противника не включены потери бельгийцев, во французских данных отсутствуют потери офицерского состава. Черчиль рекомендует из числа потерь вычесть 12% на текущие потери позиционной войны на других участках фронта.

Но при том положении, какое имело место в 1918 г., огромные потери противника никак не являются утешением.

В 33-м томе «Сражения мировой войны» мы находим следующие данные, касающиеся потерь во время сражений при Суассон и Реймс (27 мая — 2 июня) и Нуайон (9—12 июня).

Общие потери воюющих сторон

Армия	Офицеров	Солдат
Германская	4 581	125 789
Союзная	5 046	167 373

К этому надо добавить, что в эти потери входили самые лучшие и опытные в военном деле солдаты, заменить которых уже было невозможно, и что поэтому в победе при Шмен-де-Дам были уже зародыши последующего поражения.

Потери, во всяком случае, потрясающе велики.

Опять возникает вопрос, было ли вообще еще возможным в 1918 г. итти в атаку против пулеметов и не тогда ли уже начался закат германской армии вследствие того, что судьба Германии принуждала искать исходов боя такими методами, которые были непригодны вследствие отсутствия соответствующего вооружения?

Выводы

На основании всех вышеприведенных соображений можно считать, что для больших наступлений в будущем методы артиллерийского боя будут непригодны. Но так как вопрос о методах ведения войны исключительно важен, то необходимо установить, не увеличило ли развитие военного дела в послевоенный период преимуществ артиллерийского метода, не уничтожило ли его недостатков или, по крайней мере, сделало их менее опасными.

Огневая мощь пулеметов, которыми вооружена пехота, увеличилась во много раз. Пехота также еще больше рассредоточила свои боевые порядки.

Досягаемость артиллерии увеличилась почти наполовину; действительность стрельбы, скорость огня, вес орудий и огнеприпасов остались теми же.

Нет никаких причин уменьшать протяжение фронта наступления; наоборот, его следует увеличивать, что может быть достигнуто повышением досягаемости артиллерийского огня.

Артиллерийская подготовка должна будет уничтожать еще большее количество пулеметов; она будет «захватывать» глубже, т. е. охватывать большие площади, и должна поэтому выбрасывать большие количества огнеприпасов на позиции противника. Это говорит о том, что следует сосредоточивать большее количество орудий, так как увеличение времени было бы явным недостатком, т. е. шагом назад. Стремление подтянуть как можно дальше вперед возможно большее количество артиллерийских орудий остается в силе и для будущего. Снабжение снарядами должно возрасти, так как досягаемость орудий увеличилась.

Перевозка орудий и огнеприпасов в непосредственной близости от противника и в будущем не может проводиться методами современной массовой переброски, т. е. это будет занимать, как и раньше около 2 недель.

Словом, все остается почти по-старому: подготовка к сражению должна занять целый месяц, причем за 2 недели до атаки это должно быть доведено до сведения каждого солдата в отдельности.

Каким же образом сохранить это в тайне от противника?

Наш век беспроволочных сообщений предоставляет тайной службе[74] новые возможности; самолетное дело, равно как и аэрофотосъемка, достигло высокой степени совершенства; ночь и туман не являются уже препятствиями, и, наконец, что может помешать противнику взять во время небольших стычек пленных, которые сохранят тайну лишь в том случае, если окажутся сильными, волевыми людьми, готовыми итти на мученичество?

Нет, нам кажется весьма маловероятным, чтобы во время кампаний будущего удалось в течение 2 недель перевозить на свой фронт огромные массы военного имущества и чтобы противник не заметил этого в первые же 3 дня! Если же противник оттянет свои позиции, то повторится положение 15 июля.

Но если даже предположить, что все удастся, и противник будет оттеснен до конца огневого вала, т. е. на глубину 10 *км*, что же дальше?

Разве допустимо в наше время послать в атаку пехоту со слабой артиллерией, как это имело место на

южном склоне Шмен-де-Дам, до р. Вель и во многих других случаях?

Совершенно ясно, это недопустимо. И не останется ничего другого, как ждать, пока не прибудет достаточно артиллерии для новой подготовки и пока она не будет в достаточной мере снабжена огнеприпасами. А это сделает операции еще более вялыми, замедленными и нерешительными.

Поэтому приходится хладнокровно установить, что артиллерийская атака не может иметь шансов на успех, не говоря уже о том, что проведение ее, если она даже окажется успешной, увеличит потери настолько, что атака может превратиться в организованное самоубийство. Может быть, высшей формой стратегии станет тогда оборона? Но это невозможно, так как цели большой войны могут быть достигнуты только наступлением, но наступлением не при любых условиях и любой ценой, а мудрым сосредоточением сил на важном участке и в соответствующее время.

Окончательный вывод таков: методы наступления первой половины 1918 г. не могут быть рекомендованы для будущего, потому что, выражаясь очень осторожно, является весьма сомнительным, применимы ли они вообще.

Гигантская четырехлетняя бойня привела к тем же основным положениям, что и все предшествующие войны: нельзя сохранять методы последней кампании целиком и полностью для последующего столкновения; они стареют тем скорее, чем быстрее развивается техника, которая все время создает новые средства для новых боевых возможностей.

Надо все время развиваться; надо все время итти вперед; надо итти в неизвестное, неиспытанное; надо дерзать, или придется отстать.

А тот, кто отстает, тот стареет и умирает, будь то отдельный индивидуум или целая нация.

Новые цели

Отрицание не есть созидание. Поэтому необходимо установить, в каком же направлении должно итти развитие методов ведения войны.

В первую очередь желательно, чтобы атаку можно было проводить без предварительного сосредоточения какого-либо военного имущества, т. е. прямо с наступательного марша, как это имело место во время войн XIX столетия.

Если этого достигнуть невозможно, то придется считаться с каким-либо развертыванием, но при этом необходимо стремиться к тому, чтобы:

— по возможности, была сохранена полная внезапность, что требует полного отказа от артиллерийской подготовки;

— развертывание было произведено в возможно короткий срок;

— сосредоточение боевого снаряжения происходило как можно дальше от противника, что затруднит обнаружение его последним, а также не выдаст тайны раньше времени и своим солдатам;

— по крайней мере часть этого снаряжения обязательно иметь в сфере действий, что может быть достигнуто при подвижности транспорта, позволяющей следовать за движениями войск.

Какой бы метод ни применялся, он должен позволить уменьшить потери и допускать ведение быстрых и при этом решающих операций.

В век автомобилей нас не может уже удовлетворить согласование операций больших масштабов с выносливостью пехотинцев.

Мы должны знать, что проблема относительной скорости была одной из основных причин для нерешительного метода ведения войны, который превратил мировую войну в стратегию измора.

Поясним это сравнением с событиями более давнего прошлого.

Когда во время войн на рубеже XVIII и XIX столетий какая-либо отдельная колонна подвергалась сильному нападению, то просьба о помощи могла быть отправлена со скоростью, не превышающей скорости всадника; подкрепления также могли прибыть в лучшем случае с такой скоростью, а самое сражение продолжалось при этом только часами. При этих обстоятельствах действительно можно было говорить о «триединстве» силы, пространства и времени. Большой интерес

в этом отношении представляет кампания в Нидерландах в 1815 г.

Когда во время мировой войны атаковалась какая-либо часть позиций, то командование узнавало об этом в следующий же момент, резервы отправлялись по железной дороге и на автомашинах; но сражения продолжались обычно по нескольку дней. В большинстве случаев резервы подоспевали во-время, заставали атакующего вблизи старого фронта и отбрасывали его назад. Когда успехи техники связи и транспорта дадут возможность перебрасывать силы в необходимый момент к любому участку фронта, то значение этих трех основных понятий — силы, пространства и времени — почти совершенно исчезнет.

Атакующий и в будущем не сможет помешать немедленным донесениям обороняющегося или влиять на сроки прибытия резервов[75]. Но если бы удалось опять добиться быстрого исхода сражения, то могло случиться, что резервы прибудут слишком поздно для того чтобы удержать фронт. И если бы дальнейшие операции могли быть проведены со скоростью, превосходящей скорость противника, то было бы возможно продолжительное время удерживать преимущество над противником и проделывать такие прорывы всего фронта, которые он нескоро смог бы заполнить.

Основные положения обороны в широком масштабе всегда одни и те же: первые подкрепления должны быть брошены туда, где колеблющийся фронт скорее всего может дать трещину; после того как фронт удалось укрепить настолько, что непосредственная опасность миновала, только тогда можно вводить в дело резервы целиком или устанавливать их в исходном положении, как того требует обстановка, а не под давлением грозящей опасности. Но тогда успех атаки уже прошел.

Если же обороне удается сохранить перевес, то может случиться, что потери атакующего будут так велики и придут в движение такие широкие участки фронта, что атакующий не сможет уже удержать превосходства в целом. И тогда может назреть большое решение.

Все цели, к которым мы стремимся в будущем, можно выразить одним желанием: чтобы стали опять возмож-

ны боевые действия, которые были бы маневренной войной, а не чисто позиционной.

Из описания танковых сражений явствует, что мировая война показала уже кое-какие признаки, которые можно считать осуществлением некоторых из этих требований.

Проведение большого наступления без подготовки, без развертывания не стало возможным даже с появлением танков. При массовой танковой атаке также должны быть стянуты танковые батальоны и такое количество артиллерии, которого было бы достаточно для производства огневого вала, одновременной нейтрализации артиллерии противника и задымления его наблюдательных пунктов.

Развертывание танков происходило обычно глубоко в тылу, и они только в предпоследнюю ночь (например, при Амьен), отправлялись на свои выжидательные позиции, расположенные в 3 *км* за передовым окопом. 27-я германская дивизия берет в плен 6 августа 5 офицеров и 231 солдата 18-й и 58-й английских дивизий, но никто из них ничего не сообщает, так как они просто не знают об атаке 8 августа; позиционные дивизии, которые должны наступать севернее р. Соммы, узнают об атаке лишь 6 августа вечером. Сохранение тайны до подобной степени было бы невозможно при артиллерийской атаке.

Во время танковых сражений 1918 г. задачи артиллерии уже гораздо более ограничены, поэтому она может быть слабее. Благодаря этому развертывание ее при Амьен продолжается всего 2—3 ночи. Так как огневой вал при этом сражении не должен был итти очень далеко, батареи стояли в районе нормального расположения артиллерии и были подвезены туда на автомашинах.

Дальность проникновения танка была ограничена радиусом действия, зависящим от техники, до тех пор, пока танковая атака, как правило, шла только позади огневого вала, это преимущество оставалось только в теории; до некоторой степени оно было использовано лишь при Амьен.

Танковая атака начинается без предварительной артиллерийской подготовки; это требование, значит, полностью выполнено. Это уже большой шаг вперед!

Начиная с июля 1918 г., в больших количествах стали применяться танки, скорость которых на поле сражения значительно превышала таковую пеших бойцов. Так как они вводились в дело позади огневого вала, скорость их могла быть использована чисто тактически: танки прорывали фронт и направлялись для атаки во фланг и тыл. В 1918 г. танки большего не показали.

Течение боя при массовых танковых атаках было быстрым и решающим, потери атакующей стороны незначительны; эти цели были также достигнуты в 1918 г.

Как мы видим, танк явился предвестником совершенно иных форм ведения сражения. Английские танковые командиры были правы, сравнивая Камбрэ с Вальми.

Во время мировой войны мы видим также начало новой эпохи и в методах ведения сражения. Исход сражения дает не удар пехоты, а прорыв «тяжеловооруженных», как в былые времена. Но надо учесть, что вооружение и броня теперь вполне современные и что средством передвижения служит не лошадь, а машина, которая в этом случае стала боевым средством.

Приведенные исторические факты показывают, что и в военном деле никогда не бывает, чтобы к существующему просто присоединялось что-либо новое, как в данном случае танки. Война ясно показала, какие возникают при этом трения. Но до новых, решающих этапов развития дело еще не дошло.

Развитие не только «созидает», оно делает уже существующее устарелым и непригодным, и мировая война оставила нам большого «покойника» — конницу.

Если против пулемета не может выдержать пехотинец, то для всадника это вообще исключено. Всадник на поле сражения существовать не может; роль коня как боевого средства уже сыграна, что подтверждается и уставами, изданными после войны; он превратился в транспортное средство, а кавалерия — в конную пехоту. Пехота же может перевозиться на автомашинах значительно скорее и надежнее, чем на спине лошади.

Мы, люди старого века, всеми фибрами связанные с конем и романтикой конницы, будем, может быть,

оплакивать ее; но люди, ответственные за судьбу армии, должны смотреть на это с другой точки зрения, так как армия не является «спортивным кружком».

Конница умерла, ей нет места даже рядом с танком. Но задачи ее остались, они не умрут никогда, и основные положения конного сражения сохранят свое значение для боевых соединений будущего.

Эпоха водителя автомобиля, служителя машины, современного центавра, сросшегося со своим мотором, начинается и для стратегии, которая, несмотря на отрицание этого, является не чем иным, как последней формой экономической войны. Но во время мировой войны только наметилось начало этой новой эпохи.

Все танковые сражения были только первой наметкой; атаки проводились с недостаточно действительными средствами, при скверном взаимодействии, причем оборона атакованного фронта была организована для артиллерийской атаки. Можно было бы сказать, что мировая война показала нам искаженные изображения; этого никогда не следует забывать.

Какова должна быть организация тактических и оперативных единиц для будущих танковых сражений; что вообще они смогут сделать, встретив сопротивление, подготовленное для подобной атаки и с тактической и с технической сторон; как следует проводить танковую атаку; каким образом следует использовать первоначальный успех — все эти вопросы такого порядка, на которые окончательный ответ сможет дать только будущая война.

Но изучать весь этот клубок вопросов необходимо как можно основательнее, так как от правильного их решения может зависеть существование целой страны.

Поэтому вторая часть книги занимается вопросами танковой войны при обороне и при наступлении; она должна привести к нескольким решениям, именно к нескольким, а не к одному.

ГЛАВА IV

РАЗВИТИЕ ТАНКОВ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Прежде чем заняться вопросами относительно применения танков и борьбы с ними, необходимо проследить техническое развитие этого нового вида вооружения и послушать, что говорят о применении танка те народы, которые его создали и уже применяли во время последней войны, т. е. англичане и французы.

Это тем более необходимо, что эти нации и в настоящее время являются в этих вопросах ведущими, но взгляды их на применение боевых машин, а следовательно и на конструкцию их, коренным образом отличаются друг от друга [76]. Причину этого надо искать в совершенно различной позиции этих государств по отношению к войне.

Когда французы занимаются какими-либо вопросами ведения боя, то для них совершенно очевидно, что на противной стороне находятся немцы; они их знают за хороших солдат и представляют их себе в будущем вооруженными всеми средствами, которые может дать хорошо развитая промышленность.

Поэтому французы организуют свою армию для борьбы с противником, по меньшей мере равным, границы государства которого соприкасаются с границами Франции на очень большом протяжении. Поэтому сейчас же после объявления войны на небольшом участке одного из культурнейших районов Европы произойдет ряд кровавых сражений, не требующих предварительных длинных наступательных маршей и маневрирования.

Когда же думают о войне англичане, они представляют себе немногочисленную, но первоклассно оснащенную армию белых добровольно служащих солдат

против миллионов туземцев, армию, которая поддерживает господство Британии над Индией, являющейся основой английского могущества и английского государства.

Англичане, которым принадлежит большая часть мира, организуют свою армию для колониальных войн, для войн на больших пространствах, с цветным противником, превосходящим их количественно, но стоящим значительно ниже по вооружению и вспомогательным средствам. А для колониальной войны бронемашина подходит превосходно, так как она дает возможность горсточке белых солдат создать целый ряд движущихся крепостей, которые без артиллерии вообще не могут быть взяты.

Если раньше превосходство белых завоевателей над цветными народами было в огнестрельном оружии, а потом в пулемете, то теперь оно заключается в бронемашине и самолете [77].

ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Как уже было сказано, Хейтль в «Справочной книге танков» проследил развитие бронемашин вплоть до сегодняшнего дня. Здесь мы коротко скажем только о самом главном — о новейших английских и французских типах танков и о свойствах современных броневтомобилей.

В приведенном ниже обзоре наряду с одним типом военного времени, английским танком марки «V», даны важнейшие данные относительно современных английских и французских танков. Взято также по одному типу броневтомобилей. Англичане применяют в настоящее время средний и легкий танки марки «I» и «II»; на вооружении французской армии имеются тяжелые танки «2-C» и «D». Танк марки «D» весит 92 *т* и вооружен 2 пушками, 155-*мм* и 75-*мм*, и 4 пулеметами. Кроме того, во французской армии мы находим танки «Рено-26/27» и модернизированные «Рено-17».

Для сравнения отдельных типов танков используем названия, принятые в военном судостроении. Каждое новое военное судно представляет собой результат некоторого компромисса между четырьмя противоречащими друг другу требованиями, а именно:

вооружением, броней, скоростью движения и радиусом действия.

Если вооружить судно сильной артиллерией и защитить его тяжелой броней, то такие тяжелые грузы сможет выдержать только очень большой корабельный корпус, а скорость движения и радиус действия будут ограниченными. Так возник линейный корабль, являющийся основой морского боевого флота.

Если применять менее толстую броню, то повысится скорость и увеличится радиус действия, которые могут стать еще бо́льшими, если уменьшить вооружение. Так возник класс крейсеров, начиная от линейного крейсера до простого крейсера, обладающего исключительно большой скоростью и большим радиусом действия.

Эту же самую классификацию мы применяем и для танков. Если мы возьмем Францию, то у тяжелого танка, «С-2», мы найдем исключительно сильное вооружение и толстую броню, но умеренную скорость и средний радиус действия. Его мы можем сравнить с линейным кораблем, предназначенным для боя. Танк военного времени «Рено-17» усовершенствован в «Рено-26/27», который гораздо лучше вооружен, так как имеет пушку и пулемет, имеет более тяжелую броню, но скорость его и радиус действия повысились очень незначительно. Этот танк тоже можно сравнить с линейным кораблем, хотя он и именуется «легким» танком.

Английский средний танк Виккерса имеет тяжелое вооружение и легкую броню, но обладает высокой скоростью и большим радиусом действия; он является линейным крейсером. На новом английском легком танке имеется только один пулемет, броня его легкая, но скорость и радиус действия большие. Это — маленький крейсер или скорее даже истребитель.

Но при рассмотрении бронеавтомобилей необходимо принимать во внимание еще одну характеристику, а именно вездеходность. Французский полугусеничный бронеавтомобиль имеет тяжелое вооружение и очень тяжелую броню; он обладает высокой вездеходностью, но также и большой скоростью и радиусом действия. Это — быстроходный линейный корабль. А английский бронеавтомобиль «Гай», имеющий среднее вооружение, легкую броню, обладающий большой скоростью и радиусом действия, но незначительной вездеходностью, не-

смотря на гусеницы *, является ярко выраженным типом крейсера.

Как мы видим, во всех конструкциях выражены ведущие мысли: французы культивируют чисто «танковые» свойства — вооружение и броню; англичане основной упор делают на высокую скорость и большой радиус действия.

Приведенные примеры показывают, что общее подразделение танков на тяжелые, средние, легкие и малые (танкетки) является чисто произвольным делом каждой отдельной страны [78]. Так, например, танк «Рено-26/27» обозначается легким танком, так же как английский танк марки «II». Танкетки как будто совсем исчезают, по крайней мере из «Карден-Лойда» марки «VI» возник целый ряд конструкций с башней, т. е. настоящих легких танков, как танки «Рено» и танки марки «II».

Танки специальных назначений мы здесь только перечислим.

Плавающие танки: последний тип — легкий танк-амфибия, «Карден-Лойд», построенный Виккерсом в 1931 г. Машина весит около 3 *т*. Корпус танка снабжен бронированным гребным винтом и рулем. Танк может преодолевать водные препятствия (при сравнительно спокойной воде) со скоростью 10 *км* в час, причем при переходе с суши на воду и наоборот экипаж танка может не оставлять своих боевых постов.

Радиотанки: придаются штабам танковых соединений.

Мостовые танки: еще во время мировой войны английский танк марки «V» с двумя звездами перевозил и раскладывал мост длиной в 7,5 *м*, по которому сам и переходил.

Танк минный тральщик применялся также англичанами. Это был танк марки «V» с двумя звездами **, впереди себя он двигал железный каток, который взрывал мины.

Специальный танк для перевозки пехоты также построен англичанами.

Необходимо запомнить, что каждый танк имеет приспособление для производства дымовой завесы, а в бу-

* Съемная гусеничная лента для четырех задних ведущих колес.—Р е д.

** Танк марки „V“ с одной звездой, но с 225-сильным мотором.

дущем все танки будут оборудованы радиоаппаратурой, при помощи которой можно будет говорить и передавать знаки Морзе, а самые малые танки смогут, по крайней мере, принимать приказы. Радио предназначается для тактического руководства танками; для связи их с пехотой сопровождения служат световые сигналы и флаги [79].

Стоимость среднего танка, например, английского танка марки «II», и в настоящее время еще равна 100 000 марок, что может быть сравнено со стоимостью 1 000 артиллерийских снарядов; легкий танк марки «II» стоит 20 000 марок, или 200 снарядов; тяжелый французский танк «2-С» — около 400 000 марок, или 4 000 снарядов. Все это из расчета массового производства; при изготовлении их в мирное время они обходятся вдвое дороже, исчисляя в денежной стоимости.

Свойства брони всюду улучшены: при одинаковом весе она является лучшей защитой. Более правильное распределение масс и значительно усовершенствованная подвеска сделали танк гораздо более спокойной орудийной платформой даже при езде по местности, что увеличивает меткость орудий и в соединении с улучшенной вентиляцией неизмеримо улучшает условия работы экипажа.

Двигатели работают надежно; гусеницы усовершенствованы настолько, что продолжительность службы их при работе на местности исчисляется в 3 000 *км* (за исключением только тяжелого танка), т. е. увеличилась в 10 раз. Оставляет желать многого только видимость из танка при езде на поле сражения.

Само собой разумеется, однако, что напряжения, которые терпит гусеничная машина даже при езде по дорогам, значительно выше напряжений колесной машины; при езде по местности они еще больше увеличиваются. А так как во время войны машинам придется итти именно по местности, а не по ровному учебному полю, то надо считать, что современный танк может пройти от 1 500 до 2 000 *км*, после чего ему нужен будет капитальный ремонт вплоть до смены гусениц.

Вывод: производство броневых машин в настоящее время технически развито настолько, что тактик может получить именно те типы, какие ему необходимы, ко-

нечно при условии, что он сам ясно представляет себе способы ведения боя и точно знает, чего он хочет.

С другой стороны, нельзя судить о каком-либо новом танке без увязки с теми задачами, для выполнения которых он построен, так как вездеходная машина, как и нормальный автомобиль и всякая другая машина, сконструирована с учетом специальных задач.

ПРИМЕНЕНИЕ ТАНКОВ В БОЮ

Проводить точное сравнение танка с боевым судном с точки зрения их применения не рекомендуется, так как это может повести к коренным ошибкам.

Правда, как у танкового, так и у морского соединения есть одно чрезвычайно важное общее свойство — оба состоят из единиц, которые могут быть совершенно различными по размерам, огневой мощи и подвижности. Это могло бы говорить о том, что морская тактика должна быть применена и для танковых соединений.

Но, с другой стороны, надводные корабли военного флота передвигаются, главным образом, в двух измерениях, причем в открытом море передвижения в любом направлении совершаются при одинаковых условиях, и поверхность моря везде одинакова.

При движении же танковых соединений по местности мы наблюдаем совершенно другую картину. Местность имеет три измерения, и свойства ее поверхности совершенно различны, завися от профиля, грунта, наличия рек, населенных пунктов и дорожной сети. Вследствие этого передвижение в различных направлениях происходит далеко не при одинаковых условиях, а, с другой стороны, эти условия определяют совершенно различное военное значение отдельных пунктов и районов.

Поэтому условия передвижения и боя крупных танковых соединений имеют гораздо больше общего с движениями кавалерийского соединения, а не морского флота.

Французские и английские взгляды на применение танков яснее всего выражены в их уставах. Боевые уставы являются в мирное время теми рамками, в пределах которых происходит живое развитие армии, которая, как показала история, приходит иногда к новым мыслям скорее, чем устав.

Скажем коротко лишь об основных направлениях обеих стран.

Основным взглядом французов на танки является следующий: танки представляют собой оружие сопровождения пехоты и должны вести бой в тесном взаимодействии с ней. Эта же мысль была положена в основу применения танков во время мировой войны (в 1918 г.).

Но подобный тактический принцип не является догмой и, безусловно, не помешает французам применять танки и другим способом, если этого потребует положение, например, поставить их во главе быстроходного соединения при форсированном наступательном марше на территорию более слабо вооруженного противника.

Французы считают, что на каждый фронт дивизии протяжением в 2 *км* во время атаки следует придавать 1 легкий батальон (50 танков), а в пункте главного удара — легкий танковый полк (100 танков). В общем, все пехотные батальоны первой линии должны получить по танковой роте; все пехотные роты — по танковому взводу, который является низшей тактической танковой единицей.

Средние танки предназначаются для атак на позиции с широкими окопами или для работы на местности, изрытой воронками от снарядов; задачей тяжелых танков является атака на сильно укрепленные позиции, причем тяжелый танк играет по отношению к легкому ту же роль, что легкий танк по отношению к своей пехоте.

Организация: легкий танковый полк имеет при штабе транспортный взвод в 30 грузовых машин и состоит из 2 батальонов. Каждый легкий танковый батальон имеет 3 роты и 1 вспомогательную роту; каждая танковая рота состоит из 1 командирского танка и 3 взводов по 5 машин в каждом и 1 запасного эшелона из 5 машин. Вспомогательная рота имеет 1 радиовзвод, состоящий из 3 радиотанков, 1 спасательный взвод и 1 ремонтный взвод.

Средний и тяжелый батальоны самостоятельны и состоят из одинаковых единиц; разница в том, что во взводе средних танков 3 машины, во взводе тяжелых — только одна. Поэтому у тяжелых, средних и легких

танковых батальонов число танков округляется в 10, 30 и 50 машин, не считая эшелонов.

Взгляды англичан на применение танков совершенно отличны от французских взглядов; англичане основной упор делают на самостоятельное применение их. Даже в тех случаях, когда танковые части должны работать во взаимодействии с другими видами оружия, они должны, где только возможно, атаковать фланги и тыл противника. Яснее всего этот взгляд выражен в уставе боевой подготовки танков и бронеавтомобилей издания 1927 г., в котором говорится: «Взгляд, что броневые машины могут работать только в тесном взаимодействии с пехотой или конницей, устарел; бронемашины должны уметь использовать все выгодные положения; они должны быть введены в дело в надлежащем месте и в надлежащее время, как этого требуют их особые боевые свойства».

Установка совершенно ясна; ясно также, что она совершенно противоположна французским взглядам.

Само собой разумеется, что английский устав дает только руководящие установки; способ претворения их в жизнь является делом обучения. Рекомендуемый способ применения очень схож со способом применения тяжелой штурмовой конницы, которая позади фронта ожидает надлежащего момента, для того чтобы врубиться в неприятельские карре, уже значительно расстроенные сражением.

Англичане также считают в среднем на дивизионный фронт по 1 танковому батальону (50 машин); до сих пор батальон состоял из 3 рот по 3 взвода в каждой, в каждом взводе 5 танков. Более крупным соединением являлась танковая бригада, в состав которой входило несколько танковых батальонов, рот бронеавтомобилей и вспомогательных рот и которая являлась резервом главного командования.

Гораздо более подробно и живо, чем это может быть сделано в уставе, говорит английский генерал Фуллер в своей книге о будущей танковой войне. Фуллер, начиная с августа 1916 г., был в танковом корпусе (последнее время он занимал пост начальника штаба этого корпуса), а с августа 1918 г. работал в военном министерстве. Он борется за развитие военного дела, как он его понимает, за механизированную армию, за танко-

вую войну, борется с предрассудками и косностью с гораздо большим темпераментом, чем это можно было бы ожидать от англичанина.

Фуллер рисует следующую картину: при объявлении войны флотилии танков, опираясь на свои пограничные крепости, прорываются в неприятельскую страну; там вместе с воздушным флотом занимают или разрушают важнейшие опорные пункты и бросаются на отсталую по вооружению армию противника, с тем чтобы обойти ее, атаковать с фланга и тыла и, в конце концов, уничтожить.

Короче говоря, танковая армия не только ведет сражение совершенно самостоятельно; она не только стала главной основой сухопутного войска, но, по мнению Фуллера, армии, организованные еще по-старому, даже не обладают способностью сопротивляться ей.

Итак, по мнению Фуллера, которому нельзя отказать в богатом опыте по применению танков, накопленному во время мировой войны, танковые соединения могут проводить совершенно самостоятельные операции. И к этому мнению примкнуло английское высшее командование. Над этим стоит призадуматься.

Прежде чем перейти к разбору возможных в будущем боевых положений, следует установить сперва технические возможности танков.

Предположим, что батальон английских средних танков Виккерса марки «II» принимает участие в рейде (наступлении).

Машины в порядке; это значит, что отдельные танки при длительном пробеге могут сохранять среднюю скорость в 15 *км* в час, а в некоторых случаях увеличивать ее даже до 30 *км*. Можно будет ожидать, что батальон сможет проходить большие расстояния без сколько-нибудь значительных технических поломок, в среднем около 1 500 *км*. Но заранее известно, что после 200 *км* потребуется заправка бензином, маслом, водой и пр., в противном случае весь батальон остановится. А батальону требуется одного бензина не меньше 20 *т*.

Если считать, что исходные позиции батальона будут расположены в нескольких километрах позади своего фронта, что при наступлении на неприятеля ему придется маневрировать, т. е. делать обходные движения, принимать меры охранения, то получится, что баталь-

он не сможет быть послан вперед дальше как на 50—70 *км*, если он располагает только своими средствами.

Подобные соображения действительны и для снабжения огнеприпасами, так как, имея 90 артиллерийских снарядов и не свыше 8 000 пулеметных патронов на танк, бой можно вести только ограниченное время.

Если батальон должен проходить большие расстояния, то необходимо подумать о снабжении горючим, а при необходимости и огнеприпасами. Для этого придется брать с собой обозные машины, которые необходимо потом охранять, или горючее должно быть подвезено в известный час к определенным пунктам новыми танковыми отделениями, что является чрезвычайно трудно выполнимой задачей. Кроме того, при операциях танковых соединений, продолжающихся круглые сутки, необходимо будет позаботиться и о смене экипажа.

Как мы видим, операции танковых соединений таят в себе огромные трудности. Бронемашины без горючего обладают очень незначительной боевой силой; несколько легких орудий в неподвижной легкой броне и несколько пулеметных групп — это все.

Необходимо запомнить, что успешность всех операций бронемашин, требующих переходов, бóльших, чем половина радиуса их действия, в огромной степени зависит от подвоза. В особенности это касается горючего, которое всегда должно притекать в достаточном количестве, в противном случае операция может закончиться катастрофой.

Скорости, которые в настоящее время могут развивать танковые соединения, и большой радиус действия их будут иметь для ведения боевых операций такие огромные последствия, что в настоящее время их невозможно даже учесть.

В наш век, как и в середине XIX столетия, вновь появился род оружия, который может развивать по сравнению с пехотой значительно бóльшие скорости движения и который остается вполне «жизнеспособным» и на поле боя. Благодаря этому операции будут протекать значительно быстрее и можно будет использовать успех, что представляло такие значительные трудности во время мировой войны, когда пехоту должна была преследовать такая же пехота.

Опыт мировой войны уже показал, что танки не могут взять и удержать оборонительную позицию без пехоты сопровождения; дальнейшее техническое развитие также не принесло ничего нового в этом вопросе. Но возможность использования успеха широкого прорыва фронта, какой был достигнут во время трех больших танковых сражений мировой войны, получила благодаря современным быстроходным танкам совершенно новые перспективы. Вследствие прорыва оборонительный фронт открыл два фланга, против которых делаются возможными операции танков по обходу и удару в тыл, они увеличивают прорыв и могут привести сражение к успеху, может быть, даже решающему.

Как в людском обществе, так и в военном деле становится все труднее сохранять небольшие единицы, небольшие государства. Раньше и мелкое государство имело право надеяться на то, что ему удастся упорной обороной выиграть время, необходимое для вмешательства союзников. Армия более слабой стороны при условии достаточной ее численности могла прикрыть всю границу и потом медленно отступать на отдельных участках фронта, принуждая противника ко все новому и новому развертыванию артиллерии. И даже в тех случаях, когда это не удавалось и противник врывался, его можно было удержать резервами и отступлением. У обеих сторон скорость передвижения определялась пехотой, а старое правило гласит, что отступающий передвигается скорее, чем наступающий.

Но вот появляется танк, и эти успокоительные возможности вкорне изменяются.

Благодаря его скорости еще больше «сжимается» пространство, которого у карликовых государств и так мало. Любое поражение, оставляющее самый незначительный прорыв фронта, может иметь катастрофические последствия, так как нет никакой возможности разминуться с противником, обладающим трехкратной скоростью по сравнению с пехотой.

Как при крупных, так и при мелких операциях можно ожидать ударов по обоим флангам и в тыл; короче говоря, станет опять возможным поражение наподобие Канн.

Наиболее критические последствия развитие танков будет иметь для белых «цветных» в Европе, — для разо-

руженных народов, которые не имеют никакой возможности защитить границы своего государства. Для них особенно реальна опасность стремительного наступательного марша на широком фронте с бронемашинами в авангарде.

Итак, правильны ли взгляды Фуллера?

Если предпосылка, которую он кладет в основу своих идей, правильна, т. е. атака танковых соединений будет направлена на войска без противотанковых орудий, то могут быть достигнуты неслыханные победы. Но вряд ли можно согласиться с правильностью его предпосылки, по крайней мере в таком широком обобщении.

Ведь за период, прошедший после окончания мировой войны, стало ясно, что как нельзя посылать в бой войска без газовой защиты, точно так же их нельзя посылать и без достаточного количества противотанковых орудий.

Поэтому нельзя себе представить, чтобы в будущем танки напали на незащищенный фронт.

ГЛАВА V

ОБОРОНА

ВВЕДЕНИЕ

Предпосылки

На основании событий мировой войны автор вывел заключение, что большие потери, неизбежные при каждой атаке вследствие огня самозаряжающегося и магазинного оружия, делают успех атаки сомнительным, а может быть, даже и вообще невозможным. Поэтому на помощь бойцу должны притти машины, а именно танки.

Танк является таким средством нападения, которое при максимальной эффективности терпит наименьшие потери и благодаря стремительному течению боя приводит к столь быстрому решению, что иногда даже появляется надежда на достижение окончательного успеха. Поэтому массового введения в дело танков надо ожидать во всех сражениях будущего.

Это положение как будто ясно и возражений не вызывает; значительно хуже обстоит дело с методами применения танков — в этих вопросах есть еще очень много невыясненного.

Изложенные положения являются руководящими для всех последующих рассуждений как по вопросам обороны, так и наступления.

Позиционная война

Прежде чем перейти к обсуждению обороны, необходимо решить, можно ли себе вообще представить во время будущей войны систему окопов от моря до моря, короче

говоря, сможет ли в будущем существовать еще позиционная война.

После окончания войны казалось, что руководящие военные круги победивших стран смотрят на многолетнюю безрезультатную позиционную войну как на достойную сожаления ошибку, которая никогда больше не должна повториться. Армии должны быть вооружены и обучены таким образом, чтобы в будущем они могли опять оперировать в классической маневренной войне быстрыми, решающими ударами. Фош выразился следующим образом: «Тот народ, который вступает в войну с надеждой на то, что в период формирования своей армии сможет спрятаться позади окопов, идет навстречу катастрофе».

Подтверждением того, что это мнение было господствующим, является создание Францией своей армии прикрытия, которая, несмотря на свое мирное название, являлась настоящей наступательной армией; она состояла из людей самого молодого призывного возраста, была оборудована самым современным образом, и первые эшелоны ее могли быть готовы к походу через несколько часов после получения приказа.

Между тем, прошло больше 10 лет, и за это время выяснилось, что «изречение» Фоша правильно, в лучшем случае, наполовину. Это яснее всего видно из того, что как раз Франция занимается тем, что в период так называемого мира строит поперек Европы такую систему окопов — нечто вроде современной китайской стены, — какой еще мир не видал[80].

Откуда же такая перемена направления мыслей? Дело в том, что войну ведут не так, как хотят, а так, как это необходимо, как это указывается данным уровнем развития техники.

Во все времена и эпохи воюющие стороны стремились проводить операции на чужой территории и защищать собственные границы от вторжения противника. Чем больше развивалась цивилизация, тем больше человек приспособлял землю для своих потребностей; чем гуще становились его селения, тем больше вреда приносило вторжение, тем бо́льшие разрушения наносились городам, силовым станциям, средствам сообщения и пр. Так было уже в 1914 г., и с тех пор это еще больше обострилось.

В 1914 г. для подобных вторжений имелась только конница, которая уже и в то время была анахронизмом; сегодня для этого используют машину, простую или бронированную, вездеходную или невездеходную, которая несравненно эффективнее конницы и, следовательно, может совершить гораздо более глубокие вторжения в несравненно более короткий срок.

Ясно, что каждая страна должна будет оградить себя от подобных возможностей и не позже, как в момент объявления войны; это должно быть сделано, по меньшей мере, у собственных границ. В настоящее время единственной формой подобной позиции, оборудованной для длительной обороны, является окоп. Чем совершеннее в техническом отношении будет укреплена такая зона, тем меньше людей потребуется для обороны.

И невольно приходишь к убеждению, что в наше время при объявлении войны будут созданы укрепленные зоны по границам государств. После окончания мобилизации они будут заняты настоящей «армией прикрытия», которая не будет состоять из самых молодых солдат и не будет иметь самого лучшего вооружения, как французская армия, потому что она действительно будет только защищать и удерживать позиции до тех пор, пока не будут подтянуты ударные армии для контратаки или пока во время большого наступления не будет достигнут благоприятный исход кампании.

Окоп был и остался «основой» войны и наступления.

Основной закон всех сражений гласит: быть на решающем участке сильным, сильнее противника, а это выполнимо только тогда, когда технические приспособления дадут возможность удерживать длинные фронты слабыми и менее боеспособными войсками.

Правда, в будущем набеги будут совершать не только «бензиновые кирасиры», как в 1914 г., но и самолеты, а последних окопами остановить невозможно!

Но несомненно, что в будущем будут приняты все меры к тому, чтобы и самолеты терпели как можно больше урона. Необходимо установить, что воздушный флот в настоящее время далеко еще не так эффективен, как машины, передвигающиеся по земной поверхности, например, танки.

При значительном сосредоточении самолетов они могут разрушить важные сооружения, пока последние не слишком растянуты. Для общего разрушения у них нет возможностей; кроме того, они могут только разрушать, никогда не могут ничего захватить и еще меньше использовать.

ОБОРОНА

Постановка проблемы

Материал будет изложен следующим образом: сначала будет установлено, какие требования предъявляются к современной обороне, далее классифицированы новейшие орудия по их мощности и главным свойствам, обсуждено тактическое применение их и, наконец, суммированы изменения, которые претерпела оборона.

Задача заключается не только в том, чтобы организовать оборону против массовой атаки танков; ее надо организовать таким образом, чтобы она была пригодной против всякой атаки, которая может иметь место в настоящее время, значит, также и против артиллерийской атаки.

Прежде чем предложить увеличить и без того многообразное вооружение пехотной дивизии, надо подумать, нельзя ли организовать противотанковую оборону при лучшем использовании имеющегося вооружения. Напрашивается мысль о необходимости сделать дивизионную артиллерию более производительной. Однако, отдельные полевые орудия, подтянутые в район расположения пехоты, справиться с танками не могут, опыт был сделан. Но, может быть, атаку могла бы отбить вся артиллерия, если бы она соответствующим образом раздробила свои батареи и распределила их по ширине и глубине в районе расположения артиллерийских позиций?

Эта мысль вполне жизненна, и она подсказывает следующее решение.

Организация обороны остается в основном такой же, как и раньше, только артиллерия расположена на своих позициях соответствующим образом.

Если противник производит танковую атаку, то пехота укрывается, пропускает машины, но останавливает следующую за ними пехоту; танки при дальнейшем

продвижении натыкаются на артиллерийские позиции и там уничтожаются.

Эта программа очень проста, но, к сожалению, невыполнима.

Раз танки наступают с пехотой сопровождения, разве обороняющейся пехоте поможет, если она «притворится мертвой»? Конечно, нет, так как танки и пехота обучены для совместной работы: танки должны нейтрализовать действие орудий, а пехота должна взять в плен «мнимого мертвеца»; для этого они совместно и проводят атаку.

И если бы даже удалось отбить после этого танковую атаку в районе расположения артиллерии, разве победа артиллерии не будет «несколько» омрачена тем, что перед нею в бывших пехотных позициях будут лежать только убитые и тяжело раненые, а все остальные будут взяты неприятелем в плен?

Разве это можно назвать успехом, победой? И сколько таких побед сможет выдержать армия? Нет, это решение негодно, оно будет губительным для армии.

Есть только одно правильное решение проблемы противотанковой обороны, которое состоит в том, что оборона переносится на позицию пехоты, и как можно дальше вперед, а противотанковые орудия даются в руки самой пехоты. Только тогда можно будет требовать, чтобы стрелки при танковой атаке оставались укрытыми до того момента, пока их бронебойные пехотные орудия не смогут уничтожить танки. Только тогда прекратится старый спор о том, насколько «опасны» танки.

Понятие «опасность» всегда относительно. Пока пехота не будет иметь действительных средств обороны, танки будут представлять для нее очень большую опасность, так же как вооруженный револьвером человек опасен для невооруженного. Если же ей будут даны хорошие противотанковые орудия и она сможет обороняться, то опасность сейчас же уменьшится, так как участь ее будет зависеть уже от ее собственной дееспособности.

ПЕХОТНАЯ ПУШКА

Коренным вопросом является следующий: какому орудию следует доверить в районе расположения пехот-

ных позиций противотанковую оборону? Уже мировая война ясно показала, что действие массивного стального сердечника винтовки сверхтяжелого калибра совершенно недостаточно и что ориентироваться необходимо на бронебойные фугасные снаряды орудий для настильной стрельбы.

Трудный вопрос относительно пехотного орудия встает здесь во всей своей запутанности. Но винить здесь следует не техника, а скорее тактика. Сперва необходимо уяснить себе все вопросы относительно боя: каким способом думают проводить наступление — так, как немцы в 1918 г., или как их противники 4 месяца спустя? Будет ли атакующий итти опять в первой волне, после того как дивизионная артиллерия, артиллерия сопровождения и его тяжелое и легкое оружие облегчили ему эту задачу? В этом случае место пехотных орудий будет между артиллерией сопровождения и станковыми пулеметами и главная задача их — пробиваться через оборонительную полосу, т. е. быстрое уничтожение пулеметов. Или будет признана эффективность танков и предположено, что в будущей войне бронированное оружие будет играть все более значительную роль? Тогда от пехотной пушки необходимо требовать определенного бронебойного действия, а все остальное приобретает уже второстепенное значение.

Но, несмотря на бронебойное действие такого орудия, необходимо, чтобы оно называлось по-старому пехотным орудием, так как пушка принадлежит именно пехоте и будет использована ею при различных условиях и не только против танков.

Теперь можно было бы перейти к тому, чтобы на основании главной задачи орудия — противотанковой обороны — определить его конструкцию. Но перед этим нелишним будет поговорить о технике атаки современных танков. Для этого обсудим атаку танкового взвода, состоящего из 5 машин, который является частью крупного соединения. При этом ярче выступят требования, предъявляемые к орудию.

При танковой атаке, проводимой с пехотой сопровождения или без нее, артиллерия противника должна быть подавлена, нейтрализована или, по крайней мере, задымлена.

Если вместе с батареями и ее наблюдательными пунктами будет сильно задымлена вся зона расположения пехоты, то это значительно уменьшит дальность действия всех противотанковых орудий, но одновременно сильно ухудшит видимость для самих танков, которая им совершенно необходима для своевременного распознавания естественных и искусственных препятствий, включая мины, иначе им придется значительно уменьшать скорости движения.

Поэтому задымление участков, которые в ближайшее время должны атаковаться танками, невыгодно для быстроходных танков; вследствие этого к задымлению будут прибегать в исключительных случаях, тем более, что сами танки также имеют приборы для производства дымовой завесы в случае крайней необходимости.

Скорость движения танков на местности зависит и от характера местности. Танки будут наступать в свободных построениях, эшелонированные в глубину и расчлененные в ширину на минимальном интервале в 100 *м*[81], скачками от укрытия к укрытию или от одного гнезда сопротивления к другому и при этом будут стараться двигаться вперед на максимальной скорости, которая будет различной в зависимости от типа машины.

Так как даже самые малые танки представляют собой все же крупные движущиеся тела с очень правильными и неблагоприятными в данном случае контурами, то в первую очередь они будут выводиться из строя сравнительно небольшими и при этом неподвижными и замаскированными противотанковыми орудиями.

Если танковый взвод при продвижении своем попадает под обстрел пехотной пушки, местонахождение которой может быть предварительно определено очень грубо, лишь на основании направления стрельбы, то он постарается спрятаться в ближайшем укрытии. После этого не больше половины взвода, т. е. 2 машины, возьмет направление прямо на орудие и, разойдясь друг от друга на большое расстояние, с максимальной скоростью пересечет открытый участок, двигаясь зигзагообразным путем; остальные машины будут стараться подойти к орудию с фланга или тыла, оставаясь, по воз-

можности, за укрытием; в конце концов, все машины одновременно атакуют орудие со всех сторон.

Атакующие танки могут иметь броню толщиной в 30 *мм* («Рено-26/27»); такие танки открывают огонь на дистанции свыше 1 000 *м* лишь в редких случаях [82].

При атаке в составе целых частей танковым взвод м часто придется проходить большие расстояния без укрытия. В этих случаях чрезвычайно важно, чтобы атака была произведена одновременно, что необходимо для разделения огня, и как можно стремительнее для того, чтобы орудию осталось как можно меньше времени для стрельбы.

Конструкция орудия

Теперь можно перейти к установлению требований, предъявляемых к пехотной пушке, и обсуждению того, каким же, примерно, должно быть это орудие, чтобы оно отвечало этим требованиям.

1. **Мощность.** Бронебойная граната пехотной пушки должна пробивать 30-*мм* броню на дистанции в 500 *м* при угле встречи в 60°.

2. **Выбор калибра.** Требуемая мощность может быть получена при калибрах от 37 до 47 *мм* и дульной энергии от 30 до 35 тоннометров при соответствующем согласовании веса снаряда и начальной скорости.

Так как мы исходили из определенной мощности, то вес орудий будет, примерно, одинаковым независимо от выбранного калибра, причем может быть у 37-*мм* даже несколько бо́льшим, так как при высокой начальной скорости ствол должен быть достаточно длинным и возникают затруднения относительно центра тяжести.

Вес снарядов увеличивается, примерно, в третьей степени калибра, и поэтому 47-*мм* орудие имеет уже вдвое более тяжелую гранату, чем 37-*мм* орудие. Но мощность зависит как раз от снаряда. Противотанковая оборона ограничена столь коротким временем, что становится чрезвычайно важным, чтобы каждое попадание могло вывести машину из строя; на возможность пожара боевого танка теперь рассчитывать уже не приходится. Вместе с калибром увеличиваются и размеры пробоины в броне, с увеличением веса снаряда

увеличиваются вес взрывчатого вещества и количество осколков.

Траектория 37-*мм* орудия будет на действительной дальности настильнее, чем 47-*мм* орудия: наибольшая высота полета снаряда обоих калибров на дистанции до 500 *м* почти одинакова и равна около 1 *м*, что вполне достаточно.

Суммируя сказанное, мы видим, что больший калибр имеет превосходство в действии отдельного снаряда, в то время как остальные свойства обоих калибров почти одинаковы и в первую очередь — вес орудия.

Поэтому автор останавливается на орудии 47-*мм* калибра.

3. **Огнеприпасы.** Главным снарядом пехотной пушки является бронебойная граната с донной трубкой весом около 1 500 *г*. Снаряды, не попадающие в танк, падают на землю под острым углом и рикошетируют, причем нельзя рассчитывать, что взрыватель будет действовать. Снаряд можно сделать трассирующим, но это имеет свои недостатки.

Кроме бронебойной гранаты, предусмотрены еще картечь и фугасные гранаты. Картечь служит для отражения атак на ближних дистанциях.

Вес фугасной гранаты равен свыше 2 500 *г*, начальная скорость ее ниже 200 *м/сек*, она имеет очень чувствительный запал. Эта граната при стрельбе из пехотной пушки имеет очень эффективное действие против живой силы. Траектория ее очень схожа с траекторией гаубицы, следовательно, лучше применима к местности.

Бронебойные гранаты и картечь соединены с зарядами в унитарный патрон.

Государства, имеющие на границах горные пространства, будут придавать пехотным пушкам 2 заряда для настильной и навесной стрельбы.

4. **Обстрел.** Вертикальный обстрел достаточен до 50°, что дает возможность применять орудие и для зенитной обороны

Горизонтальное поле обстрела должно быть равно не меньше, как 150°, еще лучше было бы иметь круговой обстрел. Разбор атаки быстроходных танков показал со всей отчетливостью, что для обороны будет иметься в распоряжении очень ограниченное время и

при этом необходимо уничтожить несколько машин, в противном случае будет уничтожено само орудие.

Это требование выполнить тем труднее, что пехотная пушка должна быть готова к огню немедленно после снятия с передка, если и не для полной горизонтальной наводки, то, по крайней мере, на 60°.

5. **Прицельные приспособления.** Обычный дуговой прицел с визирной трубкой и вместо дорогостоящих оптических приспособлений — простой зеркальный угловой прибор.

6. **Щит.** Щит должен быть как можно меньших размеров; он должен на близких дистанциях защищать от бронебойных пуль. Толщина — около 7 *мм*, вес 50 *кг*. Могут быть приданы также щиты для огнеприпасов, при помощи которых можно сделать укрытие против фланга или тыла.

7. **Способы передвижения.** Нормально собранное орудие буксируется, но может быть также погружено на любую машину; предусмотрена также возможность разборки орудия для погрузки на вьюки; разборка на более мелкие составные части для переноски людьми не требуется.

Выводы. Снаряд 47-*мм* пехотной пушки пробивает броню всех легких и средних танков при самых неблагоприятных обстоятельствах на дистанциях самое большее в 500 *м*. Одного попадания достаточно, чтобы вывести танк из строя. Этот снаряд не может пробить лобовую броню тяжелых французских танков «С» и «D», но боковое попадание может нанести этому колоссу тяжелое повреждение, причем на самых малых дистанциях не исключена возможность пробивания и передней брони.

Орудие в боевом порядке вместе с щитом весит от 350 до 400 *кг*. Оно будет иметь лафет-тумбу или лафет с раздвижными станинами и при полуавтоматическом затворе будет делать до 40 выстрелов в минуту. 8 бронебойных или 4 простых снаряда объединяются в магазин весом около 15 *кг*.

Критика. Пехотное орудие подобных размеров будет, без сомнения, отклонено пехотой с возмущением: оно слишком тяжело и громоздко, и разве возможно таскать за собой такое орудие на всех полях сражения? Это может быть хорошо только в теории [83].

На это следует ответить, что пехота сама пережила до настоящего времени огромные перемены, которые происходили постепенно, пока не выработались построения для атаки 1918 г.

Орудия различных видов создаются для выполнения определенных боевых заданий: каждая эпоха приносит свои боевые средства, которые кладут свой отпечаток на организацию и вооружение войсковых частей. Во время последней кампании бронепевая машина впервые применялась в качестве наступательного средства; для борьбы с ней пехоте нужно соответствующее оружие, и она должна его получить, какие бы изменения это за собой ни повлекло.

Остается обсудить, не может ли быть изменена конструкция пехотной пушки. О весе говорить не приходится, потому что он определяется на основании поставленных требований. Поэтому необходимо еще раз пересмотреть эти требования.

Если бы было возможно удовлетвориться меньшей мощностью, то мог бы быть уменьшен соответственно и вес орудия. Каковы же требования, предъявляемые к его мощности? Снаряд пехотной пушки должен пробивать 30-*мм* броню, ибо танк «Рено-26/27» показал, что вполне возможно построить хорошо вооруженный танк, обладающий средней скоростью, весом около 9 *т*, боевое отделение которого защищено 30-*мм* бронеи. Любое государство может теперь построить танки по этому образцу; поэтому пушка, не пробивающая 30-*мм* броню, будет уже негодной. Угол встречи также должен быть сохранен в 60°, так как при конструировании всех бронемашин прилагают все старания к тому, чтобы попадание снаряда по нормали было, по возможности, исключено.

Должно ли пробивание происходить на дистанции в 500 *м*? Самая толстая броня у танков — лобовая, которая обращена к противнику во время танковой атаки [84]. Она на дистанциях свыше 500 *м* предлагаемым пехотным орудием пробита быть не может, действие начинается лишь на более близком расстоянии. Разве эта дистанция слишком велика? Нет, она скорее слишком мала. Для того чтобы пройти это расстояние в момент атаки, танку «Рено» требуется всего

1 или 1½ минуты; новейшие же типы танков еще быстроходнее. Итак, мощность понижена быть не может.

Нельзя ли отказаться от щита? Щит был предложен для того, чтобы дольше сохранить орудийный расчет, а тем самым и действие пушки. Если уничтожить щит, то это даст экономию всего в 50—60 *кг*, что дела все равно не решает. Если удовлетвориться горизонтальным обстрелом в 50—60°, то можно сэкономить еще 50 *кг*, но это пойдет в ущерб одному из важнейших свойств орудия, которое ему необходимо для выполнения возложенных на него заданий.

Эта критика не дает результатов, ибо требования не могут быть снижены, а следовательно, вес орудия должен остаться неизменным.

Необходимое количество орудий

Возникает второй важный вопрос: сколько подобных пушек должно быть придано пехотным частям?

В том, что орудие должно принадлежать пехоте, нет никаких сомнений; оно должно носить цвет ее прибора. Если во всех сражениях не исключена возможность танковой атаки, то и пехота должна при всех обстоятельствах — в бою, на марше и на отдыхе — иметь при себе противотанковые орудия. Поэтому пушка должна быть частью пехоты, так же как и пулемет; она должна быть связана с ней *даже еще теснее*, ибо действие самозаряжающегося оружия может быть в случаях необходимости заменено *многими стрелками*, действие же пехотного орудия *не может быть заменено ничем*.

При определении количества оружия всех родов до сих пор придерживались старого испытанного правила: предусматривалось такое количество, чтобы безусловно могла быть отражена атака противника, проводимая с более слабыми силами; если же противник обладает превосходными силами, то действие орудий должно было нанести ему такие тяжелые потери, чтобы атака или совсем не удалась, или смогла быть, по крайней мере, задержана до тех пор, пока не будут приняты собственные контрмеры.

Это правило может быть применено для наиболее точной наметки, но именно только наметки, а не точ-

ного определения, так как и в данном случае условия сражений не могут быть выражены системой уравнений.

Вопрос об оценке брони, с одной стороны, и орудия — с другой — является достаточно старым, часто повторяющимся вопросом. Несомненно, что преимущества на стороне орудия, так как оно ведет огонь с замаскированной позиции и установлено на земле, в то время как танк преждевременно выдает свое присутствие своим значительным размером и движением, а орудия его должны стрелять с платформы, подверженной во время движения значительным толчкам и колебаниям.

Во время мировой войны был случай, когда одна пушка, которая должна была служить для противотанковой обороны, в очень короткое время зажигала своими снарядами целые танковые взводы. Но это единичные случаи, которые хотя и делают честь артиллерии, но могли произойти лишь потому, что танки вводились в дело неправильно и слишком скучивались. Подобное действие уже и в то время не могло быть сочтено за правило, а тем более это не может быть сделано теперь, когда все страны научились применять танки как отдельно, так и во взаимодействии с другими родами войск.

Мы выбираем здесь соотношение 1 к 3, т. е. думаем, что в среднем 1 пехотная пушка сможет до момента собственного уничтожения вывести из строя 3 танка.

Что же это означает? Допустимое растяжение в ширину современного пехотного батальона при упорной обороне можно считать равным 2 *км*. На фронте подобной ширины в атаку может быть пущена пехотная дивизия, которая получит в общем 50 танков, а в пункте главного удара — даже 100.

Это значило бы, что если батальон должен удержать фронт протяжением в 2 *км*, то на участок батальона в среднем будет необходимо 16, а в наиболее важных участках фронта даже 32 пехотных орудия, или на каждый километр оборонительного фронта потребуется от 8 до 16 орудий, размещенных именно в расположении пехоты, так как оборона должна происходить как раз там.

Само собой разумеется, что эти цифры можно оспаривать не только в смысле увеличения их, но и в смысле уменьшения; для отражения атаки нет необходимости уничтожить все броневые машины. Но, с другой стороны, ничто не помешает противнику на важных участках фронта после атаки первой волны повторить ее следующими волнами.

Одно только можно считать неоспоримым, что наличие от 3 до 6 пушек на пехотный полк совершенно недостаточно.

Распределять пехотные пушки целиком между пехотными частями также не рекомендуется, так как это сделало бы организацию слишком «жесткой»; одна часть их, около 25%, должна быть непосредственно дивизионной, чтобы командир дивизии мог распоряжаться ими по своему усмотрению.

Имеется предложение придать каждому батальону свою орудийную роту с 6 орудиями; кроме того, создать непосредственно дивизионный орудийный батальон в составе 18 орудий, и таким образом дивизия будет иметь всего 72 пехотных пушки.

Если взять отдельный батальон, то потребность его в таких пушках не будет покрыта и наполовину (считая фронт в 2 *км*); окончательно об этом можно будет говорить лишь после обсуждения обороны.

Во всяком случае, если в настоящее время каждый батальон не имеет орудийной роты, то в будущем он должен будет ее иметь.

Это решение в основе своей не представляет ничего нового: после Тридцатилетней войны имелись полковые орудия, потом линейная артиллерия распределялась по-батальонно, причем каждый батальон получал от 2 до 4 орудий. Такое положение оставалось еще до эпохи наполеоновских войн (в австрийской армии до 1809 г.).

Распределение

Современный пехотный батальон имеет от 30 до 40 легких пулеметов; учитывая изменившиеся боевые задачи самозаряжающегося оружия в танковой войне, это количество кажется более чем достаточным,

и вследствие этого пулеметная рота может быть реорганизована в орудийную роту.

Если это будет сделано, то в полку еще останется место для сверхтяжелых зенитных пулеметов, а внутри пехотной дивизии — еще и для минометов.

Если пехота не захочет обойтись без станковых пулеметов, то в 4-м взводе каждой роты может быть освобождено место для создания взвода с 2 станковыми пулеметами. Мировая война показала, что станковый пулемет в сражении достигает наибольшей действительности тогда, когда он находится как можно ближе к пехоте, и наименьшую пользу приносит в тех случаях, когда применяется наподобие артиллерии, выезжая на позиции в виде батарей [65].

Так или иначе, но орудийная рота должна быть создана непременно.

Организация орудийных рот должна быть согласована с организацией крупных войсковых соединений, т. е. дивизий.

Предположим, что «армия прикрытия» имеет еще повозки конной тяги и пехота марширует пешком. Орудийная рота состоит из 3 орудийных взводов и 1 эшелонного взвода. Командир роты не имеет такой ячейки управления, как командир батареи, так как о построении орудийной роты для стрельбы в батарейном порядке говорить не приходится; рота применяется обычно по-взводно, растянутая на значительное расстояние.

Первые 3 взвода разделены на 2 полувзвода, каждый получает по 1 орудию; 4-й взвод делится на 1 минный полувзвод и 1 полувзвод с огнеприпасами.

Каждый орудийный полувзвод состоит из пушки, которая перевозится в одноконной упряжке; при движениях в бою пушка, как правило, заряжена и возит запас снарядов на случай тревоги. Кроме того, полувзвод располагает 2 одноконными двуколками с прицепными ручными тележками, причем на каждой двуколке перевозится 64 снаряда, 1 орудийный щит, 1 пистолет-пулемет с 2 000 патронов; состав полувзвода — всего 20 человек.

Помимо этого, полувзвод с огнеприпасами 4-го взвода перевозит на 3 парных повозках еще по 128 снарядов для каждого орудия и по 2 000 патронов для каждого

пулемета-пистолета; минный полувзвод имеет 3 парных повозки, на которых грузится 400 легких мин заграждения весом по 5 *кг* каждая.

Каждая пушка роты располагает 256 снарядами, причем бронебойные гранаты, фугасные гранаты и картечь распределяются, примерно, в соотношении 8 : 4 : 1.

Легкий парк должен перевозить еще по 44 снаряда на орудие и по 1 000 патронов на каждый пулемет-пистолет. Суточная норма огнеприпасов определяется в 150 снарядов, так что в пехотном полку имеется 2 полных суточных нормы.

Подобная организация учитывает необходимость постоянной боевой готовности пушки; орудийная рота может передвигаться только шагом, т. е. обладает той же скоростью, что и пехота, которой она должна давать огневую защиту, и это не является недостатком.

Далее необходимо иметь возможность производить перемену позиций даже и во время боя: в этом случае орудие и 2 ручных тележки со 100 снарядами должна тянуть сама команда. А так как это составит вес около 800 *кг*, то для этого необходимо от 12 до 20 человек, т. е. как раз весь полувзвод.

Это говорит о том, что команду полувзвода следует сделать более многочисленной, чем это необходимо только для обслуживания орудия, и держать ее наготове вблизи позиции орудия.

Если орудийная рота будет передвигаться так же, как легкая артиллерия в упряжке, то она может использовать ее на марше, а во время боя передвижение будет происходить, главным образом, при помощи людей; запряжка здесь ничем не поможет.

Значительно производительнее и экономичнее было бы применение вездеходных тягачей, которые перевозили бы полувзвод с большей скоростью и могли бы оставаться вблизи позиции орудий и, во всяком случае, гораздо ближе к передовым линиям, чем конная упряжка. Но так как подобные тягачи должны быть специальной конструкции и не находят применения в мирное время, то мы и считаем, что подобных машин, по крайней мере в начале войны, в распоряжении армии прикрытия иметься не будет.

О применении самоходных лафетов здесь говорить также не приходится, так как подобные единицы при-

годны лишь для атаки или контратаки; поскольку самоходные лафеты нуждаются в щите, и не в простом, а в коробчатом, то они являются переходом к танку.

Роты самостоятельного орудийного батальона в основном организованы так же, как и роты цехотного батальона; батальон имеет легкий парк. Этот орудийный батальон придается по-ротно пехотным батальонам для усиления их противотанковых орудий.

Подчеркиваем еще раз, что пехотные пушки принадлежат целиком пехоте и должны при всех обстоятельствах охранять ее от танков.

Никогда больше не должно произойти то, что случилось с 2 немецкими батальонами днем 24 апреля 1918 г.: они находились сосредоточенно в лощине, в 2 *км* западнее Виллер-Бретонне, когда были случайно обнаружены 7 английскими танками «Уиппет» и немедленно атакованы ими. В течение нескольких минут они оказались уже небоеспособными, рассеянными и понесли огромные потери убитыми и ранеными.

Сами орудия, как таковые, не могут охранять, и поэтому они должны быть разумно использованы. Пехотные пушки должны быть во время движения и на отдыхе (не говоря уже о сражении) сгруппированы так, как это наиболее выгодно для обороны, т. е. соответствующим образом подразделены, а ни в коем случае не сосредоточены в колоннах, ибо при неожиданной атаке быстроходных танков не будет времени для занятия боевых позиций.

Если пехотная рота отделяется от батальона, ей должен быть придан орудийный взвод; короче говоря, там, где сражается, отдыхает или двигается пехота, должно быть и бронебойное орудие, так как только оно даст возможность пехоте обороняться против танков.

Боевые порядки пехотных орудий

Рис. 1 и 1а

Боевые порядки пехотных орудий должны соответствовать их основной задаче, т. е. противотанковой обороне. Сомкнутые боевые порядки непригодны; тактические единицы должны быть рассредоточены в ширину и в глубину так же, как пехота и атакующие танковые соединения.

Танки заимствовали свою технику атаки — наступление рассредоточенным порядком — у кавалерии, но производить ее они должны, по возможности, со всех сторон одновременно и на максимальной скорости, что было старейшей формой атаки монгольских конных орд.

Обсудим теперь, будут ли пригодны и старые формы обороны. Сперва это был «ёж», называемый также карре (фронт обороны направлен во все стороны); позднее, когда возросла огневая мощь огнестрельного оружия, достаточно было и одной оборонительной линии, огонь которой препятствовал приближению и вклинению неприятеля.

Пехотные орудия никогда не должны использоваться в одиночку, так как они немедленно были бы окружены и захвачены с фланга или даже тыла. Поэтому самой меньшей единицей является взвод из 2 орудий, расположенных одно за другим, причем заднее орудие должно принимать все фланговые и тыловые атаки. Расстояние между ними должно быть не менее 300 *м*, что необходимо для того, чтобы оба орудия не могли быть обойдены танками; оно не должно также превышать 500 *м*, так как пехотное орудие бьет не дальше, как на 500 *м*. Такой орудийный взвод самостоятельно применяется очень редко, в большинстве случаев он вводится в дело внутри соединения. В этом случае расстояние между орудиями должно быть не меньше 200 *м* и не больше 500 *м*.

Как мы видим, туман в расчет не принимается. Искусственное задымление маловероятно, потому что оно сильно мешает работе самих танков, а на естественный туман рассчитывать нельзя, потому что он может быть и недостаточно густым; если пелена тумана будет такой плотной, как было во время больших танковых сражений, и командир все же решится пустить в атаку свои танковые части, то при отсутствии видимости уже на 20 *м* атака распадется на самостоятельные движения отдельных танков. Будут изолированы также и противотанковые орудия, но еще большой вопрос, кто извлечет больше выгоды из такого положения — атакующий или обороняющийся: обороняющийся, который ведет сражение на знакомой местности, или атакующий, который идет вслепую по неизвестной ему местности, ориенти-

руясь в лучшем случае по картам или на основании аэрофотосъемки.

Само собой разумеется, что характер местности и естественные укрытия на ней имеют большое, почти решающее значение для распределения отдельных орудий по фронту и в глубину; необходимо учитывать особенности каждого отдельного случая. Именно поэтому чрезвычайно интересно обсудить это с чисто «геометрической» точки зрения, что должно наглядно показать все преимущество большого поля горизонтального обстрела для подобных орудий и недостаточность поля обстрела в 60° (рис. 1 и 1а).

Форма „ежа“

1. Как видно из фиг. 1а (рис. 1), чистая форма карре не может быть образована 4 пехотными пушками с горизонтальным полем обстрела в 60°. Даже с орудиями с полем обстрела в 150° такое построение будет несовершенным: хотя круговой обстрел и получается, но огневое действие во все стороны слишком одинаково; только половина орудий может действовать в сторону фронта. При этом как раз в середине между каждыми 2 орудиями получаются слабые зоны, где при известном приближении огневое действие прекращается, и противник сможет прорваться. Если же прорыв будет осуществлен, то вся система распадается и каждое отдельное орудие будет предоставлено самому себе.

2. Значительно целесообразнее кажется построение «ежа» по фиг. 2, хотя оно требует еще 1 лишнего орудия. Здесь на зону, расположенную перед фронтом, может быть направлен огонь всех 5 орудий, причем 2 орудия стреляют на расстояниях свыше 500 *м*, 3 орудия обстреливают фланги, 2 орудия стреляют назад. При этом расположение становится гораздо более глубоким; согласно фигуре оно равно 600 *м*. Для построения такого «ежа» орудиями с полем обстрела в 60° потребовалось бы не меньше 13 пушек, что, конечно, невыполнимо.

3. Как показывает фиг. 3, можно обойтись и 4 орудиями, но при этом получается меньшая глубина построения; кроме того, четвертое орудие может стрелять только назад.

Все формы «ежа», применявшиеся до сих пор, имеют полный круговой обстрел; поэтому сами по себе обладают некоторой независимостью, не учитывая соседних сил. Можно считать, что при подобном построении бронебойных орудий они смогли бы держаться на важном участке даже в том случае, если по обе стороны их продолжалась атака и противник производил охват со всех сторон.

Треугольник

При выборе основных форм построения, могущих существовать лишь в связи с соседними силами, мы приближаемся ко второму решению, к линии или зоне.

4. На фиг. 4 показан треугольник, который допускает прекрасное огневое действие орудий на зону, расположенную перед фронтом. Это построение может придать чрезвычайно мощную оборонительную силу важным пунктам, но при условии, что тыл их будет охраняем. Итак, это построение предусматривает невозможность тыловой атаки благодаря особенностям местности или вследствие наличия там собственных войск, которые берут на себя охрану от танков.

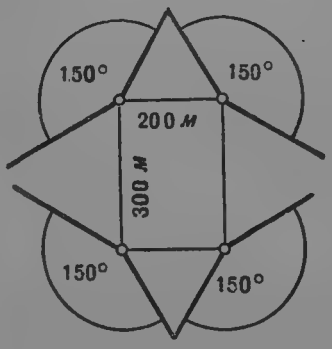
Зоны

5. На фиг. 5 (рис. 1а) показано расположение орудий в шахматном порядке двумя линиями, одна позади другой. Это — уже зона. Это построение, при котором в ширину и глубину между орудиями допускается минимальное расстояние, имеет много преимуществ, так как сферы поражения орудий первой линии перекрывают друг друга и, кроме того, на ближних дистанциях атаки могут вступать в дело также орудия и второй линии.

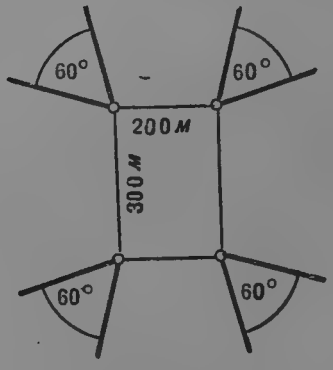
Фиг. 5а показывает еще раз, насколько невыгодно иметь орудия с горизонтальным полем обстрела в 60°.

6. Фиг. 6 характерна бережливым распределением орудий, которые расположены по одной линии на расстоянии 400 *м* друг от друга; расстояние между двумя линиями сохранено старое.

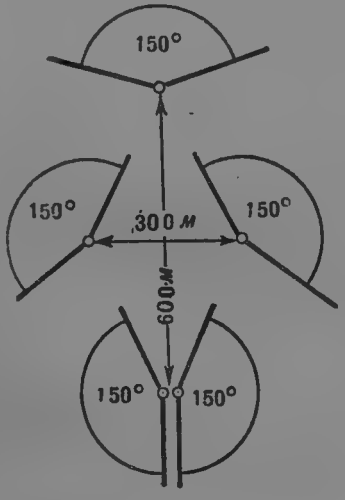
7. То, что на фиг. 7 взаимные промежуточные пространства увеличились на 660 *м*, только кажется; в дей-



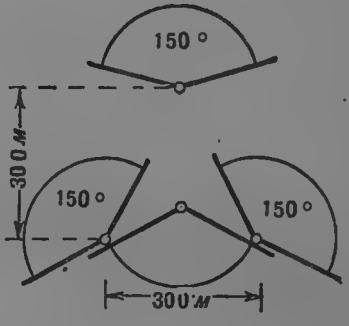
Фиг. 1



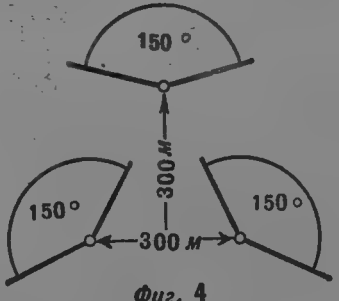
Фиг. 1 *а*



Фиг. 2

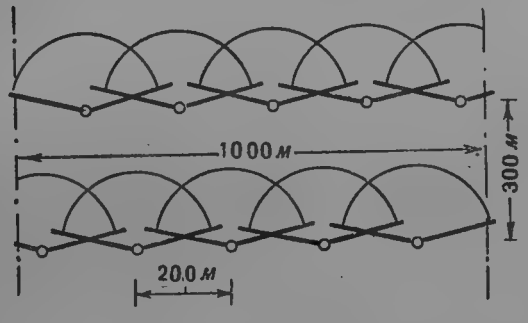


Фиг. 3

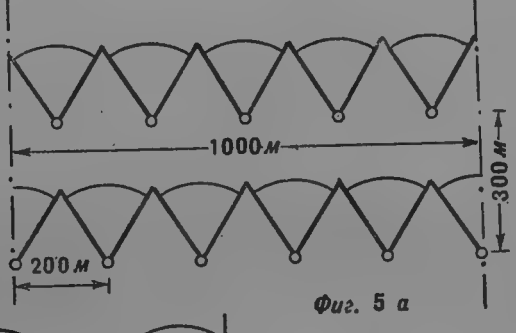


Фиг. 4

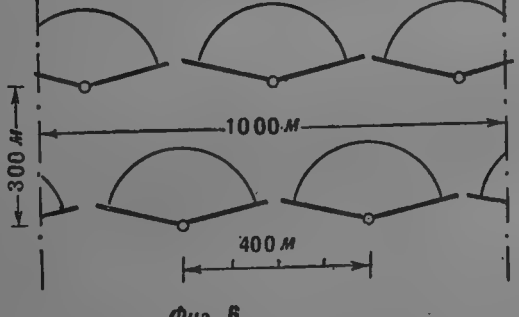
Р и с. 1. Боевые порядки пехотных орудий. „Еж“ и треугольник.



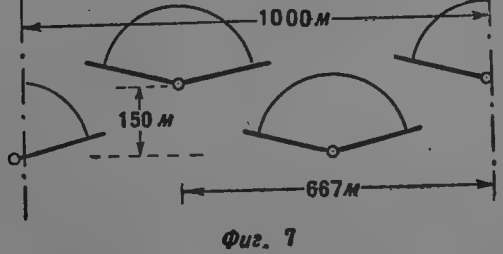
Фиг. 5



Фиг. 5 а



Фиг. 6



Фиг. 7

Рис. 1а. Боевые порядки пехотных орудий зоны.

ствительности это не так, потому что орудия второй линии подтянуты вперед на 150 *м*, т. е. почти к первой линии, так что эта фигура представляет собой расположение в одной линии с расстояниями между орудиями меньше 400 *м*.

Фиг. 5, 6 и 7 являются только типами, которые могут быть по желанию изменены как по взаимному расстоянию между орудиями в ширину и в глубину, так и по числу рядов.

Густое расположение на фиг. 5, а именно на каждый километр 10 пушек в два ряда, может быть применено для сильной обороны на ограниченном пространстве в тех случаях, когда это требуется условиями местности или какими-либо другими причинами.

Это же самое может быть достигнуто и согласно фиг. 6, но при расположении орудий в четыре ряда; тогда на каждом километре также будет иметься 10 орудий, но в более глубоком расположении, что даст большую неуязвимость против артиллерийского огня противника.

Важность определенных участков фронта может быть подчеркнута тем, что орудия располагаются на меньшем расстоянии друг от друга или увеличивается количество их рядов, расположенных друг за другом.

Характер местности будет иметь большое влияние на линии и зоны; в гористой местности будет чрезвычайно трудно достигнуть хотя бы и наполовину желаемой взаимной поддержки орудий.

В большинстве случаев, если только для этого имеется достаточное количество орудий, будут применяться построения в форме «ежа» вместе с зонами, чтобы быть сильнее на важном месте.

Построение по фиг. 7 является типичным распределением орудий для передовой позиции, которая должна защищать широкий фронт с небольшим количеством бронебойных орудий, но не требует резервов, так как позади нее находятся собственные войска.

Помещаемая ниже табличка показывает необходимое количество орудий на километр фронта для всех приведенных форм построения при условии точного выполнения фигур. Табличка может быть полезной в качестве отправной точки для дальнейшей разработки теории вопроса; практической ценности она не имеет.

Формы построения и номер фигуры	Количество орудий, необходимых на 1 км фронта	Соотношение количества орудий к количеству танков, введенных в дело, на 1 км фронта	
		при 25 танках	при 50 танках
«Еж», фиг. 2	10	1 : 2,5	1 : 5
«Еж», „ 3	8	1 : 3	1 : 6
Треугольник, фиг. 4	6	1 : 4	1 : 8
Зона, фиг. 5	10	1 : 2,5	1 : 5
» » 6	5	1 : 5	1 : 10
» » 7	3	1 : 8	1 : 16

Соотношение сил между стрелковыми и орудийными ротами

Надежное действие против танков имеют только бронебойные снаряды, поэтому сила сопротивления какого-либо фронта против танковой атаки определяется количеством имеющихся противотанковых орудий. На основании этого можно было бы сделать вывод, что на позиции должны быть подтянуты только такие орудия и что можно обойтись совсем без стрелков.

Такой ход мысли совсем неправильным считать нельзя. Орудийные роты предлагаемой здесь организации располагают, кроме расчета для обслуживания каждого орудия, еще группой стрелков, в распоряжении которой имеются 2 пулемета-пистолета; поэтому подобную единицу можно было бы на короткое время самостоятельно вводить в дело, если этого потребуют обстоятельства.

Но, как правило, этого делать не следует: во-первых, потому, что оборона организуется не только против танковой атаки; во-вторых, потому, что ночью действие орудий значительно снижается и внезапную атаку в темноте могут остановить только стрелки, если нужно, в ближнем бою.

Поскольку мы уже выяснили, что для обороны нужны и стрелковые и орудийные роты, возникает важный вопрос: какое взаимоотношение между ними допускает наибольшее протяжение фронта, другими словами, будет наиболее производительным?

Ответ также может быть дан лишь в форме предположения, основанного на вышеизложенных взглядах.

Но такие цифры, хотя бы предположительные, необходимы, так как чрезвычайно важно, чтобы командиры мыслили о ведении боя более или менее «едино». Цифры, давая исходные данные, облегчают командирам принятие решения в каждом отдельном случае.

Проще всего при нашем определении соотношения между стрелковыми и орудийными ротами принимать за расчетную единицу батальон. Считается, что при продолжительной обороне батальон может удерживать фронт протяжением в 2 *км*. Можно прибавить, что оборона будет тем надежнее, чем больше батальону будет придано орудийных рот, так как они увеличивают также и количество стрелков.

Далее было определено, что на каждый километр фронта будет необходимо от 8 до 16 противотанковых орудий. На основании этого составлена следующая табличка:

Войсковое соединение	Количество пехотных пушек		Надежный фронт обороны против введенных в дело на 1 *км*	
	отдельно	всего	25 танков	50 танков
Батальон	6	6	3/4	3/8
» с 1 орудийной ротой	6	12	1½	3/4
Батальон с 2 орудийными ротами	6	18	2	1
Батальон с 3 орудийными ротами	6	24	2	1½
Батальон с 4 орудийными ротами	6	30	2	2

Это соотношение показывает, что пехотный батальон на самом важном участке фронта может иметь действительную оборону против танков на всем своем протяжении в том случае, если ему будет придано еще 2 орудийных роты, т. е. если у него будет одинаковое количество и стрелковых и орудийных рот.

На важных участках, где танковые атаки наиболее вероятны, количество приданных орудийных рот должно быть увеличено, чтобы в распоряжении имелось двойное количество орудий; всего должно быть 3 стрелковых роты и 5 орудийных.

При составлении таблички автор руководствовался тем, что протяжение свыше 2 *км* для батальона вообще невозможно. Но в действительности это не является правилом, из которого не было бы [illegible].

Полки пехотных орудий

Можно считать, что необходимо иметь соединения, состоящие только из пехотных пушек.

Таким соединением может быть полк, состоящий из 3 батальонов с 3 ротами в каждом, т. е. из 9 орудийных рот, имеющих всего 54 орудия. Так как дивизия также имеет 9 батальонов, то придача такого полка дивизии будет означать усиление каждого отдельного батальона на одну орудийную роту (при условии равномерного распределения).

При переходе от батальона к дивизии на нормальных участках фронта будет необходимо усиление на два таких полка и на четыре полка на особо важных участках; тогда каждый батальон сможет быть растянут на 2 *км*. Но так как дивизия не сможет расположить все свои батальоны рядом друг с другом (в цепочку), то точное количество необходимых орудий может быть выявлено лишь при обсуждении организации обороны.

Применение пехотных пушек при резервах

Возникает вопрос: допустимо ли и даже целесообразно ли для получения необходимых пехотных пушек на фронте отбирать их у резервов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно сперва установить цель и предназначение резервов.

Резервами являются такие войсковые части, которые командир удерживает сперва за боевым участком с той целью, чтобы — говоря очень обобщенно — влиять потом на течение сражения согласно собственному жела-

нию. Поэтому они в любую минуту могут получить приказ двинуться в бой или для того, чтобы улучшить неблагоприятное положение, или для того, чтобы самим достигнуть какого-либо успеха.

Резервы должны представлять собой определенную боевую силу, предназначенную для использования в надлежащий момент на нужном участке фронта. Но тот, кто идет в бой, должен быть соответствующим образом вооружен. И как во время мировой войны не думали о том, чтобы отнять винтовки у войск, находящихся в резерве, так же нельзя думать теперь о том, чтобы забрать у резервов противотанковые орудия. Если бы это было сделано, то резервные части перестали бы быть пригодными для боя; они потеряли бы свою боеспособность.

Отнятие тяжелых пулеметных рот не может быть сравнимо с отбиранием орудийной роты, так как действие станкового пулемета может быть заменено действием нескольких винтовок; пехотное же орудие ничем заменено быть не может.

Итак, кто идет в бой, должен иметь противотанковые орудия. Это относится к резервам, а также в равной мере и к войскам, расположенным и на танконедоступной местности. Если бы это было даже действительно так, и к ним не мог бы приблизиться ни один танк, то и в этом случае у них должны оставаться пехотные орудия, так как каждое продвижение вперед или назад может коренным образом изменить положение.

Поэтому мы считаем, что орудийная рота является минимумом, который необходим батальону при всех обстоятельствах. Эту роту нельзя отнимать у него ни при каких условиях. Количество же орудийных рот, которые должны быть приданы батальону дополнительно, зависит от возлагаемого на него задания.

ДИВИЗИОННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Само собой разумеется, что для артиллерии, в первую очередь легкой [86], так же как и для пехоты, самым опасным врагом являются танки; поэтому она должна быть готова к обороне против них не только в бою, но и на походе и на отдыхе, а это должно отразиться на ее распределении и боевой готовности.

При группировке батарей в районе расположения артиллерийских позиций в первую очередь надо стремиться к тому, чтобы могла быть проведена оборона против танков стрельбой прямой наводкой на соответствующем расстоянии. Слишком многого при этом ожидать нельзя, так как всем известно, какие трудности представляет выбор хороших позиций, особенно для орудий настильного действия.

При танковой атаке батареи соответствующего участка фронта будут принуждены произвести дальнейшее эшелонирование, что может дать более выгодные предпосылки для обороны. Но эшелонирование не сможет быть очень глубоким вследствие ограниченности времени, так как в это же время начинается сильная артиллерийская дуэль с противником, а могут быть также и попытки разбить уничтожающим огнем исходные позиции последующих танковых волн неприятеля.

Более значительные передвижения батарей могут быть произведены в том случае, если атака проникла глубоко в соседние участки фронта; тогда собственные резервы должны будут преграждать дорогу танкам и дивизионной артиллерии придется, насколько это возможно, принять участие в построении этих фланговых позиций, так как в распоряжении будет иметься очень мало времени.

Мы видим, что чем более мы исследуем условия сражения, тем больше приходится желать, чтобы батареи были как можно более подвижными. От артиллерии в конной упряжке этого требовать невозможно, так как лошади на артиллерийских позициях быстро погибают от огня и подача их из закрытия приходит слишком поздно, да и вообще они не могут работать в огне снарядов осколочного действия и в облаках ядовитого газа.

Поэтому и дивизионная артиллерия должна отдавать предпочтение тракторной тяге перед конной, ибо первая значительно увеличивает производительность орудий. Мы считаем, что в «армии прикрытия», по крайней мере в начале войны, вся дивизионная артиллерия будет иметь конную упряжь, за исключением зенитных батарей; но все же можно рассчитывать, что наиболее важным батареям будут приданы отдельные тягачи, с помощью которых в случае атаки могут быть проведены определенные, заранее подготовленные переброски.

До сих пор мы говорили о дивизионной артиллерии, которая действует в районе расположения артиллерийских позиций. Опасность танковой атаки и возможность появления тяжелых танков заставляют подумать об использовании для противотанковой обороны на пехотных позициях части дивизионной артиллерии. Эти орудия должны распределяться в зоне расположения пехотных орудий главной позиции или позади нее.

Пробивное действие бронебойной гранаты полевой пушки вполне достаточное, но горизонтальный обстрел ее слишком мал. Если будет принято решение применять для противотанковой обороны орудия дивизионной артиллерии, то нужно, чтобы они обладали необходимыми для этого свойствами; короче говоря, ствол орудия должен быть положен на другой лафет. К счастью, новое орудие не требуется, так как легкая дивизионная зенитная пушка полностью удовлетворяет всем требованиям.

Поэтому мы предположим, что каждая пехотная дивизия имеет противотанковую батарею с восемью 75-*мм* зенитными пушками. Орудия буксируются многоосными машинами, готовы к огню немедленно же после снятия с передка, имеют горизонтальное поле обстрела в 90° и после монтировки в 5 минут на крестовый лафет имеют круговой обстрел (американская конструкция).

Ясно, что применение для противотанковой обороны полевых пушек не должно означать, что дивизионная артиллерия должна полностью оставаться в основном в районе расположения артиллерийских позиций. Полевая артиллерия должна быть прекрасно обучена противотанковой обороне: она должна знать, что при известных обстоятельствах ей придется бороться в районе расположения пехоты и что эта задача тем почетнее, чем ближе к фронту артиллерии придется выполнять свои боевые задания.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ

Мы уже говорили об орудиях, необходимых для противотанковой обороны, о включении их в состав дивизии и об их боевых порядках. Перейдем теперь к обсуждению организации обороны.

Как уже было сказано, задача состоит в том, чтобы создать оборону, пригодную для борьбы не только с тан-

ковой, но и любой другой атакой. Во всяком деле нужно основываться на уже испытанном и вносить изменения лишь постольку, поскольку они будут вызываться обстоятельствами. Поэтому следует сперва напомнить о принципах, на которых была основана оборона во время мировой войны, затем обсудить, какие специальные меры будут необходимы для борьбы с танками, и в заключение попытаться найти формы обороны, пригодной для отражения обоих методов атак, или, если это не удастся, сопоставить различные элементы обороны и установить порядок использования их на позиции, будь то последовательно или одновременно.

Под позицией мы понимаем здесь не только позицию, предназначенную для длительной обороны, но и всякое другое оборонительное расположение, вплоть до такого, какое принимает армейский корпус для обороны при соприкосновении с противником после наступательного или отступательного марша.

Упругая оборона во время мировой войны

Во время сражения на Сомме немцы поняли, что единственным средством защиты против подобного многонедельного ливня гранат может быть только рассредоточение пехоты на местности в глубину и ширину и только один способ борьбы — упругая оборона.

Перед главной позицией находилась обычно укрепленная зона глубиной в несколько километров — предполье; далее следовала главная позиция с главной линией сопротивления. Предполье и главная позиция были заняты батальоном первой линии; район расположения пехоты сзади замыкала артиллерийская прикрывающая позиция, охраняемая батальоном второй линии. Вслед за батальоном второй линии находился район расположения главных артиллерийских позиций и глубоко в тылу, вне сферы действия артиллерии противника, был расположен отдыхающий батальон третьей линии. Такова была позиция дивизии первой линии протяжением по фронту от 4 до 6 *км*, а на пассивных участках фронта — даже вдвое больше. О степени оборудования позиции можно судить по числу непробиваемых убежищ.

Рассредоточение батальона первой линии на замаскированные, насколько это являлось возможным, гнезда

сопротивления должно было настолько ослабить воздействие артиллерийской подготовки противника, чтобы осталось в живых еще достаточное количество пулеметных групп для ослабления предстоящей пехотной атаки противника.

Подчеркнем еще раз, что подобная позиция не присуща только одной позиционной войне; подобная группировка использовалась немцами в перерывах между сражениями во время крупных наступлений в 1918 г., когда они собирали силы для нового удара; позиции в этих случаях были, может быть, несколько менее глубоки и не так тщательно организованы, но по существу они были именно такими.

Позади позиции, вне земного воздействия противника, были расположены контрударные дивизии, резервы командования.

Во время наступления крупного масштаба гнезда, расположенные на передовой позиции, должны были оказывать неприятельской пехоте все возрастающее сопротивление, с тем чтобы она подошла к главной линии сопротивления возможно более изнуренной, понеся большие потери и утеряв тактический порядок. На главной линии сопротивления происходил решающий бой, в конце которого она должна была остаться полностью в руках обороняющегося. Если противник прорывал ее, то части батальонов первой и второй линий должны были перейти в контратаку и уничтожить противника или, по крайней мере, оттеснить его. Во время дальнейшего хода боя в дело вводились отдыхающие войска и позже — ударные дивизии, которые производили контратаки большого масштаба. В этом и заключается принцип упругой обороны.

Как и всякая оборона, она является борьбой за выигрыш времени. Если фронт вместе с ударными дивизиями мог удержаться в течение 24—36 часов, то за это время к угрожаемым участкам начинали подтягиваться резервы главного командования. А это означало срыв атаки.

На передовой позиции основным элементом обороны является пулеметное гнездо, на главной позиции — пулеметное гнездо и контратака, глубже в тыл — контратаки всюду, где только возможно.

Вопрос о том, не давала ли такая упругая оборона слишком большого рассредоточения пехотных частей, мы здесь разбирать не будем. Мы констатируем только, что организация обороны была в 1918 г. в основном одинаковой у обеих воюющих сторон.

Последний год войны показал, что если первая позиция оставалась занятой, немецкая атака всегда пробивала такую оборону. Он показал, что немцам удавалось даже удерживать танковые атаки на линии ударных (резервных) дивизий. Но он также показал, как далеко должен был оттягиваться противник, чтобы позади разбитого фронта восстановить новый.

Противотанковая оборона

Относительно организации противотанковой обороны последняя война нам не дает ценных примеров. Поэтому противотанковую оборону надо создавать заново. Сначала надо обсудить отдельные элементы обороны и затем уже сочетания их.

Элементом противотанковой обороны является пехота с самым тяжелым своим орудием — пушками, расположенными поясами. Если такой боевой порядок и характеризуется некоторым распределением в ширину и глубину, то с рассредоточением пехоты при упругой обороне сравнить его все же нельзя. Организация противотанковой обороны должна скорее рассматривать ее как построение в виде пояса на сравнительно небольшом участке с незначительным эшелонированием в глубину.

В 300 *м* или даже дальше впереди пехотных орудий развертываются стрелковые роты с тяжелым оружием в «гнездах»; задачей их при танковой атаке является не допустить пехоту сопровождения к пушкам.

Ясно, что подобный пояс не должен быть установлен близко к неприятелю, в противном случае он будет разбит его артиллерией. Искусство среднего командования должно состоять в том, чтобы распределить и противотанковые орудия в соответствии с важностью отдельных участков фронта; задачей низшего командования является установка каждого отдельного орудия таким образом, чтобы оно давало самое сильное действие при наивысшей защите.

Танковая атака в силу необходимости должна получить быстрый исход. Однако, благодаря подвижности танки обладают чрезвычайно важным преимуществом: атака может быть повторена неограниченное количество раз, пока это в силах атакующего.

Подобную организацию пехотных частей с их тяжелым оружием можно было бы назвать главной позицией, за которую и должен вестись решающий бой. Обсудим теперь, каким образом может быть отнята обратно потерянная местность, что вообще возможно только путем атаки.

Приходится притти к заключению, что обороняющаяся сторона вообще не может атаковать! Тяжелое оружие пехоты — пушка — дает возможность отразить танки, но она непригодна для атаки танка.

На первый взгляд кажется, что делу можно помочь, стоит только организовать оборону таким образом, чтобы подвижные противотанковые орудия были готовы для контрудара.

Подвижные противотанковые орудия — это пушки, которые не теряют подвижности даже под пулеметным огнем, т. е. это пушки на самоходных лафетах, защищенных со всех сторон броней, — это просто танки!

Следовательно, организация контратак требует наличия в дивизии танков. В крайнем случае это мог быть батальон в 50, скажем, боевых танков, которые во время оборонительного боя будут введены в дело на фронте протяжением не меньше 6 *км*. Если танки будут введены в дело массированно, то на каком-либо участке фронта это даст некоторый первоначальный успех, но затем этот единственный батальон будет атакован со всех сторон и уничтожен, не добившись сколько-нибудь значительных успехов.

Теория, будто лучшим средством противотанковой обороны является сам танк, давно устарела, хотя англичане продолжают еще ее придерживаться. Она годна только для небольших операций, где один танковый батальон может повлиять на исход сражения, но не для сражений крупного масштаба. Там, где производится атака большим количеством танков, там может иметь успех лишь контратака, произведенная мощными танковыми соединениями, но не отдельным изолированным батальоном,

Поэтому ни в одной армии, кроме английской, танки дивизиям не придаются. Но дивизия английской армии является, собственно говоря, не дивизией, а небольшой армией для колониальной войны.

Поэтому мы должны остаться при старом: оборона против танковых атак должна ограничиваться чистой обороной, если только нет собственных танковых соединений достаточной численности.

По сравнению с современными методами обороны это является коренным изменением, и изменением в сторону ухудшения, так как при невозможности контратаки исключается всякая возможность отобрать у противника захваченную им местность; прекращается упругая оборона.

Это должно повлечь за собой изменение в распределении сил: резервы, предназначавшиеся для контратак, для этой цели уже не применяются; для выполнения дальнейшей их задачи—благоприятно повлиять на исход обороны—они могут быть использованы лишь в том смысле, что с их помощью образуются тыловые фронты. Об этом подробнее будет говориться ниже. Отсюда ясно, что противотанковая и упругая обороны настолько различны в своих основах, что соединять их нельзя.

Организация обороны

Для внесения определенной ясности (материал слишком обширен, так как организация обороны зависит от условий каждого отдельного случая) обсудим сначала систему обороны дивизии, обеспеченной с обоих флангов и расположенной на фронте протяжением около 6 *км*, т. е. берем так называемый нормальный случай, часто имевший место во время мировой войны на западном фронте. Сознательно будут выделяться только такие обстоятельства, которые изменились по сравнению с общепринятой организацией.

Обсудим сперва дивизию в условиях маневренной войны с нормальным протяжением фронта и затем перейдем к обороне при других боевых условиях.

Итак, предположим, что дивизия, обеспеченная с обоих флангов, должна удержать фронт протяжением в 6 *км*. Для этого она выстраивает 3 своих пехотных полка в одну линию эшелонированными в глубину, каждый

полк на протяжении 2 *км*. В дальнейшем мы в большинстве случаев будем обсуждать только боевой участок полка.

Батальон первой линии

Самая передовая зона системы обороны и в будущем должна иметь обычное рассредоточение, ибо противник, как и во время мировой войны, все еще может при определенных обстоятельствах использовать действие своего оружия.

Батальон первой линии занимает двумя своими ротами, расположенными гнездами в одну линию, выбранную позицию, передовая линия которой обычно является главной линией сопротивления. Таким образом, на каждую роту приходится участок фронта протяжением в 1 *км* и глубиной в 0,5 *км*. Каждая рота может выделить только слабые резервы.

Позади этой передовой зоны позиции командир батальона располагает свою 3-ю стрелковую роту и орудийную роту. Расстояние между пехотными пушками и самым передовым препятствием в значительной степени зависит от характера местности и степени ее пересеченности. Но надо иметь мужество признать, что только в исключительных случаях оно будет меньше, чем 1 000—1 500 *м;* ведь орудия так велики, что маскировка их вряд ли будет возможна на более близком расстоянии от противника.

Передовые гнезда стрелкового взвода 3-й роты будут находиться на расстоянии 200—300 *м* от пушек.

Передовые тяжелые пулеметы зенитной обороны будут расположены, примерно, на том же уровне, как и пехотные орудия.

При равномерном распределении 6 орудий на участке фронта протяжением в 2 *км* расстояние между ними будет равно 330 *м;* в некоторых случаях будет применяться именно такое равномерное распределение, но иногда (и, вероятно, чаще всего) целесообразнее укрепить сильнее более важные участки, а промежутки между ними закрыть минами заграждения.

Боевой задачей передовых стрелковых рот является противостоять внезапным налетам противника, т. е. принуждать его к артиллерийской подготовке или к введению в дело танков. 3-я стрелковая рота с орудиями мо-

жет быть использована командиром батальона различно: если фронт очень разрежен, он отправляет ее на усиление позиции; если нет, удерживает ее в резерве. Выгоднее больше сил держать впереди: очень тонкая первая линия опасна.

Боевая задача батальонных орудий не ограничивается одной противотанковой обороной; они должны принимать участие и в бою пехоты. Расположение передовой пехотной зоны на обратном скате облегчает эту поддержку, так как лучше обозревается местность. Если для выполнения определенных задач позиционной войны надо вводить в дело отдельные пушки, то для этого должны быть выбраны временные позиции.

Надо признать, что оборона пехотной позиции батальона первой линии от танков не обещает больших выгод; правда, дивизионная артиллерия на фронте дивизии усиливается 18 батальонными пушками, расположенными от прикрывающего препятствия на расстоянии не свыше 1—1,5 *км*, не говоря о средствах пассивной обороны, которыми располагают стрелки и важнейшим из которых являются противотанковые мины. При современном состоянии развития орудий больше ничего не может быть сделано, так как сверхтяжелые пулеметы не могут быть взяты в окопы и, следовательно, не могут улучшить положения. Оборона могла бы быть *изменена коренным образом* лишь в том случае, если бы *бронебойное действие противотанкового пехотного* (т. е. стрелкового. — *Ред.*) *оружия оказалось полезным на практике*.

Как мы видим, предполье вообще не предусмотрено. Оборона такой зоны слабыми, расположенными в шахматном порядке, силами, как это имело место в мировую войну, может оказаться в настоящее время очень рискованным предприятием, так как не исключена опасность, что ночью стрелки будут захвачены слабыми танковыми силами противника. Кроме того, опыт мировой войны вовсе не доказывает преимуществ такой системы обороны.

Устройство передовых позиций является уже другим вопросом, но о нем будет сказано дальше; во избежание несчастных случаев необходимо, чтобы они были заняты более мощными силами.

Итак, первая линия оборонительной позиции организовывается по-старому, и отличием является только то, что батальонные пушки придают ей определенную силу сопротивления и против танков.

Батальон второй линии

Выбор позиций и всех прочих условий производится еще более в зависимости от требований противотанковой обороны.

Вторая линия должна быть отнесена назад настолько, чтобы при возможной артиллерийской подготовке противника она не была разбита одновременно с первой. Но, с другой стороны, расстояние между первой и второй линиями не должно быть и слишком большим; в противном случае вторая линия не сможет оказать соответствующей поддержки первой линии.

Поэтому расстояние между ними зависит, главным образом, от дальности действия дивизионной артиллерии противника и расстояния от фронта, на котором расположена основная масса его артиллерии. Весьма вероятно, что развертывание неприятельской артиллерии будет проведено на расстоянии в среднем около 3 *км* от своей первой линии пехоты. Позже, при обсуждении артиллерийской атаки, это положение будет обосновано. Поэтому наименьшим расстоянием между двумя линиями мы можем принять 3 *км*.

Батальону второй линии придается обычно 1 орудийная рота орудийного батальона дивизии, в результате чего он будет иметь в своем составе 3 стрелковых и 2 орудийных роты.

В соответствии с основной боевой задачей выбор позиции и начертание определяются потребностями бронебойного оружия. «Пояс» орудий будет иметь в глубину в среднем около 300 *м*, поэтому основной предпосылкой успеха является хорошая маскировка пушек. В тех случаях, когда местность по своему характеру не благоприятствует маскировке и не дает надлежащих укрытий, орудия могут быть установлены на дне окопов, и позиции занимаются в последнюю минуту. Это предприятие довольно опасное, но все же возможное.

Участки местности, необходимые противнику для развития атаки, должны быть так укреплены обороняющим-

ся, чтобы они держались, как острова, которые атака будет огибать с двух сторон. Такие крупные опорные пункты, занятые пехотой со всеми ее орудиями, чаще всего будут необходимы в теснинах, на переправах и на главных шоссейных дорогах.

Большим заблуждением было бы думать, что танковые соединения совершенно не зависят от дорожной сети. Правда, танки — вездеходные машины, равно как их вспомогательные машины; но обоз их при движении на местности будет испытывать серьезные затруднения и снабжение крупной операции при отсутствии дорог будет невыполнимым делом.

Итак, «основой» позиции будет зона батальонных пушек. Командир батальона распределит свои стрелковые роты таким образом, чтобы две из них находились в «поясе» орудий, стрелковые гнезда их начнутся опять-таки на расстоянии около 300 *м* от орудий, а третья в виде опорных пунктов распределяется перед зоной расположения артиллерийских позиций. Если дивизионная артиллерия располагает отдельными батареями, место которых перед второй линией, то эти позиции батареи включаются, где только возможно, в зону пехотных орудий; приданные противотанково-зенитные орудия (при равномерном распределении на боевой участок полка придется по 2 или 3 таких орудия) распределяются в поясе пехотных орудий или позади него на важнейших или угрожаемых участках.

Батальонные пушки второй линии стреляют только для отражения атаки; в других предприятиях позиционной войны они не принимают участия, по крайней мере, со своих основных позиций.

При выбранных выше расстояниях связь со второй линией будет вполне удовлетворительной; стрелковые гнезда второй линии, обращенные в сторону противника, находятся на расстоянии около 1 000 *м* от пояса орудий первой линии; пушки второй линии от пушек первой линии — в 1 300 *м*.

Дивизионная артиллерия

Предположим, что дивизионная артиллерия состоит из 1 легкого полка в составе 3 дивизионов, каждый из 3 батарей; кроме того, в полку — 1 дивизион орудий среднего калибра.

Предположим далее, что дивизия не выделила батарей дивизионной артиллерии для противотанковой обороны в зону расположения пехоты.

В районе расположения артиллерийских позиций будут находиться еще 3 или 4 зенитных батареи.

Мы предположили, что дивизия предназначила свою противотанково-зенитную батарею для противотанковой обороны, но возможно также этой батареей усилить зенитную оборону, а на ее место дать в район расположения пехоты 2 батареи полевых пушек дивизионной артиллерии. Выбор принадлежит командиру дивизии.

Может показаться нелепым или, по крайней мере, недостаточно продуманным переложить противотанковую оборону целиком на пехотные позиции и говорить в связи с этим о дивизионной артиллерии только в тех случаях, когда дело идет об усилении противотанковой обороны. Для пехоты будет слишком запоздалым делом, если танки будут расстреляны после ее уничтожения! Но ведь одна артиллерия в таком случае не в состоянии разрешить эту задачу.

До сих пор задачей дивизионной артиллерии, говоря очень обобщенно, являлось усиление огня пехотного оружия и удлинение его в сторону противника. Эта задача остается неизменной и во время танковой войны. Удовлетворительное действие артиллерии на больших дистанциях может быть достигнуто лишь в том случае, когда несколько орудий (при небольших калибрах не меньше четырех) соединяются в одну единицу. В результате опять получается батарейная позиция, правда, с более значительными и неравномерными промежутками между орудиями.

Но мы уже говорили о том, что батарея неудобна для противотанковой обороны. Представим себе, что позади фронта дивизии протяжением в 6 *км* расположено всего 9 батарей на участке глубиной в 3 *км*. Это значит, что, примерно, на 20 *кв. км* будет распределено, конечно, не равномерно, 36 орудий, сгруппированных по четыре, причем сами орудия малопригодны для противотанковой обороны.

Все это заставляет сделать вывод, что современная дивизионная артиллерия малопригодна для противотанковой обороны и что этот важный вопрос должен иметь несомненное влияние на развитие орудий в будущем.

Автор полагает, что в будущем полевую пушку целесообразно конструировать скорее по типу зенитной пушки. Тогда в зависимости от необходимости она может быть использована и для зенитной и для танковой обороны и в качестве орудия дивизионной артиллерии. Это сделает оборону чрезвычайно гибкой и эластичной. Само собой разумеется, что это может быть сделано лишь в том случае, если конная тяга будет заменена механической, так как вес такой пушки будет около 3 *т*.

Батальон третьей линии (отдыхающий батальон)

Батальон третьей линии, названный отдыхающим, служил раньше резервом. Теперь, поскольку контратаки уже невозможны, задачи его коренным образом изменяются.

Танковая атака будет представлять собой ряд быстро меняющихся боевых положений, вести наблюдение за которыми будет чрезвычайно трудно, а своевременно отдавать распоряжения часто будет вообще невозможно.

К этому надо добавить, что, по крайней мере в первое время, атакующий будет иметь полное господство в воздухе и что его воздушные эскадрильи чрезвычайно затруднят передвижения крупных войсковых соединений на поле сражения.

Поэтому весьма вероятно, что дивизия с самого начала подтянет батальон третьей линии на позицию непосредственно за расположением артиллерии. Необходимо, чтобы войска заранее были размещены в пределах того участка, на котором они должны потом развертываться, так как приказ о выдвижении может задержаться. Если на фронте дивизии имеется какой-либо особо важный участок, то следует отказаться от равномерного распределения батальона третьей линии и целиком расположить его за этим участком.

Во время сражения задачами батальона третьей линии могут быть усиление угрожаемых участков батальона второй линии или прикрытие фланга или даже тыла. Необходимые при этом передвижения могут быть выполнены лишь со скоростью походного движения, медленность которого стоит в полной противоположности к быстроте передвижения атакующего.

Если бы вооружение армии развилось настолько, что в распоряжение этих «позиционных» войск могли быть приданы подвижные части, необходимо было бы предусмотреть придачу батальону третьей линии пушечных батальонов, которые перевозились бы вездеходными тягачами и давали бы возможность осуществлять быструю переброску к угрожаемым участкам. Такие войска могли бы быстро закрывать разрывы фронта и ограничивать прорывы.

Выводы

Батальоном третьей линии заканчивается фронт оборонительной полосы дивизии. Расположение дивизии по ширине будет таким же, как и в глубину, т. е. около 6 *км*.

В тех случаях, когда это выполнимо, оборона должна быть организована таким образом, чтобы было достигнуто как можно более тесное перемешивание стрелковых рот с противоброневыми орудиями, т. е. пехотными пушками и дивизионной артиллерией. Этим достигается некоторая неуязвимость против атак с фланга и тыла, что настоятельно необходимо. Местное соединение стрелков и пушек во всем районе позиций проводится таким образом, чтобы танковая атака, прорвавшая фронт в месте главного удара и направившаяся «свертывать» позицию, т. е. атаковать вдоль фронта, встретила на своем пути зону, подготовленную к обороне, т. е. стрелков и пушки вместе.

Пехотная дивизия без батальона третьей линии, который вначале считался резервом, использует для противотанковой обороны 9 стрелковых рот и 1 противотанково-зенитную батарею, всего 62 орудия, что при 8 *км* фронта обороны можно считать достаточным.

Итак, мы считаем, что организационные средства пехотной дивизии для противотанковой обороны при нормальной обстановке вполне достаточны.

РЕЗЕРВЫ КОМАНДОВАНИЯ

Для обороны

1. **Пехотные дивизии.** Во время мировой войны в тылу позиционной системы фронта находились резервы корпусов, армий и главного командования; такая тер-

минология была до некоторой степени «теоретична», ибо в случаях крайней необходимости прибегали к помощи любого резерва, находящегося в районе корпуса, а согласие на это испрашивали после.

В будущем тылу фронта также будут стоять пехотные дивизии, но они не будут носить названия ударных дивизий, они будут предназначены исключительно для отражения атаки.

Поэтому подобные дивизии второй линии должны будут находиться там, где они предположительно будут введены в дело для образования тыловой позиции. А так как может случиться, что для занятий оборонительного положения в их распоряжении окажется очень мало времени, то будет целесообразно расположить дивизию (широко растянув ее) смешанными группами в районе позиции, в некоторых случаях, заняв даже часть ее «гарнизонами безопасности». Ширина участка, который может занять такая дивизия, будет зависеть от числа полков пехотных орудий, которые будут ей приданы для усиления.

Кроме этого, было бы желательно перевозить пехотные орудия вездеходными тягачами и иметь отряды для установки мин на тех участках, которые командование найдет подходящими для этого.

Если подобных средств не будет дано, то дивизия второй линии должна стремиться к тому, чтобы приспособить хотя бы часть своих сил для быстрых передвижений, т. е. моторизовать их. Это в первую очередь относится к стрелковым и орудийным ротам, смешанным в пропорции 1 : 2, которым могут быть приданы освободившиеся автотранспорты службы снабжения.

При отсутствии дождей и наличии хорошо развитой дорожной сети такие силы могут очень быстро образовать оборонительную зону. Во всяком случае, значение моторизованных сил, вводимых в дело вблизи собственной позиции, будет меньше, чем при перебросках к угрожаемым соседним участкам.

Может показаться, что практическое значение тыловой позиции не соответствует расходу потребных для этого сил; однако, такое предположение является совершенно ошибочным. Танковая атака может быть задержана как раз на второй позиции, и этим может быть предотвращена катастрофа, стоит только предста-

вить в сражении при Суассон быстроходные танки и обсудить задачу немецких ударных дивизий.

Все приведенные выше доводы с ужасающей отчетливостью показывают о г р о м н у ю р а з н и ц у в з н а ч е н и и р е з е р в о в п р и а р т и л л е р и й с к о м с р а ж е н и и и т а н к о в о й а т а к е.

До сих пор естественной задачей всех резервов было ведение боя, в конечном счете, за первую позицию. Чем сильнее становилась артиллерийская подготовка, тем менее выгодным было занимать передовую позицию большими силами и тем большее значение приобретали контратаки резервов.

Теперь же во время танкового сражения резервы н е м о г у т д а ж е н а с т у п а т ь; их действия ограничиваются чистой обороной.

Это означает, что силы, расположенные на второй позиции, не могут иметь никакого влияния на исход боя за первую позицию. Прежде всего, они не могут усилить ее в большинстве случаев вследствие недостатка времени, восстановить положение контрударом они также не могут, и единственно, что они могут сделать, — это попытаться предотвратить грозящее поражение на тыловой позиции.

Все это говорит о чрезвычайной важности тщательного распределения сил на обеих позициях, так как во время сражения это распределение вряд ли уже сможет быть изменено.

2. **Моторизованные дивизии.** Итак, обороняющаяся сторона должна использовать все средства, могущие предотвратить полный прорыв ее фронта, который будет состоять не меньше, как из д в у х п о з и ц и о н н ы х с и с т е м. Если это не удастся, и танковая атака все же прорвет его, то самым важным явится о к а й м и т ь п р о р ы в с о в с е х с т о р о н и этим остановить его распространение.

Для выполнения обеих этих задач необходимы крупные войсковые соединения, обладающие большой маршевой скоростью, т. е. могущие проходить в короткий срок большие расстояния; ценность их увеличится еще больше, если эти соединения будут хоть до некоторой степени независимыми от дорожной сети.

Мы приходим к п о н я т и ю м о т о р и з о в а н н о й д и в и з и и, т. е. такого войскового соединения, все

части которого перевозятся исключительно на автомашинах.

Моторизованные дивизии, служащие резервами, являются такими войсковыми соединениями, которые имеют те же орудия, что и пехотные дивизии, и, следовательно, также предназначаются для чистой обороны. К этому надо добавить, что во время танковой атаки они немедленно теряют свою подвижность, так как в движении они не могут вести бой. С другой же стороны, моторизованные дивизии отличаются совершенно новыми свойствами, а именно высокой скоростью походного движения по дорогам и большими суточными переходами, во время которых бойцы утомляются не больше, чем при перевозке их по железной дороге, и вследствие этого после марша идут в бой со свежими силами *.

Моторизованные дивизии как быстроходные соединения совершенно необходимы для ограничения танковых атак. Поскольку таких моторизованных дивизий будет ограниченное количество, главное командование часть из них придаст группам армий (в виде исключения и отдельным армиям) в качестве резервов, не меньше корпуса из 2 дивизий, а другую часть оставит на важнейшем участке для выполнения особых заданий или для обороны угрожаемых пунктов.

Группы армий состояли на западном фронте из 3 или 4 армий, занимавших фронт в среднем в 50 *км* каждая; поэтому протяжение группы на важнейших фронтах равнялось от 150 до 200 *км*. Район расположения резервов внутри каждой группы армий зависит как от общего положения, так и от дорожной сети и характера местности. При некоторых обстоятельствах будет необходимо разделение резервов. Моторизованные дивизии должны быть расположены на широких участках для того, чтобы лучше защищаться от воздушных атак и в случае необходимости подойти к фронту расчлененным боевым порядком по нескольким дорогам одновре-

---

* Это не совсем так, ибо при железнодорожных перевозках войска отдыхают полностью, т. е. могут спать и свободно отдыхать, а при автоперевозках, при наличии в кузове машины 15—18 человек, перевозимые бойцы лишены этого, поэтому после длительных автоперевозок необходим дополнительный отдых.—Ред.

менно даже и днем, несмотря на превосходство противника в воздухе.

Предположив, что районы их расположения будут находиться на расстоянии около 50 *км* за линией фронта, следует считать, что до момента вступления их в линию фронта им придется пройти 100 *км;* кроме того, возможность воздушных атак может их заставить итти кружными путями.

Время, необходимое для подъема по тревоге, исчисляется от 1 до 3 часов, что вместе с маршем составит всего около 10 часов!

Это является лишним свидетельством того, как неблагоприятно будет положение обороняющейся стороны, если наступление крупного масштаба «перегонит» ее по времени и пространству.

Резервы для контратаки

3. **Танковая дивизия.** Для контратак во время танкового сражения пригодны только одни танковые соединения, поэтому только с их помощью может быть восстановлено положение.

В настоящее время нельзя еще определенно ответить на вопрос, каковы должны быть эти соединения. Подробно о танковой дивизии говорится в главе «Атака»; поэтому здесь следует упомянуть лишь о том, что подобная танковая дивизия будет иметь около 500 танков.

При наступлениях крупного масштаба рассчитывать на успех могут только крупные силы, поэтому командование всегда должно руководствоваться основным принципом — ни при каких обстоятельствах не раздроблять своих танковых соединений.

Главное командование должно беречь свои самые ценные соединения — танковые дивизии — для крупных операций; они представляют собой те же, что и ударные дивизии 1918 г., первоклассные по вооружению и составу бойцов.

Как правило, танковые дивизии не делятся; поэтому самой меньшей резервной единицей будет целая дивизия. Главное командование часть танковых дивизий, подобно моторизованным, придаст армейским

группам в качестве резервов, а другую часть будет держать в своем резерве.

Относительно длины путей подступа к исходным позициям можно сказать то же самое, что было сказано о моторизованных дивизиях, т. е. что длина их составит около 100 *км*, что вместе с подъемом по тревоге должно занять от 8 до 12 часов. Все это означает, что во многих случаях на движение может уйти целая ночь, и контратака сможет быть проведена лишь на следующий, второй, день сражения.

В соответствии с приказом главного командования на второй день смогут притти уже, может быть, и активные резервы соседних групп, а также части крупных резервов командования, что даст возможность в соответствии с решением командующего провести со стороны обороны на второй день контрнаступление большого масштаба.

Однако, если армейская группа действует отдельно, при непрестанно изменяющихся положениях боя будет очень трудно выбрать место для исходных районов действий танковых сил, так как они предопределяют в основном направление удара и даже время его. Взаимодействие отдельных частей станет более ясным после хотя бы схематичного обсуждения обороны против различных вероятных типов атак, что и дается в последующих главах.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБОРОНЫ

Артиллерийская атака

Атака без танков

Если атакующий захочет использовать артиллерийскую технику атаки, выработанную во время мировой войны, он должен будет провести развертывание артиллерии.

Количество и род вводимых в дело батарей будут зависеть от организации позиций обороняющегося. При этом будет необходимо согласовать два положения: желание атакующего быть как можно более сильным и необходимость провести развертывание и снабжение огнеприпасами в кратчайший срок для того, чтобы

уменьшить опасность обнаружения всего этого воздушной разведкой противника. О развертывании, продолжающемся неделями, вообще не может быть речи; в большинстве случаев для этого будет дана одна ночь и только в редких случаях несколько больше.

Но в такой короткий срок можно будет установить и снабдить боеприпасами только ограниченное количество батарей, и то лишь тогда, когда позиции батарей будут расположены в радиусе действия автомашин и пути к ним будут итти по дорогам.

В этих случаях они будут находиться на таком расстоянии от фронта, что смогут быть хорошо замаскированы и снабжены огнеприпасами, которые будут подвезены на машинах.

Эта артиллерия, расположенная в среднем на расстоянии 3 *км* позади собственного фронта, должна перед началом пехотной атаки хотя бы нейтрализовать огнем пехотные позиции, проложить проходы в проволочных заграждениях и подавить или нейтрализовать батареи — и все это на протяжении всего наступления. Это может быть выполнено лишь при значительном сокращении количества заданий и величины обстреливаемого участка. Если во время атаки сможет быть установлен огневой вал, то лишь такой, который будет переноситься от одной линии сопротивления к другой.

Поэтому возможность распространения артиллерийской подготовки на участки второй линии почти совершенно исключается, даже в том случае, если расположение ее будет известно противнику.

Опыт мировой войны показал, что при подобных обстоятельствах артиллерийская подготовка будет слишком слабой для того, чтобы уничтожить все огневые точки первой линии, и гарнизон первой линии всегда сможет принять бой с наступающей пехотой. При сильной атаке, правда, оборона сможет удержаться лишь в течение определенного времени. Но этим уже будет выполнена задача первой линии: она принудит противника к артиллерийской подготовке, этим исключит всякую возможность внезапного нападения и даст время командованию решить, должна ли быть продолжена борьба за позиции первой линии введением третьей или, что является наиболее вероятным решением, сле-

дует перейти к упорной обороне позиции второй линии, которая становится главной позицией.

Если атакующему, понесшему большие потери, удастся все же прорваться через батальоны первой линии, то он увидит себя перед новой позицией, откуда он и до этого сильно обстреливался.

Маловероятно, чтобы наступающий смог атаковать ее без подтягивания своей артиллерии, так как батареи его расположены в 3 *км* позади его исходного положения для атаки; если считать, что расстояние до неприятельского фронта равно 1 *км*, а до второй линии 3 *км*, то это составляет 7 *км* дальности от ее переднего края.

Подтягивание достаточного количества батарей и снабжение их огнеприпасами должно занять несколько часов; вероятнее всего оно будет продолжаться до следующего дня. А это будет означать, что оборона выполнила свою задачу, так как к этому времени смогут быть подтянуты собственные резервы.

Если же атакующий для продолжения атаки вводит в дело танковые силы, то и тогда обороняющийся может считать себя подготовленным, ибо вторая его линия организована с учетом подобной возможности.

Итак, мы можем сделать вывод, что организация обороны для подобных методов атак вполне подготовлена.

Танковые атаки

Эти атаки могут проводиться крайне различно. Если же их схематизировать, что вообще необходимо при подобных обобщенных рассуждениях, то их нужно будет подразделить на два метода:

1. Старый, испытанный метод мировой войны, при котором скорость танков определялась огневым валом перед танками и пехотой сопровождения. После удаления на известное расстояние от исходного пункта атаки необходимо было поджидать артиллерию, которая должна была менять свои позиции на более передовые.

2. Какой-то новый, еще не испытанный метод, при котором огневой вал вообще не применяется и по крайней мере передовые волны танков могут развивать присущую им скорость, не будучи ограничены ни ар-

тиллерией, ни пехотой сопровождения, а сама атака не ограничивается дальностью батарейного огня.

Танковая атака по старому методу. Весьма вероятно, что в настоящее время атака сможет быть проведена с полной внезапностью для противника. Предположим, что стрелки первой линии будут уничтожены или взяты в плен, но при этом атакующий неизбежно понесет значительные потери. Когда первая линия будет захвачена, танки попадут под чрезвычайно сильный обстрел пушек второй линии, которые откроют огонь с дистанции около 1 200 *м*. Было бы хорошо, если бы танки обогнали свою пехоту и подавили этот огонь, но этому помешает собственный огневой вал. Если этот вопрос будет даже разрешен, то маловероятно, чтобы атака смогла немедленно преодолеть сопротивление второй линии. Возможно, что атака будет повторена несколько раз или будет необходимо оттянуть назад огневой вал и организовать артиллерийскую подготовку, чтобы подавить пояс орудий. В этом случае захват второй позиции займет, без всякого сомнения, продолжительное время. Но даже в том случае, если бы как-нибудь посчастливилось занять вторую линию немедленно, то и тогда атака должна была бы приостановиться для подтягивания артиллерии вперед, что даст обороняющейся стороне необходимую ей передышку.

Мы видим, что подобной атаке организация позиции не отвечает, или вернее было бы сказать, что ей не отвечает способ атаки.

Танковая атака по новому методу. О методах проведения подобной атаки будет подробно говориться в разделе «Атака». В действительности и здесь речь идет не об одном каком-либо методе, а о целом ряде их, но мы должны попытаться схематизировать и их.

Во время танковой атаки, при которой развитие полной скорости танковых соединений, по крайней мере первого эшелона, не ограничено ничем, за исключением противника и местности, картина боя должна меняться значительно быстрее. В течение нескольких минут танки находятся уже на первой линии и тут же, несмотря на свои потери, прорываются дальше. Вскоре после этого они могут очутиться на второй линии и прорвать ее, если только они при сильных потерях не будут отражены противником. Весьма вероятно, что первый

натиск танков не приведет к желаемому успеху. Но сзади подойдут новые волны, которые с новой силой атакуют пушки. Повторные атаки ослабят оборону и, наконец, наступит момент, когда атакующему удастся сделать брешь в обороне второй линии. Если он сможет эту брешь расширить и развить удар до района расположения артиллерийских позиций, то обороне угрожает полный прорыв, если только резервы до того времени не займут новых тыловых позиций. Рассуждая теоретически, успех атаки будет зависеть от ее глубины, а значит, и мощности, от решительности младших начальников и качеств обороняющегося; но все эти условия одинаково существенны при всякой атаке.

Если же танкам, несмотря на повторные удары, не удастся прорваться через цепь орудий второй линии, то атакующему не останется ничего другого, как попытаться вывести на позиции собственную артиллерию, для того чтобы прорвать этот орудийный пояс хотя бы в некоторых важнейших пунктах.

Но не надо забывать, что на организацию артиллерии для прорыва пояса орудий уйдет значительно больше времени, чем на устройство на соответствующем расстоянии нового пояса, будь то перед районом расположения артиллерийских позиций или позади него.

И вновь повторяется старая песня времен мировой войны: атака уже перестает страшить, она опять уже скована.

Эти соображения отчетливо выявляют основную задачу обороны во время танковой войны. Ведь до бесконечности обороняющийся удерживать своих позиций не может; в этом случае идет борьба за выигрыш времени, так как позиции необходимо удержать до тех пор, пока не прибудут резервы, а это, как мы уже высчитали, может случиться на следующий день.

Но удерживать позиции столь продолжительное время можно будет лишь в том случае, если атакующий будет принужден, как только что было сказано, свои танковые атаки сопровождать артиллерией.

Но это будет означать опять-таки отсутствие быстрого, полного опасности течения боя; атака опять возвращается к методичному продвижению от рубежа к рубежу, — все это будет стоить много времени, и в ре-

зультате прорыв станет невозможным, так как к этому времени обороной будут подтянуты собственные резервы танков.

Этим задача обороны была бы выполнена.

Приспособление обороны к различной обстановке

Рассмотрев вопрос о дивизии с нормальным протяжением фронта, перейдем к различным отклонениям, которые могут вызываться особыми условиями.

Дивизия на широком фронте. В том случае, если дивизии необходимо удержать широкий фронт, придется по 2 батальона в каждом полку располагать в одну линию. Если считать, что каждый батальон займет фронт протяжением в 2 *км*, то для дивизии с 6 батальонами это составит фронт в 12 *км*. Мы ограничимся рассмотрением отрезка фронта, приходящегося на 1 полк.

Фронт полка с 2 батальонами равен 4 *км*. На каждый километр фронта потребуется (как мы установили раньше) 8 орудий, всего, значит, 32 противотанковых орудия, или 5 орудийных рот. Имеется же 2 батальонных роты и 1 рота дивизии, т. е. всего 3 роты; значит, на каждом участке фронта, приходящемся на полк, нехватает 2 орудийных рот, которые и должны быть приданы.

Организовать участок таким образом, как будто имеется только одна линия, нельзя, так как противотанковые орудия будут находиться тогда на расстоянии около 1 500 *м* позади фронта и легко могут быть разбиты артиллерией противника.

Можно предложить несколько способов организации.

Оба передних батальона с их орудийными ротами образуют первую линию; вторая линия составляется из 3-го батальона с 3 приданными орудийными ротами и противотанково-зенитными пушками, приходящимися на этот участок. Глубина такого построения вполне достаточна. Положение, когда 3 стрелковых роты второй линии растянуты на 4 *км*, учитывая их задачи, можно считать вполне допустимым. Недостатком такого построения является то, что весь резерв используется с самого начала; но необходимость удерживания широкого фронта принуждает бросить все силы вперед.

Можно было бы, конечно, оставить 3-й батальон в резерве, а вторую линию образовать только из орудийных рот. Но это вряд ли может быть выгодно, так как вторая линия станет при этом значительно более уязвимой со стороны пехоты сопровождения и сила сопротивления ее ослабнет.

Подобные построения имеют только две линии лишь в силу необходимости. Само собой разумеется, что дивизии при столь значительном протяжении фронта должны и в будущем подкрепляться артиллерией, главным образом противотанково-зенитной.

Расчленение позиций резервных дивизий. Расчленение обороны на тыловых позициях будет всецело зависеть от требований противотанковой обороны. Если противник наступает без танков, то резервная дивизия будет подтянута вперед к фронту. Это отпадает при расчлененности первой линии. Протяжение фронта определяет необходимое количество орудийных полков.

Дивизии на угрожаемых фронтах. Если положение на каком-либо участке фронта становится особенно опасным, то дивизии, находящиеся на этом фронте, должны быть усилены. Для этого им придают необходимые пехотные пушки в таком количестве, чтобы на каждый километр фронта приходилось 16 противотанковых орудий, а в некоторых случаях даже больше. Тогда дивизия, занимающая фронт в 6 *км*, будет на первой и второй линиях иметь всего около 100 бронебойных орудий, что потребует придачи орудийного полка.

В этом случае на боевом участке каждого полка имелось бы 7 орудийных рот, из которых две можно было бы дать первой линии и четыре — второй. Слабо организуется третья линия, так как она получает всего 1 орудийную роту, т. е. 6 орудий. Если бы дивизии был придан 2-й орудийный полк, можно было бы организовать очень мощную третью линию, что сильно укрепило бы всю систему обороны. Найдет ли дивизия нужным использовать батареи дивизионной артиллерии для противотанковой обороны, зависит от общего положения и от количества приданных ей пехотных пушек.

Стратегическая обстановка может быть такова, что фронт, считавшийся раньше маловажным, может внезапно стать угрожаемым. В этом случае соответствую-

щие дивизионные фронты могут быть усилены без всякого затруднения; для этого им придают соответствующее количество орудийных полков. Точно таким же образом оттягиваются полки пехотных орудий с фронтов, потерявших значение.

Это говорит о том, что приспособление оборонительных фронтов к изменяющимся положениям может в настоящее время происходить значительно легче, чем раньше, так как дело идет не столько о бойцах, сколько о материальной части, т. е. орудиях.

Пехотная дивизия второй линии на угрожаемых фронтах. На угрожаемых участках фронта необходимое количество пехотных орудий должны получить и резервы, так как только при этом условии они получат достаточную устойчивость.

Тогда дивизии смогут удерживать более широкие участки, а если в этом нет необходимости, то они могут эшелонироваться больше в глубину.

Позиция для длительной обороны. Защита боевых средств может быть достигнута при помощи маскировки или усиления обороны техническими средствами или при помощи и того и другого вместе, — так, по крайней мере, надеется обороняющийся.

Чем дольше удерживаются позиции, тем тщательнее может быть использована местность. Но, с другой стороны, продолжительная оборона даст возможность противнику во всех подробностях узнать позицию обороняющегося, что сделает маскировку более затруднительной; маловероятно при этом, чтобы от противника остались скрытыми важные оборонительные меры. Тем важнее непосредственная защита техническими средствами всякого рода.

Что касается позиций пехотных пушек, то необходимо стремиться к тому, чтобы орудие и под бетоном сохранило свой полный горизонтальный обстрел. Это дело нелегкое. Легче это может быть достигнуто при фланкирующей стрельбе, вследствие чего на позиции, предназначенной для длительной обороны, устанавливается значительно больше пехотных орудий, чем это было бы возможно обычно для настильной стрельбы с главным направлением огня параллельно фронту. Это может быть сделано тем легче, чем волнистее будет местность, на которой находится позиция. Подобное

направление стрельбы наиболее действительно потому, во-первых, что под обстрел попадает всякий продвигающийся вперед танк без значительного изменения боковой наводки, и, во-вторых, потому, что танк подставляет огню свой борт, который бронирован слабее, и благодаря этому может быть попадание в двигатель.

Кроме того, позиция, оборудованная для длительной обороны, служит лучшим охранением для всех орудий, включая пехотные, ибо они могут быть выведены из строя наступающими танками лишь случайно — попаданием в бойницу. А это означает невозможность проведения танковых атак. Змея кусает свой собственный хвост, развитие сделало полный оборот, опять делается необходимым разбить это укрепление грубой артиллерией, так как только после этого будет возможно проведение атаки каким-либо другим способом.

Долговременные укрепления. Характеристика долговременных укреплений известна. Укрепление фронта всеми средствами новейшей техники при использовании минимального количества бойцов дает чрезвычайно сильную оборону.

Вопросы, касающиеся таких долговременных укреплений, называемых раньше крепостями, остались в основном те же: нужна ли осада или ее можно какими-либо способами избежать и притти к цели быстрее? В этом столь щекотливом деле надо признать, что развитие военной техники помогает атакующему.

Горная война. При обсуждении всех операций предполагалось, что местность, на которой происходит сражение, допускает передвижение танков. В горной войне так обстоит дело далеко не всегда. В высоких горах танки могут двигаться лишь в некоторых местах, в долинах и на плоскогорьях.

Возникает вопрос: как должны быть организованы и вооружены с точки зрения противотанковой обороны войсковые соединения, предназначенные для горной войны?

Необходимо отметить, что в настоящее время и в гористых районах стараются все движение производить по железным дорогам и на автомашинах; в соответствии с этим развивается и дорожная сеть. Телеги и вьючные животные применяются населением лишь в тех случаях, когда к этому принуждают особые ус-

ловия. Этот вид транспорта считается слишком непроизводительным и потому дорогим.

Поэтому во время войны в гористых местностях можно будет найти все больше и больше шоссейных дорог и все меньше телег и вьючных животных, во всяком случае гораздо меньше, чем это будет необходимо воюющим сторонам, которые будут принуждены вести бои не только на дорогах, но и в стороне от них, на глетчерах и вершинах гор.

Из этого следует, что специальное оборудование и вооружение армии для горной войны, примером чего может служить организация австро-венгерской армии для Балкан, будут постепенно исчезать, так как нехватает вьючных животных, придется обходиться только двуколками.

Во время горной войны хорошо известно, в каком месте надо вводить в дело горные войсковые части, но никогда не известно, куда их может привести наступление или отступление; местности, пригодной для танковой атаки, имеется достаточно и в горах. Поэтому и горным частям пехоты необходимы их батальонные пушки, которые при смешанном горном вооружении могут быть организованы так же, как обычно, и лишь при чисто горном вооружении должны быть облегчены.

Потребность в полках пехотных орудий у крупных войсковых соединений, сражающихся в горах, будет несколько меньшей, так как противотанковая оборона будет сосредоточиваться на определенных участках местности, главным образом, в долинах. Фланкирующее расположение будет применяться чаще всего. Пехотные орудия батальона, если они не будут использованы для противотанковой обороны, окажут большую пользу в пехотном бою, переходящем с одной горной вершины на другую. Они могут быть использованы так, как до сих пор использовали станковые пулеметы, но не целой батареей, а в одиночку или, в крайнем случае, взводом.

Подвижная оборона. Как известно, оборона может быть упорной или подвижной. При обороне первого типа бой ведется до окончательного его решения; о таких боях мы уже говорили. Целью подвижной обороны является только выигрыш во времени; какого-либо исхода избегают. При крупных операциях удер-

живают позицию до тех пор, пока противник развертывается и приготовляется к атаке; после этого отступают назад настолько, чтобы противнику надо было вновь развертывать артиллерию. Подобная тактика допускает медленное отступление без решительного боя, даже перед лицом значительно более сильного противника, и была особенно важна для небольших государств, которые были принуждены выжидать момента выступления своих более сильных союзников.

Если бы мы захотели сохранить этот ценный метод и для танковой войны и подумали бы о том, как это сделать, то мы должны притти к печальному выводу, что быстроходный танк давным-давно убил подвижную оборону, что таковой просто больше не существует.

Причиной этого является скорость танков, во много раз превышающая скорость пешехода. Танк атакует и этим «пригвождает» бойца к месту, заставляет его сражаться просто за свою жизнь. Тогда оборона или удается, или налицо будет полное поражение. Третьего выхода для пехотинца нет и быть не может. При неудавшейся атаке танковое соединение также понесет значительные потери, но оно может уйти из сферы действия противника по своему усмотрению, куда оно захочет. Это преимущество дает ему его высокая скорость.

Выводы

В этой главе, трактовавшей вопросы обороны, было выставлено требование, чтобы пехота каждой дивизии получила, примерно, столько орудий, сколько до сих пор имелось во всей дивизионной артиллерии; кроме того, говорилось о необходимости иметь значительные резервы пехотных пушек. Далее предлагалось изменить организацию обороны — все это из-за танков — и утверждалось, что полезное действие отдельных видов оружия при обороне значительно изменилось, что опять-таки должно изменить способы ведения войны.

Разве это не безумие? Разве не перемешаны тут понятия причины и следствия?

Для объективной и беспристрастной проверки этого необходимо себя спросить: разве здесь требуется боль-

ше нового вооружения, чем необходимо для того, чтобы отразить более слабые танковые атаки, а более сильным сопротивляться до тех пор, пока могут прибыть подкрепления? Это является основным вопросом. Впрочем, от окончательного решения осторожнее будет воздержаться, пока мы не обсудим наступления крупного масштаба.

Только одна мысль была бы вкорне неправильной с любой точки зрения — это желание одним ударом убить двух зайцев и способы противотанковой обороны искать не в орудиях, а в самих танках. Само собой разумеется, что этим было бы достигнуто большое преимущество: все противотанковые орудия, т. е. танки, приданные тыловым позициям и резервам, при атаке на соседние фронты могли бы быть переброшены туда для контратаки. Но тогда ничего не осталось бы для обороны! При этом подразумевается непосредственная оборона в районе расположения позиций. Для этого танк вообще непригоден. И если бы противник прорвался и был уничтожен стянутыми тем временем собственными танковыми соединениями, что является чистейшей утопией, если подсчитать время и пространство,— то разве такая победа может воскресить погибшую пехоту? Еще раз мы должны себя спросить, можно ли сознательно отправлять пехоту на столь верную гибель?

Те, которые и сегодня еще придерживаются того мнения, что танки были во время мировой войны лишь «средством угрозы», которое теперь уже недействительно, и те, кто полагает, что и в будущем танковые атаки будут производиться одной или двумя сотнями машин, как в 1918 г., те безусловно скажут, что поднято слишком много шума, а существенного не сделано почти ничего.

Но если вспомнить, что англичане подготовляли с лета 1918 г. на весну 1919 г. наступление крупного масштаба, которое должно было быть проведено с помощью 10 000 танков и 10 000 тягачей, предназначенных для снабжения, как же можно столько лет спустя утверждать, что броневые подвижные средства не внесли переворота в способы ведения войны?

ГЛАВА VI

АТАКА

ПЛАН СОВРЕМЕННОГО ТАНКОВОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ АМЬЕН (8 августа 193... г.)

Постановка задачи

Схемы 1 и 7 в приложении

Предыдущая глава была посвящена теоретическому обсуждению вопросов современной обороны, причем для этого было необходимо частично затрагивать также и вопросы атаки. Настоящая глава будет построена иным образом.

Атака всегда, независимо от всех технических достижений, должна оставаться формой боя, приводящей к победе; только наступление может привести к окончательной победе и, следовательно, именно оно решает вопрос о дальнейшей судьбе государства.

Поэтому атака будет обсуждена не теоретически, с бесчисленными «если» и «но», а будет показана на живом примере.

Мы хотим выработать примерный план современного наступления большого размаха, план современного танкового сражения при Амьен. При этом мы будем связаны с действительностью, с конкретным случаем и потому должны будем выносить вполне ясные и определенные решения.

Ни один план наступления не может быть составлен без учета предполагаемого поведения обороняющейся стороны; вследствие этого попутно с методом атаки будет выясняться и способ обороны.

При изучении хода сражений особый интерес вызывают планы командования обеих сражающихся сторон

и те изменения, которые они претерпевают под влиянием разного рода причин. Если кто-либо разыгрывает на бумаге целое сражение, то он в силу необходимости должен удовольствоваться планом атаки; события боя сами по себе не имеют никакой силы убедительности, пока автор, как в театре марионеток, держит в своих руках все нити, т. е. играет роль судьбы.

Соображения старшего начальника должны повести к ясному плану относительно способа атаки и расчета необходимых для этого сил. Эти соображения должны по времени предусмотреть гораздо дальше, чем это возможно сделать с уверенностью: Они должны охватить все течение сражения, так как от этого зависит расчет потребности в боевых силах.

Прежде чем начать строить предположения, нелишним будет сделать несколько предварительных замечаний, которые должны предупредить все могущие возникнуть недоразумения.

Описание поля сражения

Автор, будучи частным лицом, не располагал никакими специальными материалами; знакомство его с географическими особенностями района операций ограничивается 36-м томом «Сражения мировой войны» и картами. Но этот материал почти ничего не говорит о характере рек, лесов и селений, насколько серьезные препятствия они собой представляли, также и о пропускной способности транспортной сети.

В тех случаях, когда эти моменты могут играть решающую роль, придется прибегать к предположениям.

Старая система позиций, оставшаяся от предыдущих боев, как препятствие для танков

Район, в котором должно происходить предполагаемое наступление, был во время мировой войны ареной кровопролитных боев. К востоку от линии фронта августа 1918 г. тянутся достигнутые осенью 1914 г. линии с юга на север, через Реймс, Суассон, Нуайон, Руа, Фриз-на-Сомме, Альбер, Аррас. Это был район сражений с конца 1914 до марта 1917 г., и местность по обе сто-

роны позиций превратилась в пустыню, изрытую воронками. Особенно пострадал в районе знаменитого сражения на Сомме участок Руа, Перон, Бапюм, р. Анкр.

Дальше на восток на расстоянии суточного перехода фронт идет по обе стороны Элет, пересекает потом Ля-Фер, Сен-Кантен, идет против Аррас. Это так называемая позиция Зигфрида.

Местность, изрытая воронками от снарядов во время многомесячных артиллерийских боев, была для легких танков мировой войны очень трудно или вовсе не проходима. По английским данным, 10 августа танки «Уиппет» не могли преодолеть старые позиции Соммы, где они должны были действовать с кавалерией. 26 сентября 1918 г. наступающие в Шампани французы совсем не вводят в дело танков, применяя их лишь на следующий день, когда старое поле сражения было захвачено уже на глубину 3 *км*. В противоположность легким танкам тяжелые английские танки преодолевают такую местность, видимо, без всякого труда.

На основании этого можно было бы сделать вывод, что в то время для работы на сильно изрытой воронками местности были необходимы танки длиной не меньше 8 *м*, могущие преодолевать окопы шириной в 3,5 *м*. Как будет обстоять дело теперь, сказать трудно. Само собой разумеется, что современные танки благодаря более правильному расположению центра тяжести и хорошей подвеске, не говоря уже о мощном двигателе, в состоянии преодолевать гораздо более значительные препятствия. Сказать же с полной определенностью, достаточно ли всего этого для преодоления столь трудной местности, можно лишь на основании практических опытов. Как известно, в этих случаях французы, например, намереваются применять свои тяжелые танки, которые должны несколько сравнять края воронок и тем облегчить проход остальным танкам, следующим за ними. Но столь серьезный вопрос, во всяком случае, не может быть решен на основании теоретических выкладок.

Далее автор не в состоянии решить, какой из участков местности в пределах старых позиций должен быть признан настолько трудно проходимым, что может считаться препятствием для танков. Поэтому мы предпо-

ложим, что на старых позициях не проходимых для танков участков нет.

Время, в которое разыгрываются действия

Было бы чрезвычайно интересно решить, каков был бы исход пунических войн, если бы в распоряжении Ганнибала имелась пулеметная рота; но здравый смысл при этих рассуждениях безусловно бы отсутствовал.

Каждое действие связано со временем. И если во время наступления большого масштаба, которое мы называем «современным», одна сторона вводит в дело массы быстроходных танков и самолеты, то мы, безусловно, должны предположить, что другая сторона, обороняющаяся, обладает соответствующей оборонительной организацией, имеет необходимые оборонительные средства и умеет ими пользоваться; в противном случае мы сможем говорить лишь о колониальной войне.

Итак, мы предполагаем, что обе стороны имеют вполне современное вооружение. Вследствие этого у обеих сторон изменяется способ организации своих позиций и способ занятия их, т. е. самое первоначальное исходное положение.

Все это говорит о том, что из танковой атаки с ограниченной целью, какой она была в 1918 г., разовьется такая атака, которая должна будет привести к решительным результатам.

Поэтому наши предположения должны быть совершенно отличными от действительных событий августа 1918 г., ибо с тех пор изменилось решительно все, начиная от вооружения, группировки обороны и кончая методом атаки. И поэтому мы будем в дальнейшем говорить не о сражении между немцами, англичанами и французами, а о примерном сражении между двумя безымянными армиями западной и восточной сторон.

К чему же связывать этот бой с 8 августа 1918 г., почему не взять за основу что-либо совершенно новое?

А потому, что большие масштабы сражений 1918 г., освещенные действительностью, покажут нам направление фронта от швейцарской границы до моря, покажут нам организацию обеих сторон в группы и армии, и потому, наконец, что противниками являются народы высочайшей культуры и цивилизации.

Все это, вместе со знанием фактических событий на западе, даст возможность сравнить успехи, которые могут быть достигнуты в современном сражении, с успехами, фактически достигнутыми во время боев мировой войны.

БОЕВОЙ СОСТАВ БЫСТРОХОДНЫХ ДИВИЗИЙ

Как уже было сказано, вооружение обеих сторон принимается таковым, каким оно может быть на западе в настоящее время, по прошествии многих лет после мировой войны.

Значительная часть войск, соединенных в пехотные дивизии, состоит в основном все еще из пехотинцев, но использует автомашины в качестве транспортного средства в неизмеримо большей степени, чем во время мировой войны.

Но, кроме этого, имеется некоторое количество быстроходных дивизий, а именно моторизованных и танковых; последние используют автомашину не только как транспортное, но и как боевое средство. Ниже дается описание их боевого состава.

Боевой состав моторизованных дивизий

Рис. 2

Характеристика. Моторизованные дивизии представляют собой пехотные дивизии, перевозимые на автомашинах, причем последние являются чисто транспортным средством. Моторизованная дивизия, как и обычная пехотная, ведет бой в пешем строю; в танковом сражении она ограничивается чистой обороной. Каждое боевое действие, или хотя бы возможность боевых действий, заставляет дивизию покидать машины. С этого времени она превращается в пехотную дивизию, которая, кроме своих обычных задач, обременяется еще охранением машин. Скорость походного движения и суточный переход моторизованной дивизии в 3—5 раз (в зависимости от состояния дорожной сети) превышают таковые пехотной дивизии. Кроме того, во время похода или других передвижений бойцы почти совершенно не утомляются и прибывают на поле боя свежими.

Главные задачи. При обороне моторизованные дивизии благодаря быстроте передвижения используются обычно для замыкания разрывов фронта и предотвра-

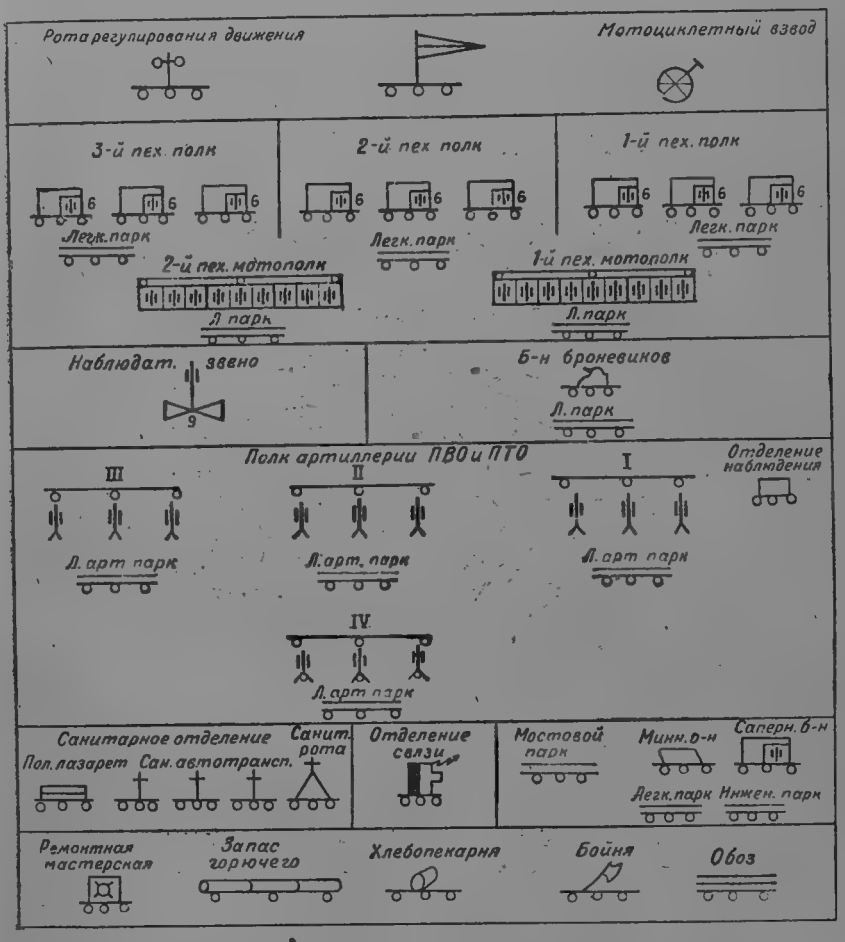


Рис. 2. Моторизованная дивизия.

Примечание. Пех. мотополк возит 54 пех. орудия.

щения грозящего прорыва или для того, чтобы в случае прорыва окружить со всех сторон прорвавшиеся танковые части и воспрепятствовать дальнейшему их

наступлению. Во время атаки эти дивизии используются для занятия и охранения захваченных танками участков.

Обе эти задачи не исключают возможности того, что моторизованным дивизиям придется сражаться в самых опасных местах танкового боя. А это значит, что главной тактической задачей их является противотанковая оборона.

В соответствии с этим определяется и боевой состав моторизованной дивизии, которой придаются мощные противотанковые орудия. 9 батальонов ее, обладая в общей сложности 162 пехотными орудиями, могли бы во время длительной обороны занять фронт протяжением в 20 *км* или окружить участок диаметром в 7 *км*. Организация дивизии такова, что разделение ее на 3 усиленных полка может быть произведено без всяких затруднений, что облегчает образование участков.

Вездеходность. От характера местности театра военных действий и от выбора типа транспортных машин будет зависеть, сможет ли моторизованная дивизия в случае необходимости сходить с дорожной сети на местность для того, чтобы обойти, скажем, взорванные мосты или подвести ближе пехотные части для более быстрого развертывания к бою.

В начале войны моторизованные дивизии смогут располагать лишь имеющимися в наличности машинами, т. е. коммерческими типами, сконструированными из расчета транспорта по дорогам. Позднее, когда промышленность перестроится целиком на военные нужды, можно будет строить машины более или менее вездеходные, т. е. судя по степени развития техники на сегодняшний день, шестиколесные или полугусеничные. Так как мы предполагаем, что современное сражение при Амьен произойдет не в начале войны, а значительно позднее, то мы будем считать, что моторизованная дивизия обладает достаточной вездеходностью.

Вооружение. Тактическое расчленение пехотного батальона моторизованной дивизии, примерно, такое же, как и пехотной дивизии.

Полки пехотных пушек принадлежат непосредственно дивизии, но предполагается, что один из этих полков постоянно распределен между батальонами; остальными полками дивизия располагает для главного уда-

ра. Все пехотные пушки перевозятся шестиколесными машинами на своих колесах или на прицепных низких тележках. Они всегда должны быть в боевой готовности. Передвижение их во время боя лежит на обязанности команды.

Для того чтобы в самом начале походного движения вблизи противника моторизованная дивизия не нуждалась в танках, ей придан батальон бронемашин. Сегодня этими машинами являются еще бронеавтомобили, но завтра ими могут быть танки. Во всяком случае каждая машина должна иметь не меньше 1 орудия и 1 пулемета и должна быть до некоторой степени вездеходной. Этот батальон имеет состав батальона средних танков, т. е. всего 50 боевых машин, подразделенных на 3 роты.

Дивизионная артиллерия состоит сплошь из пушек, пригодных и для зенитной обороны. Имеются 3 дивизиона орудий калибра 75 *мм*, которые используются для противотанковой и зенитной обороны, а также для поражения неземных целей, и 1 дивизион подобных же тяжелых орудий калибра от 8,5 до 10 *см*.

Гаубицы не являются необходимыми, так как, во-первых, мы имеем в виду соответствующую местность и, во-вторых, моторизованная дивизия организована специально для борьбы с танками.

Минный батальон. Минный батальон раскладывает мины и убирает их. Он организуется так же, как средний танковый батальон, т. е. состоит из 3 рот по 3 взвода с 5 машинами в каждой.

Каждая рота может в течение 15 минут разложить на протяжении 3 *км* два ряда легких мин.

Боевой состав танковой дивизии

Рис. 3

Танковые соединения. Во время мировой войны танк являлся оружием, которое должно было вести сражение всегда в самом тесном взаимодействии с пехотой. Поэтому еще и в настоящее время французы считают танк вспомогательным оружием пехоты*.

---

* В последнее время французы начинают отказываться от этого узкого взгляда. — Ред.

По тем же причинам англичане и французы во время мировой войны сводили танки в однородные единицы, англичане — до бригады, французы — до полка[87], причем английская танковая бригада представляла собой уже как бы зародыш оперативной единицы, так как танковому корпусу были постоянно приданы самолеты и имелась определенная организация связи.

Для дальнейшего обсуждения мы предполагаем, что танки будут выступать в двух организационных формах: отдельными бригадами и бригадами, сведенными в танковую дивизию. Самостоятельные бригады представляют собой старую «историческую» организацию и преследуют ту же цель, т. е. в нужный момент придаются пехотным дивизиям. Танковые дивизии являются новой, еще не испытанной формой организации, предназначенной для самостоятельного оперативного применения танков.

Такое двойное подразделение одного вида оружия не ново. Конница знала его давно и подразделялась на войсковую и армейскую конницу.

Весьма вероятно, что одинаковые причины будут иметь в будущем и одинаковые следствия и что танковые соединения, сведенные в дивизию, будут лучше подготовлены и вообще будут представлять бóльшую ценность с боевой точки зрения, чем войсковые танки.

Будут ли те и другие танки одинаковыми? Есть много «за» и «против». «За» говорит возможность взаимозаменяемости; «против» — то обстоятельство, что при оперативном использовании танки должны обладать большим радиусом действия и большой скоростью, в то время как войсковые танки могут удовлетвориться значительно меньшим радиусом действия и могут быть не столь быстроходными, но зато должны будут иметь более тяжелую броню и сильное вооружение.

Самостоятельные бригады состоят из 4 танковых батальонов.

Имеются нормальные бригады, называемые просто танковыми бригадами, которые состоят из 1 батальона легких и 3 батальонов средних танков; кроме того, тя-

желые бригады, состоящие из 1 батальона легких и 3 батальонов тяжелых танков, и, наконец, легкие бригады в составе 3 батальонов легких и 1 батальона средних танков. Легкие танковые бригады формируются в тех

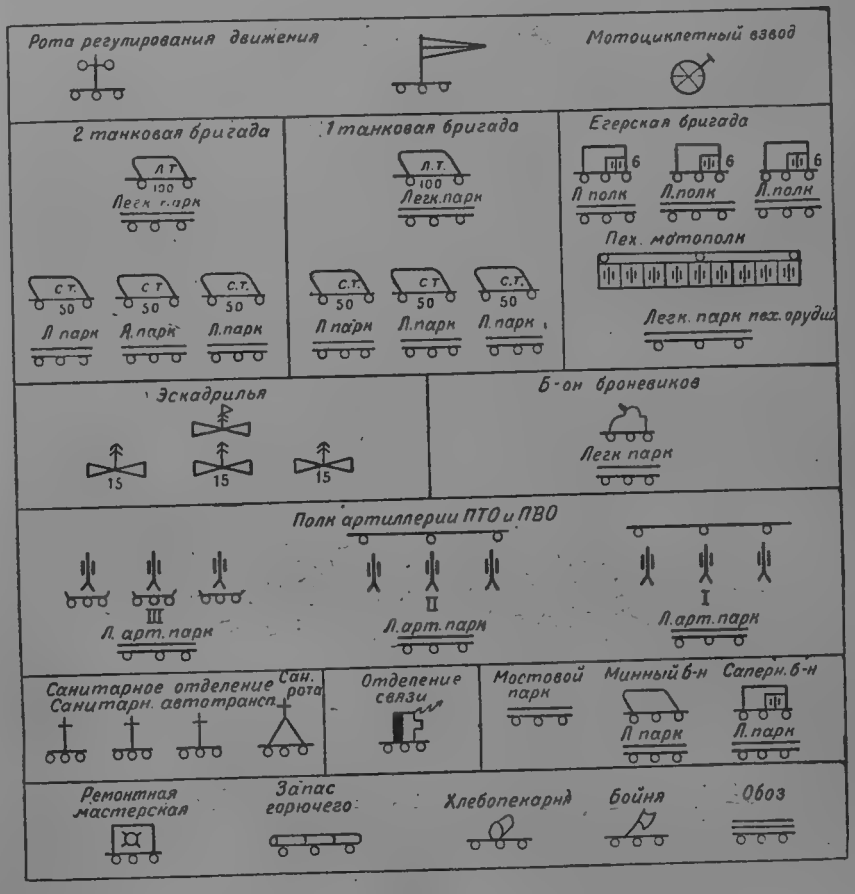


Рис. 3. Танковая дивизия.

случаях, когда соотношение между легкими и средними танками, имеющееся в нормальной бригаде, не соответствует тактическому применению.

В соответствии с состоянием современного развития легкий танк орудия перевозить не должен, на нем имеются только пулеметы[88].

Организация танковых дивизий — это шаг в новое, в неизвестное, так как оперативное применение танков также ново и еще не испытано.

Боевой состав (рис. 3), предлагаемый автором, имеет в виду сражение на высоко культивированной холмистой местности западного фронта.

Характеристика. Танковая дивизия является новым оперативным соединением, в котором машина используется не только как транспортное, но и как боевое средство. Танковая дивизия потребует новых принципов для ведения боя. Она — единственная из всех крупных войсковых соединений — пригодна для наступательного боя против танковых же соединений. Она сохраняет подвижность и во время боя, зато непригодна для чистой обороны.

Танковые дивизии обладают, примерно, такой же скоростью походного движения, как и моторизованные дивизии, но вездеходность их значительно выше.

Главные задачи. Танковая дивизия создана для атаки и только для атаки, в первую очередь против подобных же соединений или моторизованных дивизий и только в исключительных случаях против постоянных фронтов позиционной войны, и то только для действий в тылу противника. Поэтому ее главной боевой задачей является борьба против танков в тылу фронта, или собственного в тех случаях, когда необходимо выгнать вторгнувшегося противника, или неприятельского — с целью уничтожения его танков и глубокого прорыва фронта[89].

Организация. В соответствии с этими задачами главным видом оружия танковой дивизии будут именно танки, которых в дивизии будет 2 бригады. Объясним, почему дивизии придается также егерская бригада, которую можно было бы назвать и полком. Для этого сравним ее с егерским батальоном конной дивизии.

Танковые дивизии благодаря своей быстроходности могут в короткое время проходить большие расстояния; само собой разумеется, что это относится как к отступательному, так и наступательному маршу. Танк может овладеть местностью, но не может удержать ее; он

может итти вперед или отступать, но оставаться на месте он не может.

Во время самого сражения танковым соединениям чрезвычайно выгодно знать, что вблизи имеется охраняемый участок, который можно было бы использовать для маневрирования или для приведения себя в порядок для новой атаки. И, наконец, во время коротких пауз между операциями танковые бригады должны иметь покой для приведения себя в боевую готовность для следующей атаки, что возможно лишь при оттягивании под защиту какого-либо охранения.

Эти три задачи и являются главными задачами приданной егерской бригады. При передвижении дивизии эта бригада подтягивается по рубежам с той целью, чтобы одной или вместе с соседями или подкреплениями блокировать широко растянутые естественные препятствия, как например, реки или леса, и удерживать завоеванное или в случае необходимости окружать в виде пояса важные участки без примыкания флангов. 3 батальона, обладающие в общей сложности 72 пехотными орудиями, в состоянии даже без естественной преграды удержать фронт протяжением в 9—12 *км*, что соответствует кругу диаметром в 3—4 *км*. Подобные обеспеченные участки вполне пригодны для того, чтобы при неблагоприятных положениях принимать собственные танки до того момента, пока не прибудут подкрепления или не изменится общее положение. Но, как и все на земле, подобное применение прикрывающих войск имеет не только преимущества, но и недостатки; если стычка танковых эскадр протекала неблагоприятно, то егерские бригады в большинстве случаев будут скованы на тех позициях, на которых их застал противник. Само собой разумеется, что они могут продержаться несколько дней; но если в течение этого времени не придет выручка со стороны, то они должны будут, в конце концов, попасть в руки неприятеля. Правда, подобные случаи во время войны не являются чем-нибудь необычным.

О необходимости охранения много говорить не приходится, так как подобные задачи являются ежедневной обязанностью солдата. Как правило, передовые по-

сты ввиду недостатка времени занимаются таким образом, чтобы теснины, выходы из селений, мосты на дорогах и пр. были прегражденны, а бездорожные участки местности оставлены свободными.

Оперативная подвижность. Вопрос о том, должны ли проводиться длинные марши на гусеницах, пока еще не разрешен. Без сомнения, для тяжелой местности лучше всего пригодны гусеницы, но можно ли проводить длинные переходы на них, не разрушая дорог и не изнашивая очень сильно машины? Англичане отвечают на этот вопрос утвердительно, французы предпочитают применять резиновые гусеницы и, несмотря на это, оставляют транспортные машины для танков.

Но в общем вопрос довольно неясен, и без соответствующих испытаний он разрешен быть не может.

Если длинные переходы на гусеницах рискованны, то все машины должны быть погружены на транспортные грузовики. Это будет касаться не только танков, но и всех гусеничных машин.

Задача эта может быть разрешена еще другим путем — развитием всех машин по колесно-гусеничному типу, полугусеничному или, как это собираются сделать американцы, по типу многоколесных машин.

Орудия. Обе танковые бригады имеют нормальный состав, т. е. 1 батальон легких и 3 батальона средних танков. Они перевозятся на транспортных машинах, которые могут итти только по дорогам. Обоз же, включая легкие парки, должен обладать достаточной вездеходностью, т. е. иметь, по крайней мере, трехосные грузовики; отдельные части, как, например, резервные танки, должны иметь также транспортные автомобили. Каждый танковый батальон имеет двойную боевую команду (вплоть до командира роты) и двухсуточную норму горючего и огнеприпасов.

Егерская бригада. 3 батальона, имея всего 72 орудия, могут при самостоятельном применении удержать во время длительной обороны фронт протяжением в 9 *км*. Если поблизости есть танки и можно рассчитывать на их помощь, то они могут удержать фронт почти наполовину больше.

Танковые бои будут протекать чрезвычайно стремительно, поэтому все должно быть сделано для того, чтобы егерские бригады могли производить быстрое развертывание. Это зависит от вездеходности, которая должна быть поэтому как можно более высокой. Егерской бригаде придаются полугусеничные или колесно-гусеничные грузовики с легкой броней; пехотные пушки буксируются.

Самолеты. В распоряжении дивизии имеется целая эскадрилья двухместных истребителей, которые должны выполнять функции разведки, преследования противника и работать во взаимодействии с танками во время сражения, производя глубинные атаки или наблюдая и охраняя район наступления. Но так как аэродромы, несмотря на все усилия к тому, не смогут следовать за быстрыми передвижениями, и самолеты должны будут делать длинные полеты, то тем более необходимо иметь их в возможно большем числе.

Батальон бронеавтомобилей. Организация и тип такие же, как у моторизованной дивизии, о которой говорилось выше. Задачей батальона являются проведение дальней разведки и охранение егерской бригады и тылового эшелона во время маршей. В танковых сражениях бронеавтомобильный батальон будет принимать участие лишь в редких случаях. Вездеходность его должна быть не меньшей, чем у машин, придаваемых пехоте, т. е. машины его должны быть полугусеничного или колесно-гусеничного типа.

Артиллерия. 2 дивизиона полка противотанковых и зенитных орудий возятся, как и у моторизованной дивизии; один дивизион, состоящий из 3 батарей, посажен на самоходные лафеты, что даст ему возможность принимать в случае необходимости непосредственное участие в танковом бою. Это опять-таки делает необходимыми колесно-гусеничные машины с легкой броней. Превратится ли, в конце концов, эта «помесь» артиллерии с танком просто в танк, сказать пока трудно, это покажет будущее.

Саперные части. Придача достаточно многочисленных и соответствующим образом снабженных саперных войск имеет исключительно важное значение для операций быстроходных соединений, будь то танковые или моторизованные дивизии. От них,

главным образом, зависит, сможет ли данное соединение при своем продвижении с необходимой быстротой переходить через небольшие реки, которые могут встретиться на пути, в тех случаях, когда взорваны дорожные мосты или когда дивизия по условиям боя должна сойти с дорожной сети.

Было бы наиболее целесообразным (с точки зрения организации) придавать отдельным танковым батальонам «мостовые» танки, которые должны входить в состав батальона наподобие саперных пехотных частей.

Понтонно-мостовое имущество саперного батальона (при условии необходимой грузоподъемности для самых тяжелых грузов) должно быть таким, как это практиковалось до сих пор, т. е. достаточным для сооружения различной длины мостов на пловучих или неподвижных опорах.

Применение саперных частей должно получить совершенно особый характер, особенно в моторизованных дивизиях первой линии.

В зависимости от характера препятствий, в районе операций вместе с головными охраняющими частями высылаются вперед саперные взводы с соответствующим образом подготовленными частями мостовой колонны; за ними следуют более многочисленные саперные части, также с понтонно-мостовым оборудованием.

Основной принцип остается старый, а именно — позаботиться обо всем, что необходимо для быстрого преодоления часто неожиданно возникающих препятствий. В некоторых случаях будет необходимо придать танковым дивизиям первой линии лишние саперные батальоны.

Саперы быстроходной дивизии перевозятся на вездеходных машинах, машины саперных частей танковой дивизии должны иметь легкую броню. Для перевозки понтонно-мостового имущества и всех необходимых инструментов также требуются вездеходы.

Организация быстроходных дивизий

Главные составные части быстроходной дивизии — егерская и танковая бригады — организованы таким образом, что могут быть заменены одна другой.

Можно было бы, по крайней мере в случае особой необходимости, заменять использованные танковые бригады бригадами войсковых танков и тем быстрее пополнять танковые дивизии. Эти дивизии могут быть усилены придачей им дополнительных бригад, будь то егерских или танковых; можно, наконец, из моторизованной дивизии импровизировать новые танковые дивизии, придав ей бригады войсковых танков и отняв пехотные бригады.

Итак, организация эта «гибкая», каковой она и должна быть.

На этом мы заканчиваем обсуждение быстроходных дивизий современной армии; дальше на примере будет показано применение их.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ТАНКОВОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ АМЬЕН

(8 августа 193... г.)

Схемы 1 и 7

(Время летнее. Все суждения — с точки зрения западной стороны, ее южного правого фланга).

Общая обстановка берется та самая, которая была летом 1918 г. на западном фронте мировой войны.

Войска западного противника — одной национальности, иначе нельзя было бы планировать большую операцию на стыке союзников; оба противника имеют современное вооружение и придерживаются основных тактических положений, которые изложены в настоящем труде.

13 июля командующий армией, расположенной по обеим сторонам Амьен, получает от верховного командования западной стороны следующую задачу.

Задача

Нужно разработать план большого наступления, имеющего целью: после прорыва позиций с мощными танковыми силами действовать на тыл и сообщения

противника, чтобы положение противника на широком фронте стало невозможным и этим был достигнут решительный исход сражения.

Положение обеих сторон и организация позиций

Относительное положение пехотных дивизий обеих сторон между реками Уаза и Анкр показано на схеме 7. Данные для восточной стороны считаются окончательными, западная же сторона должна для атаки еще перегруппироваться в соответствии с выработанным планом. Здесь невозможно привести все изменения принимаемого решения, которые неизбежны за время с 13 июля по 7 августа 193...г. под влиянием текущих военных событий; все приведенные соображения считаются уже окончательными.

Система позиций обеих сторон состоит из двух позиций, расположенных одна за другой.

Передовая позиция, являющаяся одновременно главной, еще мало разработана, так как за последние месяцы восточный противник на участке фронта между Мондидье и Альбер небольшими операциями непрерывно оттеснялся назад. Селения в районе позиций превращены в развалины, леса и сады уничтожены артиллерийским огнем. Основой противотанковой обороны являются, главным образом, пехотные пушки; те из них, которые были обнаружены разведкой, были уничтожены сосредоточенным артиллерийским огнем. Поэтому у противника создается навык устанавливать противотанковые орудия в развалинах домов, с главным направлением огня в сторону флангов, иногда даже и в тыл. По сообщениям пленных, противник не может полностью возместить большие потери в пехотных пушках, потерянных во время летних боев; недостача их на этом участке фронта выражается в среднем в 10%.

До сего времени противник широко применял разбрасываемые мины заграждения. Благодаря тому, что местность была им отобрана обратно, минные поля попали опять в его руки; но вследствие недостатка военного снаряжения они были восстановлены в ограниченном размере.

Передний край второй позиции идет через Нуайон, Руа, Лион, Фриз-на-Сомме, Комбль, т. е. отстоит в сред-

нем на 16 *км* от главной позиции. За исключением убежищ — погребов для огнеприпасов — нет почти никаких строений; однако, и здесь селения являются средоточием оборонительных сооружений. Границы дивизий на второй позиции точно неизвестны, но количество дивизий установлено. Примерно треть их состава находится на позиции как гарнизоны безопасности, остальная часть расположена в лагерях. Время, необходимое для подъема по тревоге и полного занятия позиций, исчисляется 2—3 часами. Поэтому можно считать, что каждая из этих дивизий второй позиции имеет не меньше 1 моторизованного батальона с мощным противотанковым вооружением, готового для немедленного движения. Глубина второй позиции точно неизвестна, но ее можно принять равной не меньше 4 *км*.

Снабжение противника военным снаряжением и продовольствием уже весьма скудное. На приведенной ниже табличке показано распределение быстроходных дивизий противника по последним данным.

В период сражений при Суассон и Реймсе особенно сильные потери понесли быстроходные дивизии противника. Главное командование пополнило резервы фронтов своими резервами, вследствие чего быстроходные фронтовые резервы находятся в полном составе.

Высшее командование намеревается вновь создать себе такие резервы, организуя в Намюре, Льеже и Брюсселе новые быстроходные дивизии из моторизованных дивизий, разбитых танковых дивизий и бригад войсковых танков. По достоверным сведениям, части, показанные на вышеприведенной таблице, должны быть полностью укомплектованы к 20 августа.

Если атака произойдет 8 августа, то можно ожидать, что высшее командование противника сможет в течение 2 дней сформировать 2 танковых и 4 моторизованных дивизии.

Известно, что в настоящее время восточная армия мобилизовала весь резерв войсковых танков и что промышленность противника вследствие недостатка сырья вряд ли сможет дать достаточное количество их для пополнения состава танковых дивизий.

Распределение быстроходных дивизий восточной стороны между Аргоннами и Каналом[1]

В распоряжении фронта	Резервы находятся в районе	Состав: танковые дивизии	Состав: моторизованные дивизии	Расстояние по воздушной линии в км
Эн	Ретель	2	1	130 от Лион
	Мезьер	—	1	150 » »
	Монкорне	1	1	90 » »
	Марль	—	1	80 » »
	Гирсон	—	1	100 » »
Сомма	Сен-Кантен	2	3	40 » »
Фландрия	Камбрэ	—	1	30 от Перон
	Мобеж	—	1	90 » »
	Валансьен	2	2	60 » »
	Оденард	2	2	100 » »
	Брюгге	—	2	150 » »
		9	16	
В распоряжении главного командования	Намюр	1	2	140 от Сен-Кантен
	Льеж	2	2	200 от Сен-Кантен
	Брюссель	1	3	140 от Сен-Кантен
		4	7	

РАЗРАБОТКА ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПЛАНА

В силу необходимости наступление должно будет состоять из трех отдельных (частных) операций:

1) прорыва первой позиции глубиной от 6 до 8 *км*;

2) прорыва второй позиции, находящейся на расстоянии около 16 *км* позади переднего края первой позиции, и

3) наступления танков через брешь для проведения самостоятельных операций, что должно окупить собственные потери, связанные с прорывом.

Ширина прорыва. Для того чтобы через прорыв могли пройти достаточные силы танковой дивизии, он

[1] Канал Ламанш.—Ред.

должен иметь достаточные размеры; для маневрирования (если бы дело дошло до танкового боя) также необходимо большое пространство; наконец, во время всей операции должен быть непрерывный приток сил, т. е. должны быть свободные сообщения.

Все это может быть достигнуто лишь при достаточной первоначальной ширине прорыва. Полезная ширина его должна равняться не меньше 20 *км* по воздушной линии; именно эта величина его и утверждается планом. Прорыв должен быть совершен между линиями: Морейль, Нель — на юге, северный склон долины Соммы и дорога на Перон — на севере. Обеспечение обоих флангов может быть достигнуто лишь при развитии атаки. На южном фланге исключительно благоприятные предпосылки для этого представляет место прорыва фронта, так как при прямолинейном продолжении наступления оно будет направлено как раз на фланги противника и будет их разрывать дальше. На северном фланге дело обстоит иначе, и поэтому фронт наступления там необходимо удлинить до Альбер с целью обеспечить долину Соммы от массированного огня артиллерии противника. Вследствие этого первоначальная ширина атаки будет составлять 30 *км* по воздушной линии, от Морейль на юге до Альбер на севере.

Время. Основной предпосылкой для успеха является полная внезапность атаки.

Прорыв первой позиции должен быть проведен как можно быстрее, настолько быстро, чтобы можно было атаковать вторую позицию еще до того момента, пока она будет занята своим гарнизоном.

Длительность танковых операций заранее определена быть не может, но чем дольше они будут продолжаться, тем это будет выгоднее противнику.

Установлено только одно: если в первый день сражения прорыв позиций не сможет быть достигнут настолько быстро, чтобы еще до вечера был занят участок, достаточный по своим размерам для развертывания, примерно, до меридиана Сен-Кантен, то дальнейшее наступление на этом участке фронта следует считать безнадежным.

Метод атаки

Как мы уже сказали, успех атаки зависит от быстрого прорыва обеих позиций противника.

При проведении атаки по методам, применявшимся во время мировой войны, разрешить эту задачу будет невозможно. Даже в том случае, если ограничить развертывание артиллерии 3 днями, то и тогда срок этот будет слишком большим с точки зрения трудности сохранения всего предприятия в тайне от противника и слишком малым для снабжения огнеприпасами многочисленных батарей.

Если даже предположить, что первая позиция могла быть таким способом взята, то огневой вал в пределах 6 *км* должен был бы продолжаться не менее 2 часов. После этого было бы необходимо провести подтягивание артиллерии для атаки второй позиции, передний край которой будет находиться еще на расстоянии 10 *км*, т. е. произвести новое развертывание артиллерии и новое снабжение огнеприпасами; только после всего этого можно было бы продолжать атаку. Считая даже, что все будет проведено чрезвычайно удачно, и атакующий не будет расходовать огнеприпасы в очень большом количестве, — а это он при подобном методе атаки должен делать обязательно, — то и тогда атака могла бы быть возобновлена лишь на утро второго боевого дня, т. е. спустя 24 часа после начала сражения. Какие же перспективы может иметь атака, если противник имел 24 часа времени для подтягивания и группирования своих резервов?

Успех будет невозможен, а поражение весьма вероятно.

Не остается ничего другого, как искать новых путей, новых методов, пока еще не испытанных и не проверенных.

Туман

Прежде чем выяснять методы атаки, мы наталкиваемся на другой вопрос, который должен быть решен заранее: в районе операций в утренние часы поднимается густой туман (во всяком случае, мы считаем, что так должно быть), который полностью рассеива-

ется между 9 ч. 35 м. и 9 ч. 45 м. утра. Необходимо выяснить поэтому основной вопрос: должна ли атака использовать этот туман и если да, то в какой степени; или же с началом атаки следует подождать, пока туман не рассеется.

Вопрос этот разрешить как будто нетрудно. С оперативной точки зрения все говорит за то, что атака должна быть начата как можно раньше, часов в 5 утра. Тогда в распоряжении будет целый день, который можно полностью использовать.

Для того чтобы выяснить тактические требования, необходимо хотя бы в общих чертах представить себе, какое влияние будет иметь туман на боевые действия. Во время тумана военно-воздушные силы работать не могут — ни свои, ни противника. Артиллерия сможет действовать только со своих старых позиций при условии, что ее задачи будут определены как по месту, так и по времени.

Прицельный огонь всех огнестрельных орудий ограничен самыми малыми дистанциями, которые очень часто не превышают нескольких метров. Можно сказать, что полезная дальность орудий при прицельном огне уменьшается настолько, что почти не превышает досягаемости холодного оружия.

У танка сильно снижается скорость движения, так как он ничего не видит, но и его также не видно.

Управление прекращается, сражение распадается на отдельные мелкие боевые действия на самых малых расстояниях.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что густой туман сильно затрудняет действия обеих сторон, но для атакующего больше, так как он сам имеет определенную цель, предусматривающую движение на незнакомой местности. Обороняющийся же только сопротивляется, только удерживает свои позиции, оставаясь все время на месте. Таково влияние тумана на сражение за первую позицию. Пока еще не сказано ничего, что подтвердило бы оперативное требование начинать атаку как можно раньше.

Влияние тумана на бой за вторую позицию еще больше. Когда произведена атака по первой позиции, то противник уже понимает положение; «внезапность» миновала. Тогда он начинает принимать контрмеры:

занимает вторую позицию и подтягивает к месту прорыва со всех сторон резервы, в первую очередь быстроходные. Атакующий в тумане ничего не видит, не может поэтому принять никаких мер и вообще не знает, что кругом происходит.

Дивизии второй позиции поднимаются по тревоге совершенно беспрепятственно. Они занимают позицию, и атакующий не может им в этом помешать, да он вообще и не знает, что это производится. Он не знает, возникла ли какая-либо новая линия, кроме ранее известной; не знает, какова глубина позиции в различных ее частях, как она занята и где ее слабые места.

Одновременно командование фронта противника поднимает по тревоге свои быстроходные дивизии, также совершенно беспрепятственно, и передвигает их, причем атакующий не только не имеет возможности принять какие-либо контрмеры, но даже не знает, куда направляются отдельные группы и как далеко они дошли.

Командующий армией принимает решение выждать с началом атаки до тех пор, пока туман не рассеется, т. е. до 9 ч. 35 м.

Решение это далось ему нелегко, так как он теряет при этом 4½ часа дневного времени. Но он полагает, что другое решение невозможно [90].

План атаки

План наступательного сражения при Амьен необходимо расчленить даже в изложении настолько, чтобы при описании множества отдельных операций и при обосновании их нельзя было потерять его из виду.

Изложение будет вестись в последовательности событий по времени. В главе, описывающей первый день сражения, будет показана атака последовательно всех трех групп: наступление через первую позицию, захват второй и, наконец, прорыв танковых дивизий через брешь.

Так как задачи, подлежащие разрешению, обсуждаются для каждой группы в отдельности, а также выносится решение относительно того, при помощи каких средств должны они решаться, то последователь-

ность событий по времени не везде соблюдена с абсолютной точностью; главным образом, это касается воздушных сил.

Не исключена возможность также и того, что решение, принятое для какой-либо одной группы, будет затем изменено вследствие обстоятельств, которые выяснятся лишь при обсуждении действий другой группы.

Но все же в целом ведущим элементом служит время.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СРАЖЕНИЯ

План прорыва первой позиции

Прорыв должен быть произведен танковой атакой. Нелишним будет сопоставить важнейшие точки зрения, которыми придется руководствоваться.

Первая позиция противника является наиболее сильной по своему развитию, численности войск, оборонительным средствам и боевой готовности. Поэтому атакующим танкам должна быть обеспечена наивысшая поддержка других родов оружия.

Время стоит очень дорого, позиция должна пасть как можно скорее.

Ни огневой вал перед танками, ни пехота сопровождения, следующая за ними, не должны препятствовать танкам в развитии их наибольшей скорости. Самое большее, что могут сделать танки, это проехать через позиции противника; овладеть ими может только пехота.

Как мы видим, некоторые точки зрения прямо противоречат друг другу.

Наступательная группировка пехотных дивизий. В районе будущей атаки армия расположена по обе стороны Амьен. 6 ее пехотных дивизий находятся на первой позиции и 4 — на второй. 6 дивизий первой позиции сведены в 3 корпуса; на каждую дивизию приходится участок фронта в 6 *км*. Южная дивизия на правом фланге находится вне района главного наступления.

Основную тяжесть атаки несут танки. Исходя из этого, кажется целесообразным сохранить для насту-

пательной группировки армии существовавшее до сих пор распределение пехотных дивизий на первой позиции, что весьма желательно также из соображений сохранения предполагаемой атаки в тайне.

На 30 *км* фронта наступления образуются 3 ударных группы: две — на флангах и одна — в центре; последняя атакует в лоб; итого 5 дивизионных участков, каждый протяжением в 6 *км*[91]. Из сказанного вытекает, что эти группы как будто совпадают с участками корпусов. Южный корпус атакует сначала одной дивизией.

Танки. Атака должна быть произведена несколькими танковыми волнами. За последней волной следует пехота. Эта волна перед пехотой должна заменить для нее огневой артиллерийский вал.

Потребность в танках может быть установлена лишь в зависимости от их задач.

Противник в районе наступления западной стороны также расположил свои пехотные дивизии, имея на каждую участок в 6 *км*. Если считать, что каждая дивизия имеет 70 пехотных пушек и 36 полевых орудий, и если на каждую пехотную пушку считать по 4 танка, а на каждое орудие дивизионной артиллерии по 2 танка, то это составит всего 280 + 72 танка, или круглым счетом 350 танков на участок каждой дивизии атакующего, или около 60 танков на каждый километр фронта[92].

Состав танковых сил, соотношение между средними и легкими танковыми батальонами определяются теми задачами, которые им предстоит разрешить, а также зависят от метода их применения. Установим заранее, что на каждом дивизионном участке будет действовать усиленная танковая бригада в составе 2 легких (200 танков) и 3 средних (150 танков) батальонов.

Командующий армией считает необходимым иметь еще 2 нормальных бригады для усиления главного удара и облегчения работы северного фланга, наступающего в тяжелых условиях.

Итак, для атаки первой позиции противника необходимо следующее количество танков (см. таблицу на стр. 251).

Эти 7 танковых бригад будут иметь 1 200 легких и 1 050 средних танков, всего 2 250 танков.

Для	Танковых батальонов		Танковых бригад	Всего танковых батальонов	
	легких	средних		легких	средних
Пехотной дивизии . . .	2	3	5	10	15
Кроме того, для усиления главного удара	1	3	2	2	6
	3	6	7	12	21

Артиллерия. Танки при своем наступлении поддерживаются артиллерийским огнем, направленным на батареи и обнаруженные гнезда пехотных пушек противника.

Дивизионная артиллерия в районе наступления усиливается в 3 раза придачей батарей усиления, предпочтительно средних и тяжелых калибров; в общей сложности дивизии имеют по 40 батарей, т. е. 160 орудий. Это усиление артиллерии распространяется также на 2 соседние дивизии, не участвующие в главном ударе.

Занятие позиций в районе расположения артиллерии и снабжение огнеприпасами в размере 2 суточных норм смогут быть проведены в течение одной ночи.

На фронт, занятый 7 дивизиями, т. е. протяжением 45 *км*, к штатным 360 орудиям прибавляется еще 700. В этом заключается развертывание артиллерии.

Батареи усиления берутся из корпусной артиллерии, а где ее нет — из резерва главного командования; брать их из дивизий второй линии можно лишь в самых крайних случаях, так как будет мало тяжелых калибров для огня на разрушение.

Самолеты. Что касается авиации, то основным положением надо считать следующее: полная внезапность танковой атаки значительно важнее, чем все воздушные атаки. Поэтому до 9 ч. 35 м. утра в районе наступления и вблизи него не должно производиться никаких воздушных атак. Позже, после того как прорыв должен уже на первый день сражения привести к глубокому вклинению в расположение противника,

следует чрезвычайно тщательно обдумать объекты бомбардировки самолетов, с тем чтобы разрушения не принесли вреда своим войскам.

Примем следующую организацию воздушных сил: 4 отряда соединяются в эскадрилью, 4 эскадрильи — в бригаду и 2 бригады—в дивизию. Состав следующий:

Род авиации	В отряде	В эскадрилье	В бригаде	В дивизии
Истребителей	15	64	260	525
Дневных бомбардировщиков	11	47	190	390
Ночных бомбардировщиков	6	26	110	—

При атаке танками первой позиции противника должны принимать участие следующие авиационные силы:

По 1 авиаотряду на каждый из 5 дивизионных участков, т. е. всего 1 усиленная эскадрилья, задачей которой является наблюдение за полем боя. Эти отряды работают в тесном взаимодействии с атакующими танками и атакуют противотанковые орудия, открывающие огонь по этим танкам.

1 дивизия истребителей должна находиться поблизости и быть готовой к вылету: 1 бригада ее вылетает в 9 ч. 35 м. утра; задачей ее является воздушная оборона поля сражения.

Бомбардировка аэродромов, штаб-квартир и этапных пунктов в тактическом районе действий не предусмотрена, так как этот район должен в самое короткое время перейти в руки атакующего [93].

Сильная же бомбардировка всех больших аэродромов воздушных сил чрезвычайно важна. Если это будет проведено планомерно на заранее выбранных участках фронта, то такая бомбардировка может даже ввести противника в заблуждение и отвлечь его внимание от готовящейся атаки в других местах.

Это выгодно и для собственных операций, и с тактической точки зрения, так как можно ожидать, что по прошествии нескольких часов над полем сражения появятся все воздушные силы, имеющиеся в распоряжении противника.

Но подобные широкие планы могут быть выполнены лишь в том случае, если налицо будет значительное превосходство в самолетах. Поэтому для решения этого вопроса в данном случае нужно было бы иметь точные сведения относительно количества, вооружения и распределения воздушных сил противника по всему фронту, подобно тому как было ранее указано в отношении быстроходных резервов, только еще более подробно. Но это завело бы нас слишком далеко.

Поэтому предположим, что в пределах фронта атаки должен быть нейтрализован только один аэродром, расположенный у Сен-Кантен, с применением для этой цели 1 бригады дневных бомбардировщиков.

О дальнейшем использовании воздушных сил будет сказано подробнее при обсуждении наступления других групп.

Приведенный подсчет сил, необходимых для первого атакующего эшелона против передовой позиции противника, должен быть понят правильно. Если, например, считать, что для каждой пехотной дивизии необходимо иметь 350 танков, то это не значит, что все атакующие дивизии должны получить точно поровну и точно такое количество. Командование всех степеней должно выбрать пункт главного удара в соответствии с задачами и в зависимости от имеющихся средств и направить туда необходимые силы. Это является старым, испытанным боевым принципом.

Предполагаемый метод атаки на дивизионном участке. Соседи справа и слева тоже наступают.

В ночь на 8 августа, день наступления, пехота соответственным образом группируется на позициях. Для этого она подтягивает вперед в первую линию еще одну линию, обычно третью, и сосредоточивает на передовых позициях около половины имеющихся пехотных пушек, с тем чтобы во время атаки они обеспечивали предполье. В первой линии, на протяжении 6 *км*, будет в этом случае сосредоточено 6 батальонов.

Танковые волны располагаются на выжидательных позициях, примерно в 10 *км* позади фронта. Первая волна танков начинает наступление еще во время тумана с таким расчетом, чтобы, не доходя 3—5 *км* до противника, могла быть сделана последняя остановка на 15 ми-

нут, что даст возможность одновременно ворваться в расположение противника.

В 9 ч. 35 м. открывает огонь вся артиллерия в целом; начиная с этого времени и до того момента, когда танки ворвутся на огневые позиции противника, должны быть нейтрализованы все неприятельские батареи[94]. Часть артиллерии, главным образом средние и тяжелые орудия, обстреливает окраины селений, чтобы подавлять или ослеплять противотанковую оборону. Батареи, находящиеся в выжидательном положении, и пехотные пушки, расположенные на позиции во время атаки, берут под обстрел всякую обнаруживающую себя огнем пехотную пушку. Если это будет найдено необходимым и возможным, то районы наблюдения артиллерии противника могут быть временно задымлены.

В 9 ч. 35 м. на позицию противника врываются первые волны танков, сопровождаемые «минными тральщиками».

В приведенной табличке показана возможная группировка волн при внезапной атаке танков.

Танковая волна	Должна захватить	Переходит препятствия в.... час.	Количество танков			Вероятные противотанковые средства, подлежащие уничтожению
			легких	средних	всего	
1	Первую линию	x	30	30	60	Мины 18 пехотных орудий
2	Вторую „	$x+5$ м.	70	70	140	36 пехотных орудий и отдельные орудия дивизионной артиллерии
3	Район дивизионной артиллерии и третью линию .	$x+10$ м.	50	35	85	Дивизионная артиллерия и 18 пехотных орудий
4	Сопровождает волну пехоты	$x+15$ м.	50	15	65	?

Группировка и распределение танков по фронту являются делом командования, которое, повторим еще

раз, должно создать пункты главного удара. Доводы, говорящие в пользу необходимости бросить мощные силы первой волны против определенного участка фронта, остаются в силе и для второй волны. Заставить последующие тыловые волны итти в атаку лишь после того, как передовые волны боем создадут благоприятные условия — это, конечно, очень заманчиво, но невыполнимо, ибо обозревать ход танкового боя очень трудно и, кроме того, обстановка боя меняется слишком быстро. Необходимо заранее определить участок атаки и установить время начала ее, причем танковые волны, начиная со второй, переходят к наступлению с выжидательных позиций, и самая опасная зона около старого фронта будет пересечена очень быстро в сомкнутом строю [25].

Четвертая волна занимает место перед пехотой и двигается впереди нее, заменяя огневой артиллерийский вал, немедленно нейтрализуя огонь, открываемый противником.

Если танковая волна по каким-либо причинам не может выполнить свою задачу или выполняет ее неполностью, то наступление последующей волны будет иметь такое же действие, как новый удар резерва.

Если в исключительных случаях командование по каким-либо причинам найдет необходимым задержать наступающие танковые волны или передать им какое-либо другое приказание, то технически это всегда выполнимо. На небольших расстояниях это может быть сделано по беспроволочному телефону, на больших — с помощью азбуки Морзе.

Танк на поле сражения передвигается от укрытия к укрытию с наибольшей скоростью. Если средней скоростью его движения в бою принять 15 *км* в час, а скорость пехоты, идущей позади танкового вала, равной 3 *км* в час, то можно будет установить, что танковые волны, приближающиеся к полю боя с пятиминутным расстоянием между собой, будут растянуты на расстоянии в 1 250 *м*. Если учесть к тому же время, необходимое для подавления соответствующей части позиций даже при самых благоприятных обстоятельствах, то мы получим следующее соотношение сроков хода боя:

Препятствия преодолеваются в...час.	Позиция противника		Танковый бой		Пехота занимает позицию с...до ...час
	часть	Глубина в метрах от... до...	от.... до...час.	продолжительность перехода	
x	1-я линия .	0—1 800	9.35—9.50	7 м.	9.50—10.30
$x+5$ м.	2-я » . .	3 000—3 300	9.50—10.10	1 м.	10.50—11.00
$x+10$ м.	Артиллерия 3-я линия	3 300—6 000	10—10.30	12 м.	11.00—12.00

Автор, конечно, прекрасно знает, что танковое сражение сопряжено с массой случайностей, которые не могут быть учтены, и поэтому не может быть уложено в расписание наподобие железнодорожного, все же он считает приведенную таблицу полезной. Она дает представление о том, сколько времени продолжается сражение за первую позицию при благоприятных обстоятельствах; она показывает, каким может быть в любой момент взаимное положение танков и пехоты и, следовательно, когда должна начаться атака второй большой ударной группы [96].

Она показывает также, что даже при самых благоприятных предпосылках тыловые волны должны будут вступить в бой, начатый передними волнами. Короче говоря, эта таблица дает представление о взаимодействии всех частей.

Ведение сражения. Опаснейшим врагом танков является пехотная пушка; гнезда ее, расположенные в развалинах и лесах, будут находиться под разрушительным артиллерийским огнем, т. е. могут даже не успеть открыть огонь, что чрезвычайно важно, так как действие танков против орудий, находящихся в укрытии, имеет мало шансов на успех. Будем считать, что во время наступательного движения открывают огонь те пехотные пушки, которые остались необнаруженными. Для их нейтрализации будут вести огонь находящиеся в выжидательном положении батареи и собственные пехотные пушки. Но наиболее действительным средством будут, вероятно, действия отрядов истребителей, которые могут быть введены в дело быстрее всего.

Пехотная пушка будет тем опаснее, чем больше выстрелов она сможет сделать, а это, в свою очередь, зависит от времени, которое будет в распоряжении орудийного расчета. Поэтому танки во время атаки должны использовать укрытия, а на открытой местности они должны передвигаться с наибольшей скоростью. Если эта скорость все еще будет недостаточной, то не остается ничего другого, как ослепить пехотное орудие обстрелом его дымовыми гранатами как раз на то количество времени, какое необходимо танкам для пересечения опасной зоны.

Поэтому при этой атаке танки применяются в основном смешанными единицами, причем наименьшая единица, отделение, состоит из 2 легких и 1 среднего танка. У отдельных танковых волн это соотношение разное, что необходимо для усиления главного направления удара волны; тыловые эшелоны каждой волны состоят только из средних танков.

Задачей танков не является уничтожение пехотных пушек, так как на это ушло бы слишком много времени и огнеприпасов. Они удовлетворяются тем, что использованием укрытий, увеличением скорости или стрельбой дымовыми снарядами, по возможности, сократят время действия пехотных орудий [97]. Таким образом, они приближаются к ним и широким фронтом бросаются вперед, причем танки, находящиеся на флангах, стараются направить свой пулеметный огонь за орудийные щиты и уничтожить орудийный расчет.

Нейтрализация пехотных пушек до такой степени, чтобы образовалась слабо обстреливаемая брешь, является далеко не легкой задачей, и весьма сомнительно, чтобы это удалось уже при первом натиске. Именно поэтому командование дивизии должно тщательно обсудить, в каком месте атака будет иметь наиболее благоприятные предпосылки, и в этом месте наносить самый мощный удар. Если брешь создана, она должна быть в полной мере использована; вначале — для того чтобы проникнуть еще глубже, затем — для расширения успеха атаками во фланги и в тыл.

При начале атаки перед лицом сплошного фронта противника не оставалось ничего другого, как атаковать неприятеля в том месте, где он этого ожидал и был наиболее сильным, т. е. с фронта. Но если во фронте уже

пробита брешь, что всегда дается ценой довольно значительных потерь, то как для малых, так и для крупных танковых частей основным правилом должно служить: никогда не атаковать в том направлении, в каком противник ожидает атаки и где он принял соответственные контрмеры, а всегда там, где атака будет неожиданной и где противник слаб, и при этом одновременно по двум направлениям — во фланг и в тыл.

Наблюдение за танковым боем, положения которого меняются ежеминутно, может быть произведено только с воздуха; только с самолета можно увидеть, как далеко продвинулись собственные танки, в каком месте бой протекает благоприятно и где необходимы резервы, в каком месте и когда будет свободен путь через позиции и пр. Поэтому положение обеих сражающихся сторон может определяться только с воздуха. Но командование остается пока на земле, по крайней мере еще в наше время, так как средства связи даже самого мощного самолета не столь совершенны, чтобы управление могло осуществляться с воздуха.

О потерях мы будем говорить после того, как будут обсуждены все события боя, которые мы намечаем в течение первого дня сражения.

Выводы. План прорыва первой позиции готов. Сопоставив еще раз все события, имеющие особо важное значение для наступления второй группы, мы получаем следующее.

Атака танков на позицию должна начаться в 9 ч. 35 м.; командующий надеется, что через час, в 10 ч. 30 м., первые танки прорвутся через позицию; спустя еще полтора часа, т. е. в 12 часов, позади позиции должна уже находиться пехота сопровождения, т. е. быть уже на глубине 6 *км* и в 10 *км* от второй позиции.

Само собой разумеется, что эти сроки приняты для наиболее благоприятных обстоятельств, которые, естественно, не могут иметь места по всему фронту.

Танковые части, выполнившие свои задания, должны оставлять на достигнутых участках определенное количество машин для наблюдения, с задачей воспрепятствовать противнику вновь пополнить свои противотанковые орудия прислугой; остальные машины собираются вместе, помогают атакам других групп или, если бой уже кончается, идут в восточном направлении.

Поэтому мы будем считать, что после 10 ч. 30 м. — момента, когда первые танки уже пройдут через позицию, — начнут сосредоточиваться постепенно крупные танковые силы, охраняемые с востока.

К 10 ч. 30 м. освободится большая часть артиллерии. Но пехота будет еще вся занята, так как именно в это время она занимает первую линию.

Такова будет картина, если все будет происходить согласно намеченному плану в отношении поддержки боя за вторую позицию силами, взявшими первую.

План прорыва второй позиции

Удавшийся прорыв первой позиции не создает еще бреши, так как в 16 *км* от препятствий первой находится вторая позиция. Наиболее серьезным, критическим моментом наступления будет именно вопрос, удастся ли прорваться через вторую позицию и притом достаточно скоро.

Вопрос о том, должна ли эта задача быть разрешена одними танковыми силами или они не смогут самостоятельно прорваться, решается быстро. Необходимо ввести в дело особые силы, соединенный второй ударный эшелон, так как танковые дивизии могли бы прорвать эту позицию только в уже сильно расстроенном состоянии, что не является благоприятной предпосылкой для танкового боя. Кроме того, брешь могла бы вновь закрыться за прорвавшимися танковыми дивизиями, и оборонительная сила фронта в дальнейшем увеличивалась бы с каждым часом.

Поэтому необходимо вводить в дело особые силы, которые при атаке на вторую позицию должны выполнить две чрезвычайно важные задачи

С началом наступления, в 9 ч. 35 м., противник уже объят тревогой; необходимо помешать ему занять свою подготовленную вторую позицию, по крайней мере занять быстро и в порядке. Так как массовое действие артиллерии не простирается так далеко за линию первоначального фронта, то эта задача целиком ложится на воздушные силы; количество необходимых военно-воздушных сил будет зависеть от промежутка времени, остающегося до момента начала атаки танками второй позиции.

Второй задачей является подготовка танковой атаки, которая должна последовать как можно скорее, т. е. немедленно после того, как это позволят успехи, достигнутые на первой позиции противника. И опять в момент танковой атаки единственной поддержкой могут быть воздушные силы. В конце концов, завоеванную местность должна будет занять пехота.

Прорыв должен быть осуществлен на широком фронте и притом как можно быстрее. Но ни в каком случае нельзя рассчитывать, что он все время будет сопровождаться неизменным успехом; поэтому тем важнее выбрать пункты главного удара, куда и должны быть направлены такие силы, которые наверняка добились бы успеха.

Этот пункт главного удара должен быть выбран в соответствии с требованиями танковых сил. В данном случае позиция может быть атакована танками всюду, поэтому расчет на танковые дивизии возможен.

Относительно задач третьей ударной группы мы пока только установим, что она должна быть составлена в соответствии с силой противника, т. е. должна представлять собой армию с несколькими танковыми соединениями. Задачей этой армии будет быстрое овладевание местностью в возможно более широком и глубоком районе, так как не исключена возможность танкового сражения с группой противника, расположенной у Сен-Кантен.

Судя по характеру местности, кажется маловероятным, чтобы прорыв второй неприятельской позиции мог быть проведен везде одинаково быстро. На фронте между Гам и Перон, примерно, в 12 *км* позади переднего края второй позиции, имеется двойное препятствие в виде Соммы и Канала, которые не могут быть преодолены танками без средств для переправы. Займет ли противник это препятствие с самого начала как составную часть своей позиции и достигнет ли его быстроходная группа из Сен-Кантен рубежа реки раньше, чем наступающие войска, нам пока неизвестно. При таком шатком основании район Руа, Несль, Шон приобретает особо важное значение; если здесь удастся осуществить быстрый прорыв, то Сомма сможет быть обойдена с фланга и, кроме того, вторая позиция окажется прорванной именно в самом ломком месте.

Вторым районом, захват которого мог бы при некоторых обстоятельствах иметь важное значение для атаки танков, является северный берег Соммы, ибо после его занятия был бы открыт путь на Перон, а Сомма могла бы быть обойдена и с севера.

Все это приводит к решению перенести пункт главного удара прорыва на южный фланг, в район южнее железнодорожной линии Амьен — Несль; в центре следует атаковать фронтальной (сковывающей) группой и усилить северный фланг настолько, чтобы он мог прорваться полностью хотя бы до Соммы.

Но это решение должно повести за собой изменение группировки, установленной для атаки первой позиции. Согласно плану сражения распределение атакующих групп корпусов должно было быть таково, чтобы они захватывали также и район второй позиции противника и чтобы на одном участке фронта атака первой и второй позиций направлялась одним и тем же командиром корпуса. Время и место атаки столь тесно связаны между собой, что они смогут быть проведены без особых трений только в том случае, если будут вестись одним и тем же командиром. Если войска, направляемые для атаки второй позиции, должны непременно пройти через зону первой, на которой еще ведется бой, то обстоятельства могут потребовать, чтобы бой второго эшелона был поддержан первым.

На основании этого принимается решение сгруппировать силы, которым поручается прорвать обе позиции, в 3 корпусные группы, каждая из которых занимает участок фронта протяжением около 10 *км*. Это следующие группы:

— южная группа, между линией Морейль—Руа с юга и линией железной дороги — с севера;

— средняя группа, между железной дорогой и Соммой, дорогой Каппи — Перон;

— северная группа, к северу от линии Сомма — дорога в Перон.

Благодаря этому разграничению южный корпус получил еще 1 пехотную дивизию, расположенную севернее Люс, а средний корпус уменьшился на 1 дивизию.

Теперь, поскольку основная группировка определена, необходимо уточнить силы, необходимые для каждой группы. Но так как численность их зависит не только

от их непосредственной задачи, т. е. прорыва, но и боеспособности войск, то сначала надо обсудить именно эти вопросы.

Основным положением всей операции должно остаться то, что преимущества, создаваемые элементом внезапности, могут быть сохранены лишь продолжением атаки на главном участке.

Южный корпус. Когда двойная позиция прорвана, дальнейшее ведение атаки против второй неприятельской линии будет гораздо интенсивнее, чем против первой; в последнем случае достаточно нажимать настолько, чтобы противник никогда не приходил в состояние покоя.

Дивизии, наступающие на первую позицию, имеют достаточную численность для того, чтобы занять местность, расположенную между обеими позициями, и угрожать атаками в тыл участкам, соседним с местом прорыва. Чем больше будет фронт «крошиться», тем больше позиционных дивизий будет освобождаться.

Продолжение атаки против второй позиции разрывает фланг противника и может в дальнейшем, при занятии Нуайон, привести к р. Уаза, в результате чего может создаться угроза выхода в тыл целой армии.

Но независимо от этого и не полагаясь в расчетах на такой успех, должна быть выполнена другая неотложная задача, а именно, должен быть прегражден с севера тыл противника; это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать моторизованным силам противника атаковать собственные танки, наступающие на восток южнее железнодорожной линии Нель — Гам. Подобное заграждение глубоко позади старого фронта может быть создано только с помощью моторизованных отрядов, и чем дальше на юг, тем лучше.

От успеха большого наступления и морального состояния противника будет зависеть, сможет ли быть успешным натиск от Руа на Нуайон или целесообразнее будет развивать танковую атаку дальше на восток.

Все это только предположения, которые заранее не могут быть точно установлены, но все они требуют тщательного обсуждения. Несомненно только одно: южный корпус требует особенно мощных воздушных сил и танковых соединений и, кроме того, моторизованных частей.

Средний корпус. В атаке первой позиции средний корпус участвует только 1 дивизией; если общее наступление удастся согласно заранее намеченному плану, то будут захвачены позиции противника по обе стороны этого дивизионного отрезка. Введенные в дело силы освободятся и будут использованы для подкрепления дальнейших боев корпуса; к наступлению на вторую позицию они могут поспеть лишь в том случае, если бои за эту позицию будут продолжаться дольше, чем это предусмотрено по плану.

Боевой район среднего корпуса сильно расширяется в восточном направлении, он занимает свыше 10 *км* на второй позиции. Поэтому необходимо и среднему корпусу придать достаточное количество самолетов, танков и моторизованных частей. Только в этом случае здесь сможет быть прорвана вторая позиция. Но если прорыв будет осуществлен и рубеж Соммы захвачен, то у среднего корпуса останется только одна задача: обеспечивать этот район от контратак, чтобы на Сомме можно было соорудить небольшие предмостные укрепления.

После этого освободятся все приданные корпусу воздушные силы и танки; они могут быть приданы другим группам, вероятнее всего южному корпусу.

Северный корпус. Атака на фланге, севернее Соммы, встретит серьезные затруднения. Уже во время вторжения на первую позицию наружный фланг должен все время менять направление на север, но при этом не должна прекращаться атака и в восточном направлении. После того как будет взята первая позиция, должен быть занят район, лежащий перед второй позицией, и прикрыт с севера. Атака на вторую позицию будет возможна, по крайней мере вначале, лишь силами внутренней, южной дивизии; эта атака имеет огромное значение, так как приводит к захвату Перон, который является узловым пунктом и переправой.

Северный корпус должен будет ввести в дело мощные ударные силы, но одновременно с этим с самого начала использовать еще 1 пехотную дивизию, для того чтобы образовать отсек фронтом на север.

Если на этом участке двойная позиция будет занята согласно плану, надо будет наступать во фланг и тыл второй позиции и удерживать собственный

фронт на западном фланге корпуса. До второго дня сражения корпус будет вводить новые пехотные дивизии, для того чтобы освободить моторизованные войска; потребуется придача ему полков пехотных пушек. В первый день сражения нельзя будет обойтись без танков и воздушных сил; не исключена возможность того, что эти соединения придется даже усилить. Для быстрого удлинения фронта, а также эластичной связи с востоком, т. е. флангом танковой армии, будут необходимы моторизованные дивизии.

На основании всего вышеизложенного могут быть уточнены необходимые силы.

Военно-воздушные силы. Самолеты могут вести бой только ограниченное время; прежде всего следует установить, какова требуемая от них продолжительность боевых действий, после чего можно установить уже необходимое количество их.

Было уже высчитано, что танки должны прорвать первую позицию не позже 10 ч. 30 м. утра. Если вторая группа танков пойдет в атаку на вторую позицию, то первую она должна будет пройти в 10 ч. 30 м. утра; если считать, что 10 *км* до тыловой позиции будут пройдены за 1 час (учитывая маневрирование), то в лучшем случае прорыв второй позиции сможет произойти в 11 ч. 30 м. утра.

Отсюда следует, что в течение целых 2 часов, с 9 ч. 30 м. до 11 ч. 30 м., самолеты должны будут действовать против одной только второй позиции. Но так как самолеты должны действовать также и во время танковой атаки, то этот срок нужно увеличить еще на 1 час, что всего составит 3 часа.

Само собой разумеется, что и после этого у самолетов будет много дела, но во время последующего боя к ним не будут уже предъявляться такие высокие требования, и тем меньше, чем больше будет открыт фронт.

Учитывая намечаемые действия, мы устанавливаем следующий состав воздушных сил: истребители (желательно двухместные), которые с пулеметами и небольшими бомбами можно было бы назвать «воздушной пехотой», и бомбовозы для воздушной бомбардировки складов, батарей и прочих целей; которые являются «воздушной артиллерией».

Всего должно быть введено в дело следующее количество:

Группы	Воздушные соединения	Истребители	Бомбовозы
Южный корпус .	1 бригада истребителей . . .	260	
	1 » бомбовозов		190
Средний » .	2 эскадрильи истребителей .	130	
	2 » бомбовозов . .		95
Северный » .	2 » истребителей .	130	
	2 » бомбовозов . .		95
Резервы командования	2 » истребителей .	130	
	2 » бомбовозов . .		95
	2½ бригады истребителей .	650	
	2½ » бомбовозов . .		475

Резервы командования предположено ввести в дело против второй позиции, между Руа и Нуайон (если это позволят условия боя), что должно облегчить последующие бои.

Всего для атаки на вторую неприятельскую позицию, таким образом, предположено ввести 2½ дивизии самолетов, имеющих в общей сложности 1 125 машин.

Если учесть большие задачи и решающее значение воздушных сил для течения всего боя, то количество самолетов нельзя считать чрезмерно большим.

При этом нельзя забывать, что в воздухе сможет одновременно находиться не свыше половины всех машин. Правда, в особо важные моменты та часть самолетов, которая должна снизиться после того, как другая часть поднялась на воздух для ее смены, может быть командованием несколько задержана. Первая смена, например, рассчитана таким образом, чтобы часть самолетов вновь сопровождала танковую атаку в 11 ч. 30 м. утра. Но с полной точностью на это рассчитывать нельзя, так как нет никакой уверенности в том, что будут выдержаны все предполагаемые сроки, по крайней мере настолько, чтобы смогла быть передвинута смена эскадрилий.

В связи с этим становится совершенно ясным, насколько выгодно для атакующего, если его аэродромы будут расположены не очень далеко позади фронта, так как от этого зависят продолжительность полета и время вылета машин.

Но так как важнее истребители, то сомнительно, чтобы имелась возможность близко расположить аэродромы и для бомбардировщиков.

До сих пор мы говорили о воздушных силах, предназначающихся для атаки второй позиции.

Но после начала большого наступления через какой-то период времени, продолжительность которого будет зависеть от расположения аэродромов противника и мощности его воздушных сил, противодействие неприятеля в воздухе начнет усиливаться. Для завоевания превосходства в воздухе над полем боя должно иметься наготове достаточное количество собственных сил истребителей.

Само собой разумеется, что воздушные эскадрильи, введенные в дело против второй позиции, должны будут обороняться, если они будут атакованы неприятельскими истребителями. Тогда начнется воздушный бой, самолеты обеих сторон будут заняты друг другом, а в это время дивизии второй позиции смогут спокойно подготовиться к обороне. Дело в том, что самолеты не могут решать одновременно двух задач [98].

Так как мы не даем расположения авиации противника, то будем условно считать, что через 2 часа после начала атаки его воздушные силы увеличиваются на 2 авиадивизии истребителей, спустя еще 4 часа — на 3 авиадивизии, и в таком составе они остаются до конца первого дня сражения.

Танковые силы и быстроходные соединения. Придача отдельным ударным группам танковых бригад и моторизованных дивизий дает следующее сопоставление (табл. на стр. 267).

Каждая атака имеет свою «загадку», так как на войне никогда не может быть полной уверенности в успехе. Это в большей мере относится к атаке второй позиции, чем к атаке первой, ибо успешность операций против второй позиции в значительной степени зависит от успеха атаки первой. Нельзя сказать заранее, будет ли атака протекать согласно плану и каковы будут резуль-

таты повторной воздушной атаки, т. е. в каком состоянии будет находиться вторая оборонительная зона. Ведь мы не знаем даже, какова сама позиция. Все это имеет значение при составлении плана наступления.

Группы	Танковые силы						Моторизованные дивизии
	бригады	количество				Всего	
		батальонов		машин			
		легких	средних	легких	средних		
Южная . .	3	3	9	300	450	750	2
Средняя . .	1 усиленная	2	4	200	200	400	1
Северная .	2	2	6	200	300	500	2
	6	7	19	700	950	1 650	5

Поэтому для атаки танками второй позиции не могут быть даны такие подробные и обстоятельные приказы, как для атаки первой; могут быть даны только руководящие установки. Эшелонированные в глубину танки всех трех групп атакуют в направлении намеченного прорыва, задачи их не расчленяются, все идут вперед, на прорыв.

Во время занятия исходного положения и в период боя за первую позицию должны быть приняты все меры к тому, чтобы быстро получать сведения, касающиеся общей обстановки, и, что особенно важно, относительно положения противника в зоне прорыва. Эта задача ложится на собственные самолеты, которым даются точные задания. На самолетах должны подниматься штабные офицеры, а иногда даже и командир танкового соединения, так как ни одно донесение не может дать такой ясной картины, как личное наблюдение.

Дальнейшей задачей самолетов являются поджог в районе прорыва всего, что еще может гореть (строений и пр.), чтобы лишить противника всех местных предметов, позволяющих задерживаться при отступлении,

а также наблюдение за противником в районе атаки при ее начале [99].

Действия пехотных эшелонов, которые позже вводятся в дело под прикрытием танков для удержания захваченного, представляют собой отдельный вопрос.

Непосредственно вслед за вскрытием второй позиции вперед прорвется большая масса танков. Поэтому дорога для них должна оставаться открытой. Из этих соображений наступать будет только строго ограниченное число моторизованных дивизий. Особенно это относится к южному флангу. Вопрос о том, должна ли та моторизованная дивизия, которая назначена для заграждения неприятельской позиции между Руа и Нуайон, наступать впереди или позади танковых сил, окончательно решен быть не может, так как невозможно заранее определить обстановку. Во всяком случае, свое наступление она подготовляет позади танковых дивизий, но впереди однородных моторизованных дивизий танковой армии. На южном фланге, на котором в скором времени ожидается прохождение мощных быстроходных сил, регулировка движения их должна быть особенно осторожной и осмотрительной. В центре это сделать нетрудно, но на северном крыле, в районе Перон, это может встретить значительные затруднения.

Так как за второй наступательной группой должна следовать третья, т. е. танковая армия, то наметка времени и сроков должна быть сделана для атаки и на тыловую позицию.

Если предположить, что танковый эшелон двинется из той же выжидательной позиции, из какой двинулись танки, проводившие первое наступление, т. е. в 10 *км* позади старого фронта, то голова его должна выступить в 9 ч. 30 м. Тогда спустя час, т. е. через 16 *км*, первая позиция будет находиться уже как раз в его тылу.

На прорыв второй позиции, глубина и состояние которой неизвестны к моменту составления плана, должно уйти около часа, т. е. с 11 ч. 30 м. до 12 ч. 30 м.; в час дня рубеж Соммы может быть уже преодолен.

Пехота. На получасовом интервале за головным танковым эшелоном, т. е. в 12 часов дня, пехотный эшелон должен оказаться перед позицией, в 2 *км* перед препятствиями, выгрузиться из транспортных машин-

и между 12 ч. 30 м. и 14 часами занять позицию. Для захвата переходов через Сомму вперед высылается также пехота, но не входящая в состав эшелона, атакующего вторую позицию.

Указанные сроки, как уже было сказано, являются лишь предположительными, причем в данном случае эта наметка особенно груба; от нее зависит, конечно, не ход самого боя, а только сроки занятия исходного положения: не должна быть потрачена ни одна минута.

Для наступления третьего атакующего эшелона чрезвычайно важно, чтобы прорыв тыловой позиции противника произошел до 12 ч. 30 м.

План наступления третьего ударного эшелона танковой армии

После того как будет прорвана вторая позиция, необходимо использовать успех и превратить его в победу. Танковые дивизии должны прорваться глубоко в тыл противника, принять бой с быстроходными силами и захватить за линией фронта настолько обширный район, чтобы была, наконец, сломлена вся система обороны.

Путь к решению этой задачи и необходимые для этого силы могут быть определены более точно после обсуждения возможного положения обеих сторон в отношении сил, пространства и времени.

Если просмотреть еще раз данное раньше распределение быстроходных дивизий противника и вспомнить, что расстояние от Соммы до канала Ламанш равно 140 *км* и от Соммы до Аргонн — около 100 *км*, то, к удивлению, выясняется, что скорость движения и суточный переход быстроходных дивизий уменьшают значение размера театра военных действий; он превращается в одно единственное поле сражения, к угрожаемым пунктам которого самолеты могут сосредоточиться в течение 2 часов, а все боеспособные моторизованные войска — не позже чем через 2 дня.

Затруднить такое сосредоточение сил может только одновременная атака противника в других местах. Но чтобы подобная атака была опасной для противника, ее надо вести опять через обе позиции, т. е. вести в виде крупного наступления. Но в таком случае не будет ли экономнее или, по крайней мере, так же эффективно и этот прорыв использовать полностью, раз затрачиваются большие силы.

Силы и пространство. Быстроходные дивизии восточной стороны могли быть согласно распределению организованы в 5 эшелонов:

— первый состоит из тех сил, которые находятся вблизи и непосредственно на направлении атаки;

— второй состоит из тех сил, которые могут быть подтянуты на поле сражения в первый день боя;

— третий состоит из сил, которые могут быть сосредоточены на рассвете второго дня сражения;

— четвертый — из тех, которые будут оставлены, по всей вероятности, противником для местного охранения важнейших дорожных и железнодорожных узловых пунктов в своем районе;

— пятый состоит из частей, признанных пока небоеспособными.

Эшелоны	Район	Количество		Расстояние в *км* от Сен-Кантен по воздушной линии
		танковых дивизий	моторизованных дивизий	
1	Сен-Кантен	2	3	0
2	Монкорне	1	1	55
	Марль	—	1	35
	Камбрэ	—	1	35
	Валансьен	2	2	60
3	Ретель	2	1	90
	Оденард	2	2	110
	Брюгге	—	2	160
4	Мезьер	—	1	100
	Гирсон	—	1	60
	Мобеж (Ольнуа) .	—	1	70
5	Намюр	[illegible]	[illegible]	Все готовы к маршу лишь на третий день сражения
	Льеж			
	Брюссель			
		11	20	

Такое довольно сложное распределение на 5 групп несколько произвольно, но, по мнению автора, оно дает ясное представление о том, как могут постепенно наращиваться силы противника.

Отсюда ясно видно, что в первый день сражения противник может ввести в дело 5 танковых и 8 моторизованных дивизий. Это — наименьшее. Но не исключена возможность того, что он использует для первого дня сражения также части третьей группы, особенно той, которая расположена у Ретель. Тогда силы его в первый день сражения будут состоять из 7 танковых и 9 моторизованных дивизий.

Время. Третий из важнейших элементов — время — определяется в данном случае труднее всего. Попытаемся, по крайней мере, определить границы возможной ошибки.

Атакующий согласно плану намеревается прорвать обе позиции в течение 2 часов, от 9 ч. 35 м. до 11 ч. 30 м. Весьма сомнительно, чтобы удалось точно выдержать эти сроки, но сама природа танковой атаки такова, что намного они превзойдены быть не могут. План предусматривает применение мощных танковых сил и следование одной волны за другой. Танки развивают слишком большую скорость, для того чтобы атака их могла долго продолжаться; танки могут итти вперед, могут возвращаться и, подкрепив тыловые волны, вновь итти в атаку, но они не могут стоять на месте и окапываться.

Предположим, что прорыв может занять на час больше времени, чем это предусмотрено планом, не считая более длительного сопротивления отдельных гнезд.

Несомненно, что уже в 10 часов обороняющийся настолько уяснит себе положение, что немедленно поднимет по тревоге свои быстроходные соединения. Время, которое потребуется последним для приведения себя в готовность к выступлению, будет зависеть от того, в каком положении застигнет их приказ о тревоге. Если они были в поле на занятиях, что весьма вероятно в 10 часов утра, то приготовления к выступлению продлятся соответственно дольше, чем если бы они были уже на отдыхе. Предположим, что им потребуется от 1 до 3 часов.

Тогда отклонения в сроках по сравнению с планом не превысят 2 часов, и притом это может явиться задержкой только на стороне обороняющегося.

Такая неясность в сроках касается особенно одного момента, который на первый взгляд может показаться очень важным, а именно занятия рубежа Соммы, являющейся препятствием в районе среднего корпуса.

Если все пойдет по плану, то голова танковых соединений пройдет вторую позицию противника в 12 ч. 30 м. Так как эта позиция находится около 6 *км* западнее от Соммы, то около 13 часов танки могут уже подойти к этой преграде.

Если же у противника в 10 часов будет поднята по тревоге группа в Сен-Кантен и если в течение часа отдельные дивизии будут готовы к выступлению, то 30 *км*, отделяющие их от Соммы, они смогли бы пройти в 2 часа, т. е. пришли бы одновременно с атакующими. Это нельзя понимать, конечно, буквально, ведь это не будет транспортом мирного времени, но это должно дать представление о том, кто и при каких условиях сможет притти раньше.

Возникает вопрос, будет ли вообще входить в намерение противника, обороняющего Сен-Кантен, придвигать свои силы к этой преграде? Для того чтобы ответить на него, нужно подумать, какой приказ могут получить быстроходные дивизии у Сен-Кантен, после того как они будут готовы к выступлению.

В это время, т. е. самое раннее около 11 часов утра, первая позиция уже прорвана; вторая находится под действием воздушных атак, целью которых является подготовка танковой атаки. У обороняющейся стороны не может остаться уже никакого сомнения в том, что дело идет о наступлении большого масштаба с далекими целями.

Определяющим моментом для приказа, который получат быстроходные дивизии обороняющегося, будет общее представление командования об обстановке. Наиболее вероятно, что обороняющийся долго не будет терять надежду на возможность задержки атаки на свою вторую позицию и будет принимать к этому все меры. Для этого в западном направлении будут направлены все быстроходные дивизии, причем мотори-

зованные дивизии будут предназначаться для боя на наиболее угрожаемых участках, а танковые дивизии будут удержаны для контрудара.

Только в том случае, если бы атакующему удалось застать противника совершенно врасплох, если бы первая позиция пала на широком фронте и дивизии второй линии вообще не могли бы под воздействием воздушных атак занять позиции, только тогда командующему восточной группы не оставалось бы ничего другого, как попробовать задержать прорыв до тех пор, пока ни прибыли бы подкрепления.

Это означало бы удержание линии преграды при помощи моторизованных дивизий и использование стоящих позади танковых дивизий в качестве подвижного ударного резерва. В этом случае единственным ближайшим естественным препятствием в этом районе, простирающемся с юга на север, является система канала, идущего от р. Уаза, вблизи Ля-Фер, через Сен-Кантен, Камбрэ и дальше. 60 *км* между Ля-Фер и Камбрэ могли бы быть удержаны 5 моторизованными дивизиями групп Сен-Кантен, Марль и Камбрэ без всяких затруднений; на флангах должны быть заняты участки для связи со старым фронтом.

Итак, главной задачей был бы выигрыш во времени; это заставляет вспомнить затяжную (подвижную) оборону. Но старые понятия больше неприменимы, они могут привести лишь к недоразумениям.

Обороняющийся может принять решение отправить свои моторизованные дивизии на позицию; старый опыт это вполне оправдывает. Но если позиция уже будет занята, то она должна защищаться против танков (понятно, при введении в дело танковых дивизий); в противном случае обороняющийся на этих позициях погибнет. То, что делало затяжную оборону столь ценной для более слабой стороны, а именно занятие позиций, ожидание развертывания противника и затем оттягивание назад, — все это не может иметь места при борьбе с танками.

Если же обороняющийся, желая избежать опасности быть разбитым по частям, оттянет свои быстроходные дивизии дальше на восток, то в этом случае он применит чрезвычайно опасный и весьма ненадежный способ, так как противник может следовать с такой

же быстротой, захватить еще больший район, разорвет еще более глубокие незащищенные фланги прежней линии фронта. В его руки попадут столь ценные пути подвоза снабжения со всеми запасами, а, кроме всего прочего, уже в 60 *км* восточнее Сен-Кантен начинаются Аргонны.

Все изложенное выше относится к противнику.

Попробуем установить теперь силы, необходимые для собственной танковой армии. Они в основном будут зависеть от задач армии, численности и положения быстроходных дивизий противника.

Задачей танковой армии атакующего является, прежде всего, быстро и решительно разбить быстроходные соединения противника; от этого зависит все остальное.

Только выполнив эту задачу, атакующий может подумать о том, чтобы прорваться с танковой армией к Арденнам — в район Гирсон, Мобеж, и, разорвав его фронт на две части, сломить его и полностью расстроить его систему снабжения.

Танковая армия находится в непосредственном подчинении командующего общим наступлением, что не мешает ему согласовать свои действия с подчиненными начальниками, командирами тех сил, которые брошены для прорыва позиций.

Военно-воздушные силы. Ослабление быстроходных дивизий противника, находящихся на отдыхе и на походе, и задержка их наступательных маршей — все это может быть достигнуто лишь с помощью воздушных атак. Достаточно мощное их действие зависит, с одной стороны, от численности воздушных сил, с другой — от повторных, часто следующих друг за другом атак.

Обсуждая действия воздушных сил, необходимых для борьбы только с одной группой быстроходных соединений, например, расположенной у Монкорне (1 танковая дивизия + 1 моторизованная дивизия), и представив себе размер пространства, которое она занимает как на отдыхе, так и на походе, придется признать, что наименьшим соединением будет авиабригада бомбовозов в составе 4 эскадрилий.

Для 5 важнейших групп — первого и второго эшелонов — это составит уже 3 авиационные дивизии; если же атаки должны быть повторены в соответствующих промежутках времени (что может быть выполнено за время с 9 ч. 30 м. до 16 часов), то количество дивизий должно быть, по меньшей мере, удвоено, т. е. доведено до шести.

Воздушные атаки на быстроходные соединения будут неизбежно сопровождаться тяжелыми потерями; они будут происходить глубоко в тылу, и каждая вынужденная посадка будет означать гибель самолета вместе со всем экипажем. Ожидаемый успех этих атак ни в каком случае не соответствует потерям.

Если бы даже все эти воздушные силы имелись в наличии, они должны были бы быть использованы для выполнения более важных заданий или оставлены в резерве, так как сражение находится еще в самом начале. Поэтому командующий в большинстве случаев предпочтет отказаться атаковать с воздуха быстроходные соединения неприятеля в период начала сражения и во время марша.

Тем важнее будет вести непрерывное наблюдение с воздуха за местоположением и направлением марша каждой отдельной быстроходной дивизии. Это является задачей воздушной разведки, необходимые для этого машины предусмотрены организацией воздушных соединений.

Автор, однако, полагает, что командующий танковой армией во время подхода к полю сражения и во время самого сражения должен располагать более крупными и многочисленными воздушными силами как для того, чтобы иметь возможность настолько задержать наступательный марш какой-либо группы, чтобы она не могла принять участия в решительном сражении, так и для того, чтобы быстро подготовить атаку танков против позиции противника и сопровождать ее и, наконец, препятствовать выполнению подобных же задач воздушным силам противника.

Автор прекрасно знает, что подобное мнение является тяжким грехом относительно тезиса единого командования военно-воздушными силами, но ему кажется, что есть определенные принципы, которые требуют нарушения его, когда это необходимо в интересах дела.

Командующий танковой армией получает в свое распоряжение смешанную воздушную дивизию, состоящую из 1 бригады истребителей и 1 бригады дневных бомбардировщиков. Эта дивизия придается на все время, и вечером первого дня боя командование решает, требуется ли еще дополнительная придача авиационных соединений.

Быстроходные дивизии. Когда голова колонны танковой армии в 11 часов пройдет старый фронт в восточном направлении, то на основании изложенных выше соображений мы можем допустить, что в это время поднятые по тревоге быстроходные соединения обороняющегося начнут свой наступательный марш. Если танки и быстроходные соединения будут итти в среднем с одинаковой скоростью, то первые схватки произойдут, вероятно, у Соммы. В район Гам, Перон могут прибыть группы Сен-Кантен, Марль и Камбрэ в составе 2 танковых и 5 моторизованных дивизий; спустя 2 часа можно ожидать прибытия еще 3 танковых и 3 моторизованных дивизий из Монкорне и Валансьен и, наконец, спустя еще 1 час., т. е. через 3 часа после прибытия первых групп, могут быть подтянуты из Ретель 2 танковых и 1 моторизованная дивизии. Это составит всего 7 танковых и 9 моторизованных дивизий.

Столкновение танковых масс могло бы передвинуться дальше на восток до высот Сен-Кантен лишь в том случае, если бы успехи собственных танков при прорыве были особенно удачными или если сильно задержится занятие исходного положения быстроходными соединениями противника.

Итак, первое танковое сражение ожидается уже в первый день. За это говорит все — и распределение сил и задачи обеих сторон.

Атакующий знает, что противник будет стараться применять свои танки для атаки лишь тогда, когда собственные танковые дивизии будут уже ослаблены атаками на позиции.

Отсюда следует, что для обеспечения превосходства на поле сражения должна иметься танковая армия, состоящая из 10 танковых дивизий, сгруппированная в 5 корпусов. Это — наименьший предел, ибо численное превосходство 10 танковых дивизий атакующего

против 7 танковых дивизий обороняющегося не так уж велико!

Для выполнения второстепенных задач, о которых будет говориться дальше, придается пока 10 моторизованных дивизий.

Командующий этой армией будет стремиться к тому, чтобы как можно раньше и быстрее выбраться на свободу со старого поля боя, изрытого воронками от снарядов, на котором сражение еще не совсем затихло. Но подобное продвижение должно происходить в такой группировке, которая допускала бы быстрое развертывание для боя в направлении фронта в сторону или одного или обоих флангов.

Так как нельзя предположить, чтобы собственный южный фланг мог перейти через р. Уаза до окончания сражения, то необходимо захватить нужное пространство расширением в северо-восточном направлении, т. е. в направлении Камбрэ.

Для наступательного марша танковой армии можно предложить следующую группировку:

— южный фланг — 1 корпусная колонна силою в 2 танковые дивизии, следующие одна за другой, — направляется через Нель, Гам в район, расположенный между реками Уазой и Соммой.

— средний корпус 2 своими дивизиями двигается на одной высоте между железнодорожной линией и большой дорогой из Амьен в направлении Сен-Кантен;

— северный фланг — 1 корпус — дивизионными колоннами следует по обе стороны Соммы через Перон в направлении Ле-Кателе и к северу от него;

— вторая линия — 2 корпусных колонны — следует за серединой армии лишь после особого приказа.

Фланги несут наружное охранение. Дорога Ля-Фер—Камбрэ может быть пересечена лишь под надежным прикрытием. Второй эшелон будет подтянут лишь в том случае, если линия Соммы сможет быть преодолена без боя.

Моторизованные дивизии будут подтянуты позже в качестве третьего эшелона; они послужат для образования неподвижного обеспечения на обоих флангах во время наступательного марша и, кроме того, во время перерывов операций они примут на себя охранение также и фронта. Если считать, что танковая армия

сможет уже 8 августа продвинуться вперед на 50 *км* (в действительности будет безусловно меньше), то на обоих флангах будет нужно обеспечение, примерно, на протяжении 100 *км*. Прибавив к этому фронт в 50 *км*, получим всего 150 *км*, для чего необходимо около 10 моторизованных дивизий. Как раз такое количество и было нами предусмотрено. Чтобы не занимать излишнего пространства, они подтягиваются вперед не с самого начала движения армии.

Так как, по всей вероятности, в первую очередь моторизованные дивизии будут нужны на обоих флангах, то они располагаются там в исходном положении по корпусам (2 моторизованных дивизии) таким образом, чтобы при придаче их фланговым танковым корпусам им пришлось совершить сравнительно короткий переход.

Кроме перечисленного, ничто не может быть определено заранее. Когда и в какой группировке совершат фактически танковые соединения свой марш, будет зависеть от успешности прорыва позиции. Согласно плану танкового сражения атакующая сторона должна принять все меры к тому, чтобы с самого начала помешать соединению групп обороняющегося; для этого одна часть должна быть задержана в то время, когда другая атакуется. После того как эта часть будет разбита, должна немедленно последовать новая атака и быть разбита ранее сдерживаемая часть.

Именно теперь атакующий яснее всего чувствует недостатки поздней атаки. Так как сражение началось в 9 ч. 35 м., то теперь уже прошло больше половины дня.

Но иначе нельзя было поступить.

Во всяком случае, бой танковых дивизий в районе Сен-Кантен должен решить, удастся ли полный прорыв или в последний момент, еще 8 августа, он будет задержан.

Положение 8 августа 193... г. около 21 часа в первый день сражения

Прежде чем перейти к подведению итогов 8 августа, необходимо будет решить еще один чрезвычайно важный предварительный вопрос: должны ли операции

быть прекращены с наступлением темноты или они должны продолжаться и ночью?

Для противника 8 августа было несчастливым днем; сначала внезапная атака крупного масштаба, непосредственно за которой следовал удар по тыловой позиции, проведенный с такой же подавляющей силой и натиском, и наконец лавина танковых соединений. Непрерывно меняется положение, прорыв все ширится и углубляется, оборонительная система атакуется все новыми и новыми волнами танков и самолетов. Если прервать атаку после захода солнца, это значит дать противнику то, что ему ценнее всего, т. е. время, — время, столь необходимое ему для уяснения положения, для подтягивания резервов, окаймления прорыва и создания препятствий разрушением всех переходов через реки в районе операций.

Эти соображения говорят о том, что атака должна продолжаться и ночью.

Во время мировой войны происходили ночные бои, но только в условиях позиционной войны; в маневренной войне — никогда. Ночные бои давали во время последней войны такие же скверные результаты, как и во всех предшествующих войнах. Теперь же, когда «носителем» оружия стала машина, ночной бой может быть еще опаснее, чем раньше.

Поэтому командующий наступающей стороны считает, что продолжение наступления танковой армии ночью обещает мало успеха и могут быть тяжелые контрудары. Он принимает решение с наступлением темноты прервать операции своих сухопутных сил.

И все же, сколь заманчиво для атакующего завладеть важными узловыми дорожными пунктами перед фронтом механизированной армии еще в первый день сражения, такими пунктами, как, например, Гиз, Ле-Като и Камбрэ; пусть для этого моторизованным дивизиям пришлось бы вести бои даже пешими! Какие значительные преимущества для свободы движения танковой армии на второй день сражения могли бы быть достигнуты! Командующий армией всегда будет учитывать такие возможности, но выполнение этого будет всецело зависеть от фактического успеха сражения.

Подобная система — днем дорожить каждой минутой, а ночью дать в распоряжение изнуренного противника целые часы — явно противоречит характеру танковых операций. Поэтому не исключена возможность того, что в действительности командующий танковой армией при наличии крупного успеха своих войск и моральной подавленности противника продолжит атаку со всеми своими силами и ночью и добьется этим неслыханных успехов. Действительность обладает именно этим преимуществом — она часто увенчивает успехом предприятия, которые на бумаге кажутся совершенно безуспешными. Но поскольку мы ведем «теоретическое» сражение, мы должны придерживаться вероятного.

Теперь можно перейти к описанию вероятного положения вечером первого дня сражения, 8 августа. Предположим, что, избегая всяких преувеличений, атакующий победил и во время танкового сражения.

Для лучшего уяснения этого положения оно будет дано более подробно, чем это казалось бы нужным.

Танковое сражение продолжалось, вероятно, с 14 часов дня до позднего вечера, но не непрерывно и не с одинаковой силой, а порывами, оживляясь и усиливаясь с каждым прибытием свежих сил. Результат его, как и в каждом сражении, зависел от искусства командующего, морального состояния войск, соотношения сил, материальной части и суммы всех тех не поддающихся учету случайностей, которые человек называет счастьем.

Здесь мы хотим подчеркнуть только вопрос оперативной подвижности, подвижности всего танкового соединения; так как преимущество в этом отношении принадлежит атакующему, то обороняющийся принужден принимать бой там и тогда, когда его к этому принуждает атакующий.

Итак, атакующий победил; танковые дивизии восточной стороны оттянулись назад с максимальным применением заграждения, оставив на поле сражения часть своих егерей и все поврежденные машины.

Танковые дивизии атакующего сгруппированы таким образом, что могут в любое время опять возобновить бой; отдельные дивизии заняты еще преследованием противника, все имеют наружное охранение. На поле

сражения кое-где идет еще бой для захвата удерживаемой местности, кое-где она окружается со всех сторон.

Пехота танковых дивизий готова принять на себя охранение во все стороны до тех пор, пока она не будет сменена моторизованными дивизиями. Возможно, что на фланги уже подтянуты отдельные моторизованные дивизии; приказ об этом получен всеми дивизиями.

Танковые бригады отправляются в свои ночные убежища, так как машины должны быть осмотрены и заправлены; под утро новый состав танкистов сменяет утомленных боем.

Линия обеспечения танковой армии могла бы итти следующим образом: от Виллекье-Омон, Вандей, по р. Уаза почти до дороги на Гиз, Боэн, Ле-Кателе, загибая на запад к Нюрлю на дороге Перон — Камбрэ.

Армия, захватившая обе позиции, продолжает вести отдельные бои до самого вечера; но теперь уже преодолено сопротивление всех гнезд.

На юге стоят моторизованные дивизии в качестве сторожевого охранения до Виллекье-Омон, Гискар; на западе атака не пошла дальше Фретуа, Кандор, Тиллолуа. После полудня противник как будто усиливается вокруг Нуайон с восточного берега р. Уазы; в Нуайон он сооружает как будто предмостное укрепление. Средний корпус при помощи выдвинутой вперед артиллерии занял приданными ему моторизованными дивизиями рубеж Соммы; группа севернее Соммы заняла своим восточным крылом Нюрлю, Комбль и дальше на запад Фрикур, Альбер.

Масса пехоты, атаковавшая первую позицию, расположена и сильно эшелонирована в глубину между первой и бывшей второй позициями.

Потери

Хотя и в этом вопросе нельзя сослаться на боевой опыт, так как описанный способ ведения боя не был еще никогда испытан, все же мы попытаемся составить общее представление о возможных потерях, причем особое внимание будет обращено на потери танков.

Мы предполагаем, что в сражениях 8 августа было потеряно: в пехотных дивизиях — 5%, в воздушных си-

лах — 25%, в войсковых танках — 50%, в армейских танках — 30%.

Само собой разумеется, что эти цифры могут служить лишь отправными данными. Относительно войсковых танков надо сказать, что современные танки несравненно более мощны и надежны, чем танки времен мировой войны, но зато от них больше требуется, и оборона несравненно сильнее, чем раньше.

Если взятая местность остается в руках атакующего, как в данном случае, то потери в 50% уменьшатся наполовину, т. е. на то количество машин, которые вышли из строя вследствие потерь экипажей или незначительных повреждений. Но и тогда процент потерь на каждый день сражения равен 25, что надо считать довольно высоким. Французы в организации своих танковых частей предусматривают около 30% резервных танков, по крайней мере для танков «Рено», что надо считать вполне обоснованным и достойным подражания, так как в этом случае машин вполне хватит на 3 боевых дня.

Потери армейских танков приняты значительно меньше, потому что огневое действие с движущейся машины по движущейся мишени сильно падает, по крайней мере при современном вооружении.

Ниже приводится количество танков, необходимое в первый день сражения.

Группа	Были введены в дело			Всего машин	Общее количество машин
	против позиции	батальонов легких танков	батальонов средних танков		
Южный корпус	Первой . . .	5	9	950	1 700
	Второй	3	9	750	
Средний „	Первой . . .	2	3	350	750
	Второй	2	4	400	
Северный „	Первой . . .	5	9	950	1 450
	Второй	2	6	500	
	Всего . . .	—	—	—	3 900

В танковой армии — 10 танковых дивизий по 500 машин в каждой, всего 5 000 танков.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ДЛЯ СРАЖЕНИЯ

Теперь, поскольку план атаки рассмотрен, остается обсудить, может ли быть осуществлена полная внезапность атаки при условии хорошей работы штабов и войск.

То, что непременным условием для успеха сражения является внезапное проведение атаки, установлено твердо. Если противник заранее узнает о приготовлениях, он сможет привести свои позиции в полную боевую готовность, значительно укрепить их; в готовность будут приведены моторизованные дивизии, которыми он сможет быстро закрывать или ограничивать прорывы фронта, будут сосредоточены танковые дивизии для контрудара и т. д.

Разберем в отдельности все важнейшие роды войск.

Пехота сопровождения. Так как пехотные дивизии начинают сопровождение с того же участка фронта, на котором они расположены, переброс на большие расстояния не потребуется; поэтому противник не сможет ничего узнать заранее, да и собственным войскам нет необходимости сообщать о готовящейся атаке.

Артиллерия усиления. На участок фронта шириной около 50 *км* направляется на позиции около 200 новых батарей; это не развертывание; это усиление, являющееся неотъемлемой частью любой кампании. Кроме того, батареи идут в район расположения артиллерийских позиций. Нет никаких оснований предполагать, что противник заметит это движение; у собственных позиционных войск, если они вообще это заметят, это тоже не вызовет никаких подозрений.

Войсковые танки. Мы предполагаем, что все роды войск приучены к танковой войне и взаимодействию с танками во время учений мирного времени и что поэтому перед атакой не должны быть проведены какие-либо специальные учения и упражнения.

Танковые бригады смогут быть подвезены по железной дороге и при помощи автотранспорта; они сосредоточатся, примерно, в 50 *км* позади фронта в расчле-

ненном порядке. Разведка местности, по которой танки должны пройти с боем, равно как путей подхода к позициям и этих позиций, поручается только командирам.

Только в последнюю ночь перед атакой танковые соединения направляются на свои выжидательные позиции, которые находятся в 10 *км* позади фронта, и оттуда согласно приказу отправляются в бой. Благодаря этому отпадает исходная позиция, отпадает необходимость собирать запасы огнеприпасов и горючего перед носом противника.

Подобная подготовка может пройти совершенно незамеченной как противником, так и собственными войсками.

Воздушные силы. Начиная с апреля, фронт остался в общем неизменным. Благодаря этому в распоряжении разведывательных самолетов оперативных частей фронта будет иметься достаточное количество аэродромов и боевых посадочных площадок; боевые самолеты-истребители и бомбардировщики также будут иметь хорошо оборудованные и защищенные аэродромы, расположенные только несколько глубже в тылу.

Развертывания авиации вообще не будет, так как все отряды вылетают со своих прежних аэродромов для первого воздушного штурма и лишь после этого возвращаются в свои новые «наступательные» аэродромы. И, несмотря на это, именно авиация потребует огромного количества всевозможных подготовительных работ.

Имеющиеся аэродромы для разведывательных и боевых самолетов, расположенные на большом пространстве вокруг будущего района атаки, должны быть приспособлены для приема значительно большего количества машин; но это должно быть сделано без каких-либо построек или других крупных изменений, которые могут быть отмечены аэрофотосъемкой.

Авиационные соединения, предназначенные для боя, должны быть подразделены по аэродромам как количественно, так и по типу машин, причем самые передовые аэродромы предназначаются исключительно для истребителей.

Аэродромы в соответствии с теми машинами, которые они будут принимать, должны быть оборудованы мастерскими, снабжены авиационным имуществом, всевозможными огнеприпасами и, что самое важное, большим

количеством горючего, запас которого должен быть достаточным для 5 летных дней. Так как местность, лежащая за фронтом, не пострадала от боев, то там имеется достаточное количество всевозможных строений, садов и лесов, которые могут быть использованы для складов запасов. Горючие и взрывчатые вещества должны быть расположены на широком пространстве.

Эта тщательная подготовка воздушных боев является самым важным залогом успеха авиации атакующего.

Ведь эскадрильи противника по тревоге также поспешат со своих обычных аэродромов на поле сражения; но так как только незначительная часть их найдет там аэродромы, где они смогут пополнить свои огнеприпасы, и, кроме того, для такого количества там будет слишком мало горючего, то большая часть этих эскадрилий будет принуждена вернуться на свои старые аэродромы. Однако, это займет много времени, сократит срок пребывания самолетов над полем сражения, в результате чего командование будет лишено возможности быстро отвечать на действия противника.

То, что здесь подразумевается под развертыванием авиации, будет происходить на расстоянии от 30 до 100 *км* за фронтом, но не только за атакующим, а на большом пространстве позади соседних фронтов. Трудно предположить, чтобы противник обнаружил это при помощи своей разведки, а для сохранения этого в тайне от своей авиации ей могут быть сообщены какие-нибудь вымышленные причины.

Специальные меры. О них скажем только вкратце.

Для скорейшего налаживания и обеспечения необходимого сообщения в опустошенной между позициями местности (до второй позиции противника) необходимы саперные и железнодорожные части. В первую очередь они должны будут заняться восстановлением мостов и переходов на тех участках, на которых происходило сражение. Трудно ожидать, чтобы там было много воронок от снарядов; вне позиций редко будут попадаться различные разрушения, так как быстрота операций не оставит для этого времени противнику.

Кроме этих частей, потребуется большое количество временных транспортов снабжения, состоящих из вездеходных машин; это необходимо для обеспечения быстрого подвоза по разрушенной местности. Эти транспорты

должны иметь различные машины для работы на тяжелой местности — гусеничные и многоосные и полугусеничные, — таких будет большинство.

Следует всегда помнить, что победа возможна лишь в том случае, если будет обеспечено хорошее снабжение.

Быстроходные дивизии. Быстроходная дивизия может позади собственного фронта во время ночного марша без труда проходить от 100 до 150 *км*. Это значит, что подобные соединения не должны быть заранее «собраны» для сражения. Эти дивизии могут спокойно оставаться там, где они расположены, и своим присутствием охранять соответствующие участки. Подтягивание может быть произведено в последние ночи перед боем. Необходимая разведка производится, независимо от этого, соответствующими командирами.

Мы видим, что машина, применяемая как боевое и транспортное средство, делает излишним не только развертывание артиллерии, необходимое для артиллерийской подготовки, но и массирование назначенных для удара сил перед началом атаки.

Соединения, которые должны принять участие в бою в первый день сражения, расположены друг за другом или рядом в соответствии с последовательностью введения их в дело; силы, предназначенные для более позднего введения в дело, расположены от фронта не ближе половины дневного марша, т. е. в 50 *км*.

Прежнее массирование превращается в рассредоточенное распределение на тысячах квадратных километров; большая часть находится вне досягаемости наземных орудий противника; группировка их такова, что действие воздушной атаки также сильно снижается.

Все это говорит о том, что, несмотря на бурное развитие авиации, предпосылки для внезапной атаки большого масштаба теперь гораздо благоприятнее, чем во время мировой войны.

Вывод таков, что при условии точного выполнения плана атаки последняя может быть проведена с полной неожиданностью для противника.

Итак, план выполним, можно перейти к дальнейшей его разработке.

ПЛАН ДАЛЬНЕЙШИХ ДНЕЙ СРАЖЕНИЯ

Необходимые силы и задачи отдельных групп могут быть лучше всего определены на основании тех главных задач, которые предстоит еще разрешить.

В первый день сражения произошел прорыв фронта и первый удар по быстроходным дивизиям противника.

Центром тяжести дальнейших боевых действий являются операции танковой армии и воздушных сил; пехотная армия должна только удерживать завоеванное.

Раскол глубокого тыла противника должен быть продлен наступлением к Арденнам. Следующей задачей является парализование быстроходных соединений противника. Для этого один фланг будет удержан, а второй атакован таким образом, чтобы быстроходные соединения оттеснялись в такой район, где снабжение их будет максимально затруднено. Самым простым и лучшим средством парализования быстроходных соединений является препятствование снабжению горючим.

Во время этих операций будут неизбежны танковые бои, так как противник понимает грозящую опасность и пойдет на самые рискованные меры со своими быстроходными силами и самолетами.

Одновременно с борьбой против механизированных и моторизованных сил противника будет происходить все больший подрыв его снабжения; для этого быстроходные соединения, наступая широким фронтом, возьмут или уничтожат на участке, расположенном от 30 до 100 *км* позади фронта, все запасы, разрушат железнодорожные линии, запрут все дороги.

Итак, на основании этих задач могут быть определены потребные силы и возможные задачи для второго дня сражения. В действительности определяющими моментами будут события первого дня.

Потребные силы

Самолеты. Операции воздушных сил не могут быть приостановлены и ночью, так как передвижения противника требуют непрестанного наблюдения даже в темноте. Кроме того, если это только позволят силы, желательно произвести воздушную бомбардировку тех-

быстроходных дивизий противника, которые до сих пор меньше всего пострадали.

Для второго и следующих дней сражения необходимо сосредоточить над полем боя все имеющиеся самолеты. При этом смогут быть использованы все собранные запасы эксплоатационных материалов.

Ведь противник будет чувствовать, что петля стягивает ему горло, и будет делать все, чтобы улучшить свое положение. Так как моторизованных дивизий в его распоряжении не так уж много и за короткое время он не может увеличить количество их, ему не остается ничего другого, как ввести в дело против танковой армии все свои военно-воздушные силы.

Быстроходные дивизии. После того как прорыв осуществлен, успех должен быть прежде всего закреплен в победу, которая должна решить судьбу, по крайней мере, данного театра военных действий. Победа над танковыми соединениями противника не обойдется без значительных потерь и для атакующего. Для выполнения новых гигантских задач — перерыва снабжения столь большого фронта — необходимо пополнить свои ряды. Для этого должны быть стянуты все имеющиеся танковые и моторизованные дивизии, и чем больше, тем лучше. «Стягивание» их на поле сражения не должно быть понято дословно; они располагаются в выжидательном положении позади безусловно свободного старого фронта, на расстоянии дневного перехода от места прорыва.

Наименьшее количество сил для танковой армии атакующего, необходимое для второго дня сражения, может быть определено и независимо от того, произошло ли в первый день решительное танковое сражение или нет.

Утром 9 августа в распоряжении противника будет иметься в лучшем случае 9 танковых и 16 моторизованных дивизий, которые до 11 августа смогут быть пополнены еще 2 танковыми и 4 моторизованными дивизиями, взятыми из большого резерва. Но это и все.

Чем более превосходные силы можно будет немедленно ввести в дело, тем меньше времени займет весь процесс подавления противника. На второй день сражения недостаток пространства для применения моторизованных сил уже не будет препятствием.

Поэтому план предусматривает введение в дело на второй день сражения всего 10 танковых и 10, даже лучше 20, моторизованных дивизий, потому что придется завладевать огромными пространствами.

Численный перевес 20 моторизованных дивизий против 9 выглядит еще более внушительным, чем он есть на самом деле, так как противник, который хочет еще держаться, использует для этого свои моторизованные дивизии; танковые соединения предназначаются только для контрудара.

Остается еще коротко обсудить задачи второго дня сражения, 9 августа.

Позиционная армия. Задачей этой армии может быть следующее: дойти на правом фланге до р. Уазы, там принять на себя организацию обороны и удлинить этот фронт в соответствии с продвижением танковой армии все дальше на северо-восток. Середина армии передвигает свой фронт на восток до тех пор, пока не достигает позиций Нуайон, Перон, Аррас.

Северный фланг остается на месте, устраивает свои позиции и также удлиняется на восток. Для выполнения этих задач, что должно занять больше одного дня, армия имеет достаточно наступательных средств; часть военно-воздушных сил и войсковых танков отдается даже механизированной армии, действующей в районе, непосредственно обращенном к противнику. Вопрос о придаче новых полков пехотных пушек решается в зависимости от количества имеющихся в распоряжении, т. е. оставшихся от боя за прежние позиции.

Танковые армии. Группа танковых армий (обе механизированные армии будут представлять собой именно ее) может на второй день сражения выполнить следующее: одна часть ее, меньшая, может блокировать район от р. Уазы на юго-восток; главные силы после достижения района Гирсон, Ольнуа повернутся на север, для того чтобы сначала разбить неприятельский фронт севернее р. Уазы.

Неясен только метод, каким должны быть продолжены операции на утро второго дня сражения. Благодаря тому что ночью действия были прерваны, у противника было время занять фронт против армии атакующего. Но больших сил, по всей вероятности, он

выставить не мог. Все же и эта завеса должна быть прорвана. Это должно быть сделано внезапно для неприятеля или по времени, или по месту, или по тому и другому. Можно предположить, что за 2 часа до того, как полностью рассеется туман, т. е. около 7 ч. 45 м., моторизованные дивизии с танковыми бригадами произведут атаку на двух далеко расположенных друг от друга участках фронта и что прорыв будет использован и расширен там, где будет достигнут наибольший успех.

Вот все, что можно было сказать о современном танковом сражении у Амьен. При дальнейшем обсуждении приходилось бы говорить и за противника.

Но хочется задать еще один вопрос: что может сделать позиционный фронт, если к противнику, угрожающему с фронта, прибавляется противник в тылу, машины которого отрезают армию от родины, от источников питания? Что должны, что могут сделать позиционные армии без быстроходных сил?

КРИТИКА

Во избежание недоразумений установим наперед: ни один план не дает полной гарантии успеха.

Командующий все тщательно обдумал, привел в боевую готовность все необходимые силы и хочет их использовать так, как он считает наиболее целесообразным и выгодным. Если он позаботится еще о том, чтобы провести наступление с полной внезапностью для противника как по времени, так и новыми методами, то он сделал все, что мог.

Но ручаться за победу он никак не может. Каждое сражение является риском, каждый бой представляет собой соревнование на введение в дело более крупных сил; это лежит в природе сражения, являющегося «силомером».

Возражения против организации атаки могут итти по двум линиям:

— они могут касаться количества введенных в дело сил, которые могут быть признаны слишком большими или недостаточными, короче говоря, неправильно выбранными;

— они могут осуждать метод их применения, т. е. считать неправильным командование (в узком смысле этого слова).

Количество. На все возражения, касающиеся количества сил, признанного нами необходимым для разрешения отдельных задач, окончательного, решающего ответа не может быть дано.

Средства и методы, применяемые атакующей и обороняющейся сторонами друг против друга, непрестанно меняются, равно как меняются и взгляды относительно количества сил, необходимых для успешного проведения отдельных боевых действий. Тот, кто принимал участие в мировой войне, навсегда, вероятно, запомнил эти бесконечные перемены.

Планы сражений не могут быть составлены на основании «арифметического» подсчета; они не могут быть разрешены так, как решается задача в классической механике; они могут быть лишь обсуждены и выполнены так же, как какое-нибудь интеллектуальное произведение искусства. К этому надо прибавить, что жесткое «нормирование» безусловно приведет к неудаче, так как противника нужно всегда ошеломлять все новыми и новыми способами.

Именно поэтому автор хотел показать положение обеих сторон на значительном промежутке времени; было бы гораздо проще и легче ограничиться одним днем 8 августа и показать преимущества и полную победу броневых машин над пехотной армией.

Применение. Предложенный метод применения танков, будь то в соединении пехотной дивизии или в быстроходном войсковом соединении, не подтвержден опытом войны; автор это подчеркивал много раз.

Возможен ли такой метод?

В этом вопросе каждому придется остаться при своем мнении до следующей большой войны, так как до тех пор ни одно мнение не может быть опровергнуто.

Но мы еще и еще раз указываем на то, что тот, кто считает, что танк ни при каких условиях не может атаковать без артиллерии, — вернее того оружия, которое мы в настоящее время называем артиллерией,—

тот заранее обрекает атаку на неудачу. До тех пор, пока танк будет зависеть от действия своих батарей, он сможет прорываться в глубину расположения противника лишь на такое расстояние, на которое достигает массовое действие орудий за линию фронта, т. е. около 8 *км*; после этого должно быть произведено новое развертывание артиллерии, новое снабжение огнеприпасами; короче говоря, должен наступить перерыв операций. А во время паузы между боями обороняющийся может сорганизовать новые зоны сопротивления быстрее, чем атакующий возобновить удар.

Автору кажется, что из предложенного плана сражения вытекает много последствий:

— яснее делается круг задач различных дивизий как пехотных, так и моторизованных и танковых;

— подчеркивается еще раз, что без решающего превосходства воздушных сил подобная атака не может быть ни начата, ни продолжена;

— делается очевидной необходимость изменения системы снабжения и охранения тыловых сообщений;

— делается ясным, что танковые операции протекают не только стремительнее, но и приводят к более определенному исходу, вследствие чего превосходство одной из сторон опять-таки является решающим моментом.

ГЛАВА VII

ОБЩИЙ ВЫВОД

ТАНК

Танк мировой войны показал себя не безвредным «пугалом», все значение которого отошло в прошлое, а важнейшим объектом дальнейшего развития техники вооружений, вездеходной бронированной машиной и «носителем» наступательного духа на поле боя.

Во время последней войны танк был единственным боевым средством, которое давало возможность начинать атаку с полной внезапностью для противника, проводить ее со сравнительно небольшими потерями и с успехом заканчивать в кратчайший срок.

Огневая мощь пехотного оружия современных пехотных дивизий превышает таковую конца мировой войны не меньше, чем в 10 раз.

Во время мировой войны наступление могло быть проведено лишь после продолжительной и мощной артиллерийской подготовки, но и в этом случае потери были чрезвычайно велики.

Возможно ли в настоящее время в маневренной войне проводить атаку при помощи одной только пехоты при поддержке артиллерии, но без танков? Это — основной и чрезвычайно важный вопрос, возникающий при каждом сражении, на который все современные уставы отвечают утвердительно. Но необходимо учесть, что ответ этот дается не на основании практического опыта на поле сражения.

Боевые уставы столь точно определяют объем подготовки каждого рода войск, что часто они продолжают существовать дольше, чем следовало бы. Когда дело приходит к войне, то уже первые сражения резко изменяют тактику, за что приходится дорого платить.

Перед мировой войной считали, что в случае необходимости пехота может провести с успехом атаку и самостоятельно; за этот взгляд пришлось осенью 1914 г. поплатиться морем крови; но и после этого от него не отказались.

В будущих войнах танк будет играть все более и более значительную роль в соответствии с развитием добычи нефти.

Он будет с успехом применяться во всех крупных сражениях, при условии правильного тактического использования его технических свойств для боевых целей. Дело будет кончаться поражением всякий раз, как он будет введен в дело неумело, так как и танк не является каким-то «чудесным» средством, как не был им и не будет ни один из других видов оружия.

Совершенно очевидно, что развитие танкового дела идет по тому пути, который типичен для любого нового боевого средства: сначала — применение в небольших количествах, причем элемент внезапности дает несоответственно крупный успех; затем развитие противотанковых орудий, наличие которых у обороняющегося требует введения в дело при атаках уже значительно больших количеств танков; наконец, противотанковые орудия начинают применяться в столь большом количестве, что старый метод танковой атаки приводит к слишком большим потерям и должен быть изменен посредством другого характера наступления и поддержкой других родов войск.

Первую ступень этого развития танк прошел уже во время мировой войны, когда противник не применял еще достаточно действительных противотанковых орудий и атака могла проводиться небольшим количеством танков.

Второй этап — развитие противотанковых орудий и включение их в систему обороны — благоразумнее приурочить к настоящему времени. Естественно, что наилучшим из выбранных решений будет то, при котором поставленная цель может быть достигнута при затрате наименьших средств. Если бы, например, удалось доказать, что для каждого пехотного полка вполне достаточно 1 батареи пехотных орудий, то численность их, требуемая в этой книге, будет абсурдной. Но подобное доказательство должно быть солидно обосновано, в про-

тивном случае оно будет напоминать того гасконца, который рассказывал, что он одолел всех своих многочисленных противников совершенно один, так как он их просто окружил.

Можно считать, что следующая война будет, по меньшей мере, третьим этапом танкового развития, что в будущем успех будет возможен лишь при массовом использовании танков. Но тогда применение танков на одной стороне и противотанковых орудий — на другой достигнет таких размеров, что на какой-либо успех можно будет рассчитывать лишь при совершенно новом методе атаки. Современное танковое сражение при Амьен разыгрывается именно на этой ступени, план атаки пытается обеспечить успех внезапного наступления танков поддержкой мощными воздушными силами.

Итак, во время следующей войны в Европе мы безусловно будем наблюдать применение боевых машин на суше и в воздухе все бо́льшими массами.

Кое-кому может показаться, что эта книга при обсуждении возможностей танка сильно преувеличивает его влияние на ход сражения. Но достаточно вспомнить, какое влияние имел во время последней войны пулемет на формы боя, на тактические принципы и даже на все течение войны!

Разве именно не пулемет сделал атаку во время маневренной войны столь кровопролитной, что привел к позиционной войне, что, в свою очередь, вызвало применение масс артиллерии?

Необходимо еще ответить на голоса, вопиющие о том, что машина убивает истинный дух солдата. Машина всегда была на службе у человека. Если использовать для боя такую машину, свойства которой облегчают выполнение какой-либо боевой задачи, и использовать ее целесообразно, то этим моральное состояние бойцов только повысится. Значительно хуже будет действовать на моральное состояние введение в дело какого-либо рода войск, столь скверно вооруженного, что он просто не сможет выполнить возложенную на него задачу. Самоотвержение до смерти не может сделать чуда, это доказывают колониальные войны.

И в будущем решающим фактором будет не машина, а человек, который ее применяет. Нельзя умолчать также о том, что благодаря наличию машин могут измениться требования, предъявляемые к отдельным бойцам на поле сражения. Если, например, командир боевой машины берет курс (направление) на противника, то с ним должен итти и весь экипаж, так как он не может покинуть машину.

Остается обсудить еще одну сторону вопроса.

В будущем весь массовый транспорт будет все больше и больше переходить на автомашины; промышленность и даже часть сельского хозяйства будет пользоваться исключительно ими. Но в машинах, предназначенных для боя, страна в мирное время не нуждается, поэтому и не производит их. Все бронемашины и машины, обладающие более высокой проходимостью, являются чисто военным имуществом. Кое-где в сельском хозяйстве и в промышленности применяются тягачи, колесные или гусеничные, но в военное время они смогут быть использованы лишь для буксирования артиллерии и не больше.

У постоянных армий в ближайшее время вряд ли может найтись необходимое количество военного имущества, так как они содержат лишь такое количество бронемашин различных типов и вездеходных машин, сколько это необходимо для проведения испытаний и для обучения. Это значит, что во время войны мобилизованная промышленность данной страны должна будет произвести весь комплекс боевых машин, и притом как можно скорее, так как напасть на противника и застать его еще не вполне подготовленным сможет та из воюющих сторон, которая будет готова раньше.

Из этого следует, что каждая армия уже в мирное время должна быть как можно лучше подготовлена к войне; уставы и все проводимые учения должны показывать каждому солдату, как его народ собирается драться во время будущей войны.

— Должна ли и в будущем пехота наступать после предварительной подготовки неприятельских позиций собственной артиллерией?

— Должна ли она следовать за танками, как в 1918 г.?

— Должны ли танки вводиться в дело по-новому, самостоятельно?

— Должны ли военно-воздушные силы разбить врага еще до того момента, как он сможет выступить в бой?

Все эти роковые вопросы должны быть разрешены в мирное время.

В зависимости от решения должна быть составлена рабочая программа промышленности, так как это в значительной степени решает войну.

Невозможно одновременно производить с напряжением всех сил огнеприпасы и танки в неограниченных количествах, точно так же как народы в борьбе за существование не могут преследовать одновременно две цели.

Народ, стремящийся к успеху, должен знать, чего он хочет, и в зависимости от этого итти прямо к намеченной цели.

СТРАТЕГИЯ

Все рассуждения о войне относятся, правда, к Европе, но витают как бы в пустом пространстве, так как не имеют в виду какого-либо определенного положения или случая.

Можно с несомненностью утверждать, что даже при наивысшем экономическом, политическом и социальном напряжении война между двумя сторонами — будь то державы или группы держав — вспыхнет только в том случае, если эти стороны надеются на вероятность достижения этим своих целей. Война между Францией и Монако невозможна; война между Австро-Венгрией и Сербией была возможна лишь тогда, когда вмешались великие державы.

При угрозе войны первой заботой каждого государства будет, несомненно, защита своих границ, по крайней мере сухопутных, от возможного нападения, которое будет грозить разрушением его технических сооружений, делающихся все более уязвимыми. Вследствие высокой скорости танковых соединений единственно действительной защитой может быть непосредственное заграждение всей границы. Наиболее надежной и при этом экономичной защитой является зона окопов, если страна имеет их в готовом виде.

Все это говорит о том, что в начале войны воюющие стороны будут опять разделены линиями стрелковых окопов. Но для сооружения их будут необходимы силы, которые могут быть получены лишь посредством всеобщей воинской повинности.

Будет ли одна из воюющих сторон считать себя достаточно вооруженной для того, чтобы сразу перейти в решительное наступление, будет зависеть от каждого частного случая. Но в действительности это кажется маловероятным, так как в мирное время залогом мира является именно «равновесие» между группами народов. Поэтому в большинстве случаев армии будут принуждены выждать с началом крупных операций до тех пор, пока страна их не даст необходимого вооружения. А на это должно уйти не меньше 6 месяцев. Тем временем народ, призванный под ружье, оторванный от своих привычных занятий, захочет активных действий, событий. Этому не сможет противиться ни один командующий, и постепенно враждующие стороны будут втягиваться во все более крупные боевые действия.

Воздушная война будет вестись до полного истощения. Военно-воздушные силы обеих сторон имеют в основном две цели: борьбу против неприятельских воздушных сил и разрушение промышленности и уничтожение армии противника. Раздроблять силы для одновременного выполнения обеих задач значило бы действовать против всяких правил, а сосредоточить их для выполнения какой-либо другой цели, кроме борьбы с неприятельскими воздушными силами, невозможно из соображений самосохранения. Если бы, например, одно государство использовало свои воздушные силы исключительно для разрушения фабрик и заводов, а другое — для уничтожения аэродромов, то очень скоро военная авиация одной стороны должна была бы оставить промышленность в покое и бросить все свои силы на борьбу с неприятельскими самолетами, т. е. на ту борьбу, от которой зависит ее существование, — мы принимаем, примерно, одинаковыми силы обеих сторон.

Итак, воздушные флоты будут вести борьбу и взаимно связывать друг друга, говоря несколько упрощенно. В течение самое большее двух месяцев с летчиками и машинами мирного времени будет покончено.

Мало вероятно, чтобы после взаимного уничтожения в борьбе остались такие силы, которые могли бы нанести армии или промышленности настолько основательный вред, чтобы принудить к заключению мира. Надо думать, что при мобилизации промышленности заводы станут гораздо менее чувствительны к нападениям, а главные из них будут тщательно охраняться.

Если наряду с воздушными боями будут происходить сражения и на суше, то они должны будут вестись с недостаточным вооружением и при этом самыми молодыми, лучше всего обученными контингентами; одинаковые причины влекут и одинаковые следствия, сражения будут чрезвычайно кровопролитными и не поведут к какому-либо решению. Обе стороны смогут возместить свои потери по численности довольно легко, но «качество» бойцов понизится, вооружение будет делаться все хуже до тех пор, пока не будет изготовлено новое.

Тем временем промышленность воюющих сторон будет производить все больше боевых средств всех видов, причем решающим фактором будет подготовка, проведенная еще в мирное время. Вскоре наступит время, когда командующий решит, что армия его достаточно хорошо вооружена и выучена, для того чтобы попытаться добиться решительного успеха наступлением крупного масштаба.

И тогда начнется ожесточенная борьба и может определиться исход войны. Бой, как мы пытались показать, будет происходить одновременно на суше и в воздухе; иногда нельзя будет обойтись и без морских сражений.

Основным отличием этого сражения от сражений, имевших место во время мировой войны, будет то, что танковая война в огромной степени увеличит разницу в равновесии сил обеих сторон.

Во время мировой войны следствием значительного превосходства мог быть лишь более или менее быстрый выигрыш местности по ширине и в глубину: вспомним Сомму и Фландрию, но вспомним также Шмен-де-Дам и большое сражение во Франции.

Теперь, — так, по крайней мере, кажется автору, — в стратегию вернулся древнейший элемент, а именно

новый род войск с превосходной скоростью. Поэтому в настоящее время перевес в численности быстроходных дивизий, — а основными являются теперь именно они вместе с авиацией, — проявится относительно времени и пространства совершенно иным образом; он может повести к поражению совершенно неслыханных масштабов.

Может, но не должен... Ведь можно предположить, что и атакованная сторона достигла больших успехов в деле вооружения и обучения своей армии, и тогда решающий успех не сможет быть достигнут. И тогда обе стороны, исчерпав свои силы в воздухе, на море и на суше, будут опять стоять друг против друга позади своих заграждений, будут набираться сил и ждать, пока страна не даст им нового вооружения, новых боевых средств, т. е. возможности новой атаки.

Тогда война может превратиться в гигантскую конвульсию, при которой бои исключительного ожесточения перемежаются с периодами истощения. Но сражения будут следовать друг за другом все быстрее и быстрее, все с меньшими передышками, так как промышленность будет все увеличивать свою производительность. В бойцах недостатка не будет, потому что кровавые потери «механизированной войны» будут значительно меньшими, чем они были во время мировой войны.

И все же мало вероятно, чтобы подобная война тянулась опять бесконечно, до полного истощения всех средств и сырья, и чтобы волны пехотинцев отбрасывались назад только фронтально. Свойства наступательных орудий на суше и в воздухе изменились столь значительно, что недостаточное количество их должно будет повести к катастрофе.

При попытке установить вероятную продолжительность современной войны в Европе надо считать, что в решающую фазу она вступит вряд ли раньше 6 месяцев, но после этого будет продолжаться также не свыше 6 месяцев. В течение этого периода времени могут быть возможны три периода боев: через 6, 10 и 12 месяцев, причем эти периоды, которые даются нами не для какого-либо определенного случая, а как бы втемную, могут дать лишь общее представление и должны только пояснить, что в будущем продолжительность боевых кампаний

должна будет иметь тенденции, приближающиеся к старым.

На основании этой оценки возможной стратегии настоящего времени и ближайшего будущего могут быть сделаны еще следующие выводы.

Только государство или группы государств с высоко развитой промышленностью могут вступать в войну с надеждой на успех. Это было совершенно ясно уже во время мировой войны; судьба царской России достаточно явственно это показала.

Войны ведутся государствами, расположенными на одном континенте. Но нет никакого основания предполагать, что при группировке будут соблюдены географические границы!

Река,—нет, широкий поток нефти должен непрерывно притекать к тому, кто ведет войну! В будущем будет все увеличиваться потребность в нефти и уменьшаться потребность в бензине. Возможно, что когда-нибудь и будут применяться жидкие горючие из угля или даже дерева. Но в настоящее время совсем без бензина обойтись нельзя.

Это значит, что в настоящее время в Европе вести войну сможет только тот, кто имеет «свободное судоходство», или «свободу морей», как это называют англичане, или надежную сухопутную связь с дружественной страной, являющейся крупным производителем нефти.

Военный человек должен быть скромным, так как заранее он никогда не может сказать ничего определенного об успешности своих планов; он может только надеяться. Если он будет внимательно изучать мировую войну, то «скромность» его должна еще больше увеличиться. Но трижды скромным должен быть тот, кто пытается обсуждать военное дело ближайшего будущего. И все же это делать необходимо. К этому принуждает бурное развитие техники.

Еще при народных движениях в середине XIX столетия каждый егерь имел в своей двуствольной винтовке оружие, значительно превосходящее пехотное ружье; почти каждый аптекарь мог смешивать черный порох, каждый литейщик колоколов отливать бронзовые пушки.

Сегодня разделение труда и бурное развитие техники все это совершенно изменили. Задолго необходимо подготавливать производство того, что может понадобиться во время войны. А для этого необходимо знать, что именно понадобится.

Недостаточно изучать военную историю, недостаточно оставаться при старом, необходимо попытаться заглянуть в будущее, в неизвестное, не боясь даже риска притти к неправильным выводам.

ПРИМЕЧАНИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

[1] Краткие данные об участии танков в боях вне западноевропейского фронта таковы.

В течение мировой войны танки применялись англичанами и в Палестине, в двух боях при Газе в 1917 г., где участвовало всего 8 танков первых несовершенных конструкций.

Опыт этих двух боев, с одной стороны, доказал возможность применения танков на пустынных театрах, а с другой — подтвердил малую действительность применения танков в столь ничтожных количествах. Были достигнуты лишь местные успехи.

После мировой войны танки применялись в 1918, 1919 и 1920 гг. со стороны интервентов и белогвардейцев против Красной Армии на северном, северо-западном, южном деникинском и южном врангелевском фронтах. Подавляющая часть этих танков чрезвычайно быстро была захвачена Красной Армией (наиболее поучительный бой с танками произошел в 1920 г. на Каховском плацдарме). Часть танков при бегстве белых армий была подорвана, а часть просто брошена в пригодном для боя состоянии.

Кроме того, танки были применены со стороны французов в 1920 г. (июль) в Сирии на дамасском направлении и в 1925 г.— в Марокко; в обоих случаях в условиях малой войны танки были применены в небольших количествах, но достаточно успешно. Попытки применения на танках «Рено» резиновой гусеницы в Марокко успехом не увенчались.

Японцы усиленно применяли танки в течение 1934 г. в Северном Китае и Манчжурии. Несколько танков принимали участие в войне между Боливией и Парагваем; свыше сотни танков применяли итальянцы в 1936 г. в войне с Абиссинией.

[2] Такая постановка вопроса не совсем верна. В ряде сражений танки действительно были применены против измотанных германских соединений, и полностью это может относиться только к периоду общего отступления немцев в 1918 г. Но в целом ряде боев танки вводились против «ударных» германских армий; именно этим частям и были нанесены танками самые чувстви-

тельные поражения (период от сражения за Компьенский лес, Амьен, вторая битва на Марне до начала общего наступления англо-французов включительно).

[3] Наступление Нивелля на р. Эн 16 апреля 1917 г.

[4] Для характеристики упоминаемого Эймансбергером переходного периода от установившихся с 1915 г. форм позиционной войны к зачаткам танковой войны с осени 1917 г. необходимо вкратце привести основные моменты кампании 1916 г. — сражений под Верденом и на Сомме.

Кампания 1916 г. на западном театре являлась, как и последующая кампания 1917 г., наибольшим расцветом позиционных форм войны и, собственно, состояла из двух крупнейших многомесячных операций, стоивших обеим воюющим сторонам огромных жертв живыми силами и материальными средствами.

Первая операция — под Верденом, которая только в одной своей начальной фазе охватывает период свыше 4 месяцев (131 день), была задумана в 1915 г. с целью разгрома французов на верденском плацдарме, который врезался в северо-восточном направлении в расположение германских армий. Ближайшей целью германского командования являлось возможно большее физическое истребление французских сил для последующего открытия ворот на Париж. Подготовка немецкого наступления была известна и предугадывалась французским командованием. Еще за 47 дней до начала атаки немцы развернули против атакующего участка 1 225 орудий, из коих 703 тяжелых (из них в свою очередь 175 калибром от 21 до 42 *см*) и 522 легких; соотношение плотности этих калибров на 1 *км* фронта главной атаки: 22 тяжелых орудия и 8 легких орудий. В дело было введено 12 дивизий со средней плотностью 4 батальона на 1 *км* фронта атаки. Кроме того, в подготовке атаки приняли участие 152 миномета, из коих две трети тяжелых и средних калибров. Французы постепенно накапливали резервы и к началу германской атаки сосредоточили для обороны 8 дивизий и 632 орудия, из коих 244 тяжелых калибров; плотность обороны — 3 тяжелых орудия, 9 легких орудий и 1½ батальона на 1 *км* фронта.

Главный удар 5-й германской армии на Верден наносился мощной ударной группировкой 3 корпусов, с севера на юг, через форт Дуомон. Способ атаки при этой группировке сил и средств считался до начала атаки «ускоренным способом».

Артиллерийская подготовка началась в 7 ч. 15 м. 21 февраля, и через 9 часов — в 16 ч. 15 м. — германская пехота перешла в атаку.

В течение 21, 22, 23 и 24 февраля немцы захватывают обе первые линии обороны французов и 25-го овладевают фортом и селением Дуомон (фактически форт Дуомон был захвачен одной ротой 24-го Бранденбургского полка и тут же закреплен прочими силами полка). Наибольшая глубина проникания «ускоренным способом» оказалась на участке Дуомон равной лишь 6 *км* за 5 суток дневных и ночных атак, а на прочих участках продвижение не превышало 2,5—3,5 *км*.

Подход крупных французских резервов создал в дальнейшем затяжной характер всего сражения. Бои продолжались с переменным успехом, то нарастая, то затухая; форты Дуомон и Во переходят из рук в руки и в конечном счете остаются за германцами, которые с захватом Сувиля приближаются на 2,8 *км* к городу Вердену.

В третьей фазе сражения в наступление переходят французы и к концу декабря оттесняют немцев почти на те же исходные позиции, с которых немцы атаковали 25 февраля.

Эймансбергер прав, когда говорит о физическом взаимоистреблении.

Потери с 21 февраля по 15 июня. Личный состав: истребленных и искалеченных — 357 000 немцев и 362 000 французов (среди последних за 8 дней февраля и март 55 000 убитых и 80 000 раненых); сильно растрепанных дивизий — 50 у немцев (40% сил западного театра), 65 у французов (61% сил западного театра).

Расход снарядов за тот же период — 14 350 117 шт. разных калибров (из них до ⅓ средних и тяжелых). Вот во что вылились только по этим двум показателям издержки 131 дня первой фазы «Верденской мельницы»!

Действительное боевое средство, предназначенное и способное преодолеть страшную силу позиционной обороны, в начале этого года еще только подготовлялось на английских заводах.

Это были танки. К Вердену они не поспели.

Вторая операция в кампании этого года — сражение на Сомме, проведенное с участием танков, — являлась результатом четырехмесячного сосредоточения и развертывания англичанами и французами грандиозных технических средств борьбы.

Эта операция, задуманная Антантой еще в конце 1915 г., вылилась в наступление по обоим берегам Соммы на 70-*км* фронте.

На южном берегу Соммы наступление велось 2 французскими и на северном — 2 английскими армиями. Задачей операции являлся прорыв центра правого крыла немцев на фронте от Фукокур (8 *км* юго-восточнее Брей-на-Сомме) до Марикур (6,5 *км* северо-восточнее Брей-на-Сомме) 6-й французской армией и от

Марикур до Сен-Пьер-Дивион — 4-й и 3-й английскими армиями. Главный удар в направлении Бапом, Камбрэ наносили англичане, а в последующем они должны были развить глубокий удар маневренной группой по сообщениям немцев в районе Валансьен, Мобеж (дальность этого замысла — 40 *км*, считая от Камбрэ).

Позиции немцев, подготовленные в течение 2 лет, представляли собой две укрепленные полосы (готовилась и третья), с сильно развитыми в глубине отдельными укрепленными пунктами.

Грандиозность сосредоточения средств прорыва на 40-*км* фронте атаки выражалась следующими цифрами: орудий тяжелых калибров — 1 160, орудий легких калибров — 1 300, орудий траншейного типа — 1 473, а всего — 3 933 единицы против 1 377, выдвинутых немцами 21 февраля под Верденом, т. е. в 3 раза больше, при колоссальном обеспечении снарядами. При этом сравнительная плотность орудий всех калибров на 1 *км* фронта оказалас следующей: Верден у немцев — 30; Сомма на французском участке атаки — 133, а на всем фронте союзников — 99. Соответственно плотность дивизий на 1 *км* фронта атаки: Верден у немцев — 0,33; Сомма у союзников: французы — 0,5 и англичане — 0,66. В общем на Сомме против 29 союзных дивизий немцы имели 8 и против 3 933 орудий англо-французов немцы имели только 608 (из них 212 тяжелых), т. е. в 6 с лишком раз меньше (в начале сражения плотность — 22 орудия на 1 *км* фронта). По мере затягивания сражения силы обеих сторон увеличивались; союзники подбросили 68 дивизий, а немцы 49, и общая насыщенность фронта к моменту первого ввода танков в линию боя возросла во много раз.

В первой фазе операции атака англо-французов, начатая 1 июля, развивалась в течение 10 дней, и к исходу 10 июля союзники выиграли следующее пространство: французы на правом фланге — 4,5 *км*, в центре 6,2 *км* и на левом фланге — 4,5 *км*; англичане на правом фланге — 2 *км*, в центре — 2,6 *км* и на левом фланге — 0,5 *км*, т. е. остановились почти на переднем крае обороны немцев.

Не чем иным, как провалом наступления, эти результаты назвать нельзя: та же картина, что и под Верденом, но при тройной мощности сил и средств наступления и при меньшем развитии инженерной системы обороны.

Вторая фаза операции обозначилась небольшим захватом французами на своих обоих крайних флангах позиций немцев, а в основном свелась к попыткам англичан продвинуть к северу свой левый фланг, ибо нельзя было ничего предпринять в центре до

тех пор, пока с северного фаса немцы фланговым огнем простреливали английские позиции. К началу сентября продвижение англо-французов нигде не превысило 2 с небольшим километров.

Третья фаза операции явилась новой попыткой развить решительное наступление. Немцы к этому времени довели свои силы на Сомме до 39 дивизий (вместо первоначальных 8 дивизий). 3 сентября английская пехота после артиллерийской подготовки особой мощности в четырехдневном бою продвигается лишь на небольшой площади шириной 2 *км* и глубиной 1,6 *км*. Французы несколько удачнее проводят атаку и захватывают одну деревню; к этому времени тяжелые орудия только у одних французов достигли цифры 1 200.

Англичане 15 сентября из последних сил вновь переходят в решительную атаку и вводят в дело свои первые 32 танка. Имеются сведения лишь о танковой роте, которая вошла в состав 15-го корпуса 4-й армии, атаковавшей фронт Комбль, Мартинпюиш.

В бой вступили в первый раз молодые танкисты на самых несовершенных и неповоротливых машинах (2 человека с огромной затратой мускульной силы могли поворачивать хвостовые железнодорожные колеса, а экипаж угорал в танке как от углекислого газа, так и от порохового дыма, при температуре внутри танка до 70° С) при скорости на местности 2 *км* в час. В результате 9 танков вырываются вперед и смаху захватывают Флёр, врываются в Гвендекур (конечный пункт задачи армии) и передают в руки англичан за 2½—3 часа боя участок в 5 *км* глубиной и столько же шириной, который они бесплодно пытались атаковать с 10 июля по 15 августа. Другие 9 танков давят недобитые огневые очаги, продвигаясь вместе с пехотой. Более глубокой задачи в этом бою танки не имели. Потери пехоты — ничтожны.

Вторичное выступление танков имело место при овладении Тиепваль (5 *км* северо-восточнее Альбер).

Людендорф в своих воспоминаниях писал: «26-го пал Тиепваль, являвшийся углом первоначального фронта». И эта краеугольная твердыня левого фланга операции на Сомме с помощью короткой атаки танков была, наконец, захвачена без содействия артиллерии положительно за десятки минут.

Вся операция на Сомме, длившаяся с июля по ноябрь 1917 г., в которой только в течение 5 дней принимало участие ничтожное число танков, обошлась англо-французам в 739 000 человек убитыми, искалеченными и пропавшими без вести и явилась повторением самоистребления наступающей стороны в позиционных

условиях войны при отсутствии внезапности действий и реальных средств преодоления силы обороны.

Дж. Фуллер отмечает существенный недочет в производстве танков «М-I»: «Не было произведено правильного испытания машины. Она строилась для хорошей дороги и ясной погоды. Ею же пользовались неизменно на размякшем грунте, часто превращавшемся после дождя в сплошную грязь... В общем машина абсолютно пригодна и нуждается только в некоторых усовершенствованиях механизма». Добавим к этому, что лишь 105-сильный двигатель для 28—30-*т* машины никак не соответствовал тем динамическим напряжениям, которые танк испытывает на поле боя (удельная мощность 3,5 HP).

[5] Территория в районе Ипра 100 лет тому назад представляла собой дно моря, а сам Ипр являлся морским портом.

[6] Мы не можем разделить с автором его мнения о том, что танки не имели «особого значения» во всех боях 1916 и 1917 гг., т. е. за период их применения под Камбрэ. Анализ их действий дает несколько иные показатели. О влиянии танков на ход сражения на Сомме мы уже указывали выше; это было в дни их первого боевого крещения в английской армии. При боевом крещении французских танков 16 апреля 1917 г. у Шмен-де-Дам, несмотря на катастрофический провал всей операции в целом, единственно только одни танки без сопровождения пехоты и при слабой поддержке артиллерии прорвали на всю глубину германские позиции к северо-востоку от Жювенши до Дамари. Эти 82 танка «Шнейдера» ушли оттуда вследствие того, что в тот же день сорвалось все грандиозное наступление в целом. На всем прочем фронте, где наступление происходило без танков, оно едва перешло за передний край германской обороны. В последующих двух случаях применения французами своих танков в том же году в бою у мельницы Лаффо (19 «Шнейдеров» и 12 «Сен-Шамон» 5 и 6 мая) и в бою у Мальмезон (27 «Шнейдеров» и 25 «Сен-Шамон») 23 октября 1917 г. они имели совершенно отчетливые местные успехи. Добились ли бы французы этих успехов без танков, неизвестно; судя по опыту 1916 и 1917 гг. — вряд ли! Особенно это касается сражения у Мальмезон, которое, как известно, являлось одной из наиболее удачных операций с ограниченной целью за всю войну.

В 1917 г. на западном театре военных действий намечался фронтальный удар по двум выступам германских позиций. Но во второй половине марта немцы неожиданно для союзников оставили сильно выдающиеся участки фронта от р. Эн (14 *км* севе-

ро-восточнее Суассон) до Аррас и отошли на самую мощно подготовленную оборонительную полосу («Гинденбурга», или «Зигфрида»), которую только знала империалистическая война; они выпрямили фронт, сэкономили в резерве до 15 дивизий и подготовились к встрече любого наступления.

Союзникам пришлось изменить план наступления и почти заново начать всю подготовку. Наиболее интересные бои с точки зрения применения танков разыгрались на английском участке под Аррас и во Фландрии под Ипром (французы атаковали фронт по р. Эн).

Сражение под Аррас началось 7 апреля артиллерийской подготовкой, а 9-го произошла атака; артиллерийская подготовка на р. Эн началась 7 апреля, должна была закончиться 12-го, но была продолжена до 16-го.

Остановимся только на событиях, связанных с участием английских танков под Аррас.

Фронт ударной группировки 3 армий — 44 *км*. Мощность артиллерии наступающего — 4 000 орудий с плотностью 94 орудия на 1 *км* фронта, или 11 *пог. м* фронта на 1 орудие (плотность в прошлом уступала незначительно только Сомме). Средняя плотность танков на 1 *км* всего атакованного фронта — 1,3 танка; средняя плотность на направлениях, атакованных танками, — 6—8 танков на 1 *км*; все танки в одном эшелоне. Инженерная система оборонительной полосы противника — три мощно развитых полосы с двухлетним сроком готовности; на юге частично захватывался правый фланг вновь возведенной позиции (на которую немцы совершили свой отход) с особенно широкой первой траншеей; кроме того, немцы уже в это время начали устраивать противотанковые ловушки. Плотность артиллерии обороны за отсутствием данных точно установить не удается, но следует считать не менее 10—12 орудий на 1 *км* фронта. Условия грунта и погоды: дождь, метель, снег, грязь и оттаявший грунт раннего периода весны.

Артиллерийская подготовка длилась 48 часов, 9 апреля состоялась атака, и «...предшествуемые танками англичане сбили передовые дивизии противника, заняли его артиллерийские позиции и высоты, командовавшие над ближайшим расположением германцев».

Всего было введено в бой 60 танков. Те танки, которым удалось принять реальное участие в атаках, справились со своими задачами. Даже при условии, что танки фактически действовали ничтожными по численности группками (8—2). они все же сумели проявить мощь своего нового рода войск, при-

чем все они принадлежали к той же первой серии машин, которая была выпущена в качестве первого образца боевой машины («М-I»).

Но столь удачно начавшийся прорыв англичане не сумели развить в глубину, несмотря на то, что такая попытка имела место 11 апреля силами 2 кавалерийских дивизий и 18-м армейским корпусом второго эшелона. Эти силы были недостаточны, а поддержка их танками, работавшими на поле боя 9, 10 и 11 апреля, исключалась. Еще несовершенные машины не могли служить средством для непрерывного 4—6-дневного маневра с движением к объектам противника, расположенным в зоне его оперативной глубины. Часть их могла быть использована после 11 апреля для захвата тех тактических объектов в пределах общего прорыва, которые не могли быть взяты даже при столь мощной артиллерии.

Танки в этом бою самостоятельно поодиночке врывались в селения, и лишь через некоторое время подоспевала пехота для закрепления захваченных танками пунктов. Так были захвачены Рё, химические заводы и ряд других пунктов. С особой наглядностью в этом бою сказалась недостаточная мощность брони танков «М-I», не рассчитанная на сопротивление бронебойным пулям, которые немцы начали применять; до 5 танков получили от них серьезные повреждения.

Задачи танков в этом сражении были ограничены дальностью тех целей, которые ставились пехоте, и эти цели б ы л и и м и д о с т и г н у т ы. Главнокомандующий британской армией оценил действия танков следующей специальной телеграммой: «Поздравляю с отличной работой, выполненной тяжелым отрядом пулеметного корпуса (скрытое наименование танкового корпуса. — *Ред.*) в течение вчерашних боев. Прошу передать...» — далее следуют благодарности.

Людендорф в своих воспоминаниях писал: «...Неприятель при поддержке танков нанес нам чувствительный удар по обоим берегам Скарпы. Несколько наших дивизий было смято» (том II, стр. 16). Фуллер констатирует: «Ценность исполненной ими работы была признана всеми войсковыми частями, с которыми они работали. Потери, нанесенные ими неприятелю, были тяжелы; в большинстве случаев, где они наступали, пехотная атака удавалась, и лучшая похвала их действиям исходила от самого противника, который предпринимал все возможные меры, чтобы помешать им действовать».

Так было при Аррас. Операция во Фландрии вылилась в т р е т ь е с р а ж е н и е п р и И п р е с предварительной атакой к во-

стоку от Мессин. В основу операции был заложен совершенно отчетливый стратегический замысел по захвату всей северной части Бельгии и, в частности, всего побережья.

Но события первой половины кампании этого года заставили, во-первых, отнести срок осуществления этой операции на июнь, а во-вторых, свели ее к подготовительному тактическому сражению, которое должно было создать лишь обстановку для последующей, указанной выше операции. Это сводилось, главным образом, к захвату ряда командных высот у Мессин и к западу от равнины Куртре и Рулер (17 *км* северо-западнее Куртре).

Общей связи с другими операциями, проводившимися в тот период на западном театре, это сражение не имело.

Основную роль в этом сражении играла 5-я британская армия, наносившая главный удар к востоку от Ипра: правее ее 2-я британская армия предварительно атаковала у Мессин, а затем содействовала 5-й армии артиллерийским огнем. К северу от 5-й армии действовала 1-я французская армия, и на пассивном участке к северу от последней и до моря располагалась бельгийская армия.

2-я армия силами 3 корпусов атаковала с рассветом 7 июня после 10-дневной артиллерийской подготовки и взрыва на западных склонах Мессинской возвышенности перед самой атакой мин мощностью свыше 1 000 000 фунтов аммонала.

Первоначальный фронт атаки — 12 *км* — постепенно суживался до 8 *км* по мере выпрямления выступа у Мессин. Средняя плотность танков к началу боя на 1 *км* фронта — 6 танков. Фактическая плотность первого эшелона танков на 1 *км* — 3 танка; второго эшелона на 1 *км* — 3,5 танка. Условия — грунт сухой, пыль; погода — жаркая, ясная. Мощность инженерной системы обороны противника: 2—3 линии траншей с общим сроком готовности свыше 2 лет. Плотность артиллерии наступающего: на 16 *км* фронта — 1 600 полевых и 800 тяжелых орудий (всего 2 400); средняя плотность — 150 орудий на 1 *км*, или на 1 орудие 7 *м* фронта. Данных о плотности артиллерии обороняющегося в нашем распоряжении не имеется, но, поскольку немцы были подготовлены к встрече атаки, предельный минимум следует считать не менее 15—20 орудий на 1 *км* фронта. Глубина проникания танков была ограничена точно теми целями, которые были поставлены пехоте, т. е. как максимум 6 *км*.

Эта атака происходила в такой последовательности.

После окончания артиллерийской подготовки и после грандиозного взрыва мины на западном склоне Месоинской возвышенности, в 3 ч. 7 м. утра 36 танков первого эшелона ринулись в ата-

ку; за ними последовала пехота. До западного склона высот включительно сопротивление противника было предварительно уничтожено артиллерийской подготовкой и взрывом мин. Далее началось сопротивление со всей его типичной силой позиционной войны. С помощью только одного танка, ворвавшегося в Витсхаете и уничтожившего кучу пулеметных гнезд, этот важный тактический пункт был захвачен с хода; трофеи — много пленных. В том же порядке захватывается Фанни-Фарм, но с той разницей, что вначале этот пункт был безрезультатно и кровопролитно атакован английской пехотой, и лишь после вызова танков и уничтожения ими пулеметной системы немцев атака тотчас же увенчалась полным успехом. 25 танков из 36 первого эшелона выполнили свои задачи и достигли установленного предельного рубежа атаки для первой фазы прорыва.

С началом второй фазы атаки 22 танка, сопровождаемые пехотой, вновь достигают своей цели действий.

Это уже означало наметку глубокого прорыва.

Как и всегда в период боя за глубину, начались контратаки обороны. И вот здесь танки и спасли фактически положение, отбросив все яростные контратаки у Оосставерн в течение всего времени до подтягивания артиллерии. Далее атака уже не возобновляется; англичане достигли здесь основного.

К этим фактам Эймансбергеру не следовало подходить так пренебрежительно.

Атака к востоку от Ипра стала возможной лишь тогда, когда к 8 июля после артиллерийской подготовки пехота 2-й армии, непрерывно сопутствуемая танками, срезала выступающий клин у Мессин, ибо с северного фаса этого выступа все расположение атакующих войск у Ипра и их тылы простреливались артиллерийским, а южный их фланг и стрелковым огнем немцев, что напоминает положение на северном английском фланге в сражении на Сомме.

Но между атаками 2-й и 5-й армий прошел длительный период почти в 2 месяца, часть которого была истрачена на дополнительные подготовительные работы и сосредоточение войск, а часть — на мощную 16-дневную артиллерийскую подготовку, и лишь через 52 дня по окончании боя у Мессин — 31 июля в 3 ч. 50 м. — еще в темноте, — состоялась первая атака.

Как и все предыдущие сражения периода 1916 и 1917 гг., сражение при Ипре сложилось из последовательной серии отдельных наступлений, чередуемых с мощными контратаками противника, и продолжалось с 31 июля по 6 ноября.

Чего добились союзники во Фландрии? Они достигли своих целей чисто тактического порядка и захватили возвышенность, которая командовала над лежащей к востоку от нее равниной. Но вся глубина их проникания, в конечном счете, к 6 ноября свелась к продвижению от 2,4 до 8,5 *км*. Каковы же были темпы? Если принять, что средняя дальность продвижения оптимально, как принято считать, для этого сражения равнялась 6 *км*, то мы для 69 активных дней сражения и 100 дней общей его длительности получим следующие средние цифры: общее продвижение — 6 *км*, ежесуточное продвижение для каждого активного дня боя — 87 *м*, для всей операции — 60 *м* в сутки и, обращая в метро-часы, 2,5 *м* в час. Но естественно, что в течение этого периода были и бесплодные атаки и отходы под воздействием мощных контратак противника и отдельные дни, когда продвижение достигало 1—3—4 *км*.

Во что обошлось это продвижение? Только одни англичане лишились около 500 000 человек, но севернее 5-й британской армии наступали французы своей 1-й армией, а еще севернее — бельгийцы, которые также несли тяжелые потери. По не вполне точным данным, немцы понесли потери в 200 000 человек и истрепали до 90 своих дивизий, которые в последующем требовали значительного восстановления.

Мощность артиллерии атакующего составляла до 2 500 орудий, плотность — 6,5 *м* фронта на 1 орудие, причем сила артиллерийской подготовки наращивалась ее полумесячной длительностью. Мощность артиллерии обороны была большей, чем в бою у Мессин, поскольку немцы были лучше подготовлены к обороне и непрерывно усиливали плотность и глубину своего расположения, имея за дивизиями первой линии вторую линию дивизий почти той же плотности и, кроме того, еще и третью линию резервов. Поэтому без большой погрешности можно считать, что на 1 *км* фронта они имели как минимум 30—40 орудий.

Общая плотность насыщения танками фронта атаки 5-й армии составляла 15 танков на 1 *км* фронта (исключая 36 резервных танков — 13, а исключая корпусные танковые резервы — 8 танков); плотность была наименьшей на фронте правофлангового 2-го корпуса — около 7 танков на 1 *км* — и наибольшей на фронте 19-го корпуса — около 19 танков. Средняя плотность танкового резерва составляла 2,5 танка на 1 *км* фронта.

В дополнение к приведенному описанию этого сражения надо указать на следующее. Помимо участия в течение первого дня атаки (31 июля) и действий у Лангемарк и Сен-Жюльен, танки были введены в дело в 11 боях, начиная с 20 августа до 9 ок-

тября, преимущественно на фронте левофлангового 18-го корпуса. 22 августа один аварийный танк, действуя в качестве «форта» у ф. Галлиполи, 8 часов вел бой с контратакующим противником; в конце концов, расстреляв свои патроны и не получив пополнения огнеприпасов, экипаж через сутки в невредимом состоянии покинул танк и ночью пробрался к своим войскам. Все атаки антличан на Пелькапелль были отбиты немцами; наконец, были введены танки, и результат этой меры оценен реляцией командира 18-го корпуса следующей фразой: «Танки у Пелькапелль были решающим фактором нашего успеха на правом фланге». Мы особо отмечаем значение захвата Пелькапелль танками, ибо в целом ряде трудов по истории (даже таких танкистов, как Митчель), этот факт рисуется как неудача танков, что опровергается выдержкой из документа, составленного на поле сражения и подписанного лицом, ответственным за исход боя на этом участке.

Что, собственно, представляла собой эта 100-дневная бойня, можно прочувствовать и теперь из нижеследующего описания участника боя:

«Я выехал из Сен-Жюльен после наступления темноты, узнав, что наша артиллерия не будет стрелять. Я пробирался по дороге, утопавшей в грязи глубиной в 2 фута; часто я натыкался на воронки от снарядов, скрытые в грязи. Дорога имела вид бойни, усеянной обломками, сломанными повозками, мертвыми и умиравшими лошадьми и людьми. Я должен был пройти по сотням их, так же как по кускам тел людей и животных, раскиданных повсюду. Когда я подходил к Пелькапелль, наша артиллерия начала стрелять. Германцы тотчас же стали отвечать, усеивая снарядами дорогу и местность вокруг; я был окружен вспышками и блеском разрывавшихся снарядов. Я не нахожу слов для того, чтобы описать все это; самое точное описание этого будет, если я скажу, что я как будто стоял в центре пламени гигантской печи-примуса.

Когда я подошел к покинутым танкам, предо мной предстала воистину ужасающая картина: раненые люди валялись в грязи, другие спотыкались и падали от усталости, еще другие ползли и облокачивались на убитых, чтобы приподняться немного над грязью. Добравшись до танков, я нашел их окруженными убитыми и умиравшими; люди подползли к ним, ища хоть какого-нибудь убежища. Ближайший танк был «женского» типа, дверцы его левого спонсона были широко открыты, из них высовывались четыре пары ног; усталые и раненые люди думали укрыться в этой машине, а убитые и умиравшие лежали смешанной грудой внутри».

[7] Это было вынужденное формирование взводов. Штатный состав взвода был равен 4 танкам, которые состояли из 2 полувзводов, в каждом из коих один танк являлся пушечным, другой пулеметным (в свою очередь и этот принцип являлся вынужденным вследствие разности вооружения танков).

[8] Это неверно. После танка «М-I» на вооружение был принят танк «М-II». Его нельзя унифицировать с танком «М-I», как это часто принято делать и что делает как раз и Эймансбергер. Как танк «М-IV», так и танк «М-II» являются по отношению к танку «М-I» видоизмененными конструкциями, основанными на одной и той же конструктивной базе, с той разницей, что «М-IV» имеет больше изменений, как и всякая более поздняя усовершенствованная машина.

Разница же между «М-I» и «М-II» следующая: во-первых, устранены огромные хвостовые колеса, отчаянно затруднявшие управление на поворотах у танка «М-I». Но одновременно длина танка «М-II» сократилась почти на 2,8 *м*! Это тотчас повлекло за собой и уменьшение преодолеваемого горизонтального пролета на 0,5 *м*. Однако, это уже является важными конструктивным и тактическим факторами. Кроме того, у танка «М-II» установлены спонсоны, скашивающиеся вовнутрь танка, и размер их уменьшен (у танка «М-I» при перевозке на ж.-д. транспорте было необходимо снимать спонсоны); в систему питания горючим введен вакуум; емкость баков увеличена на 31 галлон, что повлекло за собой увеличение дальности действия; бак с горючим отнесен назад и установлен снаружи танка; улучшен металл катков. Как мы видим, это уже не одно и то же с танком «М-I». Танк «М-III» при тех же данных, что и «М-II», получил броню, не пробиваемую бронебойными пулями, замену длинных 57-*мм* пушек короткими и пулеметов Льюиса пулеметами Гочкиса. Тоже существенные изменения. Если все это не учитывать, тогда и танк «М-IV» можно приравнять к танку «М-I». Отличие танка «М-IV» от танка «М-I» следующее: двигатель — 125 HP вместо 105 HP; удельная мощность возросла — 0,4—0,6 HP на 1 *т*; установлен регулятор малых оборотов; радиатор отнесен назад; двойные карбюраторы и алюминиевые поршни; установлены семафоры. Экипаж, вес, скорость, общее устройство и коробка передач остались теми же; броня и вооружение те же, что и у «М-III»; габарит, преодоление препятствий — те же, что и у «М-II»; дальность действия немного меньше, чем у «М-II». Значительные усовершенствования были внесены в танк «М-V», который появился на поле боя лишь в 1918 г. На вооружение же были приняты и «М-II» и «М-III»; по 50

танков каждой из этих марок было построено, и они были введены в дело совместно с танками «М-I» в боях 1917 г. при Аррас (9 апреля), Бюллекур (11 апреля), Монши (11 апреля), Невиль-Витас (11 апреля), при Газ (11 апреля и 1 ноября).

[9] Связка цепями 75 фашин нормального формата, что давало одну танковую фашину диаметром 1,4 *м* и по длине 3 *м*.

[10] Способ демаскирующий; в современных условиях массовой атаки при прорыве вряд ли пригоден. Вряд ли в сумерках утра и с момента начала постановки огневого вала английской артиллерией и ответного вала германской артиллерии танкисты под Камбрэ могли видеть такую трассу.

[11] Таким же способом красная конница и пехота захватывали неоднократно танки белых (Ростов, Каховка и др.).

[12] К этому времени зенитная артиллерия немцев была в своем большинстве моторизована.

[13] Издан в русском переводе — Борхерт, «Применение танков в сражении под Камбрэ», Воениздат, 1931 г.

[14] То исключительное место, которое занимает Камбрэ в развитии новых форм военного искусства в целом и танкового дела в частности, требует краткого дополнения изложения автора как в отношении предпосылок этого сражения, так и в отношении сравнительных данных с предшествующими сражениями.

На фоне общей англо-французской доктрины 1917 г., которая сводилась к изматыванию германской армии последовательной серией боев даже и при отсутствии согласования между собой, сражение под Камбрэ было вызвано экстренной потребностью, где угодно, добиться хотя бы временного успеха с целью отвлечения войск и внимания немцев от итальянского фронта, поскольку положение на этом фронте было почти катастрофическим: не исключалась вероятность выхода Италии из войны.

Но столь быстрое развитие событий вслед за сражением при Ипре, которое в огромной степени измотало силы британцев, было вызвано еще привходящими обстоятельствами. Во-первых, общественное мнение в Англии было потрясено огромными жертвами фландрских боев и ничтожностью достигнутых результатов; поэтому следовало возможно скорее и еще до конца кампании текущего года реабилитировать правительство, армию и ее командование какой-либо эффектной победой.

Во-вторых, немаловажное обстоятельство заключалось в энергии командования танкового корпуса, которое всеми силами добивалось, в конце концов, применить танки так, как их следовало применять и как это было задумано еще почти с момента изо-

бретения самого танка. Иными словами, требовалось соблюсти три основных условия:

1. Применить танки на танкодоступной местности, т. е. на таком грунте и при таком рельефе местности, которые соответствовали бы технической мощности механизмов машин на определенном уровне развития их конструкций.

Ведь если мы вспомним, то до Камбрэ были три основных сражения с участием танков:

Сомма. Первый полуэкспериментальный танк почти в 30 *т* веса с маломощным 105-сильным и ненадежным двигателем (удельная мощность — 3,5 HP на 1 *т*) направляется по сильно пересеченной балками и крупными оврагами местности (а к исходу сражения — под ливнем, по сильнейшей грязи и болотам), причем все это — в условиях изборождения такого рода местности длительной артиллерийской подготовкой, второй по мощности за всю войну.

Арасс. Те же танки и танк «М-II» с ничтожными усовершенствованиями двигаются по обоим берегам Скарпы через грязь оттепели ранней весны, под ливнем, перемежающимся со снежными буранами, и по воронкам от снарядов всех калибров, сплошь рассеянных сильнейшей двухсуточной артиллерийской подготовкой (плотность артиллерии — лишь на 5 орудий на 1 *км* меньше, чем средняя плотность на Сомме).

Ипр. Танк «М-IV», удельная мощность коего выросла лишь на 0,5 HP на 1 *т*, но с меньшей шириной преодолеваемого горизонтального пролета (по сравнению с «М-I»), после полумесячного рытья поля боя 2 500 орудиями двигается по фландрским болотам со скоростью от 0,5 до 1,5 *км* в час.

И без того предельная тихоходность танка как будто бы нарочно еще более снижалась инициаторами сражений; основное активное свойство моторной боевой машины — ее подвижности — насиловалось до предела.

2. Достигнуть внезапности танковой атаки. Не следует понимать внезапность только в смысле неожиданного появления танков в процессе боя. Внезапность в условиях позиционного наступления должна быть заложена в самой природе соединенного боя родов войск, т. е. заключаться в неожиданном начале определенного

общевойскового акта с целью застигнуть противника врасплох или, в крайнем случае, при таких обстоятельствах, когда он не успел собрать потребных сил и средств. Посмотрим, что же было в упомянутых выше трех сражениях.

Сомма. Четырехмесячная подготовка англо-французов к этому сражению была вскрыта немцами своевременно, а 9-дневная артиллерийская подготовка прямо на местности уточнила им положение предстоящей атаки, и первоначальная 20-орудийная плотность артиллерии обороны значительно возросла к моменту атаки первых танков. О внезапности оперативной или тактической здесь не могло быть речи. Но 15 сентября была достигнута ничтожным числом 30 несовершенных танков внезапность техническая с таким же отсутствием оперативного эффекта, с каким и 16½ месяцев тому назад между Витсхаете и Лангемарк была выпущена первая волна хлора.

Эн—Аррас. Немцы в ожидании наступления союзников почти за год начали устраивать новую оборонительную полосу; затем перед самым наступлением отходят на нее, расстраивая все оперативные хитросплетения англо-французов; затем совершенно спокойно подготовляются для отражения любых маневров при наступлениях как на р. Эн, так и у Аррас. После этого 2-суточной артиллерийской подготовкой у Аррас (и 10-суточной у Шмен-де-Дам) англо-французы совершенно точно устанавливают границы предстоящего поля боя, а немцы чуть ли не проигрывают с войсками все варианты предстоящих отражений атак и нацеливают все свои огневые средства.

Ипр. Предварительная атака у Мессин и весь последующий 2-месячный период подготовки атаки у Ипра определили германскому командованию район предстоящего удара противника. Последующая же 16-дневная артиллерийская подготовка, так же как и в предыдущих случаях, очертила поле боя, и немцы оказались готовы к встрече атаки. Поскольку все предшествовавшие крупные наступления союзников проводились с участием танков, постольку здесь опыт прежних боев послужил к заблаговременной расстановке средств противотанковой обороны (главным образом, огневых), и танки почти с исходных позиций въехали в зону организованной противотанковой обороны.

После всего этого можно ли удивляться тому, что все

надежды атакующего на успех с первых же часов боя исчезают, как дым, и, кроме звериного упорства высших командных инстанций, ничто не служит основанием для продолжения дальнейших бесплодных атак.

3. Применить танки в массе. Это — одно из решающих требований всякого успеха крупной операции, необходимое для всех видов вооруженных сил. В отношении танков, естественно, нет никаких оснований для исключения из общего правила. Что же мы видим опять в тех же трех операциях, которые предшествовали Камбрэ?

Поскольку расчет статистической плотности имеет некоторое характеризующее значение, применим ее показатели и в данном случае.

Сомма. 49 танков подводятся к полю боя, и атака 15 сентября проводится на фронте в 28 *км* (только англичане); следовательно, средняя плотность первоначальных возможностей составляла 1,7 танка на 1 *км* фронта. В атаку могут быть брошены только 32 танка, так как 17 танков имеют механические повреждения; и фактическая плотность снижается до 1,1 танка на 1 *км*, что в среднем составляет меньше, чем 0,2 танка на каждый участвовавший в атаке пехотный батальон. Соотношение артиллерии и танков у англичан на 15 сентября установить достаточно затруднительно, но если для сравнения взять численность артиллерии англичан в начале операции, а численность танков на 15 сентября, то число орудий было в 123 раза больше, чем число танков. Что же касается соотношения с артиллерией противника, то, сравнивая данные в изложенном выше порядке, мы получаем 1 танк на 20 орудий противника. Но этот последний расчет пригоден только на тот случай, если бы танки были введены 1 июля; фактически же 15 сентября каждый танк мог иметь против себя не менее 40 орудий противника.

Аррас. 60 танков подводятся к полю боя, и атака проводится на фронте в 44 *км;* следовательно, средняя плотность равнялась 1,3 танка на 1 *км* фронта, что в среднем составляло не свыше 1,5—1,7 танка на каждый введенный в дело батальон пехоты. Соотношение со своей артиллерией — орудий в 40 раз больше, чем танков, и соотношение с артиллерией противника (в лучших предположительных условиях для танков) составляло, как крайний минимум, 10 орудий на 1 танк.

Ипр. 216 танков подводятся к полю боя, и сначала на

фронте 5-й армии атакуется, примерно, 15 *км* первой линии расположения противника, следовательно, общая средняя плотность танков может быть принята 15 танков на 1 *км* фронта, а без резервных корпусных и армейских танков — 8 танков на 1 *км*. По отношению к своей пехоте это составит 2 танка на каждый батальон (из расчета 12 дивизий), или 1,1 танка на батальон, если не принимать в расчет резервных танков. Соотношение со своей артиллерией — 12 орудий на 1 танк при полном расчете танков, а за вычетом резервных — 20 орудий на танк. Соотношение с артиллерией противника как минимум для общей численности танков — 2,5 орудия на 1 танк, а с исключением танкового резерва — 5 орудий на 1 танк. Но, как известно, это сравнительно благоприятное соотношение было вкорне нарушено условиями местности; танки начали застревать уже с началом своего движения и менее чем в половинном числе продвигались за первую линию обороны противника. Поэтому без большой погрешности коэфициент 2 в сторону уменьшения количества действующих танков может быть принят для более реальных расчетов.

Командование танкового корпуса стояло перед альтернативой избегнуть участи прежних недостаточно высоких показателей боевых возможностей танков. И оно нашло правильный путь еще летом 1917 г., определив в своем докладе наиболее выгодный для действий танков район следующими словами: «Если мы посмотрим на разложенную карту Франции, мы тотчас же найдем нужную нам местность. Она лежит между Скарпой и Уазой, болотами Фландрии к северу и Арденнами к юго-востоку. По этому волнистому пространству наступали германцы в 1914 г., и по нему всего вероятнее их погонят обратно, если стратегия считается с местностью, а тактика с оружием». Доклад этот был поставлен известным Фуллером, бывшим в то время начальником штаба танкового корпуса. Чтобы понять и усвоить эту простую истину, подсказываемую здравым смыслом, высшим штабам английской армии потребовалось ровно год, да и то с повторными ошибками в будущем. Но в указанном выше широком районе были, в свою очередь, два одинаково выгодных для действий танков района: Сен-Кантен и Камбрэ. Английские оперативные интересы были на стороне последнего, и выбор остался за Камбрэ.

В первоначальном проекте командование танкового корпуса предложило в достаточной мере несерьезный способ применения танков в виде организации танкового набега в глубь расположения обороны противника с возвращением через 24 часа за свои линии.

На нем стоит остановиться. Удар с целью разгрома по пути движения танковой лавины живых сил противника на оборонительной полосе, разгром его артиллерии в ее позиционных районах, удар по глубоким резервам противника и общее расстройство его расположения представляют собой, по существу, замечательную мысль в приложении к глубокой операции и отчетливо напоминают современные высказывания многих передовых сторонников самостоятельных действий механизированных сил. Но все это пригодно лишь в условиях, если такой броневой маневр связан именно с глубокой операцией, по крайней мере, армейского масштаба. Он обязательно должен быть связан с продвижением вперед общевойсковых соединений, захватом оперативно необходимой территории и общей постановкой своих сухопутных сил в выгодное положение для последующей операции.

В данном случае полностью были забыты уроки военной истории, которая жестоко наказывает тех, кто крупными силами предпринимал кавалерийские набеги и рейды вне оперативной связи с прочими действиями армий. Во-вторых, даже местная польза такого рода набега была бы ничтожна вследствие технических свойств танковой материальной части того времени. В лучшем случае средняя скорость танков «M-IV» не могла бы превысить 2 *км* в час, считая разные непредвиденные задержки и необходимые технические остановки. Если это переложить на километры, то максимальная дальность проникания равнялась бы 15 *км* с учетом необходимых пространственных маневров, связанных с борьбой против объектов действий и с дополнительными передвижениями, вызываемыми условиями местности. Действуя в пределах такого радиуса под Камбрэ, танки могли бы показаться в течение 2—3 часов на тылах 2-й германской армии или, действуя под Сен-Кантен, на тылах 7-й германской армии и разгромить в лучшем случае полк — дивизию. А что такое одна дивизия на весах стратегии в размахе мировой войны, когда одно сражение выматывало от 40 до 90 дивизий? Не вина, конечно, танков, что волей германского командования все сражение под Камбрэ обратилось к своему концу в подобный «набег», даже при содействии танкам 2 пехотных и 1 кавалерийского корпусов.

Но как бы ни были печальны для наступающей стороны последствия сражения под Камбрэ, самый факт возможности прорыва танками позиционной полосы обороны такой мощности, как позиция Гинденбурга (причем моментальный и повсеместный прорыв, где бы только ни двигались танки на назначенном 12-*км* фронте первоначального прорыва и 20-*км* конечном фронте), является первым краеугольным камнем новой

тактики, новых форм оперативного искусства, новых элементов стратегии. Свойство танков прорывать сильнейшие укрепленные полосы и районы тянуло за собой новый темп боя, новую глубину проникания и огромное сохранение живых сил атакующего. В период 10 часов танки прорвались и смяли силы противника на территории местами до 12 *км* глубиной, т. е. на протяжении полусуточного пехотного марша вне поля боя, что дало средний темп продвижения за 1 час атаки 1 *км* 200 *м*, или 20 *м* в 1 минуту. Потери атакующего оказались равными даже за весь период сражения с 20 ноября по 31 декабря 71 385 человекам, а в течение генеральной атаки 20 ноября англичане потеряли только около 4 000 человек. Какая разница с Верденом, Соммой, Аррасом, Эном, Ипром!

Выше мы приводили характеристику трех основных сражений в отношении танкодоступности местности, принципа внезапности и массовости применения танков. Какой же вид получило в этом отношении сражение под Камбрэ?

1. **Танкодоступность** местности. Несмотря на выпавшие перед сражением дожди, выбор будущего поля боя как в отношении грунта, так и рельефа местности оказался правильным. Препятствия выявились: искусственное — в виде передней уширенной траншеи, причем способ ее преодоления был предусмотрен заранее; естественное — на правом фланге и в центре атаки (направление на Камбрэ) — в виде канала Шельды.

2. **Внезапность.** Наступление было подготовлено в смысле скрытности и маскировки вполне удачно. Поскольку немцы все же за 48 часов узнали о подготовлявшемся наступлении, англичане достигли внезапности за счет предупреждения противника во времени сосредоточения сил и средств для солидной обороны. При обычно принятом способе атаки немцы ожидали длительной артиллерийской подготовки. Но этого не случилось; предстоящий район атаки на этот раз англичане на местности не отметили снарядами своей артиллерии и многосуточной стрельбой не предоставили времени немцам на своевременный маневр резервами. Наконец, бросок 378 танков без единого предварительного выстрела артиллерии явился совершенно потрясающей неожиданностью, породившей панику и беспомощность на всей передовой позиции и частично в глубине обороны.

3. **Массовость.** 378 танков подводятся к полю боя, не считая 98 танков вспомогательного назначения. Общая плотность атаки на 12-*км* фронте составляет 31 танк на 1 *км*

фронта, а по отношению к последующей ширине 20-*км* фронта—19 танков. Отбрасывая 39 резервных танков, выделенных в технический резерв (из расчета 1 резервный танк на каждые 6 действующих танков), мы соответственно получим следующие нормы плотности танковой атаки: для атаки первой линии — 28,3 танка и последующей — 17 танков на 1 *км* фронта. Соотношение со своей артиллерией (1 000 орудий) без вычета резервных танков — 2,5 орудия на 1 танк и с вычетом резервных танков — 2,7 орудия на 1 танк. Соотношение танков со своей пехотой равнялось 7 танкам на 1 батальон пехоты. Наконец, соотношение с артиллерией противника в атаке 20-го числа было достигнуто исключительно благоприятное для танков: считая, что 54-я дивизия имела своих 50 орудий да орудий усиления не свыше 25, а кроме того, не менее как по 12 орудий могли направить свой огонь на атакованный участок с фронта соседних дивизий, и, прикидывая артиллерию 107-й дивизии, мы получим среднюю плотность артиллерии обороны 13 орудий на 1 *км* фронта; соотношение с атакующими танками равнялось 2,5 танка на 1 орудие; соотношение с атакуемой пехотой — 25 танков на 1 батальон пехоты противника.

Итак, как мы видим, общая организация в отношении соблюдения всех трех основных требований правильного применения танков была в основном выдержана и привела к тому, что за один бой была выиграна территория целого сражения в рамках позиционного периода мировой войны.

Общая концепция задуманной операции носила все зачатки современной формы глубокой операции: удар двух корпусов с танками между каналом Шельды и Северным каналом в общем северо-восточном направлении; захват на правом фланге правого берега канала Шельды и позиции, находившейся на этом берегу; захват Камбрэ; выдвижение в центр через район Бурлона к р. Сансе; выход в тыл и фланг группировки немцев юго-восточнее Аррас и глубокий удар главными силами кавалерийского корпуса в направлении Валансьен, а одной дивизией — в район р. Сансе. Не останавливаясь на критике этого решения, упомянем лишь о том, что для развития прорыва, кроме конницы, англичане ничего не имели, и лишь французы за правый фланг атаки выдвинули 2 кавалерийские и 2 пехотные дивизии. Но предполагаемое направление действия этих дивизий никак не соответствовало направлению главного удара англичан и, видимо, имело скорее целью маневр как раз в противоположном направлении, а именно к Сен-Кантен, т. е. на юго-восток.

[15] Как в этом, так и в целом ряде последующих мест своей книги Эймансбергер неоднократно высказывает суждения о коннице как о роде войск, принадлежащем только истории. Подобное мнение является не единичным, дебатов по этому вопросу велось бесчисленное множество, и в основном все свелось к тому, что... ни одно государство не уничтожило в своей армии этого рода войск, но модернизировало его как в отношении организационном и техническом, так и в отношении методов ведения боя и оперативного использования. Некоторое отступление от этого установившегося правила отмечается лишь у французов. Но как раз в данный момент в Германии, в связи с ее довооружением, обращено огромное внимание на развертывание стратегической конницы, и в этом направлении ведется усиленная пропаганда (Позек и др.).

Полемизировать по этому вопросу здесь нет нужды. Опыт военной истории не дает положительных примеров применения конницы против долговременных полевых укреплений и крепостных поясов. Поэтому, поскольку позиционный период мировой войны представляет собой борьбу за полевые укрепленные полосы с колоссальным огневым насыщением, применение конницы было резко ограничено. Вывести же ее на простор глубокого оперативного маневра с конца 1914 г. не удалось никому из воюющих, но вместе с тем не было, пожалуй, ни одного командующего, который не представлял бы себе весь ужас своего положения, если бы такой прорыв конных масс произошел в действительности. Не вина конницы, что ее ни разу не сумели провести через лабиринт огневой системы позиционной обороны. Через него фактически ни разу не прошла и пехота, если не считать наступления немцев в 1918 г. как в сторону Амьена, так и в сторону Компьенского леса. Фактически ни сама по себе пехота, ни пехота при помощи невиданных ранее масс артиллерии не смогли проникнуть в систему обороны глубже нескольких километров. Совершенно ясно, что при таких условиях оба эти рода войск, взятые вместе, были так же бессильны создать необходимый прорыв и для конницы. В конце 1917 г. и со второй половины кампании 1918 г. только танки практически вырывались за пределы организованной обороны, да и то в 8—9 случаях. Но при том количестве машин и при той материальной части, которая состояла на вооружении в период мировой войны, танки были бессильны произвести достаточную расчистку пространства и обеспечить эту расчистку на достаточную глубину, чтобы протянуть за собой на маневренный простор конные массы, не говоря уже о полной невозможности сопровождать конницу в оперативной глубине противника (вся дальность дей-

ствия танка того времени — 20—30 *км* и практическая скорость 2—3 *км* в час).

[16] Необходимо иметь в виду, что в период отхода английской армии под ударами германцев в 1918 г. почти весь танковый парк был потерян вследствие отсутствия горючего, скверно налаженного питания им и вследствие механических повреждений машин, которые общевойсковое командование больше перебрасывало с места на место, чем вводило в бой. (Это были все танки «М-IV», немного «М-I», «М-II» и «М-III», т. е. наиболее технически примитивные системы.) Освобождающиеся танковые экипажи в потрясенной английской армии применялись как стрелково-пулеметные части для усиления пехоты или для замены ее в местах катастроф. По мере созидания нового танкового парка (танк «М-V») танкисты были вновь собраны.

[17] Всего ударных дивизий было сформировано 56. Остальная масса — 186 дивизий — разделялась на способные к ограниченным активным действиям и на способные исключительно к позиционной обороне. Такое деление было вызвано отсутствием полноценных людских контингентов и конского состава для однотипного укомплектования всех пехотных дивизий. В «ударных дивизиях» были собраны наиболее боеспособные контингенты, и вся их организация и вооружение были рассчитаны для выполнения глубоких атак. Обучение и сколачивание производились в тылу, начиная с зимы 1917 г.

[18] Всего к этому времени в 5 бригадах состояло 320 танков «М-IV» и 50 быстроходных танков «М-А», итого — 370 единиц, вполне способных к действиям, и около 200 танков в процессе восстановления, часть которых впоследствии и была брошена на фронт. Оперативное развертывание танков было произведено побатальонно, причем танковые бригады входили в состав армий всеми своими батальонами; имелся и резерв главного командования в составе 2 батальонов (третий не имел материальной части). Батальоны были приданы корпусам.

Танки приняли участие в боях с 21 по 30 марта, и за эти 9 боевых дней растаял почти весь танковый корпус. В чем же дело? Причин основных четыре. Первая: английское командование не сумело сразу организовать мощный контрудар, растерялось и до остановки фронта перед Клермон, Амьен, Аррас оставалось лишь зрителем отхода своих армий. Отсюда и танки не могли быть массированно включены в общую контрударную группу, так как именно ее-то и не существовало. Они по-батальонно использовались там, где их заставали ударные дивизии германцев. Вторая: общевойсковое командование (преимущественно корпусное и диви-

зионное) не сумело использовать с полной эффективностью свои танковые батальоны, и из всех 370 танков фактически было введено в бой только 180, т. е. менее 50%. Остальные больше передвигались с места на место, бесцельно маневрируя. Третья: материальная часть была еще настолько несовершенна (преимущественно танк «M-IV»), что оказалась способной лишь к мощным коротким броскам, но никак не для длительного маневрирования своим ходом. В условиях же этого периода от танков требовалось все, что связано с отходом: повторные контратаки, оттягивание в тыл, переброски на соседние угрожаемые участки, новые атаки и вновь повторение всего предыдущего. Машины выбывали вследствие механических поломок, фронт продолжал откатываться на запад, и танки большей частью оставались на территории, захваченной противником. Наконец, четвертая причина заключалась в том, что система питания горюче-смазочными материалами в этих новых для танков условиях быстро меняющейся обстановки вообще не была разработана, да и практики не было; поэтому питание протекало случайно. Многие танки, израсходовав свой запас, тщетно ожидали пополнения и, не дождавшись его, подрывались саперами, чтобы не достаться противнику в боеспособном состоянии.

Но там, где танки могли быть введены в бой, они неизменно доказывали всю свою мощь, и в основном все успешные контратаки, произведенные англичанами в течение всего отхода, были связаны именно с участием танков. Противник не только физически, но и морально их не выносил. 21 марта 3 взвода танков — всего 9 машин — со второй половины дня до позднего вечера удерживают наступление ударных немецких сил, возвращают свои захваченные батареи и отбивают потерянную местность (районы Сент-Эмили, лес Эклервиллер, Дуаньи, в последнем пункте — рота). 22 марта происходит известная атака 2 ротами танков, обративших в бегство немцев к востоку от Во, Врокур и Марши; с тем же успехом танки контратакуют у Эпен, Руазель и Эрвильи. 23 марта часть танков 1-го батальона захватывает германскую позицию со всеми пулеметами у Муален; другая группа танков, медленно отступая, прикрывает отход англичан у р. Колонь. 24 марта 8-й танковый батальон спасает целую дивизию и задерживает немцев у Бората и Бюса. 25 марта 2 роты длительно сдерживают прорыв немцев в районе Бапом, а 26-го происходит блестящий разведывательный поиск 12 быстроходными танками с набегом в тыл наступающего противника, разгоном его обозов и со срывом маневра немцев у Гебютерна; эти танки имели уже иные ходовые свойства и все вернулись к своим войскам. До 30 марта — малые бои мелкими партиями немногочисленных танков. До 23 апреля — перерыв

всех действий танков. 24 апреля — взвод английских танков контратакует впервые введенные в дело германские танки у Виллер-Бретонне, частично их уничтожает и частично обращает в бегство, а к юго-западу от того же пункта 7 быстроходных танков разгоняют, истребляют (около половины) и обращают в паническое бегство остатки почти целого полка немцев, находившегося на исходной для атаки позиции.

Далее начинается уже преддверие амьенского сражения.

При изучении применения танков в условиях обороны и отхода часто пренебрегают подлинным изучением английского опыта в период с 21 марта по 25 апреля 1918 г. Мы хотим предостеречь от этой ошибки. Англичане в оборонительных сражениях не сумели применить так удачно танки, как это сделали французы в боях у леса Рец, на Мац, у Мари-Белуа и т. д., но для тактики боя мелких танковых частей имеется целая серия прекрасных примеров, не менее показательных, чем подобные бои французских танков. Следует иметь в виду, что у леса Рец танки действовали со сравнительно устойчивой линии фронта; английские же танки при отходе действовали, наоборот, в наиболее неустойчивой обстановке, когда англичане откатывались на запад часто совершенно неорганизованно.

[19] Он же лес Рец.

[20] Это не совсем верно, так как командир танка, находясь в башне, может свободно, не вылезая из танка, заменить водителя, заняв место у механизмов управления; в этом случае раненый водитель оттягивается в боевое отделение, танк может двигаться безостановочно (если газ не сброшен и двигатель не заглох), но отпадает возможность ведения огня (для двухместного танка, каким и был «Рено»).

[21] 2 июня в 4 часа утра произошла атака 2-го отделения 308-й роты 3-го батальона танков «Рено» в направлении на ф. Сен-Поль; атака оказалась весьма удачной, и танки провели пехоту к атакуемому объекту и затем еще на 200 *м* вперед. Вероятно, об этих танках и говорит Эймансбергер; к вечеру они действительно были оттянуты на восточную опушку леса Рец.

[22] Всего здесь действовало 1 отделение 307-й танковой роты.

[23] Во французских источниках нет указаний о каком-либо вооружении танков винтовками и ружейными гранатами. Вероятно, немцы здесь путают, и ружейными гранатами в этот момент стреляла сопровождающая танки французская пехота. В таком танке, как «Рено М-17», и места для их укладки нет.

[24] Во время сражения за лес Виллер-Котре хронологически произошли следующие действия танков. Для обороны всего района

леса были сосредоточены 1-й, 2-й и 3-й танковые батальоны «Рено». 31 мая легкие танки впервые получают боевое крещение: в 11 ч. 45 м. 6 взводов (по 5 танков в каждом), за которыми едва успевала следовать пехота, самостоятельно врываются в расположение изготовившихся к атаке немцев на глубину до 2 *км*, обращают в бегство противника, вновь возвращаются к своей пехоте, вновь самостоятельно атакуют, и то же самое повторно происходит еще несколько раз. Все это произошло в направлении на Плуази (почти на левом фланге обороны леса, севернее Лонгпон); таким образом срывается германское наступление между лесом Рец и р. Эн в первых числах июня. 1 июня танки в бой не вводились. Действия 2 и 3 июня описаны Эймансбергером. Но 3 июня несколько севернее Лонгпон противник захватывает ф. Верт-Фейль; 2 отделения 301-й танковой роты впереди пехоты врываются в ряды атакующего противника, обращают его в паническое бегство и маневром в тыл ф. Верт-Фейль заставляют противника поспешно оставить захваченный район. 4 июня происходит неудачная попытка применить танки против германской пехоты в густых зарослях кустарника в лесу западнее Лонгпон. Следует помнить, что танкисты батальонов «Рено» были едва обучены вождению и стрельбе из танков и никакого предварительного тактического сколачивания не проходили, а материальная часть прямо с заводов поступала в эшелоны отправляемых на фронт только что организованных рот. 5 июня всего лишь 1 отделение 302-й танковой роты по лесным просекам поддерживает контратаку пехоты у ф. Шовиньон (северо-западнее Лонгпон) и с огромным уроном отбрасывает противника, захватившего опушку леса. Непосредственно перед этой атакой та же французская пехота безуспешно пыталась контратаковать без танков. 6 июня 5 танков повторно врываются в ф. Ля-Грий, но пехота за ними так и не последовала. До 11 июня происходит некоторое затишье в действиях сторон, а 12 июня рота танков контратакой в лесу, в кустах и в засеках отбрасывает противника в направлении на Лонгпон.

В дальнейшем назревают уже период контрудара Манжена с массовой танковой атакой и перелом хода событий 1918 г.

[25] Эймансбергер имеет в виду, что как на английском фронте, так и на французском фронте до Реймса включительно немцы сумели перейти к подвижным формам войны, а от Реймса и далее на юго-восток и на юг продолжала оставаться форма позиционной войны за укрепленные полосы, что связывало по рукам и ногам германское командование в свободе маневра.

[26] Вряд ли! Немцы не могли тогда же не понять с достаточной ясностью значения упорства французов на этом направлении.

С выходом немцев к лесу Виллер-Котре расстояние от германских линий до Парижа сократилось до 80 *км* и, следовательно, стало кратчайшим. При дальнейшем нажиме немцев мог произойти разрыв фронта, который приводил к отделению северной группы французской армии и всей английской от основной массы французских сил (и сосредоточивающихся американцев) на восток от Виллер-Котре и на юго-восток от Реймса. Этот район является северной точкой западной границы Марнского мешка и, наконец, этот же район представлял собою особо выгодный плацдарм для развития контрудара французов как вдоль р. Эн, так и на северо-восток.

[27] Дополнительная попытка вывести англичан из войны и захват их баз в Дюнкерке и Кале.

[28] В этот период Фош фактически уже стоял во главе всех сил Антанты.

[29] Второе сражение на Марне.

[30] В сражении на Мац, которое остановило наступление немцев на правом берегу Уазы северо-западнее Компьень.

[31] Средняя плотность на 1 *км* составляет 14 танков для первого эшелона, а с резервом — 23 танка Сопоставляем с Аррас, Мессин, 3-м Ипром и Камбрэ:

Аррас	Мессин	Ипр	Камбрэ	Суассон
$\frac{1}{3}$	$\frac{3}{6}$	$\frac{8}{15}$	$\frac{28}{31}$	$\frac{14}{23}$

(Числитель — первый эшелон, знаменатель — все танки, подведенные к полю сражения; все на 1 *км* фронта атаки.)

[32] Не для преследования, а для завершения глубокого удара и развития операции.

[33] Эвакуация немцами Марнского мешка с фронта Фонтенуа, Этрепильи, Шато-Тьери, Эперне, Реймс до линии р. Эн, р. Вель, Реймс.

[34] Противотанковый крупнокалиберный 13-*мм* пулемет был разработан ранее противотанкового ружья того же калибра, но вследствие затруднений промышленности в выполнении заказа на массовое производство этих пулеметов были выпущены ружья; пулеметы же начали поступать в армию к исходу войны.

[35] Мощность лобовой брони.

[36] Кроме того, следует иметь в виду, что в отличие от Камбрэ

в начале атаки под Суассон танки наступали в высоком хлебе, который маскировал их движение и мешал прицельному огню германских орудий сопровождения.

[37] Сражение на Мац.

[38] 153-й и 33-й дивизиям.

[39] Та же проблема была выдвинута и при Камбрэ, но в менее сложной обстановке.

[40] Намек на Камбрэ.

[41] Если конницу рассматривать как «средство транспорта» (!), то автор прав.

[42] Здесь также умышленный перегиб палки, так как моторизованная пехота, посаженная даже на многоосные или полугусеничные машины, до момента спешивания еще более забивает лесные дороги, теснины, переправы, а также и обыкновенные дороги, если грунт целины снизит скорость движения машин до 5—10 *км* (перегрев).

[43] В русском переводе Л. Дютиль, «Танки», Военгиз, 1934 г., (стр. 183).

[44] О танках «M-IV», «M-V» и «M-A».

[45] О начале движения танков за пехотой — Эллис, «Танковый корпус».

[46] Примерно, на линии Плесье, Фонтуар.

[47] Имеется в виду отместка за внезапное нападение немцев утром 6 августа; это все же вызывает сомнение, так как обычно такого рода «отместки» проводились быстрее, а в данном случае прошло уже 48 часов.

[48] На практике этого одного из крупнейших сражений величайшей войны мы видим решающее подтверждение того значительного факта, что в условиях тумана или задымления противотанковые огневые средства становятся бессильными против танков. Как в данном случае бездействовало все наличное германское противотанковое вооружение, так то же вооружение при современной численности и при современных конструкциях принуждено было бы молчать или стрелять «в белый свет, как в копейку». Но на сцену с полной действительностью должны были бы выступить такие противотанковые средства, как мины и маскированные противотанковые инженерные сооружения.

[49] Изучение скоростных данных современных танков и условий вождения машин на марше и на поле боя показывает, что наибольшая трудность и в данное время заключается в синхронизации скоростных соотношений конницы и танков. Совместное движение танков в одной колонне с конницей (как и с пехотой) исключено, — маршевые скорости несовместимы, поскольку наименьшая

маршевая скорость танков превосходит ту же скорость конницы, как минимум, в два раза, а принимая во внимание движение конницы переменным аллюром, то в период движения последней шагом разница скоростей расходится до 3—4-кратного соотношения. Снижение скоростей танков ниже технически допустимых норм немедленно нарушает требование экономичности вождения машин, что совершенно недопустимо. Единственным выходом из этого положения (но выход также паллиативный и технически и тактически) является движение танков перекатами внутри общей колонны или же, что лишь немного лучше, движение танков такими же перекатами по близлежащему смежному пути. Если танки двигаются несинхронно (в отношении средней скорости) с конницей, т. е. следуют по танковому маршевому расчету, то это движение обращается в самостоятельный танковый марш, технически наиболее выгодный, но тактически далеко не всегда допустимый, особенно при марш-маневрах вблизи противника.

Но наибольшие трудности возникают на поле боя как во время развертывания, так и во время атаки в конном строю. В ряде случаев танки значительно обгоняют конницу, работа их приобретает самостоятельный характер, и точная увязка совместных действий по объектам атаки в условиях быстро меняющейся обстановки нарушается. Танки начинают давить на те огневые точки, которые внезапным открытием огня могут сорвать конную атаку, а это — дело минутное. В ряде же случаев бросок конницы перехлестывает развертывание танков, и последние остаются за конницей, не видят целей атаки и способны лишь к эксплоатации результатов конной атаки, что влечет за собой такое положение, при котором не танки обеспечивают конницу, а наоборот, т. е. явно неверное применение. Поэтому сочетание правильного взаимодействия между этими родами войск требует особо острого тактического глазомера, учета элемента времени (минуты) и влияния местности.

[50] Вывод слишком категорический. Уже только то обстоятельство, что местами управление было сорвано, отдельные резе́рвы разогнаны и сообщения ближайшего тыла нарушены, значительно способствовало подавлению противника. При большей напористости англичан, если бы над их действиями не тяготело «математически» рассчитанное планом боя продвижение и частным начальникам предоставлялась бо́льшая инициатива (чему во многом обязаны немцы в успехах своих наступлений в 1918 г.), эффект работы 17-го автобатальона на тылах противника был бы использован значительно шире. Ведь сколько раз в этом сражении англичане останавливались перед пустыми местами! Немцы же не желают признать влияния этого эпизода во всем его значении, так же как

и в своем 35-м томе «Сражения мировой войны» не желали признать роли танков в сражении при Суассон.

[51] Неверно. Бронеавтомобили, так же «как танки», не могли и не могут применяться, а применялись и должны впредь применяться со свойственными им особенностями.

[52] Среди всех танковых боев мировой войны наиболее мощными являются три: Камбрэ — 20 ноября 1917 г., Суассон — 18 июля и Амьен — 8 августа 1918 г.

Дополнительные данные о первых двух сражениях мы приводили ранее. Здесь же приведем некоторые статистические данные о последнем из них:

а) всего танков — 500 (80 французских «Рено» в 37-й и 42-й дивизиях 31-го корпуса 1-й армии Дебенэ): в первом эшелоне — 272 (включая французские), во втором эшелоне — 228;

б) средняя плотность танков на 1 *км* фронта атаки: общая — 22,6; для первого эшелона — 12,2; для второго эшелона — 10,4 (всюду принят фронт 22 *км*);

в) среднее соотношение со своей артиллерией: общее — на 1 танк 4,5 орудия, для первого эшелона — на 1 танк 7,3 орудия;

г) среднее соотношение танков с атакующими батальонами (считая по 9 батальонов в дивизии): для всех батальонов — 5 танков на батальон, для первого эшелона — 3,3 танка на батальон;

д) среднее соотношение танков с атакованными батальонами немцев для всех танков — 11 танков на батальон, для танков первого эшелона — 6 танков на батальон.

Оценка немцами своих дивизий (от 3 августа): первая линия — вполне боеспособные 27-я и 17-я дивизии; 54-я резервная, 41-я, 225-я и 14-я годны для позиционной обороны; 13-я и 192-я годны лишь для обороны пассивных участков; 43-я резервная — небоеспособная; вторая линия — годна к позиционной обороне 108-я дивизия и небоеспособны 107-я и 109-я дивизии.

Характер танкового боя, пульсацию этого боя и положение войск, подвергнутых воздействию танковой атаки, довольно ясно можно уловить из рассказов и официальных донесений офицеров и унтер-офицеров германской армии о сражении 8 августа, помещенных в книге Бозе «Катастрофа 8 августа 1918 г.»[1].

[1] Вышла на русском языке в 3 изданиях, последнее в 1937 г.

53 После сражения под Амьен и до конца войны произошли следующие основные, с участием танков, бои:

Район боя	Число и месяц	Численность танковых частей	Тип танка	Армия
Рессон-сюр-Мац	10 августа	1 батальон	„Рено“	Французская
Тиллолуа	16 „	„	„Шнейдер“	„
Руа	17 „	1 „	„Рено“	„
Брюкси	20 „	1 „	„Шнейдер“	„
Ломбрей, Лефрен	20 „	1 „	„Сен-Шамон“	„
Намсель, Нуврон, Вингре	20 „	1 „	„Рено“	„
Бапом	21 „	2 „	„М-V“	Английская
„	21 „	2 „	„М-А“	„
„	21 „	2 „	„М-IV“	„
Камелен	21 „	1 „	„Сен-Шамон“	Французская
Ля-Жанкир	22 „	1 „	„Сен-Шамон“	„
Аррас (второе сраж.)	25 „	2 „	„М-IV“	„
Аррас	25 „	1 „	„М-А“	Английская
„	25 „	1 „	„М-V“	„
Креси-о-Мон	28 „	7 „	„Рено“	„
Сен-Миель	12 сентября	3 „	„Рено“	Французская
„ „	12 „	2 „	„Сен-Шамон“	„
„ „	12 „	2 „	„Шнейдер“	„
„ „	12 „	2 „	„Рено“	„
Аргонский лес	26 „	4 „	„Рено“	Американская
„ „	26 „	2 „	„Шнейдер“	Французская
„ „	26 „	2 „	„Сен-Шамон“	„
„ „	26 „	2 „	„Рено“	„
В Шампани	26 „	3 „	„Шнейдер“	Американская
„	26 „	2 „	„Сен-Шамон“	Французская
„	26 „	7½ „	„Рено“	„
Тиэльт	26 „	2 роты	„Рено“	„
Камбрэ (второе сраж.)	27 сентября	1 батальон	„М-IV“	„
Камбрэ (второе сраж.)	27 „	1 „	„М-А“	Английская
Камбрэ (второе сраж.)	27 „	4 „	„М-V“	„
Фермикур	27 „	1 отделение	„А-7-W“	„
„	27 „	1 „	„М-IV“ и „М-V“	Германская
К северу от Камбрэ	11 октября	1 „	„А-7-W“	„
Селль	17 „	1 батальон	„М-IV“	Английская
„	17 „	1 „	„М-А“	„
„	17 „	2 „	„М-V“	„
Нти-Верли	17 „	1 „	„Рено“	Французская
Гиз	25 „	3 „	„Рено“	„
Позиция Гундинга	25 „	3 „	„Рено“	„
Наступление к Шельде	31 „	2 „	„Рено“	„
Мобёж	4 ноября	1 „	„М-А“	Английская

[54] Это неверно. Внезапность достигалась и без танков. Классическими операциями мировой войны, решавшимися внезапностью, могут считаться следующие три операции Людендорфа:

1) атака 18-й германской армии 21 марта, решившая участь второй битвы на Сомме, с проникание на 60 *км* в глубь территории противника;

2) атака 6-й германской армии 9 апреля на р. Лис с прорывом 25-*км* фронта до 18-*км* в глубину, едва не приведшая к эвакуации англичанами своих основных баз в Дюнкерке и Кале;

3) атака 7-й и флангов 18-й и 1-й германских армий 27 мая на р. Эн, которая привела к вторичному переходу через Марну с прорывом 80-*км* фронта на глубину до 60 *км*.

[55] Вопрос об успешности воздействия авиации на противотанковые орудия до сих пор еще остается спорным. В печати мы часто встречаем мнения о малой действительности как пулеметного огня, так и бомбометания с воздуха по замаскированным с воздуха орудиям ПТО современных калибров (37—57 *мм*) и, следовательно, современного габарита.

[56] Утверждение слишком смелое и противоречит предыдущему.

[57] Довольно мощные вторые эшелоны все же имелись в сражениях при Суассон (3 батальона) и при Амьен (228 танков).

[58] При массовой танковой атаке в начале боя артиллерийский огонь может и отпасть, если он заменен естественным туманом или дымовой завесой. Но такая атака может рассчитывать на решающий успех при большой плотности атаки, ибо и танки видят с большим трудом.

[59] Если бы танки мировой войны были технически способны к длительному движению, были бы численно больше и у наступающего имелись бы вторые и третьи эшелоны, то всякий перерыв боя отпадал бы сам собой: танкам следовало непрерывно двигаться, а не останавливаться, как постоянно и было, на предельном рубеже пехотной атаки. Период их остановки постоянно совпадал с моментом наибольшего расстройства обороны противника, когда все бежало, управление находилось в состоянии почти полной дезорганизации, резервы были далеко и т. д.; постоянно отпадал элемент преследования на поле боя, т. е. развитие успеха.

[60] При «ползущей» скорости тогдашних танков.

[61] Спасательный отряд состоял из различного рода тягачей и восстановительных бригад мастеровых, в задачу коих входила эвакуация аварийных танков с поля боя. В английском танковом корпусе эти отряды не входили в штат танковых частей. Эти спасательные отряды, не имея опыта в эвакуации машин со слож-

ными авариями, в ряде случаев проявляли удивительную техническую изобретательность, устанавливая на ход такие танки, технические повреждения которых казались неустранимыми, причем работа этих отрядов протекала часто под огнем противника.

[62] См. предисловие.

[63] Намек на Австрию и Германию. Для Германии сейчас это положение уже отпало, а для Австрии начинает отпадать.

[64] В данном случае Эймансбергер делает упор на длительность сосредоточения сил для атаки в непосредственной близости от линии фронта, если атака производится без участия танков.

[65] Сражение у Мальмезон.

[66] Через Краоннское плато.

[67] Это были дивизии, растрепанные немцами в мартовских и апрельских боях на английском фронте, состояние коих признавалось небоеспособным. Как видим, эти дивизии попали из огня да в полымя.

[68] Совершенно подобный случай, если мы вспомним, был и перед сражением при Камбрэ в ноябре 1917 г.

[69] Эймансбергер, видимо, имеет в виду возможность для французов скрытно оставить позиции у Элет и Краонн и оттянуться на позиции по р. Эн. Прием — испытанный и часто весьма удачный, так как первый мощный удар атакующего и вся артиллерийская подготовка проводится впустую.

[70] Эти сроки артиллерийской подготовки со стороны немцев крайне характерны с 1918 г.; атака 21 марта Круазиль, Ля-Фер — артиллерийская подготовка 5 часов; атака 9 апреля на р. Лис — артиллерийская подготовка менее 5 часов; атака 27 мая у Шмен-де-Дам — артиллерийская подготовка 2 ч. 45 м.; атака 9 июня на участке Мондидье—Нуайон—артиллерийская подготовка 3 ч. 30 м.; атака 15 июля восточнее Реймса — 3 ч. 40 м.

[71] Отход немцев на позицию Зигфрида перед наступлением англо-французов у Шмен-де-Дам и Аррас весной 1917 г.

[72] В русском переводе выпущены два труда Брухмюллера: «Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне» ВВРС, 1923 г. и «Артиллерия при наступлении в позиционной войне», Военгиз, 1933 г.

[73] В русском переводе Черчилль, «Мировой кризис», Военгиз, 1933 г.

[74] Шпионажу.

[75] Тут у автора какая-то неувязка. Эймансбергер отлично понимает и сам в дальнейшем говорит о целесообразности замедления движения резервов всех видов при помощи воздушных атак.

[76] Этот взгляд является несколько устаревшим и мог считаться

правильным лишь 3—4 года тому назад. Последние данные, проникающие в печать, свидетельствуют об определенном сдвиге французского танкостроения в сторону быстроходных танков, т. е произошло совпадение с общим для всех стран направлением конструктивной, а следовательно, и тактической мысли. О размахе и характере применения танков см. книгу Де-Голя, «Vers L'armée de métier», выпущенную в 1936 году Воениздом в русском переводе под заглавием: «Профессиональная армия».

[77] Мы не можем согласиться с таким упрощенным взглядом на английскую стратегию. В части огромного значения танков и бронеавтомобилей для удержания англичанами колоний автор прав; это подтверждается применением броневых средств при подавлении многочисленных национально-освободительных восстаний за период после мировой войны. Среди танков создан общеизвестный специальный 12-т «колониальный» танк Виккерса, а ряд систем бронеавтомобилей приспособлен для специально боевой работы в особых условиях местности и климата колоний.

Однако, борьба за колонии заключается не только в подавлении эксплоатируемого коренного населения. Она приводит к схваткам между крупнейшими империалистическими государствами, причем ареной войны является как территория самих колоний, так и метрополия.

[78] В этом отношении автор, несомненно, прав. Но трудность установления классификации заключается в следующем.

По вооружению классификация в достаточной мере затруднительна в силу того, что танки, вооруженные лишь одними пулеметами, мало пригодны для борьбы против броневых машин. Вследствие этого в современном танкостроении отмечается общая тенденция унифицировать вооружение, снабжая все машины как пулеметным, так и пушечным вооружением; как крайняя мера в танках небольшого размера еще встречается установка крупнокалиберного пулемета. Однако, последний способ вооружения имеет тот недостаток, что, с одной стороны, крупнокалиберный пулемет является весьма неэкономным оружием в борьбе с живыми целями, а с другой стороны — не все танки могут быть поражены огнем этих пулеметов. Отсюда подразделение танков на пушечные и пулеметные не имеет ни твердой базы, ни перспективы на будущее.

Классификация по мощности артиллерийских калибров также крайне шаткая, поскольку некоторые системы танков, иногда с небольшими конструктивными переделками, могут нести на себе пушки как мелкокалиберные, так и тяжелые (см. эволюцию вооружения ряда легких танков); отнесение последних

танков к артиллерийским не совсем верно, ибо они в целом ряде случаев могут и должны быть использованы на общих со всеми танками основаниях (мы не имеем в данном случае в виду специальные самоходные артиллерийские установки).

Многопушечные танки по своему назначению могут быть в достаточной степени разнообразны, и основаниями для их классификации должны быть тактические соображения, но никак не вооружение.

По численности состава экипажей танков классификация установлена быть не может, ибо этот фактор отнюдь не является главной причиной характеристики боевой машины; кроме того, в известных современных машинах состав экипажей крайне разнообразен (одноместные, двухместные, трехместные, четырехместные и т. д. до численности свыше десятка человек); этот способ классификации также мало удовлетворителен и в смысле удобств терминологии.

Тактические признаки для классификации остаются наиболее желательными, но все же трудно достижимыми. Современный танк вполне применим и как «танк сопровождения пехоты» и как танк, пригодный для броневых соединений английской или американской формации. Из данного соображения отпадают тихоходные танки устаревших конструкций, еще не снятых с вооружения в армиях ряда стран. Скоростные данные современных танков не так уж различны, чтобы этот фактор имел решающее значение. Варьирование же танковыми конструкциями ради удовлетворения самых разнообразных тактических требований приводит к множеству типов и затрудняет производство, поэтому во всех армиях предпочитают итти по линии уменьшения многотипности и создания возможно более унитарных машин. Например, различные модели «разведывательного» танка Виккерса с успехом могут быть применены и в качестве боевых танков в линейных частях и как танки сопровождения пехоты и конницы. Дальнобойность тяжелых танков все возрастает, что делает их пригодными не только для целей прорыва укрепленных позиций, но и для решения более глубоких задач (например, тяжелый 32-*т* «Индепендент» Виккерса имеет скорость 20—30 *км* в час, а емкость его баков достигает 250 *л*).

Варианты скоростных данных в конечном счете имеют тенденцию в сторону допустимого увеличения скоростей для всех типов танков, ибо этот фактор является почти решающим в танкостроении, о чем свидетельствуют все последние известные конструкции за рубежом.

Вследствие всех изложенных причин до сих пор вес танков и

бронеавтомобилей еще остается одним из наиболее типичных признаков определения их класса.

Исходя из сопоставления всех известных моделей танков и их тенденций развития, можно различать следующие пять типов:

1. Малые танки — от 1,0 до 4 *т*.
2. Легкие танки — от 4 до 12 *т*.
3. Средние танки — от 12 до 25—30 *т*.
4. Тяжелые танки — от 30 до 60—80 *т*.
5. Сверхмощные танки — свыше 80 *т*.

Бронированные автомобили по весовым данным делятся на три типа:

1. Легкие бронеавтомобили — до 4 *т*.
2. Средние бронеавтомобили — до 6 *т*.
3. Тяжелые бронеавтомобили — свыше 6 *т*.

[78] Там же вполне применимы танковые рации для связи с артиллерией и пехотой.

[80] Мощная армия активного «прикрытия», имеющая своей целью прикрыть стратегическое развертывание и сосредоточение всех сил своей армии путем перенесения действия на территорию противника с первых же часов войны, отнюдь не исключает необходимости наличия мощной оборонительной полосы, расположенной параллельно государственной границе и в непосредственной близости от нее. Это является аксиомой всякой серьезной стратегии, так как без укрепления своей б а з ы войну могут вести лишь полководцы, действия коих обречены на верное поражение. Поскольку в современных условиях «базой» является вся территория страны, то отсюда вытекает и стремление укрепить ее как можно ближе к государственной границе, с одной стороны, обеспечивая выигрышем расстояния свои жизненные центры и, с другой стороны, обеспечивая себе маневренные пространства. Все это приобретает особое значение для государств с ограниченной территорией, поскольку скорость и дальнобойность современных вооруженных сил не исключают возможности углубления на с о т н и километров на территорию противника в течение первых же дней войны. Поэтому в решении французов иметь и активную армию прикрытия и мощную оборонительную систему по своей границе противоречий нет. Кроме того, это не является какой-либо особой новостью. Как известно, пояс приграничных крепостей издавна существовал почти во всех государствах; ныне же вместо крепостей возводятся долговременно укрепленные полосы.

[81] Современные нормы колеблются между 50 и 100 *м*.

[82] Подход неверен. Если балистика орудия допускает достаточно точный огонь на большие дистанции, а видимость и прицельные

приборы допускают наблюдение за целью, то огонь будет открываться с возможно большей дистанции с расчетом как можно скорее поразить противотанковое орудие. Броня же танка в данном случае особой роли не играет.

[83] Вряд ли стоит опасаться такого отклонения, так как противотанковые пушки, в пределах этого веса, практически введены на вооружение почти во всех армиях. Стремление же к облегчению веса остается естественным требованием и составляет задачу конструкторов. История развития стрелкового и артиллерийского оружия показывает, что увеличение дальнобойности (начальной скорости), точности боя, скорострельности, многозарядности, автоматичности (или полуавтоматичности) оружия определенного боевого назначения идет сплошь и рядом и с одновременным уменьшением веса как за счет усовершенствования деталей, так и за счет внесения новых технических принципов (эволюция ручного оружия, легкого пулемета, станкового пулемета, многих систем полевой артиллерии).

[84] Это имеет весьма относительное значение. Косоприцельный и противотанковый огонь остается наиболее выгодным и действительным видом огня против подавляющего большинства целей; против танков он также имеет огромные выгоды, ибо бортовая поверхность танка представляет большую прицельную плоскость, чем лобовая, несмотря на большую трудность стрельбы по цели, двигающейся облически или вдоль фронта оружия. Все современные требования к расположению огневых противотанковых точек в основном сводятся к удобству ведения флангового или косоприцельного огня, а массовость этого оружия допускает самые различные комбинации построения системы огня. Поэтому мощность лобовой брони не имеет такого решающего значения, как об этом пишет автор. Кроме того, дистанция 500 *м* является для противотанковой пушки критической, ибо танковый огонь приобретает с такой дистанции исключительно высокую убойность и повсеместно отмечаются тенденции к стрельбе противотанковых пушек со значительно бо́льших дистанций.

[85] Мы считаем более чем странным предложение автора лишить пехоту ее наиболее мощного огневого средства — ее станковых пулеметов — и именно того оружия, которое только что привело к перевороту в военном искусстве XX столетия. Никем и ничем не доказано снижение значения станкового пулемета в борьбе с живыми целями. Поэтому массовое устранение станковых пулеметов и снисходительный отвод им места в стрелковых ротах (что, кстати, и существует в данное время в ряде армий) вызывают недоумение. Чувствуя шаткость такой позиции, автор строчкой ниже предла-

гает «так или иначе» внедрить роту противотанковых орудий в батальон, и здесь, видимо, он становится на более верный путь.

[86] Для тяжелой, в равной степени как и для легкой, поскольку 2—3—5 *км* отдаленности ее позиции от позиции легкой артиллерии для танковой атаки роли не играют.

[87] Это неверно. Французский танковый полк был равен английской танковой бригаде, поскольку в обоих случаях они представляли соединения, состоящие из нескольких батальонов. Но французы пошли дальше и организовали танковые бригады, состоящие из нескольких полков.

[88] Это далеко не обосновано и не является решенной тенденцией. Даже на малых танках часто предусмотрено пушечное вооружение как пока единственное оружие, при помощи которого танк может вести бой с танком. Имеется ряд образцов небольших мелкокалиберных пушек (в основном 37-*мм*), размер которых позволяет им вписаться в габарит малых башен. При единоборстве между танком, вооруженным подобной пушкой, и танком, вооруженным нормальной мощной танковой пушкой, второй танк имеет преимущество в дистанции открытия огня и в количестве снарядов, но первый танк все же имеет возможность сопротивляться, а иногда и атаковать. Самый современный танк без пушечного вооружения при встрече даже с устарелой системой бронированной машины, но вооруженной пушкой, должен уходить и как можно скорее.

[89] Эймансбергер переходит к схеме построения глубокого боя и глубокой операции.

Суточный размах дальнобойности первого дня атаки ограничен 60 *км*.

[90] Решение и после всего сказанного все же остается не единственным. Если имеется гарантия в возможности упорядочить управление танками после преодоления ими 6-*км* первой полосы обороны (хотя бы остановкой расстроенного атакой первого эшелона и пропуском более организованных последующих эшелонов), то прорыв второй полосы с равным успехом не исключен.

[91] Несмотря на отведение пехоте в основном «полицейских» функций, сводящихся к аресту расстроенных танками защитников оборонительной полосы, мы должны отметить, что равномерность распределения сил пехоты по всему фронту и ширина фронта атак дивизий (6 *км*) мало соответствуют правильно заложенной идее сосредоточения сил атаки на важнейшем направлении. Вряд ли эффект атаки будет достаточен, если каждой атакующей дивизии будет соответствовать равный фронт обороняющейся дивизии (несмотря на танки атакующего).

[92] Требования Эймансбергера, как мы видим, не так уже велики.

По отношению к Камбрэ и Амьен эта плотность превышает их только в 2 раза (Камбрэ — 28,31 и Амьен — 26,6).

[93] Как бы на земле быстротечен ни был бой, вряд ли целесообразно совершенно исключать воздействие авиации на ближайший войсковой тыл.

[94] Задача, конечно, непосильная, да и не безусловно необходимая; при многодневных артиллерийских подготовках значительно большим числом орудий, чем в данном случае, никогда не удавалось нейтрализовать полностью огневые средства артиллерии обороны; а тут считанные минуты.

[95] Непонятно, чем вызвано представление автора о необходимости движения в этот период танков в сомкнутом строе. Как и правильно требует большинство танковых уставов, в данном случае движение должно происходить расчлененно по фронту и в глубину; развертывание в боевой порядок произойдет после прохода своей пехоты или еще позже (вторые эшелоны).

[96] Только так и следует подходить при изучении всей главы. Эймансбергер дает свою теорию вопроса массовой танковой атаки.

[97] С этим согласиться трудно. Если танки не имеют прямой задачей уничтожить пехоту обороны и ее противотанковые орудия, то собственно их роль сводится к простому «проскакиванию» через полосу обороны, а не к подлинному бою; при таком положении, пожалуй, дымовой снаряд явится основным снарядом. Танки должны именно вести бой и уничтожить систему обороны; поэтому, несомненно, будут применены и фугасные и частично бронебойные танковые снаряды, а также уничтожение огневых средств живой силой танков.

[98] Действия авиации в такой постановке, конечно, неверны. Фактически современные взгляды сводятся к ясным способам действий: в подобный момент истребители будут заниматься своим делом — атаковать авиацию противника, а штурмовики — истреблять земные цели.

[99] Тут автор впадает в противоречие: артиллерийская подготовка, которая лишала атаку внезапности, подменяется авиационной «пожарной» подготовкой района предстоящего прорыва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 5
Введение 19

Глава I. Танковые бои во время мировой войны

Развитие основных тактичсеких положений до Камбрэ . . . 23
Сражение во Фландрии (август — ноябрь 1917 г.) 24
Камбрэ (20 ноября — 6 декабря 1917 г.) 26
Бой 33
Выводы 43
Танки в оборонительном сражении 51
Танки во встречном бою 52
Выводы 56
Танковый бой у Суассон (18—31 июля 1918 г.) . . . . . —
Выводы 68
Сражение при Амьен (8 августа 1918 г.) 74
Выводы 92
Отступление немцев 105
Общее заключение 108

Глава II. Баланс 1918 г.

Массовая танковая атака 110
Внезапность . . . . . —
Вывод из строя огневых средств противника 111
Повышение действительности оружия наступающего . 112
Взаимодействие во время танковой атаки 113
Организация обороны 114
Развитие прорыва танков за сферу действия полевой артиллерии 115
Танковые бои 118
Потери танков 119
Потери убитыми и ранеными 121
Потери машинами 122
Выводы 124

Глава III. Пересмотр баланса

Сражение при Суассон и Реймс (27 мая — 3 июня 1918 г.) 128
Замечания 135
Наступление на Марне и в Шампани (15—17 июля 1918 г.) 138
Замечания 143

Стр.

Потери во время наступательных артиллерийских сражений 1918 г. 147
Выводы 149

Глава IV. Развитие танков после войны

Техническое развитие 158
Применение танков в бою 162

Глава V. Оборона

Введение 169
Предпосылки . . . . . —
Позиционная война . . . . . —
Оборона 172
Постановка проблемы . . . . . —
Пехотная пушка 173
Конструкция орудия 176
Необходимое количество орудий 180
Распределение 182
Боевые порядки пехотных орудий 185
Соотношение сил между стрелковыми и орудийными ротами 192
Полки пехотных орудий 194
Применение пехотных пушек при резервах . . . . —
Дивизионная артиллерия 195
Оборонительные позиции 197
Упругая оборона во время мировой войны 198
Противотанковая оборона 200
Организация обороны 202
Выводы 209
Резервы командования . . . . . —
Для обороны . . . . . —
Резервы для контратаки 213
Исследование обороны 214
Артиллерийская атака . . . . . —
Приспособление обороны к различной обстановке . . 219
Выводы 224

Глава VI. Атака

План современного танкового сражения при Амьен (8 августа 193... г.) 226
Постановка задачи . . . . . —
Описание поля сражения 227
Старая система позиций, оставшаяся от предыдущих боев, как препятствие для танков . . . . . —
Боевой состав быстроходных дивизий 230
Боевой состав моторизованных дивизий . . . . . —
Боевой состав танковой дивизии 233
Организация быстроходных дивизий 240
Предпосылки для современного танкового сражения при Амьен (8 августа 193... г.) 241

Стр.

Задача . . . . . —
Разработка основных положений плана 244
Метод атаки 246
Туман . . . . . —
План атаки 248
Первый день сражения 249
План прорыва первой позиции . . . . . —
План прорыва второй позиции 259
План наступления третьего ударного эшелона танковой армии 269
Положение 8 августа 193... г. около 21 часа в первый день сражения 278
Потери 281
Развертывание для сражения 283
План дальнейших дней сражения 287
Потребные силы . . . . . —
Критика 290

Глава VII. Общий вывод

Танк 293
Стратегия 297

Примечания к русскому изданию 303

Сдано в производство 22/VI-37. Объем 21,5 п. л. + 1 вкл. 1½ п. л., 18,6 авт. л.
Подписано к печати 23/VIII-37. В бум. листе 68.800 знаков
Формат бумаги 84 × 108/32

Уполн. Главлита № Г—7353 Изд. № 242 Зак. № 328

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Цена книги 3 р. 75 к., переплета 1 р. 50 к.

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

M12604

MI2604

Схема 1. Общая схема западного фронта в 1918 г.

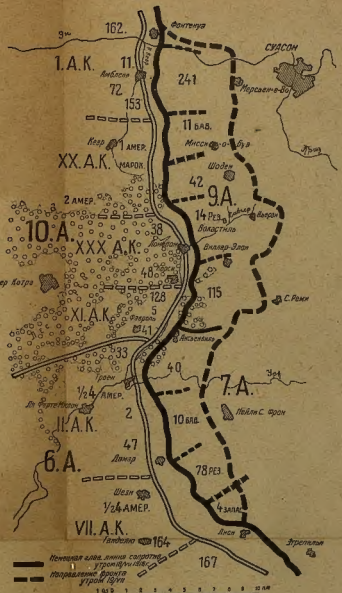


Схема 4. Танковое сражение при Суассон 18 июля 1918 г.

Схема 5. Танковое сражение под Амьен 8 августа 1918 г.

Схема 6. Сражение при Суассон и Реймсе.

Схема 7. Сражение при Амьен 8 августа 19... г.